

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский
Томский политехнический университет»

ISSN 1684-8519

ИЗВЕСТИЯ

ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 320, № 6, 2012

Экономика. Философия,
социология и культурология.
История

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТПУ

г. Томск

ИЗВЕСТИЯ ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редакционный совет:

Чубик П.С. (председатель), д.т.н., ректор ТПУ (г. Томск)
Власов В.А. (зам. председателя), д.ф.-м.н.,
проректор ТПУ по НИИ (г. Томск)
Алексеенко С.В., д.ф.-м.н.,
чл.-корр. РАН (г. Новосибирск)
Болдырев В.В., д.х.н., академик РАН, (г. Новосибирск)
Боровиков Ю.С., к.т.н. (г. Томск)
Гуляев Ю.В., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Москва)
Дамам Ж., д.н. (Франция)
Дмитриев А.Ю., к.т.н. (г. Томск)
Долматов О.Ю., к.т.н. (г. Томск)
Ершов Ю.Л., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Новосибирск)
Клименов В.А., д.т.н. (г. Томск)
Конторович А.Э., д.г.-м.н., академик РАН (г. Новосибирск)
Крёнинг М., д.н. (Германия)
Летников Ф.А., д.г.-м.н., академик РАН (г. Иркутск)
Мазуров А.К., д.г.-м.н. (г. Томск)
Месяц Г.А., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Москва)
Михайленко Б.Г., д.ф.-м.н.,
академик. РАН (г. Новосибирск)
Накоряков В.Е., д.т.н., академик РАН (г. Новосибирск)
Панин В.Е., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Томск)
Сигов А.С., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Москва)
Сигфуссон Т.И., д.н. (Исландия)
Сонькин М.А., д.т.н. (г. Томск)
Третьяков Ю.Д., д.х.н., академик РАН (г. Москва)
Турнаев В.И., д.и.н. (г. Томск)
Филиппов Г.А., д.т.н., академик РАН (г. Москва)
Чайковский Д.В., к.ф.н. (г. Томск)
Шень Джаоли, д.н. (Китай)
Яковлев А.Н., к.ф.-м.н. (г. Томск)

Редакционная коллегия:

Власов В.А. (гл. редактор), д.ф.-м.н.
Коробейников А.Ф. (зам. гл. редактора), д.г.-м.н.
Могильницкий С.Б. (ученый секретарь), к.ф.-м.н.
Барышева Г.А., д.э.н.
Заворин А.С., д.т.н.
Григорьев В.П., д.ф.-м.н.
Корниенко А.А., д.ф.н.
Кривобоков В.П., д.ф.-м.н.
Лисицын В.М., д.ф.-м.н.
Погребной В.К., д.т.н.
Потылицын А.П., д.ф.-м.н.
Усов Ю.П., д.т.н.
Филимонов В.Д., д.х.н.

Журнал зарегистрирован Министерством
Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-16615 от 24 октября 2003 г.
Учредитель: Томский политехнический университет

Издается с 1903 г.

BULLETIN OF THE TOMSK POLYTECHNIC UNIVERSITY

Editorial Board:

Chubik P.S. (Chairman), D.E., rector of TPU (Tomsk)
Vlasov V.A. (Deputy chairman), Phys. and Math. D. Sc.,
pro-rector of TPU for Research and Innovation (Tomsk)
Alekseenko S.V., Phys. and Math. D. Sc.,
corresponding member of RAS (Novosibirsk)
Boldyrev V.V., D. Chem., member of RAS (Novosibirsk)
Borovikov Yu.S., Candidate of Science (Tomsk)
Gulyaev Yu.V., Phys. and Math. D. Sc., member of RAS (Moscow)
Damamme G., Phys. and Math. D. Sc. (France)
Dmitriev A.Yu., Candidate of Science (Tomsk)
Dilmatov O.Yu., Candidate of Science (Tomsk)
Ershov Yu.L., Phys. and Math. D. Sc., member of RAS (Novosibirsk)
Klimenov V.A., D.E. (Tomsk)
Kontorovich A.E., Geol. and Mineral. D. Sc., member of RAS (Novosibirsk)
Kröning M., Dr.h.c. (Germany)
Letnikov F.A., Geol. and Mineral. D. Sc., member of RAS (Irkutsk)
Mazurov A.K., Geol. and Mineral. D. Sc. (Tomsk)
Mesyats G.A., Phys. and Math. D. Sc., member of RAS (Moscow)
Mikhailenko B.G., Phys. and Math. D. Sc.,
member of RAS (Novosibirsk)
Nakoryakov V.E., D. E., member of RAS (Novosibirsk)
Panin V.E., Phys. and Math. D. Sc., member of RAS (Tomsk)
Sigov A.S., Phys. and Math. D. Sc., member of RAS (Moscow)
Sigfusson T.I., Ph. D. (Island)
Sonkin M.A., D. E. (Tomsk)
Tretyakov Yu.D., D. Chem., member of RAS (Moscow)
Turnaev V.I., Ph. D. (Tomsk)
Filippov G.A., D.E., member of RAS (Moscow)
Chaikovskij D.N., Candidate of Science (Tomsk)
Shen Zhaoli, Ph. D. (China)
Yakovlev A.N., Candidate of Science (Tomsk)

Editorial:

Vlasov V.A. (Editor in Chief), Phys. and Math. D. Sc.
Korobeinikov A.F. (Deputy Editor in Chief), Geol. and Mineral. D. Sc.
Mogilnitsky S.B. (Science Secretary), Candidate of Phys. and Math. Sc.
Barysheva G.A., Ec. D.
Zavorin A.S., D.E.
Grigoriev V.P., Phys. and Math. D. Sc.
Kornienko A.A., Ph. D.
Krivobokov V.P., Phys. and Math. D. Sc.
Lisitzyn V.M., Phys. and Math. D. Sc.
Pogrebnoy V.K., D.E.
Potylitzin A.P., Phys. and Math. D. Sc.
Usov Yu.P., D.E.
Filimonov V.D., D. Chem.

Подписной индекс по каталогу
Агентства «Роспечать» – 18054

Журнал рассылается в адреса 50-и библиотек РФ,
США, ФРГ, Великобритании, Франции
и 9-и стран ближнего зарубежья

Полнотекстовый доступ к электронной версии
журнала возможен на сайтах ТПУ: portal.tpu.ru/izvestiya/;
ООО «Научная электронная библиотека»:
www.elibrary.ru, www.e-library.ru,
а также поисковой системы scholar.google.com

Импакт-фактор РИНЦ 2011 г. 0,210

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА		ECONOMICS	
Шоковые состояния фондового рынка и их влияние на экономическую систему Кочнев А.И., Кочнева О.П.	5	Stock market shocks and their influence on economic system Kochnev A.I., Kochneva O.P.	5
Интеграция метода ориентации на спрос в систему ценообразования сети розничной торговли Калашникова Т.В., Извеков Н.Ю.	9	Integration of the demand orientation method into retail network pricing Kalashnikova T.V., Izvekov N.Yu.	9
Анализ процессов интеграции томских вузов в инновационную экономику в период кризиса Спицын В.В.	13	The analysis of Tomsk universities integration into innovation economy under the crisis Spitsyn V.V.	13
Совершенствование корпоративной культуры коммерческого банка посредством мотивации сотрудников Михальченко Е.В., Шевелев Г.Е.	18	Improvement of corporate culture in commercial bank by means of staff motivation Mikhalchenko E.V., Shevelev G.E.	18
Влияние ломбардной индустрии на рынок потребительского кредитования в условиях финансового кризиса Мацневский Н.С.	22	The influence of lombard industry on consumer crediting market under financial crisis Matsievsky N.S.	22
Применение SWOT-анализа для оптимизации систем управления на предприятиях на примере рынка недвижимости Плучевская Э.В., Кондратьева А.А.	28	SWOT-analysis application for control system optimization at enterprises by the example of real estate market Pluchevskaya E.V., Kondratyeva A.A.	28
Сравнительный анализ экономической эффективности методов повышения эксплуатационной надежности промысловых трубопроводов Федин Д.В., Бархатов А.Ф., Вазим А.А.	32	Comparative analysis of economic efficiency of the techniques for increasing field pipeline service reliability Fedin D.V., Barkhatov A.F., Vazim A.A.	32
Вовлечение рабочей силы в систему международных трудовых отношений Шаболотов Т.Т.	36	Labor involvement into the system of international employment relationship Shabolotov T.T.	36
РЕСУРСОЭФФЕКТИВНОСТЬ		RESOURCE EFFICIENCY	
Ресурсоэффективность – основа устойчивого развития цивилизации Дульзон А.А., Ушаков В.Я., Чубик П.С.	39	Resource efficiency is the base of civilization sustainable development Dulzon A.A., Ushakov V.Ya., Chubik P.S.	39
«Основы ресурсоэффективности» – дисциплина в учебных планах ТПУ Дульзон А.А., Петровская Т.С., Ушаков В.Я.	47	«The bases of resource efficiency» is the new discipline in curriculums of TPU Dulzon A.A., Petrovskaya T.S., Ushakov V.Ya	47
ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ		PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCE AND CULTURAL STUDIES	
Когнитивный анализ фундаментальных оснований науки Черникова Д.В., Черникова И.В.	51	Cognitive analysis of science fundamental bases Chernikova D.V., Chernikova I.V.	51
Онтологические основания проблемно-ориентированных исследований Ардашкин И.Б.	56	The ontologic bases of problem-oriented researches Ardashkin I.B.	56
Генезис социальной инженерии в контексте междисциплинарности Моисеева А.П.	64	Genesis of social engineering in the context of interdisciplinarity Moiseeva A.P.	64
Социальная инженерия как дисциплинарно-организованное знание Моисеева А.П.	70	Social engineering as disciplinary-organized knowledge Moiseeva A.P.	70
К вопросу о понимании истины в современной эпистемологии Чмыхало А.Ю.	76	On the issue of truth understanding in modern epistemology Chmykhalo A.Yu.	76
Автотрофное человечество – глобальный феномен современной культуры Московченко А.Д.	81	Autotrophic mankind is a global phenomenon in modern culture Moskovchenko A.D.	81
М. Мак-Люэн и Ж. Бодрийяр: сопоставление взглядов на этапы эволюции человека и копии Вельганюк В.В.	85	M. McLuhan and J. Baudrillard: comparison of views of human evolution stages and copies Velganyuk V.V.	85
Плотин и Вячеслав Иванов: идея единства Сычева С.Г.	89	Plotinus and Vyacheslav Ivanov: idea of unity Sycheva S.G.	89
Когнитивный потенциал мифа в контексте современной научной картины мира (к критике структуралистской концепции мифа Р. Барта) Тычкин П.Б.	94	Cognitive potential of myth in the context of modern scientific world view (on the criticism of myth structuralistic concept of R. Barth) Tychkin P.B.	94
Мифотворчество В.С. Соловьева в границах религиозно-антропологической проблематики Шелудченко Д.А.	100	Myth creation of V.S. Solovyev within the boundaries of religious-anthropologic problems Sheludchenko D.A.	100
В поисках новой гражданской общественности Резник Ю.М.	106	In search of new civil public sphere Reznik Yu.M.	106
Образование в ракурсе философии успеха Степанова С.Н.	112	Education in the context of the philosophy of success Stepanova S.N.	112

Психолого-педагогический анализ категории «психологическая готовность» Жукова В.Ф.	117	Psychology and pedagogical analysis of the notion «psychological readiness» Zhukova V.F.	117
Концептуализация эстетического в классической и постклассической культурной ситуации Думинская М.В.	122	Conceptualizing the aesthetic issues in classical and post-classical cultural situation Duminskaya M.V.	122
Соотношение понятий «профессионализм» и «компетентность» в современном культурном контексте Родермель Т.А.	125	The ratio of notions «professionalism» and «competence» in modern cultural context Rodermel T.A.	125
Формирование информационной культуры общества как фактора элиминации негативных эффектов информатизации Манжуева О.М.	128	Forming the information culture in the society as the factor of elimination of informatization negative effects Manzhueva O.M.	128
Дискурсивные особенности современной университетской газеты Максимов В.В., Найдёв Е.В., Серебренникова А.Н.	131	The discursive feature of modern university newsletter Maksimov V.V., Nayden E.V., Serebrennikova A.N.	131
Культурогенные функции персонального имени в дискурсе университетской газеты (на материале газеты ТПУ «За кадры») Максимов В.В.	135	Culturogenic functions of a personal name in university newsletter discourse (based on the material of TPU newsletter «Za kadry») Maksimov V.V.	135
Использование аналитики при создании бренда территории Шапкина Ю.В.	141	Analytics use at creation of the territory brand Shapkina Yu.V.	141
Об интерпретации знаковой природы костюма мордвы Шигурова Т.А.	146	On the interpretation of sign nature in mordvinian suit Shigurova T.A.	146
Законотворчество как форма документоведческой деятельности Стефановская Н.А., Кривошчапова Е.В.	149	Stages of documenting in legislative activity Stefanovskaya N.A., Krivoshchapova E.V.	149
Электронная цифровая подпись как фактор сохранения целостности и аутентичности документа Астахова Т.С., Чадаева Е.П.	153	The electronic digital signature as the factor of preserving the document integrity and authenticity Astakhova T.S., Chadaeva E.P.	153
ИСТОРИЯ		HISTORY	
Развитие архивного дела в российской провинции до XX века Медведева О.В., Сенина Е.С.	158	The development of archival business in Russian province till the XX th century Medvedeva O.V., Senina E.S.	158
Документы местных органов политической цензуры СССР 1922–1991 гг. Булюлина Е.В., Токарева Л.С.	162	Documents of local political censorship bodies in the USSR in 1922–1991 Bulyulina E.V., Tokareva L.S.	162
Деятельность архимандрита Тихона на посту ректора Холмской духовной семинарии по материалам Холмско-Варшавского епархиального вестника 1892–1897 гг. Шабанова Т.В.	167	Archimandrite Tikhon activities as the rector of the Chelm theological seminary on the materials of Kholmisk-Warsaw Diocesan Gazette (1892–1897) Shabanova T. V.	167
РЕФЕРАТЫ СТАТЕЙ	173	SUMMARIES	173
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	177	INFORMATION ABOUT AUTHOR	177

УДК 336.761

ШОКОВЫЕ СОСТОЯНИЯ ФОНДОВОГО РЫНКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ

А.И. Кочнев, О.П. Кочнева*

Юргинский технологический институт при ТПУ

*Кемеровский государственный университет

E-mail: aikochnev@ngs.ru

Анализируется возникновение шоковых состояний фондовых рынков и их влияние на динамику экономической системы. Обоснована необходимость регулирования фондовых рынков.

Ключевые слова:

Фондовый рынок, шоковые состояния, капиталовооруженность, инвестиции, институты.

Key words:

Stock market, shocks, fixed capital per worker, investments, institutes.

В современной экономике финансовые рынки имеют огромное значение, поскольку они выполняют важную функцию: мобилизуют свободные денежные средства (накопления) для использования их экономическими агентами в хозяйственной деятельности, т. е. финансирования капиталовложений. Именно на финансовых рынках сконцентрирована большая часть финансовых ресурсов современных экономик. Фондовый рынок представляет собой площадку, среду, которая превращает сбережения в инвестиции.

Эффективность фондового рынка экономической системы оценивается исходя из соотношения накопленных сбережений и инвестиций. Если сбережения равны инвестициям, то фондовый рынок эффективен, т. к. средства, временно не используемые контрагентами в собственных целях, используются для финансирования инвестиционных проектов. Таким образом, обеспечивается вовлечение в хозяйственный оборот временно свободных средств.

Оценить взаимосвязь фондового рынка и реального сектора экономики можно на основе модели Р. Солоу. Данная модель устанавливает, что сбережения необходимы для инвестирования прироста используемого в экономической системе капитала. В случае, если достигнут оптимальный уровень капиталовооруженности, сбережения используются исключительно для инвестирования в целях компенсации выбывающего капитала, т. к. в долгосрочной перспективе оптимальный уровень капиталовооруженности не изменяется.

В экономической системе, в которой достигнут оптимальный уровень капиталовооруженности

(т. е. устойчивый в долгосрочной перспективе), уровень износа капитала определяет спрос на финансирование капиталовложений (инвестиции), который удовлетворяется за счет внутренних сбережений. В этом случае на фондовом рынке объем спроса на инвестиции стабилен и его изменения во времени предсказуемы. Трудно предсказуемый параметр в такой системе – предложение, которое может быть выше или ниже спроса в зависимости от изменения склонности к сбережению населения, однако доходность инвестиций корректирует объем предложения, обеспечивая в долгосрочной перспективе рыночное равновесие фондового рынка.

На фондовый рынок привлекаются временно свободные средства контрагентов, которые могут быть в любой момент отозваны инвесторами, соответственно, возникает проблема обеспечения непрерывности финансирования инвестиционных проектов, с одной стороны, и обеспечения ликвидности долей участия в инвестиционных проектах (возможности отозвать вложенные средства в любой момент), с другой стороны. Поскольку инвестиционные проекты являются долгосрочными, возврат средств непосредственно из инвестиционных проектов представляется затруднительным или не возможным. Компенсация со стороны других участников инвестиционного проекта также может быть затруднительной или не возможной по причине ограниченности сбережений у каждого конкретного контрагента. Таким образом, возникает противоречие между потенциальной возможностью отзыва инвесторами вложенных средств и долгосрочным характером инвестиционных про-

ектов. Данное противоречие разрешает вторичный фондовый рынок.

В любой момент времени в экономической системе присутствует достаточный уровень сбережений для финансирования замещения выбывающего капитала. Достаточность сбережений в целом в экономической системе не означает, что у субъектов, которые инвестировали свои сбережения ранее, не может возникнуть необходимости их отозвать до истечения срока инвестиционного проекта, а также не означает, что сбережения не могут появиться у других субъектов, которые готовы заместить выбывающего из инвестиционного проекта инвестора. Вторичный фондовый рынок обеспечивает перераспределение долей участия в инвестиционных проектах от инвесторов, которые хотят отозвать вложенные средства в пользу тех контрагентов, которые имеют сбережения и готовы заместить выбывающих инвесторов в соответствующих инвестиционных проектах.

Вторичный фондовый рынок предоставляет возможности инвесторам досрочно получить вложенные средства, но не напрямую, а посредством передачи долей участия в инвестиционных проектах другим инвесторам, что гарантирует участникам инвестиционных проектов долгосрочность привлечения денежных средств на первичном фондовом рынке, т. е. дает уверенность в том, что привлеченные для реализации инвестиционных проектов средства не будут отозваны до конца срока реализации инвестиционных проектов. Одновременно с этим вторичный фондовый рынок выступает индикатором, инструментом промежуточной оценки перспектив вложений в инвестиционные проекты на текущий момент, что позволяет потенциальным инвесторам выбирать наиболее привлекательные направления инвестирования по соотношению доход/риск как на вторичном фондовом рынке, так и на первичном фондовом рынке.

Таким образом, фондовый рынок представляет собой не однородную структуру. Первичный фондовый рынок позволяет разместить временно свободные денежные средства в инвестиционных проектах, получая вознаграждение. Вторичный фондовый рынок позволяет перераспределить вложения от инвесторов, желающих использовать свои средства самостоятельно, к тем инвесторам, которые имеют временно свободные денежные средства, а также в результате такого перераспределения произвести промежуточную оценку перспектив того или иного инвестиционного проекта, выражающуюся в разнице первоначальной цены размещения средств в инвестиционном проекте в расчете на одну долю участия и цене реализации этой доли на вторичном фондовом рынке.

Уступка долей участия в инвестиционных проектах производится по рыночной цене (цене соглашения сторон), которая может превышать первоначально уплаченную сумму, так и быть меньше неё. Положительная разница говорит о том, что

проект перспективный и инвесторы уверены в надежности получения доходов в будущем, продавец получает во время сделки часть причитающегося ему дохода из расчета времени вложения в инвестиционный проект. Отрицательная разница говорит о том, что перспективы проекта сомнительны, соответственно снижается цена покупки относительно первоначально уплаченной суммы. Соответственно участники рынка, ориентируясь на колебания цен перехода долей участия в инвестиционных проектах на вторичном рынке, в состоянии оценить перспективность дальнейших вложений в проект. Вторичный фондовый рынок является рынком, который формирует текущую оценку долей участия в инвестиционных проектах, при том, что размер доли участия в доходе от инвестиционного проекта не изменяется.

Оценки рисков по отдельным инвестиционным проектам, в виде колебаний оценок долей участия в инвестиционных проектах, обобщаются по направлениям, отраслям инвестирования и в целом по конкретной экономической системе. Структура оценок по отраслям определяет структуру инвестирования с помощью фондового рынка, а общая оценка определяет долю сбережений, которые инвестируются посредством фондового рынка, что определяет его эффективность как механизма превращающего сбережения в инвестиции.

Первичный и вторичный фондовые рынки во взаимосвязи представляют собой достаточно адаптивную систему, при этом достаточно стабильную, обеспечивающую инвестирование временно свободных средств в относительно более привлекательные проекты. Однако, вторичный фондовый рынок, выступая механизмом структурирования инвестиций, способом направления инвестиций в наиболее перспективные отрасли, в случае возникновения шоковых состояний, может транслировать кризисные явления в другие сферы экономической системы. Чем большую роль играет фондовый рынок в экономической системе, тем выше вероятность трансляции кризисных явлений по отраслям экономической системы.

Механизм распространения шоковых состояний с фондового рынка на другие сферы экономической системы в виде различных кризисных явлений представляет собой нарушение адекватности оценок рисков инвестирования по отдельным направлениям, что приводит к нарушению долгосрочного равновесного уровня капиталовооруженности посредством деформации инвестиционного профиля экономической системы, а также посредством коллапса инвестиционных процессов в экономической системе в случае, если в целом по фондовому рынку контрагенты оценивают риски инвестирования как чрезвычайно высокие.

Шоковое состояние фондового рынка — это такое состояние фондового рынка, когда он перестаёт выполнять свои функции (одну или несколько из них), то есть:

1) первичный фондовый рынок не предоставляет:

- источники финансирования инвестиционных проектов;
 - возможностей инвестирования сбережений;
- 2) вторичный фондовый рынок:
- не обеспечивает стабильность финансирования инвестиционных проектов;
 - не обеспечивает ликвидность долей участия в инвестиционных проектах;
 - не является адекватным механизмом оценки рисков инвестирования.

Шоковое состояние фондового рынка возникает в результате не адекватно заниженных или не адекватно завышенных оценок долей участия инвесторов в одном или нескольких инвестиционных проектах. Такая не адекватная оценка приводит к тому, что инвесторы не могут оценить реальные риски вложения в те или иные инвестиционные проекты, а значит не адекватно снижаются или, соответственно, не адекватно увеличиваются возможности привлечения инвестиций в соответствующие инвестиционные проекты. Возникает ситуация, когда одни инвестиционные проекты получают относительный переизбыток финансирования, другие имеют дефицит финансирования, что приводит к искажению структуры запасов капитала в разрезе отраслей экономической системы. Чем выше неадекватность оценки рисков на фондовом рынке, тем выше вероятность нарушения оптимального уровня капиталовооруженности экономической системы. Последствиями такого нарушения структуры запасов капитала будут являться избыточное создание мощностей в одних отраслях и их дефицит в других отраслях, с последующими структурными деформациями экономической системы, нарушающих устойчивость развития экономической системы.

Источником возникновения шоковых состояний на фондовых рынках могут быть как третьи лица, так и текущие инвесторы.

1. Изменения в ожиданиях третьих лиц.

Под третьими лицами понимаются экономические субъекты (частные лица и юридические лица), которые в конкретный момент времени не являются участниками определённого инвестиционного проекта (не владеют ни одной из его долей, т. е. соответствующей ценной бумагой). Влияние данных лиц на вторичный фондовый рынок проявляется, когда возникают факторы, вызывающие ожидания более высокой будущей доходности инвестиционных проектов относительно заявленного уровня доходности, при этом изменения ожиданий текущих инвесторов не происходит. В этом случае третьи лица могут предлагать такую цену выкупа, которая возмещает текущим инвесторам как объём вложенных средств, так и заявленный уровень доходности, возможно даже более высокий уровень доходности. Такое предложение выкупа означает, что в экономической системе сформировались повышенные стимулы к сбережению, т. е. нормальный объём инвестиций замещается повышенным уровнем инвестиций, что достигается путём более

высокой доли сбережений в текущем уровне доходов экономических агентов. Если наблюдается резкий рост замещения инвестиций по более высоким ценам выкупа относительно заявленной доходности инвестиционных проектов, то, соответственно, меньшая доля доходов экономических агентов направляется на текущее потребление, а значит, сокращаются внутренние рынки сбыта.

В этом случае вопреки ожиданиям, реальная будущая доходность инвестиционных проектов будет снижаться при сохранении текущего уровня цен в экономической системе на производимые экономические блага. В целях компенсации выпадающих доходов инвестиционного проекта из-за снижения потребительского спроса, будут увеличиваться цены на производимую продукцию, что вызовет снижение покупательной способности части доходов, направляемых на текущее потребление, при одновременном сохранении аномально высокого уровня инвестиций для экономической системы. В долгосрочном плане такое положение вещей будет означать номинальный рост цены вложений в инвестиционные проекты (увеличение номинального богатства инвесторов) и рост цен на выпускаемую продукцию, при одновременном снижении объёма производства, что вызовет снижение уровня благосостояния широких слоёв населения. Таким образом, аномально высокий спрос на ценные бумаги на вторичном фондовом рынке в состоянии спровоцировать падение производства в экономической системе при одновременном увеличении уровня цен (инфляции), т. е. фактическое перераспределение национального дохода в пользу вторичного финансового рынка.

2. Изменения в ожиданиях текущих инвесторов.

Изменения ожиданий текущих инвесторов будут оказывать влияние на вторичный фондовый рынок в случае, когда они оценивают будущую доходность инвестиционных проектов ниже заявленной. В таком случае текущие инвесторы будут мотивированы в том, чтобы передать свои доли в инвестиционных проектах третьим лицам, чьи ожидания относительно будущей доходности инвестиционных проектов не изменились или являются завышенными, по ценам, которые обеспечат приемлемый уровень компенсации вложенных средств. Таким образом, текущие инвесторы готовы продать свои доли с некоторым дисконтом, который составит их убыток. Такое изменение на вторичном фондовом рынке будет означать обесценение инвестиционных проектов. Это вызовет снижение доли сбережений в экономической системе, что будет соответствующим образом увеличивать долю доходов, которая может быть направлена на текущее потребление.

С учётом ограниченности роста производства при заданном уровне капиталовложений повышенный спрос будет вызывать рост цен на выпускаемую продукцию, провоцируемый повышенным уровнем текущих расходов. Понижающаяся доля сбережений будет приводить в долгосрочной

перспективе к недостаточному инвестированию, т. е. объём инвестиций не будет покрывать потребности в замещении выбывающего капитала, а значит у производителей не только не будет возможности расширить производство с целью удовлетворения увеличивающегося потребительского спроса, но и поддерживать достигнутый уровень производства, а значит в будущем произойдет падение производства, соответственно будет наблюдаться снижение уровня благосостояния в экономической системе.

Таблица. Оценка наличия вероятности возникновения шоковых состояний вторичного фондового рынка, способного вызвать снижение уровня благосостояния в экономической системе

Субъекты	Ожидание изменения доходности инвестиций относительно заявленной	
	Понижение	Повышение
Третьи лица	Отсутствует вероятность возникновения шоковых состояний	Имеется вероятность возникновения шоковых состояний
Текущие инвесторы	Имеется вероятность возникновения шоковых состояний	Отсутствует вероятность возникновения шоковых состояний

Слабые колебания ожиданий третьих лиц и текущих инвесторов для вторичного фондового рынка является нормальным явлением, которое способствует нормальному перераспределению долей в инвестиционных проектах (ценных бумаг), защищающее как интересы инвесторов, так и организаторов инвестиционных проектов. Однако, резкие изменения ожиданий как третьих лиц, так и текущих инвесторов будут приводить к снижению бла-

госостояния в экономической системе. Обобщим в таблице условия возникновения шоковых состояний вторичного фондового рынка, способных приводить к снижению уровня благосостояния в экономической системе.

Таким образом, фондовый рынок, с одной стороны, является инструментом финансирования инвестиционных проектов в экономической системе, с другой стороны, является источником рисков возникновения кризисных явлений в экономической системе. Снижение рисков возникновения шоковых состояний на фондовом рынке, которые могут вызвать дестабилизацию экономического развития, возможно посредством стимулирования создания такой институциональной структуры функционирования фондового рынка, которая обеспечивает как доступность информации для участников рынка, так и возможность для участников фондового рынка производить профессиональную оценку полученной информации.

Дополнительным важным условием предотвращения шоковых состояний фондового рынка для открытой экономической системы является ограниченное привлечение инвестиционных ресурсов с внешних рынков. Инвестиционные ресурсы с внешних рынков необходимо привлекать только в случаях недостаточности внутренних источников финансирования капиталовложений. Причём необходимо стимулировать такое распределение внешних инвестиционных ресурсов, которое соответствует реальным рискам инвестирования в экономической системе, тем самым предотвращая необоснованное искажение инвестиционных рисков вследствие существенного нарушения баланса спроса и предложения на инвестиционные ресурсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ипполитов В.А. Мировой фондовый рынок: история развития и современное состояние // Российский внешнеэкономический вестник. — 2006. — № 3. — С. 18–31.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко, предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начало», 1997. — 180 с.

Поступила 21.04.2011 г.

УДК 339.37:338.5

ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДА С ОРИЕНТАЦИЕЙ НА СПРОС В СИСТЕМУ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ СЕТИ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

Т.В. Калашникова, Н.Ю. Извеков

Томский политехнический университет

E-mail: tvkalash@tpu.ru

С использованием ценовой эластичности спроса разработаны модели максимизации оборота и валовой маржи для ценовых групп торговых точек. Определяются оптимальные цены и диапазоны цен, при которых финансовые показатели продаж превышают текущие уровни. Метод ориентации на спрос дополнен параметрическим методом ценообразования, при котором становится возможным назначать цены для каждой торговой точки в отдельности. Рассчитаны коэффициенты ценовой эластичности и оптимальные цены для группы товаров. Проведен ценовой эксперимент в целях подтверждения гипотезы, сделаны выводы.

Ключевые слова:

Ценовая эластичность, ценообразование, оптимальная цена, максимизация прибыли, метод ориентации на спрос.

Key words:

Price elasticity, pricing, optimal price, profit maximization, method of demand orientation.

Цель данного исследования — модифицировать бизнес-процесс ценообразования предприятия розничной торговли сетевого формата для того, чтобы увеличить финансовые показатели продаж (валовая маржа) торговой сети и сделать методы ценообразования более четкими и прозрачными.

Одна из методик классификации методов ценообразования предполагает дифференциацию в зависимости от того, на что в основном ориентируется продавец при установлении цены на свой товар. Выделяют несколько групп методов [1]:

1. Расчетные методы.

Цена на товар устанавливается на таком уровне, который полностью покрывает все издержки на его производство и реализацию. При этом рыночные факторы не принимаются в расчет. К этой группе относятся: метод полных издержек, метод прямых затрат, метод на основе анализа безубыточности и т. п.

Данная группа методов успешно применяется на производстве, где себестоимость единицы продукции составляет большую долю от конечной цены. Их использованию в ценообразовании на предприятиях розничной торговли, в особенности, сетевого формата, мешает ряд недостатков:

- они не учитывают ни поведение потребителей, ни динамику совокупного рыночного спроса;
- данные методы игнорируют факторы сезонности и изменения доходов населения.

2. Параметрические методы.

Данные методы могут использоваться предприятиями-производителями технологически и конструктивно однородных изделий, используемых для выполнения одинаковых функций и отличающихся только технико-экономическими параметрами.

3. Методы рыночного ценообразования.

В основу определения цены положено, либо оценка конкурентной ситуации на рынке, либо отношение потребителя к товару.

Подгруппа с ориентацией на потребителя включает в себя методы:

- с ориентацией на спрос;

- на основе воспринимаемой ценности товаров.

Метод на основе воспринимаемой ценности товаров основан на определении экономической ценности (выигрыша) потребителя от приобретения товара. Экономическая ценность складывается как разность ценности положительных отличий и потерь ценности из-за негативных отличий от товаров конкурентов. Применение данного метода для комплексного ценообразования на предприятиях розничной торговли сетевого формата весьма затруднительно, потому как:

- идентифицировать экономическую ценность для нескольких десятков тысяч товарных позиций крайне затруднительно;
- ассортиментные матрицы предприятий-конкурентов зачастую похожи, множество товаров пересекается.

Установление цен с ориентацией на конкурентную ситуацию может успешно использоваться для товаров, которые потребитель хорошо знает, часто совершает их покупки и помнит их цены у нескольких продавцов. Но потребитель физически не может запомнить цены на весь ассортимент магазинов, тем более, если его ширина исчисляется десятками тысяч товарных позиций. Значит, не нужно ориентироваться во всем на конкурентов.

Для комплексного ценообразования групп товаров, цены на которые не определяются приоритетно по текущим ценам конкурентов, предлагается использовать метод с ориентацией на спрос с расчетом его ценовой эластичности.

Известно, что изменение цены на товар ведет в большинстве случаев к изменению размера спроса на него. Количественной мерой таких изменений служит коэффициент ценовой эластичности $\mathcal{E}_q$, который рассчитывается по формуле:

$$\mathcal{E}_q = \frac{\Delta Q}{\Delta P},$$

где ΔQ — изменение спроса в %; ΔP — изменение цены в %.

Как правило, значение коэффициента эластичности отрицательное. Но бывают и исключения – товары с положительной ценовой эластичностью, когда повышение цены ведет к росту объема продаж.

Расчет ценовой эластичности производится отдельно для каждой товарной позиции для каждого сезона по недельным данным. Для этого необходимо найти среднее арифметическое количество продаж для каждого значения цены, если несколько периодов подряд она оставалась на одном уровне.

Для того чтобы избежать неоднозначных результатов при разнонаправленных расчетах, коэффициент ценовой эластичности будет рассчитываться методом средней точки:

$$\mathcal{E} = \frac{\Delta Q}{\Delta P} = \frac{(Q_j - Q_{j-1}) / Q_{cp}}{(P_j - P_{j-1}) / P_{cp}} = \frac{(Q_j - Q_{j-1}) \cdot (P_j + P_{j-1})}{(P_j - P_{j-1}) \cdot (Q_j + Q_{j-1})},$$

а единичные коэффициенты эластичности по формуле:

$$\mathcal{E}_{ij} = \frac{(Q_{i,j} - Q_{i,j-1}) \cdot (P_{ij} + P_{i,j-1})}{(P_{i,j} - P_{i,j-1}) \cdot (Q_{ij} + Q_{i,j-1})},$$

где $\mathcal{E}_{ij}$ – единичный коэффициент эластичности i -й товарной позиции; Q_{ij} – величина спроса на i -ю товарную позицию при j -й цене, в натуральных единицах; P_{ij} – j -я средневзвешенная цена на i -ю товарную позицию.

Для нахождения общего коэффициента ценовой эластичности используется принцип моды. Единичные коэффициенты необходимо упорядочить по возрастанию, затем выделить равные диапазоны значений ценовой эластичности (в пределах полученных значений), для каждого из них определить частоту попадания в них значений единичных коэффициентов. Общий коэффициент ценовой эластичности товара находится как среднее арифметическое значений коэффициентов, попадающих в диапазон с максимальной частотой. Количество диапазонов принимается за 100, ширина диапазона равна:

$$d = \frac{\max E - \min E}{100},$$

где $\max E$ и $\min E$ – максимальное и минимальное значения единичного коэффициента ценовой эластичности товара.

Для товарных позиций, коэффициент ценовой эластичности у которых неотрицательный, процедуры максимизации финансовых показателей и разработки рекомендаций производиться не будут в виду отсутствия математического смысла в постановке данных задач.

Задача максимизации финансовых показателей продаж всей торговой сети сводится к задаче максимизации финансовых показателей продаж по каждой товарной позиции. Расчет новой розничной цены будет производиться от средневзвешенной розничной цены за последнюю в соответствующем сезоне неделю, которая используется в анализе.

Первая модель. Максимизация оборота

$$\begin{aligned} \text{Оборот} &= f(x) = P' \times Q' = \\ &= P(1+x) \times Q(1+\mathcal{E}x) \rightarrow \max, \end{aligned}$$

где P – розничная цена в р.; Q – количество продаж; x – изменение розничной цены в долях; $\mathcal{E}$ – коэффициент ценовой эластичности товарной позиции.

При $\mathcal{E} < 0$ максимум функции $f(x)$ (оборот) достигается в точке

$$x = -\frac{\mathcal{E}+1}{2\mathcal{E}}.$$

Если ($x \geq 0$) или

$$\left((x < 0) \text{ и } \left(|x| = \frac{\mathcal{E}+1}{2\mathcal{E}} \leq \frac{\text{наценка} - Z \cdot P_{\text{вход}}}{P} \right) \right),$$

то есть если цену необходимо повысить, оставить на прежнем уровне, либо понизить, но полученная наценка будет не ниже минимально допустимой, то оптимальную цену необходимо определять как:

$$P' = P \cdot (1+x) = P \cdot \left(1 - \frac{\mathcal{E}+1}{2\mathcal{E}} \right),$$

где *наценка* – итоговая наценка в р.; Z – минимальный размер наценки в %; $P_{\text{вход}}$ – закупочная цена в р.

Вторая модель. Максимизация валовой маржи

$$\begin{aligned} \text{Валовая маржа} &\rightarrow \max \\ (Px + P - P_{\text{вход}}) \times Q(1+\mathcal{E}x) &\rightarrow \max, \end{aligned}$$

где P – розничная цена в р.; Q – количество продаж; x – изменение розничной цены в долях; $\mathcal{E}$ – коэффициент ценовой эластичности товарной позиции; $P_{\text{вход}}$ – закупочная цена в р.

При $\mathcal{E} < 0$ максимум функции $f(x)$ (маржа) достигается в точке

$$x = \frac{\mathcal{E}P_{\text{вход}} - \mathcal{E}P - P}{2\mathcal{E}P}.$$

Если ($x \geq 0$) или

$$\left((x < 0) \text{ и } \left(|x| = \left| \frac{\mathcal{E}P_{\text{вход}} - \mathcal{E}P - P}{2\mathcal{E}P} \right| \leq \frac{\text{наценка} - Z \cdot P_{\text{вход}}}{P} \right) \right),$$

то есть если цену необходимо повысить, оставить на прежнем уровне, либо понизить, но полученная наценка будет не ниже минимально допустимой, то оптимальную цену необходимо определять следующим образом:

$$P' = P \cdot (1+x) = P \cdot \left(1 + \frac{\mathcal{E}P_{\text{вход}} - \mathcal{E}P - P}{2\mathcal{E}P} \right).$$

В идеальном случае коэффициенты ценовой эластичности необходимо вычислять для каждой торговой точки, так как портрет и характер поведения покупателей могут сильно варьироваться. Но данная задача становится слишком трудоемкой, если количество торговых точек исчисляется

несколькими десятками. В этом случае торговые точки сети предлагается разбить на несколько ценовых групп в зависимости от их формата (гипермаркет, супермаркет, минимаркет, универсам и т. д.). Метод ценообразования с ориентацией на спрос (с вычислением ценовой эластичности) рационально скомбинировать с параметрическим методом.

Процедура реализации этого комбинированного метода следующая.

Для каждой ценовой группы определяется группа сезонных коэффициентов ценовой эластичности. На основе эластичности вычисляются диапазоны цен, установление цены в границах которых ведет к росту валовой маржи относительно текущего уровня. Затем, используя параметры конкретных торговых точек, общий диапазон изменения цены для ценовой группы сводится к точному ее значению.

Первая модель. Увеличение оборота

$$P(1+x) \times Q(1+\varepsilon x) > P \times Q.$$

Оборот по конкретному товару можно увеличить:

- 1) если $\varepsilon \in (-1; 0)$, увеличив цену на $x\%$,

$$x \in \left(0; -\frac{\varepsilon+1}{\varepsilon} \right);$$

- 2) если $\varepsilon \in (-\infty; -1)$, снизив цену на $x\%$,

$$x \in \left(-\frac{\varepsilon+1}{\varepsilon}; 0 \right)$$

при ограничении

$$\frac{\varepsilon+1}{\varepsilon} \leq \frac{\text{наценка} - Z \cdot P_{\text{выход}}}{P}$$

(где *наценка* – итоговая наценка, в р.);

- 3) если $\varepsilon = -1$ – цена оптимальна.

Вторая модель. Увеличение маржи

$$P(1+x) \times Q(1+\varepsilon x) - P_{\text{выход}} Q(1+\varepsilon x) > P \times Q - P_{\text{выход}} \times Q.$$

Таким образом, маржу по конкретному товару можно увеличить:

- 1) если $\varepsilon \in \left(\frac{P}{P_{\text{выход}} - P}; 0 \right)$, увеличив цену на $x\%$,

$$x \in \left(0; \frac{\varepsilon P_{\text{выход}} - \varepsilon P - P}{\varepsilon P} \right);$$

- 2) если $\varepsilon \in \left(-\infty; \frac{P}{P_{\text{выход}} - P} \right)$, снизив цену на $x\%$,

$$x \in \left(\frac{\varepsilon P_{\text{выход}} - \varepsilon P - P}{\varepsilon P}; 0 \right)$$

при ограничении

$$\left| \frac{\varepsilon P_{\text{выход}} - \varepsilon P - P}{\varepsilon P} \right| \leq \frac{\text{наценка} - Z \cdot P_{\text{выход}}}{P};$$

- 3) если $\varepsilon = \frac{P}{P_{\text{выход}} - P}$ – цена оптимальна.

Выбранные параметры торговых точек:

1. Количество конкурентов в определенном радиусе от магазина (рекомендуется использовать радиус в диапазоне 500...1000 м) Kk . В общем случае, чем больше конкурентов, тем ниже устанавливается цена.
2. Среднедневная выручка торговой точки Sv . Чем выше средняя выручка (обусловленная либо большой проходимостью, либо большим «средним» чеком), тем выше устанавливается цена.

Для обоих параметров выбирается одинаковая целочисленная шкала с количеством делений n . Шкала симметрична относительно нуля, таким образом, n – нечетное число. В качестве примера используется следующая шкала с $n=5$: $[-2, -1, 0, 1, 2]$.

Определяются значения шкалы по параметру «Количество конкурентов»:

«-2» – 5 и более конкурентов;

«-1» – 3–4 конкурента;

«0» – 2 конкурента;

«1» – 1 конкурент;

«2» – ни одного конкурента.

Для каждой торговой точки ценовой группы определяется средняя арифметическая дневная выручка за период в 1 год (с исключением максимальных и минимальных значений). Ширина диапазона выручки для определения значения параметра рассчитывается следующим образом:

$$Av = \frac{\max V - \min V}{n},$$

где Av – ширина диапазона выручки; $\max V$ и $\min V$ – максимальная и минимальная среднедневная выручка среди торговых точек одной ценовой группы; n – количество делений шкалы.

Определяются значения шкалы по параметру «Среднедневная выручка торговой точки»:

«-2» – среднедневная выручка $\in [\min V; \min V + Av]$;

«-1» – среднедневная выручка $\in (\min V + Av; \min V + 2Av]$;

«0» – среднедневная выручка $\in (\min V + 2Av; \min V + 3Av]$;

«1» – среднедневная выручка $\in (\min V + 3Av; \min V + 4Av]$;

«2» – среднедневная выручка $\in (\min V + 4Av; \max V]$.

Полагается, что оба параметра друг друга дополняют, то есть, большое количество конкурентов может быть компенсировано высокой среднедневной выручкой. Таким образом, общий параметр торговой точки определяется как простая сумма ее единичных параметров:

$$K = Kk + Sv.$$

Если две целочисленные симметричные относительно нуля шкалы имеет по n делений, количество шагов шкалы общего параметра K определяется как $2n-1$. Для нашего примера шкала выглядит следующим образом: $[-4, -3, -2, -1, 0, 1, 2, 3, 4]$.

Коридор «выгодного» изменения цены для всей ценовой группы, найденный с помощью коэффициента ценовой эластичности, необходимо разделить на несколько равных диапазонов, попадание

в один из которых зависит от значения общего параметра торговой точки. Количество диапазонов составляет $2n-1$.

Так как функции зависимости изменения оборота и маржи от ценовой эластичности спроса имеют параболический характер и отрицательный коэффициент a , оптимальная цена лежит посередине найденного с помощью эластичности коридора цен. Ширина коридора находится следующим образом:

$$A = \max P - \min P,$$

где A – ширина коридора «выгодных» цен; $\max P$ и $\min P$ – верхняя и нижняя границы коридора.

Определим верхнюю и нижнюю границы диапазона в зависимости от значения общего параметра торговой точки (K):

$$\begin{aligned} P_e &= \frac{\max P + \min P}{2} + \frac{A}{2(2n-1)} + K \frac{A}{2n-1} = \\ &= \frac{\max P + \min P}{2} + A \frac{2K+1}{4n-2}, \\ P_n &= P_e - \frac{A}{2n-1}. \end{aligned}$$

Полученные границы формируют диапазон цен, установление которых ведет увеличению валовой маржи по сравнению с текущим ее уровнем с точки зрения, с одной стороны, характеристик спроса, характерных для данной ценовой группы, и с другой стороны, индивидуальных характеристик торговой точки.

- При $K=0$ (то есть при условиях работы торговой точки, которые считаются оптимальными) оптимальная цена торговой точки совпадает с оптимальной ценой ценовой группы и лежит посередине интервала.
- При $K<0$ оптимальная цена – максимальная цена диапазона.
- При $K>0$ оптимальная цена – минимальная цена диапазона.

После разработки моделей ценообразования на базе ценовой эластичности было принято решение проверить их эффективность на практике с помощью эксперимента. Было решено апробировать модель «Максимизация валовой маржи» на группе «Оливки» (15 товарных позиций) для ценовой группы «Гипермаркет». В ценовую группу «Гипермаркет» входит три крупных розничных магазина.

Цель эксперимента – проверить гипотезу о том, что знание ценовой эластичности спроса на товар позволяет статистически значимо увеличить целевой показатель (валовую маржу или оборот) через назначение расчетных оптимальных, или близких к оптимальным значениям, розничных цен по группе фокальных товаров.

Эксперимент было решено провести в течение 8 недель. Анализ результатов ценового эксперимента заключается в сравнении показателей продаж по фокальным товарным позициям за два периода равной продолжительности:

- 1) период эксперимента: 7 июля 2011 г. – 31 августа 2011 г.;
 - 2) период, непосредственно предшествующий эксперименту: 12 мая 2011 г. – 6 июля 2011 г.
- Направления анализа:
- а) Сравнение итоговых значений по каждому показателю продаж – количеству продаж, обороту и валовой маржи – по всей группе в целом; по товарным позициям в отдельности – анализ изменения только целевого показателя.
 - б) С учетом сезонных колебаний; с исключением сезонных колебаний.

Результаты ценового эксперимента будут исследоваться с позиций нескольких видов анализа:

- Анализ I – анализ фактических данных без исключения сезонных волн из данных по продажам;
- Анализ II – анализ фактических данных с исключением сезонных волн из данных по продажам;
- Анализ III – анализ после удаления данных по товарным позициям, участвующим в маркетинговых мероприятиях, за релевантные периоды и после исключения сезонных волн из данных по продажам;
- Анализ IV – анализ III, в рамках которого дополнительно предполагается, что закупочные цены в периоды до и после эксперимента оставались неизменными и равными значениям на момент расчета оптимальных цен.

Таблица. Результаты эксперимента по группе «Оливки» (модель «Максимизация валовой маржи») в разрезе общих показателей

Показатель	До эксперимента	После эксперимента	Изменение, %
Анализ I			
Количество продаж, шт.	3424	3241	-5,34
Оборот, р.	190719,06	189491,90	-0,64
Валовая маржа, р.	45425,44	53522,68	17,83
Анализ II			
Количество продаж, шт.	4209,65	4074,78	-3,20
Оборот, р.	233551,14	238457,47	2,10
Валовая маржа, р.	56095,66	67348,09	20,06
Анализ III			
Количество продаж, шт.	3438,78	3194,32	-7,11
Оборот, р.	188279,83	188092,36	-0,10
Валовая маржа, р.	45973,62	54299,55	18,11
Анализ IV			
Количество продаж, шт.	3438,78	3194,32	-7,11
Оборот, р.	188279,83	188092,36	-0,10
Валовая маржа, р.	45968,53	54299,55	18,12

Выводы по группе «Оливки»: на основе анализа IV, предусматривающего исключение данных за периоды проведения маркетинговых мероприятий и сезонного фактора, можно заключить, что прирост валовой маржи в результате проведения ценового эксперимента оказался значимым.

В рамках данного эксперимента, в котором применялась модель «Максимизация валовой маржи» по группе «Оливки», гипотеза подтверждена. Назначение оптимальных, или близких к оптимальным значениям, розничных цен привело к существенному увеличению целевого показателя – валовой маржи. Сильного снижения оборота и количества продаж не наблюдалось.

Выводы

Определен алгоритм расчета ценовой эластичности. Разработаны модели максимизации оборота и валовой маржи через коэффициенты ценовой эластичности. Оптимальные цены рассчитываются с учетом индивидуальных параметров каждой торговой точки. Проведен ценовой эксперимент, в рамках которого гипотеза была подтверждена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бусыгин В.П., Желободько Е.В., Цыплаков А.А. Микроэкономика – третий уровень. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 154 с.
2. Васюхин О.В. Основы ценообразования. – СПб.: ИТМО, 2010. – 109 с.
3. Гусаров В.М. Статистика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – С. 85–86.
4. Дуброва Т.А. Статистические методы прогнозирования. – М.: ЮНИТИ, 2003. – С. 92–94.

5. Ивашковский С.Н. Микроэкономика. – М.: Дело, 2002. – 112 с.
6. Левин Д.М., Стефан Д. Статистика для менеджеров с использованием Microsoft Excel. – М.: Вильямс, 2005. – 208 с.
7. Селищев А.С. Микроэкономика. – М.: Питер, 2002. – 91 с.
8. Тарасевич Л.С., Гребенников П.И. Микроэкономика. – М.: Юрайт, 2006. – 374 с.

Поступила 25.05.2011 г.

УДК 378.6.014.54:338.2(571.16)

АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ИНТЕГРАЦИИ ТОМСКИХ ВУЗОВ В ИННОВАЦИОННУЮ ЭКОНОМИКУ В ПЕРИОД КРИЗИСА

В.В. Спицын

Томский политехнический университет
E-mail: spitsin_vv@mail.ru

Описаны уровни интеграции вузов в инновационную экономику: государственный уровень, российский бизнес, региональный бизнес и мировая экономика, выявлены их позитивные и негативные стороны. Установлено, что основным источником роста финансирования томских вузов в 2008–2010 гг. стало государственное финансирование научной деятельности. Доля финансирования со стороны томских предприятий существенно снизилась. Сравнение с другими регионами России и регионами Сибирского федерального округа показало, что томские вузы обеспечили хорошие результаты развития НИР. Однако отношение объемов финансирования НИР томских вузов к объемам промышленного производства региона остается низким и основной эффект томская экономика сможет получить только при решении проблемы налаживания эффективного взаимодействия вузов и промышленных предприятий региона.

Ключевые слова:

Инновационная экономика, университеты, промышленные предприятия, результативность интеграции, экономический кризис, Томская область.

Key words:

Innovation economy, universities, industrial enterprises, interaction efficiency, economic crisis, Tomsk region.

Проблема интеграции научно-образовательного комплекса (НОК) России в экономику является одной из важнейших проблем, без решения которых невозможно обеспечить инновационное развитие страны. НОК России находится в кризисном состоянии на протяжении уже порядка 20 лет, с момента начала экономических реформ 90-х годов. За этот период времени произошло существенное сокращение персонала, занятого исследованиями и разработками, значительно снизилось государственное финансирование научных исследований, не проводились своевременное обновление основ-

ных фондов и покупка необходимого для исследований современного дорогостоящего оборудования [1].

В работе И.Г. Дежиной выделены две важные особенности российского НОК [2]:

- несмотря на существенное снижение потенциала НОК за годы реформ, комплекс сохраняет лидирующие позиции по отдельным направлениям и может выступать как один из локомотивов инновационного развития страны;
- преобладает государственное финансирование научно-исследовательских работ (НИР) и отме-

чается слабое взаимодействие научно-исследовательских организаций с бизнесом.

В 2006–2010 гг. появляются две новые тенденции, оказывающие воздействие на НОК России.

1. На федеральном уровне власти постепенно формируется система, стимулирующая процессы инновационного развития НОК России. Основным принципом государственного финансирования становится финансирование на конкурсной основе. В число критериев оценки заявки включаются результаты взаимодействия с бизнесом. Основные этапы формирования этой системы [3]:

- 2006–2009 гг. — формирование системы федеральных и национальных исследовательских университетов, финансирование инновационных образовательных программ вузов;
- 2009–2010 гг. — создание малых предприятий с участием вузов, государственное софинансирование НИР выполняемых вузами по заказу предприятий в сфере высокотехнологичных производств, создание инновационной инфраструктуры при вузах.

В настоящее время новым вариантом взаимодействия науки, бизнеса и государства становятся технологические платформы [4].

2. НОК России испытывает воздействие экономического кризиса 2008–2010 гг. С одной стороны, экономический кризис поставил в тяжелое финансовое положение российские предприятия и федеральные органы власти, что должно привести к сокращению объемов финансирования НИР. С другой стороны, кризис показал необходимость постоянной инновационной деятельности предприятий и обновления ассортимента продукции, что в перспективе может стимулировать спрос на научные исследования.

Возникают следующие вопросы:

- насколько эффективны и действенны внедряемые государственные механизмы стимулирования и решают ли они проблему интеграции НОК России в инновационную экономику?
- как повлиял экономический кризис 2008–2010 гг. на процессы интеграции НОК России в инновационную экономику?

В рамках настоящей работы проблема интеграции НОК в инновационную экономику будет рассматриваться на примере вузовского комплекса Томской области. Целью работы является анализ процессов интеграции в период кризиса на основе данных вузовской статистики.

Методология исследования. В рамках отдельной статьи невозможно рассмотреть все аспекты развития вузовского комплекса региона. Мы сконцентрируем усилия на исследовании процессов интеграции томских вузов в инновационную экономику в сфере НИР. В качестве основной информационной базы для выявления и анализа процессов интеграции будем использовать статистические данные о финансировании томских вузов, поскольку имен-

но финансовые потоки дают реальное представление о взаимосвязях и взаимодействии вузов, государства и бизнеса. Источниками информации для анализа являются статистические сборники по развитию вузовского комплекса России [5–8] и томских вузов [9, 10], а также данные сайта Федеральной службы государственной статистики РФ [11].

Уровни и пропорции интеграции томских вузов в инновационную экономику

Процессы интеграции вузов в инновационную экономику происходят на нескольких уровнях, табл. 1. Каждый из этих уровней интеграции может оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на развитие вузов, экономики страны и региона.

Таблица 1. Влияние процессов интеграции на развитие экономики и вузов

Уровень интеграции	Воздействие на развитие вузов и экономики	
	Позитивное	Негативное
Госзаказ и фундаментальные исследования	Формирование задела для будущих прикладных НИР, закрепление персонала в вузах, формирование технической и технологической базы	Не определена экономическая эффективность фундаментальных НИР, зависимость вузов от государства и отсутствие стимулов для развития связей с бизнесом
Российский бизнес (вне региона деятельности вуза)	Формирование практического опыта взаимодействия с бизнесом, развитие прикладных НИР, закрепление персонала в вузах. Реализация инновационного взаимодействия и получения основных эффектов на уровне российской экономики	Региональная экономика не получает основной эффект от внедрения в бизнес результатов НИР. Возможен переход сотрудников вуза в российские компании
Региональный бизнес	Формирование практического опыта взаимодействия с региональным бизнесом, развитие прикладных НИР, закрепление персонала в вузах. Реализация инновационного взаимодействия и получения основных эффектов на уровне экономики региона	Небольшое количество предприятий региона готово взаимодействовать с вузами и финансировать НИР. Объемы такого финансирования незначительны и не соответствуют возможностям и потребностям вузов
Международный	Выполнение НИР мирового уровня и интеграция в международные научные, инновационные и производственные процессы. Закрепление персонала в вузах через высокую оплату работ	Основной эффект получают зарубежные предприятия, на которых реализуются результаты НИР, а не Россия или Томская область. Возможен утечка персонала вузов в ходе взаимодействия с зарубежными партнерами

Оценка результативности процессов интеграции зависит от субъекта анализа. На государственном уровне основной экономический эффект будет формироваться от взаимодействия с российскими предприятиями. На уровне региональной экономики основной экономический эффект от интеграции формируется при условии реализации результатов НИР в производственном процессе на соответствующей территории. На уровне вузов эффекты получаются от всех видов взаимодействия, но в условиях инновационного развития общества вузам также следует делать акценты на интеграцию с бизнесом, поскольку во многих случаях такая интеграция является условием получения государственного финансирования (постановление Правительства РФ № 218 от 09.04.2010 г., технологические платформы и т. д. [3, 4]).

Все вышесказанное справедливо для экономики Томской области и томских вузов. Основной эффект регион получит от взаимодействия в сфере НИР томских вузов и томских промышленных предприятий. Томским вузам, в свою очередь, необходимо также развивать взаимодействие с томскими предприятиями и российским предприятиями, находящимися за пределами региона. На основе данных вузовской статистики проведем анализ пропорций финансирования НИР ведущих томских вузов в период кризиса (за 2008 и 2010 гг.) и выявим влияние кризиса на процессы интеграции томских вузов в инновационную экономику (табл. 2) на основе работ [9, 10].

Таблица 2. Финансирование научной деятельности вузов Томской области, млн р./%

Вузы	Год	Федеральный бюджет	Внебюджетные источники		
			Отечественные		Зарубежные
			российские	региональные	
ТГУ	2008	344/74	38/9	20/4	44/10
	2010	623/82	49/7	25/3	21/3
ТПУ	2008	296/38	175/22	175/23	88/11
	2010	438/36	277/22	280/23	153/12
ТУСУР	2008	24/10	95/39	112/46	6/2
	2010	269/51	189/36	48/9	16/3
Прочие томские вузы	2008	40/22	20/11	38/21	12/7
	2010	100/45	29/12	37/17	11/5
Всего по всем томским вузам	2008	704/42	328/19	345/21	150/9
	2010	1430/52	544/20	390/14	201/7

Исходя из структуры источников финансирования, получаем структуру интеграции томских вузов в инновационную экономику и ее изменение в период кризиса (рис. 1) на основе работ [9, 10].

Приведенные данные позволяют выявить существенные отличия в структуре финансирования научной деятельности вузов Томской области и отследить изменения структуры в динамике в период кризиса. В ТГУ основной объем финансирования приходится на бюджетные средства (взаимодействие с государством). Доля внебюджетных источников (бизнеса) незначительна и уменьшается.

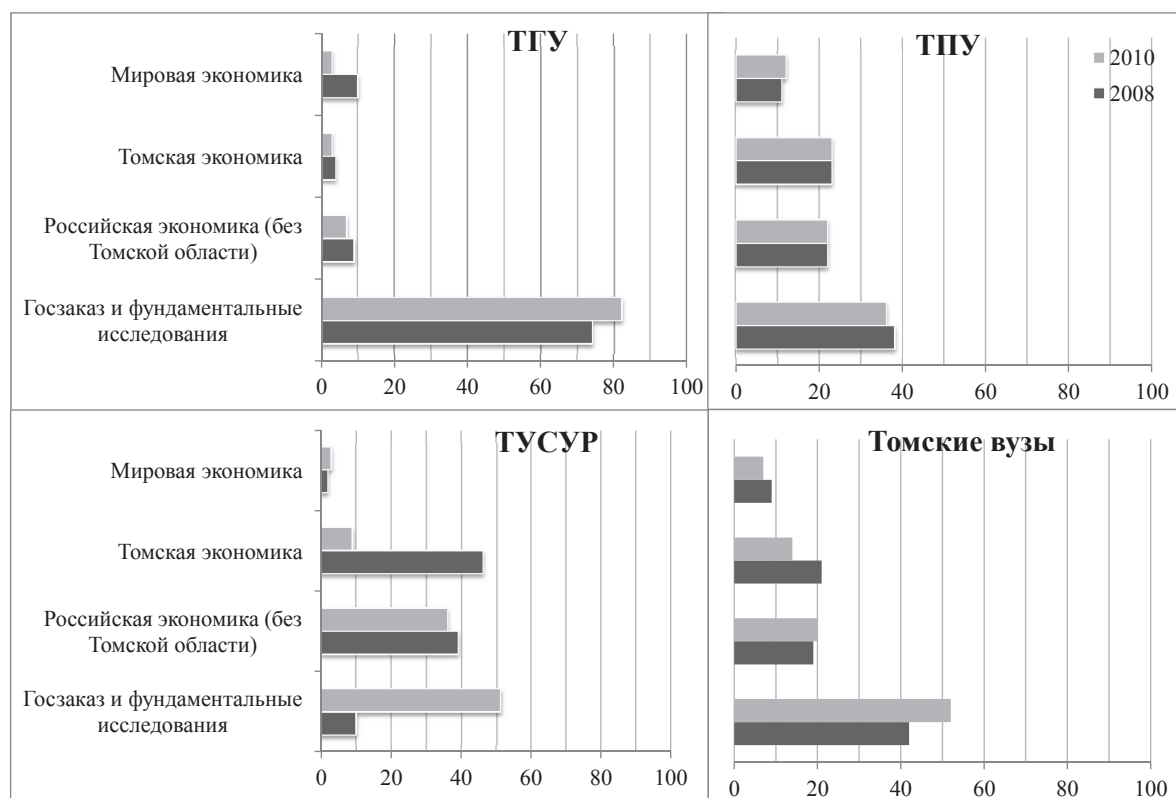

Рис. 1. Структура интеграции томских вузов в инновационную экономику, %

ТПУ основной объем финансирования получает из внебюджетных источников. Их доля возрастает за счет зарубежных источников. Доля финансирования со стороны томского и российского бизнеса практически не изменяется. ТУСУР значительно увеличил объем финансирования научной деятельности за счет бюджетных источников (взаимодействие с государством). Доля внебюджетных источников выросла незначительно, а доля финансирования со стороны бизнеса Томской области даже уменьшилось.

Если оценивать объемы финансирования в абсолютном выражении по всем томским вузам, то в период кризиса произошло их увеличение по всем источникам финансирования. Однако анализ структуры интеграции томских вузов в инновационную экономику показывает, что развивается, главным образом, взаимодействие с государством. Незначительно выросли объемы финансирования со стороны российского бизнеса (кроме томского бизнеса). Взаимодействие с томскими предприятиями и интеграция в мировую экономику существенно ухудшились.

Полученные результаты выявляют проблемы развития НИР томских вузов и их интеграции в инновационную экономику. Изменение пропорций интеграции следует негативно оценить как со стороны органов власти Томской области (не возникают эффекты от реализации результатов НИР в промышленности региона), так и со стороны томских вузов (в целом объем финансирования со стороны бизнеса уменьшается). Выявленные изменения пропорций интеграции во многом объясняются кризисом, но в настоящее время на этапе выхода из кризиса необходимо принимать энергичные меры по развитию взаимодействия вузов и бизнеса в сфере НИР.

Тенденции и результативность развития томских вузов в период кризиса

Распределение объемов финансирования научной деятельности по источникам финансирования и ведущим регионам Сибирского федерального округа (СФО) в 2007 и 2009 гг. представлено в табл. 3, 4 на основе работ [5, 6].

Таблица 3. Удельный вес различных источников финансирования НИР вузов СФО, %

Год	Рос-бразование	Рос-наука	РФФИ и РГНФ	Региональные и местные бюджеты	Хозяйствующие субъекты	Зарубежные источники
2007	15	4	5	3	57	8
2009	26	7	4	4	45	8

Анализ этих данных позволяет сделать два основных вывода о финансировании НИР вузов СФО в период кризиса:

1. Возросла доля государственных средств (Рособразование, Роснаука, РФФИ и РГНФ) и снизилась доля средств хозяйствующих субъектов

(бизнеса). Эти изменения в целом соответствуют изменениям в структуре финансирования вузов на уровне Томской области.

2. Вузовский комплекс Томской области существенно усилил свои лидирующие позиции за 2007–2009 гг. Прирост произошел по общему объему финансирования (с 33 до 37 %). Все остальные регионы сильно отстают от Томской области по объемам финансирования.

Таблица 4. Распределение объемов финансирования НИР по регионам СФО в разрезе источников финансирования, %

Регионы	Год	Место региона	Общий объем финансирования	Рособразование*	Роснаука*	РФФИ и РГНФ*	Хозяйствующие субъекты	Зарубежные источники
Томская область	2007	1	33	48	43	48	30	47
	2009	1	37	39	46	48	40	37
Иркутская область	2007	2	24	9	1	8	32	30
	2009	2	20	7	9	6	26	44
Новосибирская область	2007	3	12	18	39	15	9	11
	2009	3	14	19	18	15	12	4
Красноярский край	2007	4	11	11	4	6	13	4
	2009	4	14	18	9	8	12	3

*Рособразование – Федеральное агентство по образованию РФ, Роснаука – Федеральное агентство по науке и инновациям РФ, РФФИ и РГНФ – Российский фонд фундаментальных исследований и Российский гуманитарный научный фонд.

Вузовский комплекс Томской области, является бесспорным лидером на уровне Сибирского федерального округа. Более того, он входит в число лидеров на уровне России (табл. 5) на основе работ [6–8].

Таблица 5. Регионы-лидеры по объемам финансирования НИР вузов в 2009 г. на уровне трех федеральных округов, млн р.

Регионы	Общий объем	Место региона	Рособразование	Роснаука	РФФИ и РГНФ	Хозяйствующие субъекты	Зарубежные источники	Прочие источники
Москва	9644	1	2355	1200	310	3306	164	2309
Санкт-Петербург	3493	2	1096	302	240	1214	201	440
Томская область	1581	3	437	132	85	775	125	27

Томская область уверенно занимает третье место по объемам финансирования НИР на уровне трех ведущих федеральных округов России (Центрального, Северо-Западного и Сибирского) или 39 субъектов РФ. Все остальные регионы указанных федеральных округов сильно отстают по объемам финансирования от трех регионов-лидеров. Сохраняется специализация Томской области в научно-образовательной сфере на уровне России. Томские вузы успешно подтверждают свой потен-

циал победами в проводимых государством курсах и программах финансирования.

Структура и динамика финансирования образовательной и научной деятельности вузов Томской области за 2006–2010 гг. представлена в табл. 6 на основе работ [9, 10].

Таблица 6. Динамика объемов финансирования образовательной и научной деятельности томских вузов

Источники финансирования	Объем финансирования, млн р.		Структура финансирования, %		Темп роста, %
	2006	2010	2006	2010	
Финансирование образовательной деятельности	5494,5	7915,5	84	74	144
• Бюджетное	2969,3	5420,2	45	51	183
• Внебюджетное	2525,2	2495,3	39	23	99
Финансирование научной деятельности	1058,2	2743,7	16	26	259
• Бюджетное	277,5	1459,9	4	14	526
• Внебюджетное	780,7	1283,8	12	12	164
Всего	6552,7	10659,2	100	100	163

Анализ приведенных данных показывает, что в вузовском комплексе Томской области в настоящее время основным источником финансовых ресурсов является финансирование образовательной деятельности, а именно бюджетное финансирование. Темпы роста этого источника были высокими, но они ограничиваются нормативами. Доходы от внебюджетного финансирования образовательной деятельности снизились. *В то же время нелитерированным источником финансирования выступает научная деятельность, где прирост оказался существенно выше.* Особенно выросло бюджетное финансирование научной деятельности (более чем в 5 раз). Вузы Томской области успешно вписались в систему государственных научных исследований. А развитие взаимодействия с бизнесом (российским и иностранным) в период 2006–2010 гг. оказалось затруднено.

Для оценки результативности развития томских вузов проведем их сравнение с показателями промышленности региона (табл. 7) на основе работ [9–11].

Таблица 7. Финансирование томских вузов по отношению к объемам промышленного производства региона, %

Финансирование	2008 г.	2010 г.
Томских вузов, всего	5,1	5,2
Образовательной деятельности	4,2	3,9
НИР	0,9	1,3
• государственное финансирование	0,4	0,7
• российские хозяйствующие субъекты (без Томской области)	0,2	0,3
• хозяйствующие субъекты Томской области	0,2	0,2
• мировая экономика	0,1	0,1

Темпы роста объема финансирования вузов в период кризиса возрастали быстрее, чем объемы промышленного производства региона (особенно быстро возрастали темпы роста объемов государственного финансирования НИР). Соответственно, отношение объемов финансирования к объемам промышленного производства тоже возрастало, но осталось в целом невысоким. Такой же вывод следует сделать об объемах финансирования НИР.

Серьезной проблемой остается низкий объем финансирования НИР томских вузов со стороны хозяйствующих субъектов (бизнеса). Эта проблема характерна для всех вузов России, причем в Томской области доля финансирования НИР по отношению к объемам промышленного производства будет высокой по сравнению с другими регионами России (в том числе она намного выше, чем доля Москвы и Санкт-Петербурга, Новосибирской области и т. д.). Однако объем внебюджетного финансирования НИР в размере 0,6 % объема промышленного производства региона – это низкий показатель.

Проблема на уровне регионе – низкий объем финансирования НИР томских вузов со стороны томского бизнеса – 0,2 % от объемов промышленного производства в 2010 г. Это означает, что вузовский комплекс Томской области интегрируется в экономику региона преимущественно как поставщик кадров. Предприятия Томской области осуществляют научные и инновационные разработки, как правило, без взаимосвязи с томскими вузами. Научно-инновационные цепочки «вуз – предприятия» слабо реализованы. Неудивительно, что из 6 выигранных в 2010 г. проектов кооперации томских вузов и бизнеса с долевым государственным финансированием (по постановлению Правительства РФ № 218 от 09.04.2010 г.) только два предполагают кооперацию с томскими предприятиями [10]. В остальных проектах томские вузы нашли партнеров в других регионах России. Указанная проблема представляется очень сложной, но ее решение необходимо в современных условиях в период выхода из кризиса. Решение этой проблемы невозможно без налаживания взаимодействия органов власти региона, томских вузов и томских промышленных предприятий.

Выводы

1. Описаны уровни интеграции вузов в инновационную экономику: государственный уровень, российский бизнес, региональный бизнес и мировая экономика. Каждый уровень интеграции имеет свои позитивные и негативные стороны.
2. В период кризиса изменились пропорции интеграции томских вузов в инновационную экономику в сфере реализации результатов НИР. Основным источником роста финансирования томских вузов стало государственное финансирование научной деятельности. Доля финанси-

- рования со стороны томских предприятий существенно снизилась.
3. Сравнение с другими регионами России и регионами Сибирского федерального округа показало, что томские вузы обеспечили хорошие результаты развития НИР, усилили свои позиции в Сибирском федеральном округе и сохраняют лидирующие позиции на уровне России.
 4. Отношение объемов финансирования НИР томских вузов к объемам промышленного

производства региона остается низким и основной эффект томская экономика сможет получить только при решении проблемы налаживания эффективного взаимодействия томских вузов и промышленных предприятий региона.

Исследования выполнены в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Индикаторы науки: 2009. Статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики РФ. 2012. URL: http://www.gks.ru/doc_2009/наука/ind_nauki2009.pdf (дата обращения: 24.02.2012).
2. Дежина И.Г. Российская научная политика в условиях кризиса // Социология науки и технологий. – 2010. – № 1. – С. 67–88.
3. Поддержка ведущих российских вузов // Министерство образования и науки РФ. 2012. URL: <http://mon.gov.ru/pro/ved/> (дата обращения: 24.02.2012).
4. Формирование технологических платформ // Минэкономразвития России. 2012. URL: <http://www.economy.gov.ru/mines/activity/sections/innovations/formation/> (дата обращения: 24.02.2012).
5. Научный потенциал вузов Сибирского федерального округа. 2007: Стат. сб. ФГНУ «СЗНМЦ». – СПб., 2008. – 230 с.
6. Научный потенциал вузов Сибирского федерального округа. 2009: Стат. сб. ГОУ ВПО «СПбГЭТУ ЛЭТИ». – СПб., 2010. – 228 с.
7. Научный потенциал вузов Центрального федерального округа. 2009: Стат. сб. ГОУ ВПО «СПбГЭТУ ЛЭТИ». – СПб., 2010. – 234 с.
8. Научный потенциал вузов Северо-Западного федерального округа. 2009: Стат. сб. ГОУ ВПО «СПбГЭТУ ЛЭТИ». – СПб., 2010. – 216 с.
9. Основные результаты деятельности системы профессионального образования Томской области в 2008 году: Стат. сб. / под ред. А.Е. Чеглокова. – Томск, 2009. – 90 с.
10. Основные результаты деятельности системы профессионального образования Томской области в 2010 году: Стат. сб. / под ред. Л.В. Весниной. – Томск, 2011. – 100 с.
11. Федеральная служба государственной статистики РФ. 2012. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 24.02.2012).

Поступила 28.02.2012 г.

УДК 336.71:316.628

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА ПОСРЕДСТВОМ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ

Е.В. Михальченко, Г.Е. Шевелев

Томский политехнический университет
E-mail: emikhalchenko@tpu.ru

Проанализирована необходимость развития корпоративной культуры коммерческого банка, предложены способы повышения мотивации основных работников, разработаны механизм индивидуальной оценки основных работников и критерии оценки сотрудников на основе составляющих корпоративной культуры.

Ключевые слова:

Корпоративная культура, персонал, мотивация, система, оценка, эффективность, ценности.

Key words:

Corporate culture, staff, motivation, system, assessment, effectiveness, valuable.

Корпоративная культура существует в любой организации независимо от размеров и сферы деятельности. Корпоративная, или организационная, культура включает в себя корпоративные ценности, систему отношений, складывающихся в ходе профессиональной деятельности, и поведенческие нормы, разделяемые ее сотрудниками [1].

Формирование и развитие корпоративной культуры имеет актуальное значение для коммер-

ческого банка, поскольку в современных условиях его успех и развитие напрямую зависит от восприятия потребителями данной организации – позитивной атмосферы, сложившейся в организации, отношения сотрудников к потребителю услуг, взаимоотношения организации с внешней средой, степени лояльности сотрудников. Взаимоотношения с клиентами банка – один из основных факторов развития корпоративной культуры. Корпора-

тивная культура формирует не только имидж банка, но и является эффективным инструментом стратегического развития финансового бизнеса [2]. В связи с этим необходимо постоянно поддерживать и развивать корпоративную культуру кредитной организации.

К основным элементам корпоративной культуры коммерческого банка относятся:

- Миссия и стратегия банка.
- Ценности банка.
- Взаимоотношения с клиентами банка.
- Взаимоотношения с сотрудниками банка.
- Инновационная деятельность.
- Обучение персонала.
- Работа с молодежью.

Ее формирование всегда связано с инновациями, направленными на достижение бизнес-целей и, следовательно, повышение конкурентоспособности.

Среди основных целей развитой корпоративной культуры выделим:

- Фокус на конечном результате.
- Командное взаимодействие.
- Инициатива снизу и инновации.
- Самосовершенствование.
- Ориентация на клиента.

Банк с грамотно развитой корпоративной культурой пользуется большим авторитетом на рынке и привлекателен как для потенциальных сотрудников, так и для партнеров по бизнесу и акционеров.

В современных банках, обладающих широким диапазоном финансовых продуктов и большой филиальной сетью, на долю операционно-кассовых работников филиалов приходится, как правило, до 60 % общей численности работников банка [3], в связи с этим актуальной представляется проблема мотивации данной категории работников, непосредственно работающих с клиентами банка и формирующих основные факторы развития корпоративной культуры.

Таким образом, для достижения целей развитой корпоративной культуры предлагаются следующие мероприятия:

1. Индивидуальная оценка деятельности.
2. Применение системы управления деятельностью и мотивации.
3. Освещение результатов.

1. Индивидуальная оценка деятельности

Одним из элементов формирования и развития корпоративной культуры является система мотивации сотрудников. Она оказывает непосредственное влияние на формирование духовно-эмоционального фона жизнедеятельности фирмы, проявляющегося в установившемся в ней морально-психологическом климате, социально-психологическом настроении, самочувствии работников [4].

Предлагаемая схема премирования сотрудников состоит из премирования за месяц, квартал, год. При расчете премии надо будет учитывать выполнение плановых показателей структурными по-

дразделениями, а также индивидуальный вклад каждого сотрудника в общие результаты работы подразделения (индивидуальные продажи и индивидуальные трудозатраты). Это позволит оценить и поощрить каждого сотрудника в отдельности.

При формировании системы премирования сотрудников, необходимо учитывать, что данная система должна быть:

- гибкой при изменении бизнес-приоритетов;
- объективной и доступной для понимания сотрудниками;
- оставлять место для управленческих решений.

Общие принципы премирования
сотрудников подразделений

Премирование операционно-кассовых работников за месяц основано на принципах индивидуальной мотивации (оценке индивидуальных продаж и трудозатрат). При этом на итоговый размер премирования сотрудника будет влиять как индивидуальные показатели, так и общий результат работы подразделения за отчетный период.

Индивидуальный размер премии операционно-кассового сотрудника определяется как 50 % от коллективных результатов всего подразделения и 50 % от индивидуальной производительности.

В предлагаемой схеме мотивации премирование сотрудников за квартал и год остается без изменений — на размер премии сотрудников будет влиять только показатели бизнес-плана в целом по подразделению.

Определение размера премирования сотрудников подразделений:

Размер премии каждому сотруднику определяется по формуле:

$$P_i = 0,5 \frac{O_i B_i}{H_{\text{общ}} K_{\text{общ}_j}} + P_{\text{инд.прод}_i} K_{\text{кор}_j},$$

где P_i — размер премии за месяц i -го операционно-кассового работника; O_i — должностной оклад i -го сотрудника; B_i — время отработанное i -м сотрудником в премируемом периоде, кроме выходных и праздничных дней, ч; $H_{\text{общ}}$ — норма рабочего времени в премируемом периоде, ч; $K_{\text{общ}_j}$ — общий коэффициент премирования, рассчитанный для j -го структурного подразделения; $P_{\text{инд.прод}_i}$ — сумма премии по индивидуальным продажам i -го операционно-кассового работника; $K_{\text{кор}_j}$ — корректирующий (понижающий либо повышающий) коэффициент. Вводится при условии, если суммарный размер премирования операционно-кассового работника превышает фонд оплаты труда.

В качестве примера приведем стоимость показателей индивидуальных продаж для операционно-кассовых работников, производящих обслуживание физических лиц, которая может быть использованная для расчета индивидуальных продаж каждого сотрудника, таблица. В табл. 1 приведены некоторые из наиболее важных для развития предприятия банковские продукты и продажи.

Таблица 1. Стоимость показателей индивидуальных продаж для операционно-кассовых работников, производящих обслуживание физических лиц на примере Сбербанка России

Наименование банковского продукта (услуги)	Единица измерения	Стоимость, р.
Пакетная продажа услуг (вклад + банковская карта)	шт.	80
Продажа/покупка дорожных чеков	операция	70
Открытие «личного» счета банковской карты	шт.	60
Пакетная продажа услуг (банковская карта + «Мобильный банк»)	шт.	60
Перевод в иностранной валюте	шт.	40
Заключение договора на предоставление в аренду индивидуальных сейфов	шт.	40
Продажа слитков из драгоценных металлов	операция	40
Продажа монет, содержащих драгметаллы	шт.	40
Прием заявления на перечисление пенсии на банковский счет	шт.	30
Перевод в рублях	шт.	10
Подключение услуги «Мобильный банк» (полный пакет)	шт.	5
Открытие/закрытие счета	операция	10
Объем налично-денежных и валютно-обменных операций (в том числе продажа монет и слитков из драгоценных металлов), 10 тыс.	р.	3
Принятые платежи населения	шт.	2

По окончании рабочего дня каждый сотрудник должен заполнить таблицу продажи банковских продуктов за день для расчета премии за отчетный период. Это позволит руководителям подразделений отследить наглядность работы каждого сотрудника в отдельности. Заполнение данной таблицы может вызвать соревновательный дух среди сотрудников, что дает положительный эффект для работы подразделения в целом.

Предлагаемая система индивидуальной оценки работников позволит стимулировать рост продаж, повысить производительность труда, качество и скорость обслуживания клиентов и совершаемых операций, создать стимулы для профессионального роста.

2. Система управления деятельностью и мотивации

Система управления деятельностью и мотивации должна быть основана на ценностях, стратегии и миссии банка, для вовлечения сотрудников в цели организации. С этой целью разработаны критерии оценки сотрудников на основе составляющих корпоративной культуры:

• Бизнес-мышление

Знает бизнес банка и бизнес ключевых клиентов, понимает взаимосвязь различных частей бизнеса, их роль и влияние на результаты.

Умеет оценивать бизнес-риски, делает адекватные выводы о финансовой ситуации в компаниях клиентов.

• Стратегическое мышление

Мыслит системно: формирует целостное, разностороннее представление о ситуации, принимая во внимание внешние и внутренние факторы и причинно-следственные взаимосвязи между ними.

Мыслит перспективно: адекватно оценивает риски и возможности, связанные с принятием тех или иных решений. Видит барьеры на пути достижения поставленных целей и пути их преодоления.

Мыслит вариативно: предлагает несколько различных решений проблемы, не ограничивается стандартными вариантами (если они не эффективны).

• Ориентация на результат

Берется за решение сложных задач, ищет возможности для достижения поставленных целей, а не причины для отказа от них.

Упорен, настойчив в преодолении трудностей.

Принимает на себя ответственность за результат.

• Построение отношений

Устанавливает и развивает продуктивные отношения с ключевыми людьми внутри и вне организации, умеет заручиться поддержкой, найти сторонников своих идей.

В общении конструктивен, стремится к кооперации, проясняет взгляды и интересы собеседников и учитывает их.

Умеет согласовывать точки зрения и находить взаимоприемлемые решения конфликтов и спорных вопросов.

• Командное лидерство

Умеет убеждать: четко аргументирует свою позицию, приспособливает форму представления материала к особенностям ситуации и аудитории, учитывает интересы и потребности слушателей.

Управляет работой команды: распределяет роли, задачи, порядок действий, последовательно направляет усилия членов команды на достижение цели. Вдохновляет и мотивирует людей на достижение высоких результатов, помогает им проявить свой потенциал.

• Управление изменениями

Способен быстро перестроить свои привычные способы мышления/действия, если в новых обстоятельствах они не эффективны. Проводит изменения максимально экономичными методами, как с точки зрения времени, так и финансово вводит процедуры соответствующие проводимым изменениям, обеспечивает понимание сотрудниками проводимых изменений, создает организационные условия, помогающие сотрудникам развивать и гибко использовать нововведения.

Предлагаемая система мотивации разработана для материальной мотивации каждого сотрудника на основе его работы за месяц. Каждый сотрудник оценивается в отдельности, основываясь на системе оценки личной эффективности сотрудника.

Система личной эффективности сотрудника позволит:

- обеспечить связь усилий сотрудников со стратегией компании;
- мотивировать сотрудников через ясность целей;
- обеспечить связь результатов деятельности с вознаграждением;
- оценить потенциал сотрудника и определить потребности в развитии.

Личная эффективность сотрудников оценивается по пяти критериям оценки, развития и поощрения:

1. Совершенствование профессиональных знаний.
2. Инновации/оптимизация рабочего процесса.
3. Личная результативность.
4. Ориентация на клиента.
5. Работа в команде.

Оценить на индивидуальном уровне каждого сотрудника задача руководителя отдела. Требуется ежедневно наблюдать и оценивать каждого непосредственного подчиненного. Для оценки сотруд-

ника в каждой из областей используются критерии нечеткой логики – пятибалльная шкала (А, В, С, D, Е, где А – 5 баллов, В – 4 балла, С – 3 балла, D – 2 балла, Е – 1 балл), табл. 2.

В конце каждого месяца руководитель оценивает каждого сотрудника в отдельности по подпунктам. Далее берется личная оценка сотрудника и показатели эффективности работы подразделения за месяц, затем вычисляется коэффициент премирования сотрудника.

3. Освещение результатов

После подведения итогов обязательно всем сотрудникам должна быть дана обратная связь. Обратная связь – это оценка действий сотрудника в прошлом, которая сообщается ему в настоящем, рассчитывая, что вследствие этого он изменит свои действия в будущем. Она включает:

- информацию о процессе выполнения работы и ее качестве;

Таблица 2. Соответствие показателей деятельности работников и их оценок. D – переходная оценка между «Е» и «С» (требуется улучшения); В – переходная оценка между «С» и «А» (превосходит ожидания)

Показатель	Расшифровка оценок		
	Е	С	А
	Неудовлетворительно	Соответствует ожиданиям	Значительно превосходит ожидания
Личная результативность	Не выполняет объем возложенных задач и функций; <u>качество работы и производительность труда ниже</u> , чем у других сотрудников подразделения, отказывается брать на себя <u>дополнительный объем работ</u> даже при острой производственной необходимости	В целом выполняет задачи и функционал, предусмотренные должностной инструкцией и планом работы; демонстрирует <u>средний</u> по подразделению уровень <u>производительности труда</u> и приемлемый уровень качества	Своевременно, качественно и в полном объеме выполняет собственные обязанности, в том числе в <u>периоды</u> <u>крайней загруженности и стресса</u> . Проявляет инициативу и <u>берет на себя</u> <u>дополнительный объем работ</u> (например, в отсутствие коллеги)
Совершенствование профессиональных знаний	Не считает необходимым постоянное повышение уровня своих профессиональных знаний; <u>не выражает стремления</u> <u>получать новые знания</u> в своей и смежных областях; <u>избегает участия</u> в обучающих мероприятиях	Понимает важность повышения уровня профессиональных знаний для эффективного выполнения своих должностных обязанностей; <u>профессионально развивается</u>	Совершенствует профессиональные знания; <u>самостоятельно изучает</u> <u>лучшую практику</u> и современные методы работы в своей области, с готовностью участвует в профессиональных семинарах и тренингах и активно <u>использует</u> <u>полученные знания и опыт</u> для повышения квалификации коллег
Инновации/оптимизация рабочего процесса	<u>Не предлагает идей</u> по повышению качества работы и оптимизации рабочих процессов либо эти идеи носят заведомо нереалистичный характер; <u>игнорирует</u> <u>позитивный инновационный опыт</u> коллег, постоянно <u>демонстрирует скептицизм</u>	Предлагает идеи по оптимизации <u>собственного рабочего процесса</u> , которые одобряются для дальнейшей реализации в подразделении; активно <u>воспринимает позитивный инновационный опыт</u> коллег	Предлагает <u>ценные инновационные идеи</u> по повышению качества работы и производительности труда в <u>масштабах подразделения</u> (функции, банка) и является лидером подразделения по их внедрению; <u>активно делится инновационным опытом</u> с коллегами (<u>«агент инноваций»</u>)
Работа в команде	<u>Недостаточно сотрудничает</u> с коллегами, совместные обсуждения зачастую перерастают в конфликт; настаивает на своей точке зрения <u>в ущерб командным интересам</u> ; имеются существенные замечания относительно культуры общения	<u>Сотрудничает</u> с командой коллег, <u>не замыкаясь на своих обязанностях</u> , старается искать <u>взаимовыгодные решения</u> ; может <u>«подстраховать»</u> коллегу для достижения командного результата	Эффективно сотрудничает с командой коллег, ставит командные <u>интересы выше личных и сугубо функциональных</u> ; <u>берет на себя инициативу</u> по поиску <u>взаимовыгодных решений</u> ; является образцом для подражания по культуре общения в коллективе.
Клиентоориентированность (внешние/внутренние клиенты)	<u>Недостаточно доброжелателен</u> ; ставит свои личные интересы и рабочие правила выше интересов клиента (<u>«приходите завтра»</u>), зафиксированы обоснованные претензии со стороны клиентов к работе сотрудника	Качественно и доброжелательно взаимодействует с клиентами; <u>понимает потребности</u> клиентов; <u>самостоятельно разрешает конфликтные ситуации</u>	Предвосхищает потребности клиента и предлагает решения для удовлетворения этих потребностей; опыт и методы работы сотрудника с клиентами рекомендуются как <u>эталонные для других сотрудников подразделения</u>

- конкретные факты и примеры действий сотрудника;
- информацию о том, что обеспечивает улучшение результатов деятельности и развитие личности.

Внедрение данных мероприятий для совершенствования корпоративной культуры банка посредством мотивации сотрудников даст возможность сравнения:

- динамики показателей работы каждого сотрудника в различные периоды времени (в том числе для принятия кадровых решений);
- показателей работы различных подразделений по широкому перечню операций для принятия управленческих решений (выделения подразделений, в которых целесообразно изменение количества операционных окон, численности сотрудников, уровня оплаты их труда) и более корректном бизнес-планировании (распределении показателей бизнес-плана).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Франклин Р. Особенности современной культуры // Управление персоналом. – 2003. – № 11. – С. 79–80.
2. Особенности корпоративной культуры банков // CorpCulture.ru – Институт корпоративной культуры – консалтинг, проведение тренингов, семинаров. 2008. URL: <http://www.corpculture.ru/content/osobennosti-korporativnoi-kultury-bankov> (дата обращения: 02.03.2012).

Предлагаемая система мотивации направлена на цели корпоративной культуры банка и формирует у сотрудников приверженность целям организации, ориентацию на командное взаимодействие и клиентоориентированность, и стимулирует самосовершенствование каждого сотрудника.

Выводы

1. На основе составляющих корпоративной культуры предложены критерии оценки сотрудников банковской отрасли, разработана схема премирования сотрудников банка для повышения эффективности его работы.
2. Система мотивации сотрудников позволила стимулировать активные продажи банковских продуктов, повысить качество обслуживания и производительность труда сотрудников, стимулировать их карьерный рост.

3. Юнусова А. Банковские специалисты в свете ситуации на рынке труда // Клерк.Ру – служба новостей. 2012. URL: <http://www.klerk.ru/job/articles/255645/> (дата обращения: 02.03.2012).
4. Федин М.К. Корпоративная культура через регламентацию деятельности сотрудников // Менеджмент в России и за рубежом. – 2007. – № 12. – С. 12–16.

Поступила 14.11.2011 г.

УДК 330.832

ВЛИЯНИЕ ЛОМБАРДНОЙ ИНДУСТРИИ НА РЫНОК ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Н.С. Мацеевский

Томский политехнический университет
E-mail: nsm@tpu.ru

Детально изучено состояние ломбардной индустрии в России. Проведена сравнительная характеристика ломбардного и банковского потребительского кредита в период финансового кризиса, выявлены преимущества и недостатки ломбардного кредитования. Показано, что ломбарды значительно влияют на рынок потребительского кредитования и составляют существенную конкуренцию коммерческим банкам. Обоснована возросшая роль ломбардов как социальных стабилизаторов.

Ключевые слова:

Финансовый кризис, ломбардный кредит, банковский кредит, залог, процентная ставка, срок кредитования, сумма кредита.

Key words:

Financial crisis, the pawn credit, the bank credit, pledge, the interest rate, crediting term, the credit sum.

Ломбард – это специализированное кредитное учреждение, выдающее краткосрочные ссуды под залог личного имущества заемщика.

О российском рынке ломбардных услуг известно очень мало. Аналитики и учёные не изучают и не пишут о ломбардной индустрии, так как она достаточно закрыта и непрозрачна. Классических учебников и других объективных источ-

ников информации пока очень мало и основные данные об особенностях этого бизнеса накоплены, в основном, сотрудниками и владельцами ломбардов.

Цель данной работы заключается в детальном изучении ломбардной индустрии в РФ и особенностей её влияния на рынок потребительского кредитования в период финансового кризиса.

Деятельность ломбардов в России регулируется Федеральным законом № 196-ФЗ от 19.07.2007 г. «О ломбардах», который вступил в силу 1 января 2008 г. Субъектами залоговых отношений с участием ломбардов выступают, с одной стороны, граждане – физические лица, нуждающиеся в краткосрочных займах, а с другой – специализированные юридические лица – ломбарды. Предметом залога может быть только движимое имущество, предназначенное для личного потребления, в том числе автомобили. Согласно действующему законодательству существует три вида ломбардной деятельности: а) предоставление краткосрочных займов гражданам, б) организация хранения вещей, в) оказание консультационных и информационных услуг. Ломбардам прямо запрещено заниматься какой-либо иной предпринимательской деятельностью [1].

Согласно Федерального закона № 15-ФЗ от 02.07.2010 г. «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» ломбарды отнесены к микрофинансовым организациям. Деятельность ломбардов подлежит обязательному контролю со стороны Федеральной службы по финансовому мониторингу (в части соблюдения Федерального закона № 115-ФЗ от 07.08.2001 г.) и постоянному контролю со стороны органов Федерального пробирного надзора через региональные Государственные инспекции пробирного надзора (в части соблюдения Федерального закона «О драгоценных металлах» № 41-ФЗ от 26.03.1998 г. и других нормативных актов, регламентирующих деятельность по обращению драгоценных металлов в РФ) [2].

Государственные и частные ломбарды принимают под залог до 450 наименований предметов движимого ценного имущества. В этом списке: 1) антиквариат (монеты, часы, фарфор, литьё, книги, открытки, картины, гравюры); 2) бытовая техника (СВЧ, холодильники, утюги, пылесосы); 3) изделия из кожи и меха; 4) компьютеры, ноутбуки, игровые приставки; 5) оргтехника (факсы, сканеры, копиры, принтеры); 6) сотовые телефоны; 7) столовое серебро; 8) теле-, видео-, аудиоаппаратура; 9) цифровые фотоаппараты; 10) электроинструменты (дрели, перфораторы, болгарки, шуруповёрты); 11) ювелирные изделия и украшения из золота, серебра, платины с драгоценными и полудрагоценными камнями; 12) автомобили, автобусы, мотоциклы, спецтехника.

Договор займа оформляется путём выдачи заёмщику залогового билета, который одновременно является письменной формой договора займа и договора о залоге. Один экземпляр документа предназначен для залогодателя, другой остаётся в ломбарде [3, 4].

Исторически сложилось так, что ломбарды выдают краткосрочные кредиты, хотя закон позволяет оформить договор на год [1]. Но обычно его заключают на срок от нескольких дней до одного месяца, и дальше при необходимости продлевают.

Проценты по выдаваемым кредитам могут колебаться от 7 до 20...23 % в месяц. Иногда они достигают 250 % в год и более [3, 4]. В сравнении с банковскими кредитами эти ставки кажутся высокими, но такова плата за минимум требований, предъявляемых ломбардом, за скорость выдачи ссуды, а также за то, что залог можно в любой момент забрать обратно [3, 5].

Стать клиентом ломбарда может любой гражданин России, при себе нужно иметь паспорт и вещь, которую потребитель должен заложить для получения ссуды. К тому же, ломбардом всегда могут воспользоваться подданные других стран, которые временно проживают на территории РФ и поэтому не вызывающие доверия у банков: иммигранты, иностранцы, туристы.

Клиенты ломбардных услуг, по сути, представляют собой срез российского общества. Основными клиентами являются представители нескольких социальных групп россиян: работники бюджетной сферы, которые имеют стабильные, но весьма скромные зарплаты, а также люди с низкими доходами. Частыми клиентами ломбардов становятся представители малого предпринимательства. А для пенсионеров это, по сути, единственная возможность получить ссуду. Проведённые опросы показывают, что часть из них часто закладывают фамильные драгоценности и обручальные кольца, чтобы свести концы с концами до следующей пенсии, но всякий раз выкупают залогом обратно. Другая часть пенсионеров в интервью признаются, что за заложенными вещами не вернутся, поскольку лекарства для них дороже фамильного серебра [6].

Особенностью ломбардов, определяющей интерес к ним со стороны государства и общества, является то, что они выполняют функцию своеобразных социально-экономических «стабилизаторов» в любых экономических формациях. Выдавая краткосрочные кредиты гражданам, ломбарды удовлетворяют потребности населения в деньгах, уменьшая тем самым социальную напряжённость, и способствуют чисто экономическим путем повышению платёжеспособного спроса на товары и услуги. Эта задача особенно актуальна в условиях экономического кризиса [7].

Существует ещё отдельный класс потребителей, которые используют ломбарды в качестве скорой финансовой помощи. В основном, это женщины среднего возраста, которые сдают драгоценности с тем, чтобы через месяц выкупить их обратно, когда заканчивается их личный «финансовый кризис».

Около 10 % залогодателей – это маргиналы, которые никогда не выкупают залогом [8]. Так как на закладываемое имущество не требуется подтверждения права собственности, то это позволяет таким клиентам сбывать краденые вещи [1].

В настоящее время точное число участников рынка неизвестно, потому что единого регулятора у ломбардов нет [9, 10]. Эксперты полагают, что в России действует порядка 8–9 тыс. ломбардов,

однако по оценкам ЦБ РФ в России работает до 5 тыс. ломбардов [10]. Среднемесячная прибыль государственных ломбардов составляет около 8–10 тыс. долларов США, частных ломбардов – 15–18 тыс., и сетевых ломбардов – более 25 тыс. долларов. Ежегодно количество ломбардов в России увеличивается на 3...5 % [9, 11].

Классические ломбарды крайне заинтересованы в том, чтобы выдать клиентам как можно больше кредитов, а процент невостребованных остатков не превышал 5...10 %. В этом случае их доходы возрастают. Сумма кредита зависит от характера залога, его состояния и востребованности на рынке, от надёжности клиента и ценовой политики конкретного ломбарда [9, 11]. Далеко не всегда оценка имущества происходит по среднерыночным ценам, так как ломбарды страхуются от возможного невозвращения кредита и от не выкупа залога. К тому же на руки заёмщику выдаётся не вся сумма, а 50...90 % от оценочной стоимости имущества [11].

Особенности ломбардного кредитования, его достоинства и недостатки приведены в табл. 1.

И всё же, 85...90 % отечественных ломбардов предпочитают работать с ювелирными изделиями и бриллиантами. Ведь золото, серебро, платина испокон веков являются эквивалентом денег и представляют собой надёжный и ликвидный товар. Под залог ювелирных изделий ломбарды выдают кредиты в размере 90...95 % от их оценочной стоимости [11].

Если в положенный срок кредит и проценты по нему не заплачены, то наступает так называемый льготный период (один месяц), в течение которого ломбард продолжает хранить залог, а клиент имеет право выкупить его в любое время вплоть до момента продажи, но теперь уже с учётом штрафных санкций [3, 12, 13]. Ломбарды имеют право начислять пени, допустим, 0,5 % от оценочной стоимости вещи плюс дополнительные проценты по выданному кредиту за каждый день просрочки.

Значительная часть населения России уже приобрела привычку жить в долг. С приходом экономического кризиса 2008 г. многие коммерческие банки сократили свои программы по кредитованию населения, мелкого и среднего бизнеса, увеличили сроки рассмотрения заявок, ужесточили условия выдачи потребительских кредитов или вообще отказались их выдавать. В банковской системе РФ в 2008–2009 гг. наблюдается резкий рост просроченной ссудной задолженности. В течение этого времени качество кредитного портфеля коммерческих банков значительно ухудшилось, при этом величина «плохих» активов банков существенно превысила суммы текущей ссудной задолженности. А общий размер просроченных ссуд в 2010 г. увеличился в 1,79 раза [12]. В связи с этим, выдача потребительских кредитов во втором полугодии 2008 г. и в 2009–2010 гг. по сравнению с 2007 г. уменьшилась в разы [13].

Таблица 1. Соотношение достоинств и недостатков ломбардного кредитования

Достоинства	Недостатки
Предоставление ломбардных кредитов российским гражданам, а также нерезидентам – подданным других стран мира	Высокие процентные ставки за пользование кредитом: от 7 до 23 % в месяц (до 250 % в год)
Предоставление кредитов клиентам с низким уровнем доходов, не имеющих доступа к банковским кредитам	Низкая оценкакладываемого имущества, скупка по заниженным ценам ювелирных изделий и украшений из драгоценных металлов
Предоставление кредитов вне зависимости от цели их использования	Незаконное увеличение ставки кредитования
Широкий спектркладываемого имущества – свыше 450 наименований	Продажа заложенных вещей во время льготного срока
Гибкие сроки предоставления кредита – от одного месяца до года	Продажа залогов без проведения аукционных торгов
Предоставление розничных финансовых услуг: выдача микрокредитов – небольших сумм от 500 до 1000 р.	Низкое качество предоставляемых услуг в целом
Минимальные сроки оформления кредитной сделки – от 15 мин до 2 ч	Участие в ломбардном бизнесе недобросовестных участников рынка – псевдоломбардов
Платёжеспособность клиентов, их доходы, место работы, социальный статус не выясняются	Приём в залог украденного имущества
Принятые в залог вещи страхуются в пользу залогодателя на полную сумму их оценки	Высокие риски для пользователей ломбардных услуг сохраняются
Ломбарды несут ответственность за утрату и повреждение заложенных вещей	Незаконное обналичивание и «отмывание» денег, полученных криминальным путём
Возможность выкупить залог обратно в любое время	–
Помощь в развитии малого бизнеса посредством кредитования индивидуальных предпринимателей	–
Смягчение социальной напряжённости в обществе при задержках зарплат, возникновении временных финансовых трудностей в кризисное время	–

Лишившись доступа к банковским кредитам, население и бизнес, вынужденные искать средства к существованию, обратились за кредитами в ломбарды, которые фактически превратились в один из важных источников заёмных средств. В январе 2010 г. ЦБ РФ подтвердил, что в 2009 г. на фоне резкого сокращения кредитования населения банками значительно вырос спрос на услуги ломбардов [10, 11]. Однако возникший ажиотажный спрос на кредитные ресурсы, в сложившихся условиях действующие ломбарды оказались неспособны удовлетворить [13]. Сложившаяся ситуация привела к тому, что в 2009–2010 гг. значительно выросло количество ломбардов, так как больших денежных

средств для открытия и регистрации ломбардного бизнеса не требуется, а выполнить необходимые мероприятия для входа на рынок технически и экономически несложно [10].

Главной причиной взрывного роста ломбардов в стране стало резкое увеличение спроса на кредитные ресурсы и сокращение объёмов потребительского кредитования коммерческими банками. Вторая причина обусловлена снижением производственной активности предприятий и недостаточными доходами населения, так как на многих предприятиях произошли сокращения персонала и снижение уровня зарплат. И третья причина увеличения численности заключалась в высоком уровне безработицы, которая составляла от 8,5 до 10,5 % в зависимости от региона РФ [13]. Таким образом, финансовый кризис и сопутствующие ему причины стали дополнительным важным стимулом к развитию ломбардного бизнеса. Оказалось, что это хотя и дорогой, но наиболее лояльный и оперативный источник кредитования.

Ломбарды являются соперниками коммерческих банков на рынке потребительского кредитования. Современные ломбарды — это высокотехнологичные учреждения, оборудованные разнообразной техникой, практически ни в чём не уступающие банкам в сфере обслуживания клиентов, а по ряду параметров превосходящие их, прежде всего, из-за отсутствия очередей и минимального

времени на получение кредита: на оформление залогового билета затрачивается от 15 мин. до 2 ч. Кроме того, банки почти не занимаются микрокредитованием, а в ломбарде можно взять в долг любую сумму. Благодаря работе ломбардов, заёмные средства стали доступны тем потребителям, кому трудно получить кредиты в банках из-за малых объёмов запрашиваемых средств, отсутствия кредитной истории и других причин [11].

В сложившихся условиях всё отчётливее стали проявляться преимущества ломбардов как кредитных институтов рынка потребительского кредитования, табл. 2. Одно из основных преимуществ ломбардов заключается в том, что они могут выдавать кредиты без длительных и сложных процедур. Кроме того, информация о платёжеспособности клиентов и дальнейший контроль над ними не требуется, т. к. цена залога превышает сумму выданного кредита. Социальный статус клиентов, их доходы, место работы не выясняются. У ломбардов долгосрочная задолженность со стороны клиентов возникнуть не может. Если должник не выплачивает полученный кредит в определённый срок и не платит проценты по нему, то ломбард продаёт предмет залога на аукционе и покрывает свои издержки [1].

Ломбард обязан за свой счёт страховать принятые в залог вещи в пользу залогодателя на полную сумму их оценки. При наступлении страхового

Таблица 2. Сравнительная характеристика особенностей банковского и ломбардного кредитования

Критерии	Ломбард	Коммерческий банк
Заёмщики	Только физические лица, резиденты и нерезиденты, в том числе клиенты с низким уровнем доходов, не имеющие кредитной истории, не получающие доступа к основным кредитным рынкам	Физические и юридические лица – резиденты
Залоги	Движимое имущество, принадлежащее заёмщикам и предназначенное для личного потребления	Движимое и недвижимое имущество, которое может отчуждаться в соответствии с законами и ГК РФ
Процентная ставка	Процентные ставки высокие – до 200...250 %	От 11 до 25 % в зависимости от срока кредитования
Платёжеспособность клиентов, их доходная база	Платёжеспособность клиентов, их доходы, место работы, социальный статус не выясняются	Доходы заёмщиков и их платёжеспособность имеют первостепенное значение
Процедура оформления кредитной сделки	Сроки оформления сделки минимальны и составляют от 15 мин до 2 ч	Оформление кредита занимает от 2 до 5 дн.
Сумма выдаваемых кредитов	Минимальная сумма не ограничена, максимальная сумма ограничена	Минимальная и максимальная суммы ограничены
Сроки кредитования	Только краткосрочные кредиты – от одного до трёх месяцев (по закону – до одного года). При необходимости срок кредитования продлевается	Кратко-, средне-, долгосрочные кредиты – от нескольких месяцев до 25...30 лет
Цели кредитования	Кредит не носит целевого характера и предоставляется вне зависимости от цели	Указание цели получения кредита обязательно
Возможность досрочного погашения	Досрочный возврат кредитной суммы только приветствуется и не облагается дополнительной комиссией	Досрочное погашение кредитов не поощряется, оговаривается отдельным пунктом договора
Лицензирование участников финансового рынка, контроль за деятельностью	Получать лицензию не требуется, деятельность ломбардов регулируется только законами РФ, псевдоломбарды работают без регистрации	Финансовая деятельность банков лицензируется ЦБ РФ, осуществляется строгий контроль в режиме постоянного мониторинга
Налогообложение доходов	Многие ломбарды подают заведомо ложную информацию о получаемых доходах, занижают суммы налоговых выплат или не платят их вообще	Доходы коммерческих банков облагаются повышенными налогами
Связь с теневой экономикой, коррупцией и криминалом	Ломбардный бизнес привлекателен для криминальных структур, тесно связан с теневой экономикой и коррупцией	Связь банков с теневыми явлениями, коррупцией и криминалом минимальна и жёстко пресекается

случая страховку получает залогодатель. Ломбардам запрещено пользоваться и распоряжаться заложенными вещами, и они несут ответственность за утрату и повреждение заложенных вещей, если не докажут, что утрата или повреждение произошли вследствие обстоятельств непреодолимой силы [1, 4, 12, 13].

В это кризисное время частыми клиентами ломбардов стали граждане, временно потерявшие работу, лица, имеющие сложности с исполнением кредитных обязательств перед банками в связи со снижением заработной платы, а также бизнесмены, которым необходимы оборотные средства для сохранения бизнеса. Всё чаще услугами ломбардов стали пользоваться обеспеченные граждане и представители среднего класса [4].

Многим клиентам нравится личное участие в оценке залогового имущества, возможность индивидуального подхода при определении сроков и суммы займа. Срок кредитования в ломбарде можно увеличить в любой момент, что невозможно при оформлении кредита в банке. Досрочный возврат кредитной суммы только приветствуется и не облагается дополнительным штрафом.

На бизнес ломбардов не влияют ключевые факторы, тормозившие рост банковского кредитования во время кризиса. Ломбардам, в отличие от банков, согласно законодательству, не нужно формировать резервы на возможные потери по ссудам, и не требуется получать лицензию для работы на финансовом рынке [1, 7, 8]. Благодаря особенностям структуры залогового имущества, а также высоким ставкам по кредитам, ломбарды избежали значительного роста рисков и увеличили объём кредитования. По экспертным данным совокупный объём этого сегмента финансового рынка в России в 2009–2010 гг. составил около 500 млн долларов США [11].

В относительных величинах в 2009 г. ломбарды увеличили объёмы кредитования физических лиц и предпринимателей на 18 %, в то время как коммерческие банки сократили свой совокупный кредитный портфель на 0,8 % [7]. Существенное увеличение объёмов кредитования ломбардами связано не только с кризисной ситуацией, но и со сравнительно простой и доступной процедурой получения краткосрочных займов. Рост выдачи денежных средств ломбардами подтверждается также данными Росфинмониторинга [10].

За прошедшие годы подход к этому виду финансово — экономической деятельности кардинальным образом изменился. На рынке России появились частные ломбарды, относящиеся к своему бизнесу крайне серьёзно и вкладывающие большие средства в модернизацию и разработку новых технологий. В условиях обострившейся конкурентной борьбы стали доминировать ломбарды, обладающие передовыми технологиями. Они значительно сократили себестоимость ссудно-залоговых операций и повысили пропускную способность ломбардов [14].

В настоящее время ведущие ломбарды по дизайну и наполнению офисной техникой приближаются к банковским отделениям. Качество сервиса передовых российских сетевых ломбардов не уступает зарубежным. В своей работе они используют современные методы и оборудование для оценки бриллиантов и золота, что позволяет оперативно и качественно проводить ссудно-залоговые операции. Невыкупленные клиентами изделия проходят тщательную предпродажную подготовку на самом современном оборудовании. Многие ломбарды обладают прекрасно оборудованными ювелирными магазинами, где можно приобрести как современные изделия, так и раритетные вещи [14].

Федеральный закон «О ломбардах» в большой степени ориентирован на защиту прав потребителей ломбардных услуг, оговаривает многие важные детали, в том числе оценку вещей, правила их хранения и порядок реализации. Например, вещи стоимостью свыше 30 тыс. р. могут продаваться только с аукциона. Ломбард не вправе брать с клиентов дополнительные (скрытые) проценты. Закон защищает залогодателей в тех случаях, когда неустраиваемая вещь ломбардом продана. Если торги состоялись и залог продан, то залогодатель имеет право ещё в течение трёх лет получить от ломбарда разницу в цене, если залог продан по цене выше, чем при принятии в залог. А если залог продан дешевле оценочной стоимости, то на этом обязательстве клиента перед ломбардом прекращаются, хотя ломбард остаётся в убытке [1].

В последние годы, благодаря высокой конкуренции и стабилизирующей роли крупных ломбардов, цены на услуги имеют тенденцию к снижению. Следует отметить, что для граждан, нуждающихся в небольших кредитах, многие ломбарды (в частности, в Москве, Новосибирске, Омске) устанавливают более низкую (менее 10 %) плату за кредит. Учитывая тот факт, что в небольших кредитах, как правило, нуждаются малообеспеченные граждане, то можно утверждать, что указанные ломбарды объективно формируют систему мер по социальной защите населения за счёт относительно обеспеченных граждан, берущих более крупные кредиты за повышенные проценты [7].

Предоставляемые ломбардами микрокредиты позволяют смягчать социальную напряжённость в обществе, избегать финансовых проблем в семьях при задержках зарплат, при возникновении временных финансовых трудностей в кризисное время. Ломбарды помогают поддерживать и развивать малый бизнес посредством кредитования индивидуальных предпринимателей, частично содействуя преодолению бедности и безработицы [3].

Однако ломбардная индустрия в России сталкивается с определёнными трудностями. Самая значимая из них — это доступ к банковским кредитным ресурсам. Очень тяжело получить кредит на длительный срок. Более того, некоторые банки вообще отказываются работать с ломбардами, видя

в них своих конкурентов. Они отказывают ломбардам в получении кредитных ресурсов даже на обеспечение оборотных средств [5, 12].

Проведённые нами исследования показывают, что кроме достоинств, ломбардный бизнес обладает и недостатками, подробный перечень которых приведён в табл. 1 и 2. К недостаткам относятся: высокие процентные ставки за пользование кредитом, низкая оценка закладываемых изделий, риск не выкупа залога, предоставление только краткосрочных кредитов, недостаточный уровень сервиса и ряд других [3, 7].

В структуру ломбардной индустрии входит особая группа залоговых учреждений — это замаскированные под ломбарды пункты скупки ювелирных изделий и драгоценных металлов. Они выстраивают систему кредитования таким образом, чтобы ювелирные изделия, украшения из золота и другие драгоценности, автомобили, меха, ковры и т. д. переходили в их собственность за половину или даже за треть реальной стоимости. С их помощью ювелирные фирмы пополняют свои запасы готовых изделий и золотого «лома». В профессиональной среде такие недобросовестные участники рынка именуются «браконьерами» или «псевдоломбардами» [11]. Часто встречаются ломбарды, которые совмещают официальную деятельность с нелегальной [10].

В последнее время они заметно активизировались. Одна из самых частых жалоб на работу подобных структур — продажа заложенной вещи во время льготного срока, после чего вернуть её стоимость можно только по суду. Не во всех ломбардах проводятся аукционы [6]. В процессе предпродажной подготовки недобросовестные ломбарды «улучшают» товарный вид неновой вещи до такой степени, что она превращается в «новую» [14]. Среди них есть ломбарды, которые промышляют сбором незаконных платежей и, в обход закона, увеличивают эффективную ставку кредитования [15]. Высокие риски ломбардного бизнеса сохраняются: если псевдоломбард неожиданно будет закрыт, то залогодатель своё имущество потеряют [13].

Особенно много проблем возникает с ювелирными изделиями. На рынке драгоценных металлов России реализуется много золота, не соответствующего нанесенной на нём пробе [6]. Не менее острая проблема — ворованное имущество. Стремясь побыстрее сбыть его, воры пользуются услугами ломбардов. Определять криминальное происхождение сдаваемых изделий в функции ломбардов не входит, поэтому любая вещь принимается в залог [1, 7, 11].

Многие участники рынка работают без регистрации или подают заведомо ложную информацию о получаемых доходах. По данным экспертов

бухгалтерскую отчётность исправно представляют в налоговые органы только 25 % ломбардов [8].

К недостаткам также следует отнести возможность вовлечения данных структур в криминальный бизнес. Скупочный бизнес псевдоломбардов тесно связан с теневой экономической активностью и по-прежнему привлекателен для криминальных структур [3].

В заключение следует отметить, что ломбардные розничные финансовые услуги стали неотъемлемой частью банковско-кредитной системы России. Ломбарды в значительной степени дополняют её и существенно влияют на жизнь многих россиян. Благодаря усилившейся конкуренции, качество предоставляемых услуг заметно выросло. Ломбарды обладают огромным потенциалом для расширения своей деятельности и, несмотря на недостатки, остаются хорошей альтернативой банкам.

Выводы

1. В условиях финансового кризиса ломбардный бизнес России получил дополнительный импульс для дальнейшего развития. Спрос на услуги ломбардов значительно вырос и в 2009–2010 гг. количество участников рынка существенно увеличилось. Объёмы выданных ломбардами кредитных средств за этот период времени сопоставимы с объёмами банковского кредитования.
2. Имидж ломбардов, как серьёзных кредитных институтов парабанковской системы страны, всё больше набирает силу. Современные ломбарды составляют конкуренцию коммерческим банкам на рынке потребительского кредитования, а по скорости оформления и выдачи кредитов и другим параметрам даже превосходят их.
3. Ломбардная индустрия значительно расширила сферу влияния: сегодня услугами ломбардов могут пользоваться все слои населения, хотя первоначально за помощью к ней обращались, в основном, клиенты с низким уровнем доходов, не имеющие доступа к банковским кредитным ресурсам.
4. Ломбардную индустрию РФ образуют классические и «псевдоломбарды». Федеральный закон РФ «О ломбардах» № 196-ФЗ, введённый в действие с 01.01.2008 г., позволяет недобросовестным участникам присутствовать и активно «работать» на рынке. Рынок ломбардных услуг нуждается в совершенствовании действующего закона.
5. Ломбардные микрокредиты позволяют оказывать финансовую помощь населению, снижать социальную напряжённость, помогают поддерживать малый бизнес, содействуют преодолению бедности и безработицы в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон ФЗ «О ломбардах» № 196 от 19.07.2007 г. 2011. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=72327> (дата обращения: 09.05.2011).
2. Письмо президенту РФ Д.А. Медведеву от «Ассоциации Уральских Ломбардов» (Исх. № 20/10 от 15.10.2010 г.). 2011. URL: <http://www.aul66.ru/news1.htm> (дата обращения: 21.03.2011).
3. Мациевский Н.С., Ерёмин В.В. Особенности рынка ломбардных услуг России // Европейский журнал социальных наук (European Social Science Journal – ESSJ). Гуманитарные науки и современность // Сб. научных докладов II Междунар. научной конф. – 10 окт. 2011 г., г. Москва. – М.: Изд-во МИИ, 2011. – № 7. – С. 473–480.
4. Евдокимова Ю. Кредит в стиле ретро // Электронный журнал: Financial Family. 2011. URL: http://www.financialfamily.ru/index.php?s_id=articles&e_id=327 (дата обращения 19.03.2011).
5. Гайдерова Е.А. Особенности государственного регулирования кредитных организаций в России // Вестник Башкирского института социальных технологий. – 2010. – № 4. – С. 91–99.
6. Осторожно, ломбард // Деловая пресса: Бизнес и криминал. – 2006. – № 38. – 19 августа. 2011. URL: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_34_aId_393587.html (дата обращения: 25.04.2011).
7. Донченко М.А. Сравнительная характеристика ломбардного и банковского кредита в условиях финансового кризиса // Terra economicus. – 2010. – Т. 8. – № 2–3. – С. 111–114.
8. Андреев А. Скупочный бизнес становится всё более привлекательным для криминальных структур // Российская газета. – Приволжье. – 2007. – № 4541. – 12 декабря. 2011. URL: <http://www.rg.ru/2007/12/12/reg-privolzhje/lombard.html> (дата обращения: 27.03.2011).
9. Алеев Э.А. Ломбарды и перспективы их развития в России // Сервис в России и за рубежом. – 2007. – № 4. – С. 17–24.
10. Петров И. Банк России выходит на тропу войны против ломбардов // РБК Daily. 2011. URL: <http://liveangarsk.ru/blog/ferman/20100913/bank-rossii-vykh> (дата обращения 17.03.2011).
11. Вложите в ломбард // Электронный журнал «Свой бизнес». 2011. URL: <http://www.park.ru> (дата обращения: 13.04.2011).
12. Донецкова О.Ю. Тенденции развития кредитного рынка Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 120. – С. 95–101.
13. Ломбарды: привычка жить взаймы // Континент Сибирь. – 2009. – № 32. – 21 августа. 2011. URL: http://ksonline.ru/b2b_services/analytics/-/id/260/ (дата обращения: 13.03.2011).
14. Бобров Н.В. Рынок ломбардных услуг России накануне больших перемен // Ростовщик.ру. 2011. URL: <http://www.usurer.ru/credits.php?event=view&id=75> (дата обращения: 17.03.2011).
15. Россияне предпочитают кредитоваться в ломбардах, а не в банках // Деловая пресса. 2011. URL: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_43_aId_506610.html (дата обращения: 25.04.2011).

Поступила 21.07.2011 г.

УДК 332.72:338.242.4

ПРИМЕНЕНИЕ SWOT-АНАЛИЗА ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ НА ПРИМЕРЕ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ

Э.В. Плучевская, А.А. Кондратьева

Томский политехнический университет

E-mail: emilyval@rambler.ru

Предположено, что построение структуры управления предприятием в отрасли наиболее эффективно, если изначально провести укрупненную диагностику самого отраслевого рынка. Доказательства данного предположения апробированы на примере рынка недвижимости с использованием методики SWOT-анализа. Путем выявления сильных и слабых сторон рынка недвижимости, определения возможностей и угроз дальнейшего развития непосредственно самого рынка составлен прогноз развития предприятий в данной отрасли и внедрения оптимально эффективной системы управления на этих предприятиях.

Ключевые слова:

Методика, SWOT-анализ, рынок недвижимости, слабые стороны, сильные стороны, угрозы, возможности, отраслевой рынок, матрица, эффективность, управление, альтернативные решения.

Key words:

Methodology, SWOT-analysis, real estate market, weaknesses, strengths, threats, opportunities, sectoral market, matrix, effectiveness, management, alternative solutions.

В 1963 г. в Гарварде на конференции по проблемам бизнес политики профессор К. Андриус впервые озвучил акроним SWOT, который широко применяется в стратегическом планировании [1].

На сегодняшний день, в виду того, что SWOT-анализ в самом общем виде не содержит каких-либо сложных экономических категорий и трудоемких формализованных вычислений, его можно ис-

пользовать и применять к любым понятиям, объектам или явлениям [2]. Например: к блокам государств, отдельным странам, органам государственного управления, бизнес сообществу, общественным организациям, союзам и ассоциациям, рынкам, для выработки стратегий развития в самых различных областях деятельности. Предлагаем в этой связи рассмотреть применение SWOT-ана-

лиза как какого-либо отраслевого рынка с целью определения траектории его дальнейшего развития.

Если в качестве объекта исследования выбрать любой рынок, то цель SWOT-анализа будет состоять в том, чтобы четко сформулировать основные направления развития рынка через систематизацию имеющейся информации об его сильных и слабых сторонах, а также определить потенциальные возможности и угрозы, действующие на рынок недвижимости извне. Таким образом, SWOT-анализ будет рассматриваться как определение сильных и слабых сторон исследуемого рынка, а также выявление возможностей и угроз, исходящих из его ближайшего окружения (внешней среды). Таковой средой чаще всего выступает экономико-политическая ситуация в стране, если речь идет о рынке недвижимости в пределах определенной страны, но когда мы говорим о мировом рынке недвижимости, соответственно необходимо принимать во внимание влияние всех государств.

Соответственно, SWOT-анализ можно эффективно применить для выработки стратегии к такому объекту как рынок недвижимости, если рассматривать его как бизнес-структуру. Под сильными и слабыми сторонами этой рыночной организационной структуры следует понимать самые разнообразные внутренние аспекты деятельности данного рынка. Возможности и угрозы находятся вне зоны контроля и влияния со стороны данной системы. Теперь понятно, почему возможности и угрозы будут рассматриваться как внешние проявления макросреды, которые относятся к элементам рыночного окружения. Отдельно отметим также, что для того, чтобы более точно и реально оценить ныне существующие и будущие возможности и исходящие угрозы, оказывающие влияние на развитие рынка недвижимости, необходимо проведение внешней диагностики.

Гипотетически привлекательность рынка недвижимости как одной из составных частей основы развития российской экономики не вызывает сомнения. Тем не менее, с помощью SWOT-анализа могут быть выявлены другие альтернативные возможности и определены новые угрозы внешней макросреды для развития рынка недвижимости в стране, что, возможно, было пропущено или не принималось в расчет ранее. Считаем, что с учетом того, что экономическое развитие страны подвержено структурным сдвигам и изменениям, SWOT-анализ следует проводить на постоянной основе, а не единожды, причем, в нашем случае как для рынка недвижимости на уровне страны, в целом, так и на уровне регионов, а так же при более глубоком анализе на мировом уровне.

Проще говоря, SWOT-анализ, проводимый относительно рынка недвижимости на уровне региона, в общем виде позволит с внутренней стороны выявить и структурировать сильные и слабые стороны данной системы в процессе ее функционирования или предпосылок концепции развития. Затем с помощью этого анализа можно будет опреде-

лить потенциальные возможности и угрозы, существующие и исходящие извне для развития рынка недвижимости на уровне страны. Таким образом, задачи SWOT-анализа в отношении рынка недвижимости будут сводиться к тому, чтобы:

- выявить внутренние сильные и слабые стороны данной рыночной системы;
- выявить возможности и угрозы со стороны влияния внешнего и внутреннего рынка недвижимости;
- увязать влияние и взаимосвязь внутренних сильных и слабых сторон рынка недвижимости с внешними проявлениями возможностей и угроз;
- сформулировать в общих чертах основные направления развития исследуемого рынка как на уровне региона, так и страны в целом;
- сформировать перечень действий и мер на основе бизнес-планирования по минимизации последствий угроз и более широкому использованию предоставляемых возможностей.

Сильные стороны рынка недвижимости — это внутренние характеристики рынка, которые выгодно позиционируют первостепенное преимущество его развития в условиях влияния различных взаимодействующих экономико-социальных, политических и экологических факторов. На сегодняшний день в России есть ряд реально существующих, положительных по своей природе, обстоятельств, факторов и явлений экономической, общественной, технологической и научно-практической жизни, которые можно отнести к сильным сторонам функционирования данного рынка и которые будут способствовать его развитию. Среди них необходимо выделить следующее:

- действуют государственные программы инновационного развития экономики страны, формирование особых экономических зон, что способствует динамичному развитию рынка недвижимости;
- в России существует положительный опыт реализации масштабных перспективных планов развития более слабых регионов (дотационных);
- функционирует Федеральное агентство по управлению государственным имуществом, в которой работают высокообразованные специалисты, способные контролировать и регулировать рыночную ситуацию;
- действуют государственные программы: «Жилище» на Федеральном уровне и «Субсидирование процентной ставки» на уровне региона Томская область;
- достаточно развита гибкая система ипотечного кредитования, взаимодействующая со строительными компаниями и позволяющая получить недостающие суммы со стороны бизнеса;
- существует поддержка строительных жилищных компаний со стороны государства в виде грантов и госзаказов с целью обеспечения жильем отдельных категорий граждан (военные, врачи, работники сферы образования, и т. д.);

- в РФ осуществляется ряд инновационных научно-исследовательских проектов, которые имеют мировое значение и способствуют развитию межрегиональной миграции, что влечет за собой увеличение потребности в жилье, расширению производственных площадей, офисных помещений, привлечению новых инвестиций в строительство наукоградов;
- попытка снижения спекулятивного спроса, путем налоговых мероприятий.

Безусловно, эти восемь, выше указанных, «сильных» факторов и явлений послужат основой для успешного анализа функционирования рынка недвижимости в России. Возможно, на самом деле их в нашей стране гораздо больше. Но для того, чтобы их дополнительно определить, необходимо проведение более глубоких и последовательных аналитических исследований.

Слабые стороны рынка недвижимости — это также внутренние характеристики рынка недвижимости, которые по отношению к гипотетической экономической ситуации (что можно рассматривать на уровне государства в области развития рынка недвижимости в целом) выглядят наиболее слабыми или неразвитыми, и которые существует возможность улучшить в будущем. К слабым сторонам рынка недвижимости можно отнести:

- слабое понимание на высшем уровне в правительстве (необходимости урегулирования процессов, связанных с выделением землеотводов, ценообразованием и государственной регистрации прав собственности и т. д.);
- перенасыщение рынка посредниками и стимулирование, таким образом, спекулятивного спроса (многократная перепродажа одного и того же объекта недвижимости);
- слабый уровень профессионального поведения посредников или почти полное его отсутствие;
- разобщенность ресурсов по развитию рынка недвижимости, как материальных и финансовых, так и людских;
- отсутствие четкой законодательной базы и нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность участников рынка недвижимости;
- нарушение баланса рынка, перераспределение производственных сил, связанных с кризисными событиями (разорение крупных застройщиков, и как следствие снижение первичной недвижимости);
- необоснованно завышенные цены на рынке как первичной, так и вторичной недвижимости, обветшание последней;
- слабая эффективность государственных программ в области стимулирования роста дохода на душу населения, как на федеральном, так и на региональном уровне;
- отсутствие полномасштабных маркетинговых исследований и неполноценный анализ показателей влияющих на динамику рынка недвижимости;
- несоответствие многих первичных объектов общепринятым стандартам.

Перечисленные десять негативных факторов, которые были отнесены к слабым сторонам рынка недвижимости, конечно же, можно исправить в будущем, если решением этих проблем заниматься всерьез, на долгую перспективу и тщательно. Именно для этого и проводится данное исследование, чтобы либо с помощью применения SWOT-анализа государственного управления минимизировать количество слабых сторон, либо вовсе навсегда исключить некоторые слабые стороны.

Альтернативные решения (возможности) являются характеристикой внешней среды по отношению к развитию рынка недвижимости как на региональном уровне, так и на федеральном. Возможностями для изучаемого рынка являются благоприятные внешние обстоятельства, которые можно использовать для усиления сильных сторон или получения новых ключевых преимуществ. Как правило, вовремя выявленные новые возможности являются основой для диверсификации бизнеса в данном секторе экономики. Как уже отмечалось выше, для этой цели следует постоянно проводить аудит или маркетинговые исследования макросреды по поиску альтернативных решений по рынку недвижимости. При поиске альтернатив следует обратить пристальное внимание, на такие явления как:

- позитивные мировые тенденции развития рынка недвижимости;
- резкий рост спроса (по каждому из сегментов рынка) на новостроящиеся объекты недвижимости;
- появление новых технологий производства, которые можно с успехом внедрить в производство и восстановление ветхих объектов;
- стимулирование повышения интереса как российских, так и зарубежных инвесторов и потенциальных заказчиков (потребителей) к возведению объектов недвижимости;
- расширение структуры сбыта и ассортимента жилищных объектов (от малогабаритного до элитного жилья).

Отметим также важное влияние на успешное развитие рынка недвижимости следующих факторов внешней макро- и микроэкономической среды внутри страны:

- законодательство и политическая среда, ожидаемые или возможные их изменения;
- экономическое положение страны или отдельного ее региона.

В качестве потенциальных угроз могут быть:

- изменение показателей роста валового национального продукта;
- возможные значительные изменения в системе налогообложения;
- повышение уровня ожидаемой инфляция и негативное ее влияние на развитие рынка недвижимости;
- социально-демографические факторы (старение населения нашей страны и его естественную убыль, рост трудовой миграции, особенно молодежи студенческого возраста, в сопредель-

- ные государства (страны Европейского союза), рост уровня безработицы);
- изменение экологической среды и ряд других важных показателей. Изменение экологической обстановки сказывается на предпочтениях участников рынка. Если экология ухудшается, то это приводит к росту заболеваний, преждевременному старению организма и смерти и как следствие выбор потребителя склоняется в сторону экологически чистых районов.

Поэтому, чтобы снизить влияние этих и других потенциальных угроз извне правительство России должно пересмотреть основные элементы экономической политики государства, прежде всего, на уровне изменения законодательства. В этом случае действия российского правительства как органа исполнительной власти должны способствовать развитию строительных технологий на базе инновационных разработок созданных в технико внедренческих зонах.

Таким образом, были раскрыты в общем виде матрица SWOT-анализа. Чтобы считать этот анализ законченным, следует сформировать взаимосвязей между четырьмя факторами, поскольку раскрытие матрицы SWOT-анализа заключается в построении взаимосвязи между сильными и слабыми сторонами, с одной стороны, и возможностями и угрозами, с другой стороны на примере Томской области.

Это разбиение достигается благодаря использованию следующей более развернутой, чем ранее, матрицы SWOT-анализа (таблица), в которой в четырех квадрантах размещено первичное формулирование фраз или вопросов [3]. В ходе исследования рынка недвижимости Томской области были произведены:

- анализ их осуществимости по приоритету и значимости;
- ранжирование фраз и ответов на них по значимости в каждом квадранте таблицы;

Таблица. Развернутая форма матрицы SWOT-анализа в виде основных вопросов

Факторы	Сильные стороны	Слабые стороны
Возможности	Каким образом можно использовать сильную сторону для развития рынка недвижимости благодаря использованию возможности? Либо наоборот: каким образом можно использовать возможность для усиления сильной стороны рынка?	Каким образом можно использовать возможности для снижения негативного влияния слабых сторон на развитие рынка недвижимости? Либо наоборот: каким образом можно с помощью возможностей преобразовать слабые стороны рынка?
Угрозы	Каким образом можно использовать сильную сторону рынка недвижимости для снижения негативного влияния проявления угроз? Либо наоборот: как появление угроз может способствовать развитию сильных сторон рынка недвижимости?	Не рассматриваются

- введение дополнительного перечня сильных и слабых сторон рынка недвижимости при необходимости;
- корректировка ответов полученных фраз до уровня понимания риелторами и другими участниками рынка, в том числе Федеральным агентством по управлению государственным имуществом последовательности действий для последующей их практической реализации.

Таким образом, используя обозначенные в квадрантах вопросы, можно сформулировать список неотложных мер для выработки стратегии действий. При формулировании мер можно использовать несколько сильных и даже, как не парадоксально, слабых сторон рынка недвижимости с одной возможностью или угрозой и наоборот. После получения ответов на поставленные вопросы данной матрицы и понимания их сути можно перейти к следующему шагу, который сводится к определению основных направлений развития рынка недвижимости.

В самом общем виде, для определения основных направлений развития рынка недвижимости необходимо, используя полученные данные SWOT-анализа на основе общей и развернутой форм, осуществить:

- составление общего четко структурированного списка мероприятий и мер, которые были ранее сформулированы на предыдущем этапе и размещены в трех квадрантах матрицы SWOT-анализа;
- формирование шкалы критериев оценки для определения наиболее значимых и приоритетных мероприятий;
- ранжирование обозначенных мер по выбранным критериям оценки;
- разработку проекта по реализации намеченных мероприятий.

Для составления общего структурированного перечня мер необходимо собрать воедино все матрицы SWOT-анализа по всем уровням рынка недвижимости (как региональным, так и федеральным). В качестве критериев оценки могут выступать:

- значимость для рынка недвижимости определенной сильной или слабой стороны или наоборот, значимость возможности или угрозы;
- эффективность осуществленных мероприятий (конечный результат), либо затраты мероприятия, либо максимизация отношения «конечный результат/затраты».

Выводы

На основе SWOT-анализа предложена методика оценки состояния рынка недвижимости и выбора форм государственного влияния на данный сектор экономики.

Проведена оценка возможностей и внешних угроз для рынка недвижимости, что позволит своевременно вносить изменения в стратегию его развития как на федеральном, так и на региональном уровнях, оптимизировать построение системы управления и стратегического развития на предприятиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаррисон Р., Норин Э., Брюер П. Управленческий учет. – Киев: Companion Group, 2009. – 1024 с.
2. Богатин Ю.В. Управленческий учет. Информационное обеспечение рациональных плановых решений фирмы. – М.: Финансы и статистика, 2007. – 512 с.
3. Плучевская Э.В. Применение методики SWOT-анализа в отношении отраслевых рынков // Российское предпринимательство. – 2011. – № 12. – С. 131–136.

Поступила 31.10.2011 г.

УДК 338.001.36

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДОВ ПОВЫШЕНИЯ ЭКСПЛУАТАЦИОННОЙ НАДЕЖНОСТИ ПРОМЫСЛОВЫХ ТРУБОПРОВОДОВ

Д.В. Федин, А.Ф. Бархатов, А.А. Вазим

Томский политехнический университет
E-mail: dvf_87@mail.ru

Проведен сравнительный анализ эффективности методов повышения эксплуатационной надежности существующих и вводимых промысловых трубопроводов. Выделены наиболее эффективные методы при разных сроках эксплуатации трубопроводов. Представлен экономический расчет применения усовершенствованной технологии внутритрубной очистки и ингибирования на примере промысловых трубопроводах ОАО «Томскнефть» ВНК.

Ключевые слова:

Затраты, экономическая эффективность эксплуатации трубопроводов, технико-экономическое обоснование.

Key words:

Expenses, economic efficiency of operation of pipelines, feasibility report.

Введение

На сегодняшний день трубопроводный транспорт является основным и одним из самых дешевых видов доставки нефти и газа на суше от мест добычи до потребителя [1]. В настоящее время на территории России эксплуатируется более 230 тыс. км магистральных и 350 тыс. км — промысловых трубопроводов (ПТ) [2]. Трубопроводный парк нашей страны способен транспортировать 600 млн т нефти и 800 млрд м³ газа. Большая часть углеводородов (90 %), уходящих на экспорт, транспортируется по нефтяным и газовым магистралям [1].

Рост протяженности трубопроводов сопровождается ростом аварийности в связи с увеличением обводненности добываемой нефти и широким использованием методов интенсификации добычи углеводородного сырья. Удельный вес отказов по причине коррозии составляет от 70 до 90 % в общем числе отказов на стальных ПТ [3]. Исследования В.А. Тимонина показали, что 42 % новых стальных труб при эксплуатации на нефтепромыслах не выдерживают пяти лет эксплуатации, а 17 % эксплуатируются до начала порывов менее двух лет [4]. По данным Э.З. Ягубова более 50 % трубопроводов, по которым транспортируют агрессивные газожидачные среды, имеют срок службы от одного месяца до двух лет [1].

На ежегодную замену промысловых сетей расходуется более 8 тыс. км труб, что составляет около 400...500 тыс. т стали [5]. При средней стоимости трубной стали 30 тыс. р/т [6] в ценах 2011 г. затраты

нефтегазодобывающих предприятий только на замену стальных трубопроводов составляют порядка 12 млрд р. в год. Помимо этого нефтегазодобывающие предприятия расходуют средства на выплату экологических штрафов. В среднем по РФ экологический штраф за одну тонну разлитой нефти составляет 250 тыс. р. При транспорте углеводородов на месторождениях потери могут достигать 6 % [1], что в денежном эквиваленте составляет порядка 20 млрд р. в год по РФ в ценах 2011 г.

В связи с этим решение проблемы повышения безопасности эксплуатации ПТ и обеспечения стабильности поставок углеводородов является важной и актуальной задачей. Цель данной работы предложить наиболее экономически эффективный метод повышения эксплуатационной надежности ПТ.

В настоящее время к наиболее распространенным методам повышения эксплуатационной надежности ПТ можно отнести:

- 1) применение труб с внутренним защитным покрытием или применение труб коррозионно-стойкого состава (композитные трубы);
- 2) ингибирование трубопровода;
- 3) проведение профилактики, в виде внутритрубной очистки.

На промыслах в основном используют стальные трубопроводы. Это связано с их дешевизной, ремонтпригодностью и высокой скоростью монтажа при строительстве. По данным Е.Н. Сафонова [7], стоимость стальных трубопроводов на 50...70 % ниже, а аварийность в 2 раза выше, чем

для трубопроводов в коррозионно-стойком исполнении [4]. Повышенная стойкость к коррозии компенсируется высокой стоимостью рассматриваемых трубопроводов и, как показывает опыт эксплуатации в компании ОАО «Томскнефть» ВНК, не дает существенного экономического эффекта. Также существует проблема, связанная с соединением трубопроводов с внутренним антикоррозийным защитным покрытием, что требует применения специальных втулок защиты внутренней зоны сварного соединения [8, 9]. Все это приводит к увеличению продолжительности строительства и удорожанию работ на 5 %.

Композитные трубы имеют гарантированный (безаварийный) срок службы эксплуатации в 50 лет [9]. Применение композитных труб при строительстве систем сбора скважинной продукции экономически целесообразно при длительном сроке эксплуатации месторождения (порядка 50 лет), однако средняя продолжительность эксплуатации нефтяных месторождений в России составляет 25...30 лет. В настоящее время наиболее распространенным методом поддержания эксплуатационной надежности стальных промысловых трубопроводов считается применение ингибиторов. Защитное действие современных ингибиторов составляет до 50...90 % [10], однако к недостаткам можно отнести то, что это защитное действие достигается только в случае, если на трубопроводе нет парафинистых отложений и механических примесей.

Гарантированный срок эксплуатации стальных трубопроводов – 10 лет, коррозионностойких трубопроводов – 15 лет, трубопроводов с противокоррозионным покрытием – 25 лет, стальных трубопроводов с ингибиторной защитой – 20 лет, композиционных трубопроводов – 50 лет [5].

Таблица 1. Зависимость усредненной стоимости 1 км уложенного трубопровода от времени его эксплуатации

Метод защиты трубопровода от внутренней коррозии	Стоимость 1 км уложенного трубопровода, тыс. р, через лет			
	1	10	20	30
Ставка дисконтирования 10 %				
Применение стальных труб	300	707	1 835	4 758
Применение коррозионностойкой стали	400	943	2 446	6 345
Внутренние противокоррозионные покрытия	450	1 061	2 752	7 138
Ингибиторная защита промысловых трубопроводов	400	943	2 446	6 345
Применение композитных труб	750	1768	4586	11897
Ставка дисконтирования 15 %				
Применение стальных труб	300	1 055	4 269	17 272
Применение коррозионностойкой стали	400	1 407	5 692	23 030
Внутренние противокоррозионные покрытия	450	1 583	6 404	25 908
Ингибиторная защита промысловых трубопроводов	400	1 407	5 692	23 030
Применение композитных труб	750	2 638	10 673	43 181

Для оценки эффективности применения методов защиты ПТ от внутренней коррозии был проведен расчет усредненной стоимости трубопровода при различных ставках дисконтирования, табл. 1. Ставка дисконтирования в 10 % учитывала только инфляцию, ставка 15 % учитывала инфляцию и риски, связанные с эксплуатацией трубопроводов.

Расчет суммарной стоимости эксплуатации трубопроводов за весь период эксплуатации месторождения (30 лет) с учетом того, что при выработке нормативного срока трубопроводы реконструировались, представлен в табл. 2. Суммарная стоимость в табл. 2 выражена с помощью коэффициентов, которые определялись делением усредненной стоимости одного км уложенного трубопровода на срок эксплуатации.

Таблица 2. Суммарная стоимость эксплуатации трубопроводов в зависимости от времени

Метод защиты трубопровода от внутренней коррозии	Суммарная стоимость эксплуатации трубопроводов, тыс. р, через лет				
	10	15	20	25	30
Ставка дисконтирования 10 %					
Применение стальных труб	101	67	142	114	95
Применение коррозионностойкой стали	40	128	96	77	64
Внутренние противокоррозионные покрытия	45	30	23	195	163
Ингибиторная защита промысловых трубопроводов	40	27	142	114	95
Применение композитных труб	75	50	37,5	30	25
Ставка дисконтирования 15 %					
Применение стальных труб	136	90	281	225	187
Применение коррозионностойкой стали	40	215	162	129	108
Внутренние противокоррозионные покрытия	45	30	23	533	444
Ингибиторная защита промысловых трубопроводов	40	27	305	244	203
Применение композитных труб	75	50	37,5	30	25

Анализ сравнения затрат на эксплуатацию трубопроводов в зависимости от метода защиты свидетельствует о том, что наиболее эффективным методом при эксплуатации трубопровода до 10 лет является применение стальных трубопроводов, до 15 лет – применение коррозионностойкой стали, до 20 лет – применение ингибиторной защиты и противокоррозионных покрытий, свыше 20 лет – композиционных труб.

Полученные результаты могут быть применены для оценки эффективности применения того или иного метода противокоррозионной защиты при строительстве новых трубопроводов в зависимости от срока эксплуатации месторождения. Следует заметить, что количество вновь вводимых трубопроводов ничтожно мало по сравнению с количеством уже существующих. Для повышения эксплуатационной надежности был рассмотрен способ решения проблемы борьбы с коррозионными повреждениями с помощью применения технологии

комплексной внутритрубной очистки и ингибирования на примере ООО «РН-Пурнефтегаз» [10]. Данная технология была модернизирована на кафедре Транспорта и хранения нефти и газа Томского политехнического университета. Разработана новая конструкция очистного скребка с гелевыми уплотнениями, обеспечивающая максимальный вынос продуктов очистки. Кроме того гелевые уплотнения обеспечивают герметичность конструкции, равномерность распределение ингибитора на стенках трубопровода.

Для более подробного анализа проблем, связанных с транспортировкой скважинной продукции на территории Томской области, была выбрана ОАО «Томскнефть» ВНК. По экспертным оценкам на данном предприятии происходит большое количество отказов по причине ручейковой коррозии, что наносит неопределимый ущерб экологии и приводят к потерям ценного углеводородного сырья (5,54 % по предприятию). Ситуации осложняются тем, что месторождения расположены на севере Томской области в болотистой местности и для того, чтобы ликвидировать порыв (отказ) трубопровода необходимо использование специальной техники повышенной проходимости и дополнительное устройство лежневых дорог, что приводит к удорожанию стоимости ремонтных работ, так стоимость ликвидации одного порыва может колебаться от 400 до 800 тыс. р.

Для обоснованного внедрения новой или усовершенствованной техники, технологии необходимо, чтобы за счёт её внедрения произошло улучшение таких показателей, как снижение количества и интенсивности отказов, увеличение средней наработки на отказ.

Результаты расчетов

Для расчета эффективности внедрения усовершенствованной технологии внутритрубной очистки и ингибирования проведем экономическое обоснование на примере системы сбора скважинной продукции ОАО «Томскнефть» ВНК. Система сбора ОАО «Томскнефть» ВНК включает в себя блоки дозирования реагентов, камеры пуска и приема средств очистки на каждом участке.

В табл. 3 приведены результаты расчета затрат до внедрения усовершенствованной технологии внутритрубной очистки и ингибирования.

В табл. 4 приведены результаты расчетов после внедрения мероприятия.

Применение технологии внутритрубной очистки и ингибирования на предприятии ОАО «Томскнефть» ВНК, г. Стрежевой, даст возможность снизить затраты на обслуживание трубопроводов при реконструкции системы сбора. В результате расчета экономического эффекта от внедрения пробковой подачи ингибитора на примере участков протяженностью 4 км ОАО «Томскнефть» ВНК, экономия на обслуживании составит 4,24 млн р (1,06 млн р/км). Срок окупаемости составит менее 5 мес. Отношение полезного результата к затратам составляет 1,92.

Таблица 3. Расчет затрат до внедрения мероприятия

№	Показатели	Пояснения	Расчет, тыс. р/год
1	Ингибитор коррозии «Амдор ИК-5»	При расходе 80 кг/сут, годовой расход составит 29,2 т	2 283
2	Амортизация блока дозирования реагента (4 шт.)	Нормативный срок эксплуатации – 10 лет	320
3	Стоимость услуг ООО «СИАМ-Нефтехим»	Затраты на годовое обслуживание 4-х блоков дозирования реагента	1635
4	Амортизация камеры запуска/приема очистного устройства, 6 шт.	Нормативный срок эксплуатации – 10 лет	1500
5	Амортизация камеры запуска/приема очистного устройства, 2 шт.		600
6	Оплата труда	6.1+6.2	105
6.1	Мастер, 9 разряд	Запуск механических скребков – по 11 ч дважды в месяц	37
6.2	Трубопроводчик линейный, 4 разряд (3 чел.)		67
	Итого затраты до внедрения		6443

Таблица 4. Расчет затрат после внедрения мероприятия

№	Показатели	Пояснения	Расчет, тыс. р/год
1	Ингибитор коррозии «Амдор ИК-5»	–	395
2	Полимерный разделитель	Состав полиакриламид, поливиниловый спирт, бура	126
3	Оплата труда	3.1+3.2+3.3	102
3.1	Инженер-химик, 8 разряд	Изготовление поршней. Время работы – 7 ч	22
3.2	Лаборант хим. анализа, 4 разряд		13
3.3	Мастер, 9 разряд	Запуск разделителей с пробкой ингибитора – по 7 ч дважды в месяц	24
3.4	Трубопроводчик линейный 4 разряд (3 чел.)		43
4	Амортизация камеры запуска/приема очистного устройства, 3 шт.	Нормативный срок эксплуатации – 10 лет	450
5	Амортизация камеры запуска/приема очистного устройства, 2 шт.		600
6	Амортизация блока дозирования реагента, шт		80
7	Стоимость услуг ООО «СИАМ-Нефтехим»	Затраты на годовое обслуживание 1 блока дозирования реагента	408
	Итого годовые затраты после внедрения		2204
	Итого экономический эффект		4239

На основании полученных расчетов, установлено, что внедрение усовершенствованной технологии внутритрубной очистки и ингибирования для уже существующих стальных ПТ является наиболее эффективным методом повышения эксплуатационной надежности. Расчет суммарной стоимо-

сти внедрения технологии внутритрубной очистки и ингибирования для вновь строящихся трубопроводов за весь период эксплуатации месторождения (30 лет) представлена в табл. 5.

Таблица 5. Суммарная стоимость эксплуатации трубопроводов при их внутритрубной очистке и ингибировании, тыс. р

Ставка дисконтирования, %	Срок эксплуатации, лет				
	10	15	20	25	30
10	35	24	124	100	83
15	47	32	167	135	112

Анализ результатов, приведенных в табл. 2 и 5, свидетельствует о том, что наиболее эффективным методом их защиты от коррозии при сроке эксплуатации трубопровода до 20 лет является применение усовершенствованной технологии внутритрубной очистки и ингибирования.

Выводы

Приведен сравнительный анализ, позволяющий выделить оптимальные технико-экономические решения повышения эксплуатационной на-

дежности промысловых нефтесборных трубопроводов на разных временных этапах разработки нефтяного месторождения.

Расчет применения усовершенствованной технологии внутритрубной очистки и ингибирования на промысловых трубопроводах ОАО «Томскнефть» ВНК показал экономию от внедрения в 1,06 млн р/км промыслового трубопровода. Срок окупаемости составляет менее 5 мес. Отношение полезного результата к затратам – 1,92. С экономической и технологической точки зрения применение усовершенствованной технологии внутритрубной очистки и ингибирования для уже существующих, а также проектируемых стальных промысловых трубопроводов при сроке эксплуатации до 20 лет является наиболее эффективным методом повышения эксплуатационной надежности.

Работа подготовлена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Наименование и регистрационный номер проекта: «Исследование физико-механических процессов взаимодействия породоразрушающего инструмента с обрабатываемой средой при бестраншейной прокладке трубопроводов методом наклонно-направленного бурения», ГК № П1404 от 03.09.2009 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трубопроводный транспорт нефти / под ред. С.М. Вайнштока. – М.: ООО «Недра-Бизнесцентр», 2006. – 621 с.
2. Ягубов Э.З. Композиционно-волоконная труба нефтегазового назначения // Технологии нефти и газа. – 2009. – № 4. – С. 55–57.
3. Мазур И.И., Иванцов О.М. Безопасность трубопроводных систем. – М.: Недра, 2004. – 700 с.
4. Тимонин В.А. Техничко-экономические аспекты проблемы коррозии // Антикорт-Гальваносервис: Труды Междунар. научно-практ. конф. – М., 2007. – С. 54–57.
5. Бушковский А.Л., Малышев С.А., Хисматулин Р.Я. Техничко-экономическое обоснование выбора толщины стенки и материала труб для строительства, ремонта и реконструкции промысловых трубопроводов // Нефтяное хозяйство. – 2006. – № 8. – С. 90–93.
6. Трубы магистральные прайс лист // Сталь-Про. 2010. URL: <http://www.steel-pro.ru/trubi/truba-stalnaya-elektrosvarnaya/trubi-magistralnie> (дата обращения: 20.12.2010).
7. Сафонов Е.Н., Низамов К.Р., Гребенькова Г.Л. Эффективность применения противокоррозионных покрытий на объектах ОАО «АНК «Башнефть» // Нефтяное хозяйство. – 2007. – № 4. – С. 71–74.
8. Гумеров А.Г., Сираев А.Г., Бажайкин С.Г., Митюшкин В.А. О причинах выхода из строя трубопроводов, построенных из футерованных полиэтиленом стальных труб // Нефтегазовое дело. – 2009. – № 3. – С. 42–47.
9. Анализ работоспособности коррозионно-стойких трубопроводов // Нефтегазовое дело. Электронный научный журнал. 2010. URL: http://www.ogbus.ru/authors/Grebenkova/Grebenkova_1.pdf (дата обращения 20.12.2010).
10. Бархатов А.Ф., Федин Д.В., Вазим А.А. Расчет эффективности внедрения внутритрубной очистки и ингибирования для промысловых трубопроводов // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 317. – № 6. – С. 34–38.

Поступила 19.05.2011 г.

УДК 331

ВОВЛЕЧЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т.Т. Шаболотов

Аппарат Жогорку Кенеша (Парламента) Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика
E-mail: shatt05@mail.ru*На основе изучения миграционных перемещений населения Кыргызстана, негативных и позитивных влияний на развитие страны, рассматривается вопрос вхождения Кыргызстана в систему международных экономических отношений.***Ключевые слова:***Миграция, трудовые мигранты, рынок труда, рабочая сила, демографическая ситуация, позитивные, негативные, Россия, Кыргызстан.***Key words:***Migration, labor migrant, labor market, labor, population situation, positive, negative, Russia, Kyrgyzstan.*

Своеобразие развития миграционных процессов в современном мире обеспечивается совокупным воздействием различных факторов. Каждый отдельный мигрант имеет собственные индивидуальные мотивы и поводы, определяющие его миграционное поведение. Однако рассмотренные в комплексе, они формируют причинные связи, характеризующиеся общими чертами, специфичными для конкретных миграционных потоков. В экономической литературе такие причины обычно принято называть факторами миграции населения, отличающимися от поводов (конкретных, ближайших причин переселения) и мотивов (субъективного осознания «поверхностных» причин) своим глубинным и закономерным содержанием.

Механизм реализации процессов миграции населения осуществляется посредством воздействия всего комплекса факторов на каждого индивидуального индивидуума. Сложившийся из множества индивидуальных миграционных актов миграционный процесс представляет собой осознанную реализацию потребностей людей в улучшении их жизненных условий, в достижении более предпочтительного стандарта жизни на новом территориальном пространстве.

В соответствии с методологическим принципом, рассматривающим миграцию населения с точки зрения индивидуального и структурного подходов, факторы воздействия можно разделить на две аналогичные группы: находящиеся на стороне индивидуума (субъективные) и структурные, отражающие территориальные различия в значимых для человека объективных условиях жизни. Рассматриваемые в совокупности, они представляют собой элемент системы, механизм действия, который можно представить как постоянное достижение некоторых соответствий между требованиями индивидуумов и условиями среды [1. С. 16].

Демократизация общественной жизни в Кыргызстане сопровождается трансформационными преобразованиями всей системы социально-экономических отношений. Многообразие форм собственности, изменение организационно-правовых форм управления производством внесли коренные изменения в сферу занятости трудоспособного на-

селения и обусловили необходимость выработки экономического механизма (в рамках свободного перемещения мигрантов и капитала), способного обеспечить соответствие спроса и предложения рабочей силы, то есть решение проблемы распределения и перераспределения трудовых ресурсов в соответствии с наличием рабочих мест.

В системе исходных положений экономической теории миграция населения на макроэкономическом уровне обычно рассматривается как существенный элемент функционирования рынка труда, а ее изучение аналогично решению задачи эффективного размещения ресурсов; на микроэкономическом уровне — инвестирование в человеческий капитал с целью получения человеком больших доходов в будущем. При этом в числе основных экономических факторов миграционных перемещений населения выделяются, *во-первых*, устойчивые межрегиональные различия в уровне доходов (при прочих равных условиях люди будут перемещаться в те регионы, где выше уровень доходов, и уезжать из тех, в которых они ниже); и, *во-вторых*, состояние уровня занятости или безработицы (при прочих равных условиях миграционный приток будет выше в тех регионах, где спрос на рабочую силу превышает ее предложение).

Возрастание масштабов трудовой миграции или миграции рабочей силы обусловлено доминированием сугубо экономических причин, вызванных поиском работы, новой сферы приложения труда и является отражением либо отсутствием возможностей трудоустройства либо недостаточной эффективности труда на прежнем месте жительства. При этом цель исследования миграции населения как фактора распределения и перераспределения трудовых ресурсов — равновесие между рабочими местами и рабочей силой в их численном соотношении по типам и территориям. В сфере трудовых отношений миграционная подвижность населения — результат различий между спросом и предложением на рынке труда.

С точки зрения формирования равновесного состояния трудового потенциала в отраслевом и территориальном аспектах перегруппировка трудоспособного населения является одновременно

и результатом, и фактором развития производительных сил. При этом механизм регулирования рынка труда выступает, прежде всего, как стихийно возникший механизм рыночного саморегулирования на основе действия объективных экономических законов товарно-денежного хозяйства.

Переход к рыночной экономике неизбежно ведет к переменам в использовании трудовых ресурсов, их распределении и перераспределении. Мобильность факторов производства, в том числе рабочей силы, представляет собой элементарную составляющую рыночного хозяйства и условие его успешного функционирования. Поэтому трудовая миграция расценивается как явление принципиально позитивное, способствующее соединению факторов производства как внутри отдельного государства, так и в глобальных экономических масштабах. Являясь своеобразным регулятором баланса между различием на конкретной территории рабочей силы и рабочих мест, трудовая миграция выступает механизмом обеспечения занятости и доходов населения.

Вместе с тем подчеркивается, что результативность перераспределения трудоспособного населения не может быть оценена однозначно в различных регионах. Так, например, приток рабочей силы в конкретную территориальную единицу не всегда положителен с точки зрения социально-экономического развития, а ее отток не всегда является негативным процессом. Следовательно, эффективность результата в значительной степени определяется наличием условий обеспечения занятости и доходов населения, демографическими особенностями региона (его трудоизбыточностью или трудодефицитностью), перспективами экономического роста.

Таким образом, международная трудовая миграция обусловлена нижеследующими внутренними и внешними факторами [2. С. 171–172]:

- непривлекательная экономическая и политическая ситуация;
- неразвитость регионов (недостаточно развитая инфраструктура);
- безработица и неразвитость локальной политики занятости;
- низкий уровень жизни населения и отсутствие социальных льгот;
- низкий уровень заработной платы;
- отсутствие перспективы профессионального и карьерного роста;
- невозможность получения жилья;
- опасение за свое будущее и будущее своих детей;
- либеральная миграционная политика стран трудовой миграции (Россия);
- потребности рынка труда государств, принимающих мигрантов;
- рост стоимости рабочей силы в государствах, принимающих мигрантов;
- схожая социокультурная среда и исторические связи;
- высокий уровень социальной адаптации мигрантов из Кыргызстана.

Последствия трудовой миграции можно объединить по следующим направлениям:

Политические:

- большинство кыргызских граждан, которые осуществляют свою трудовую деятельность за пределами республики, вынуждены получать гражданство России, Казахстана, чтобы не подпадать под квоты, вводимые правительствами этих стран. В этой связи сокращается численность граждан Кыргызстана.

Социально-культурные:

- миграция населения существенно отразилась на демографической ситуации — происходят изменения этнической структуры населения;
- основное трудоспособное и репродуктивное население задействовано в процессе миграции, что влечет за собой снижение рождаемости населения страны;
- в последние годы отмечается тенденция, когда мигранты выезжают на заработки семьями. Как правило, при этом интересы детей в стране пребывания ущемляются: *во-первых*, дети переживают период социально-культурной адаптации; *во-вторых*, они не охвачены пакетом социальных услуг (социальной защитой);
- зачастую трудовая миграция становится причиной распада семей. Растет число семей, в которых дети находятся на попечении одного родителя, или дети, которые растут без своих родителей, на попечении родственников и соседей.

Социально-экономические:

- в результате оттока трудоспособного населения в стране остаются лица пенсионного возраста, студенты, школьники, то есть та категория, которая не занята трудовой деятельностью. Таким образом, увеличивается нагрузка на трудоспособное население и социальный фонд. Государство не может содержать пенсионеров и решает эту проблему повышением ценза пенсионного возраста;
- развитие экономики страны зависит от квалифицированных кадров. Потеря специалистов в результате миграции подрывает перспективы долгосрочного оживления национальной экономики и, как следствие, затормаживает развитие общества в целом;
- не развивается сельское хозяйство, поскольку, *во-первых*, происходит массовый отток трудоспособного населения из регионов страны; *во-вторых*, по возвращении трудовые мигранты не хотят «работать на земле», заниматься фермерским хозяйством, они переселяются в города, где пытаются организовать частный бизнес или заняться предпринимательской деятельностью;
- рост занятости в частном секторе приводит к вынужденной потере квалификации для части бывших работников промышленности и социальной сферы, вынужденных на современном этапе заняться более оплачиваемым, но менее квалифицированным трудом;
- экономическое положение в стране улучшается за счет трансфертных поступлений. Меняется

структура потребления, население улучшает свои жилищные условия. Приток денежных средств отправляемых трудовыми мигрантами в Кыргызстан растет из года в год. Так, по данным Национального банка Кыргызстана, денежные переводы трудовых мигрантов составили: в 2006 г. — 430,3 млн долларов, в 2007 г. — 625,5; в 2008 г. — 1138,2; в 2009 г. — 893,2 и в 2010 г. — 1124,9 млн долларов. Лишь в 2009 г. из-за ухудшения экономической ситуации в России объемы перевода денежных средств сократились [3].

Социально-безопасные:

- отток населения с приграничных территорий порождает проблему «сползания» границ. Кыргызстан находится в условиях мощного демографического давления со стороны трех соседей. Плотность населения на территории Ферганской долины, принадлежащей Узбекистану, составляет 400–500 человек на кв. км, Таджикистану — 350 человек на кв. км, тогда как в Кыргызстане этот показатель — 120 человек на кв. км. Уменьшается численность кыргызов и, учитывая демографическое давление, увеличивается численность представителей других национальностей. Таким образом, как отмечают эксперты, коренное население Кыргызстана в ближайшие 10 лет может резко уменьшиться. С точки зрения международно-правовых норм, идет потеря суверенитета в этническом развитии [2. С. 174];
- процесс обезлюдивания регионов. Существующая тенденция внутриреспубликанской миграции приводит к перезаселению столицы и ее пригородов, что не может не создавать напряженность на рынке труда.

Таким образом, процесс миграции населения — естественное явление, которое несет в себе как позитивные, так и негативные последствия, оказывающие влияние на развитие страны. В этой ситуации задача государства найти, с учетом национальных интересов, механизмы, позволяющие снизить негативные последствия и мультиплицировать позитивные эффекты.

В этой связи для регулирования процессов миграции необходима государственная политика, которая учитывала бы особенности развития регионов, складывающуюся демографическую ситуацию и соотносилась бы с перспективными задачами социально-экономического развития страны. В ней должны быть заложены, с одной стороны, механизмы работы с трудовыми мигрантами, выезжающими за пределы республики, с другой — альтернативные механизмы создания благоприятных условий, решающих проблему оттока населения.

Поэтому, необходимо разработать механизмы:

- стимулирования самозанятости населения на местах путем создания условий для организации мелких производств;
- привлечения специалистов в зоны оттока квалифицированных кадров, основанные на стимулирующих дивидендах. (Примером может быть программа «депозит врача», которая предусматривает ежемесячное перечисление денежных средств на счет специалиста, предоставление жилья и земельных наделов для медицинских работников);
- контроля и регулирования процессов внутренней и внешней миграции в целях осуществления сбалансированной политики трудоустройства населения;
- поощрения привлечения средств мигрантов к различным проектам развития на местном уровне. Для этого необходимо на уровне государства создать условия и в качестве приоритетных — льготное кредитование, облегчение налогового бремени для вернувшихся мигрантов, консультационную помощь в организации бизнеса. Кроме этого важно:
- разработать программу развития территорий, которая позволит восстановить и улучшить инфраструктуру регионов страны;
- восстановить систему подготовки кадров в средне-специальных учебных заведениях;
- провести реформу образования в вузах, которая, в первую очередь, предусматривала бы запросы рынка труда. Эта работа требует привлечения специалистов-маркетологов;
- развивать миграционное законодательство с тем, чтобы выработать комплексный механизм регулирования миграционных процессов, определить четко действующий институт лицензирования и контроля над деятельностью посреднических организаций;
- обеспечить обучение пошаговой организации конкретного бизнеса для той категории мигрантов, которые по возвращении пытаются создать свое дело;
- популяризировать положительный опыт вложения ресурсов вернувшихся трудовых мигрантов, направленных на развитие малой родины;
- осуществить масштабные информационно-профилактические мероприятия в целях предоставления подробной информации и консультаций по проблемным вопросам, с которыми сталкиваются трудовые мигранты.

Таким образом, Кыргызстан, проводя политику рыночных реформ, входит в мировое сообщество, в систему международных экономических отношений, неотъемлемой составляющей которых являются процессы трудовой миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кумсков Г.В. Закономерности и особенности развития миграционных процессов в условиях рыночной трансформации экономики: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. — Бишкек, 2002. — 42 с.
2. Уметова А.Э. Трудовая миграция в Кыргызстане: проблемы

и особенности // Центральная Азия и культура мира. — 2008. — № 1–2. — С. 171–172.

3. АКИpress. 2012. URL: <http://www.akipress.org/> (дата обращения: 28.05.2012).

Поступила 28.05.2012 г.

Ресурсоэффективность

УДК 338.3:316.722

РЕСУРСОЭФФЕКТИВНОСТЬ – ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А.А. Дульзон, В.Я. Ушаков, П.С. Чубик

Томский политехнический университет
E-mail: vyush@tpu.ru

Рассмотрено место ресурсоэффективности в решении глобальной проблемы – обеспечение условий устойчивого развития цивилизации. Проблема рассматривается в контексте гармонизации духовно-нравственного совершенствования человека с повышением его технических и технологических возможностей, экологической и энергетической безопасности. Даны развёрнутые определения и характеристики понятиям «ресурсы» и «ресурсоэффективность». Много внимания уделено результативности и безопасности использования ресурсов, возможностям и способам ее повышения, международным усилиям по уменьшению негативного техногенного воздействия на окружающую среду.

Ключевые слова:

Ресурсы, эффективность, устойчивое развитие, цивилизация, экологическая безопасность, окружающая среда, энергетическая безопасность, международное сотрудничество.

Key words:

Resources, effectiveness, sustainable development, civilization, environment safety, environment, energy safety, international cooperation.

Введение

В качестве своей главной цели общество призвало сохранение цивилизации и обеспечение человеку высокого качества жизни. Однако в своём развитии оно столкнулось с рядом вызовов (проблем), на которые должно находить адекватные ответы. В качестве основных обычно называют следующие пять групп вызовов:

- экономические;
- геополитические;
- экологические;
- технологические;
- социальные.

Их анализом занимаются представители всех наук: технических, естественных и гуманитарных. Результаты анализа приводят к выводу о том, что ключевыми в определении дальнейшей судьбы нашей цивилизации являются два вопроса: «Сможет ли она найти в ближайшее время (в исторических масштабах) способы радикального повышения эффективности использования всех доступных ей видов ресурсов?», «Будет ли в будущем духовно – нравственное совершенствование человечества поспевать за ростом его технических и технологических возможностей?»

Современное общество приблизилось к опасным границам как в развитии техники и техноло-

гий, поскольку в настоящее время оно имеет возможность уничтожить условия своего существования, так и в использовании ресурсов Земли. «Либо человечество сумеет согласовать свои знания и способности с этим ограничением и обеспечить устойчивое развитие, либо окружающая среда нанесет ответный удар и приведет к уничтожению человеческой популяции» [1].

1. Ресурсы и ресурсоэффективность

Для начала необходимо определиться с понятиями «ресурсы» и «ресурсоэффективность». В литературе можно найти целый ряд определений, в которых **ресурсы** чаще всего рассматриваются в качестве факторов или средств, необходимых для достижения желаемых результатов. В Википедии ресурсы определяются как «всё, что необходимо человеку (физическому лицу) и организации (в том числе юридическому лицу) для достижения цели, для удовлетворения собственных потребностей и потребностей субъектов или объектов внешней среды».

Подлинной ценностью в современном мире является человеческий ресурс, от эффективности использования которого зависит судьба не только самого человека, человечества, но и природы. Повы-

шение ресурсоэффективности в этом случае выступает как установка человеческого поведения, ориентированного, прежде всего, на перспективу самореализации.

В английском языке используется два понятия, переводимые на русский язык как *эффективность*: *effectiveness* и *efficiency*.

- Слово *effectiveness* имеет подтекст «делать верное дело» и, тем самым, несет большую этическую нагрузку, которая напрямую связывает его с глобальными духовно-нравственными проблемами современности.
- Слово *efficiency* имеет подтекст «делать дело верно». Оно приложимо практически к любому виду человеческой деятельности. В естественных и технических науках эффективность можно выразить с помощью двух основных способов оценки: а) параметрического (сравнительного), суть которого заключается в сопоставлении параметров функционирования объекта до применения мер повышения эффективности и после, и б) метода оценки затрат.

Для системной оценки эффективности использования ресурсов представляется целесообразным опираться на теорию Т. Гилберта (*T. Gilbert*) [2]. В основе его теории лежит мысль о том, что люди должны стремиться минимально возможными усилиями достигать максимальных результатов, чтобы таким образом сэкономить возможности или ресурсы в широком смысле этого слова (материальные, финансовые и временные ресурсы, силы, здоровье и т. д.) для других, возможно, более ценных для индивидуума и общества занятий.

1.1. Основные виды ресурсов

Общее количество видов ресурсов так велико, что даже перечислить их затруднительно. На сегодня нет всеобъемлющей и общепринятой классификации ресурсов. Одна из распространенных классификаций выделяет 5 основных групп ресурсов.

1. **Материальные** — природные (созданные самой природой) и искусственные (созданные человеком («рукотворные») — средства производства и потребления).
2. **Трудовые** — часть населения, обладающая физическим развитием и интеллектуальными (умственными) способностями, необходимыми для трудовой деятельности.
3. **Финансовые** — ресурсы для обеспечения капитальных вложений, наполнения оборотных средств, осуществления торговой деятельности и накоплений.
4. **Информационные** — ресурсы знаний и инфраструктура, обеспечивающая их хранение и использование.
5. **Временные** — ресурсы времени индивидуальные и институциональные.

Ресурсы каждой группы, в свою очередь, классифицируются еще по ряду признаков. Например, **материальные** ресурсы классифицируются по:

- **космическим и земным сферам** — ресурсы

солнца, атмосферы, гидросферы, литосферы, биосферы;

- **признаку возобновляемости** — возобновляемые, невозобновляемые и ограниченно возобновляемые ресурсы;
- **степени истощаемости** — истощаемые и неисчерпаемые;
- **отраслевому признаку** — топливно-энергетические, минеральные, лесные, сельскохозяйственные, рыбные, промысловые биоресурсы, транспортные, рекреационные;
- **степени освоенности** — эксплуатируемые, подготовленные, подготавливаемые, прогнозные (потенциальные);
- **взаимозаменяемости** — незаменимые (кислород воздуха и пресная вода для жизнедеятельности человека; почва для сельскохозяйств и др.) и взаимно заменяемые (энергоресурсы, пищевые продукты, поделочные материалы и т. п.);
- **потребности в них** — продукты первой необходимости (пища, жилье, тепло, свет, средства труда и др.) и продукты не первой необходимости (предметы роскоши, услуги туризма и др.);
- **вовлеченности в хозяйственный оборот** — экономические (функционирующие), потенциальные (не вовлеченные в хозяйственный оборот) и потерянные (например, исчезнувшие виды животных и растений).

Искусственные материальные ресурсы классифицируются по *отраслям производства, экономическому назначению, экономической учетной классификации*.

Информационные подразделяют на:

- **собственно информационные в классическом понимании** — на материальных носителях (бумажных, магнитных, электронных);
- **знаний людей (человеческие) — трудовые (трудовые навыки) и предпринимательские (управленческие)**;
- **интеллектуальные творческой деятельности** — защищенные (патентами, торговыми марками, авторским правом и др.) и незащищенные (технологии «*ноу-хау*», свободные для использования);
- **информационных технологий** — информационно-коммуникационные и информационно-программные.

«**Интеллектуальный капитал**» включает человеческий, социальный и организационный:

- **человеческий** — знания, умения и способности работников, который остается всегда с человеком,
- **социальный** — запасы и перемещения знаний, совокупность горизонтальных связей между людьми,
- **организационный** — институализированное знание, которым владеет организация и которое хранится в базах данных, инструкциях и т. д. При увольнении работника он остается у организации.

Наиболее ценным ресурсом, стоящим в большинстве классификаций особняком, является **вре-**

мя. В данном контексте «время» — временной интервал между событиями. Время является ресурсом в том смысле, что оно необходимо для достижения желаемой цели и, поскольку наличие цели предполагает и наличие некоторого срока ее достижения (год, период жизни человека и т. д.), время «расходуется», причем безвозвратно. Совершенно очевидно, что время — ресурс не заменимый.

Важность эффективного использования времени несомненна. «Экономить рабочее время в самом широком смысле — значит обеспечить интенсификацию общественного производства, повышать эффективность использования не только производственных ресурсов, но и качество управления, планирования, стимулирования, укреплять государственную и трудовую дисциплину» [3]. Организации, недооценивающие «фактор времени» и не способные эффективно управлять временем, утрачивают свои стратегические преимущества, теряют конкурентоспособность на рынке и достаточно быстро умирают. Это отражено в известном афоризме: «В будущем будут два типа компаний — быстрые и мертвые». В мире разработано множество стратегий «управления» временем, которое носит условный, метафорический характер. Понятно, что в буквальном смысле слова «управлять» объективным течением времени невозможно, но сократить время выполнения каких-либо действий и достигать каких-либо промежуточных целей ранее намеченного срока — вполне возможно.

В масштабе отдельной личности значимость эффективного использования времени сильно зависит от уровня ее целей и мотивации. Для деятельного человека к фундаментальным ценностям человеческой жизни относятся не только личная и семейная безопасность, хорошее здоровье, материальное благополучие, семейное благополучие, но и творческая самореализация, плодотворное проведение досуга, достойный социальный статус, наличие эффективных неформальных социальных контактов и т. д. В этом случае ценность времени весьма велика.

С учетом глобальной цели — выживание и достойное существование человечества — следует говорить о ресурсе времени, который остается у человечества для решения глобальных проблем современности.

1.2. Ресурсоэффективность как критерий оценки человеческой деятельности

Ресурсоэффективность позволяет с помощью определенных преобразований достигнуть оптимального результата, получить желаемый итог. Для такого подхода характерны: а) преобладающее внимание экономической и технологической полезности (выгодности) определенных действий и б) использование 7 критериев для оценки ресурсоэффективности [4]:

- 1) повышение качества жизни;
- 2) уменьшение уровня загрязнения окружающей среды и преодоление угрозы истощения ресурсов;

- 3) экономия финансовых ресурсов;
- 4) контроль над рынком и активизация бизнеса;
- 5) многократное использование ограниченных ресурсов;
- 6) повышение безопасности;
- 7) обеспечение равенства и занятости.

Как видно, в основе всех семи критериев лежат экономические и технологические показатели (меньше затрат, больше прибыли, удовлетворение большего числа потребностей и т. п.). С одной стороны, эти критерии вполне приемлемы благодаря их рациональности, но, с другой стороны, ограничение только ими означает не столько поиск решения возникших глобальных проблем, сколько способ отсрочки поиска такого решения, связанного с возможностью оттянуть во времени последствия наступления глобальных проблем, получить еще возможность для функционирования общества потребления. Действенное решение проблем требует их увязки с породившими причинами — необходима гармонизация духовно-нравственного совершенствования человека с повышением его технических и технологических возможностей. Это означает, что изучение проблемы ресурсоэффективности, поиск путей её решения требуют междисциплинарного и трансдисциплинарного подхода, а также общественного осмысления наряду с научными исследованиями. Должны быть совмещены два подхода — материально-технический и аксиологический. Социально-гуманитарные науки помогают оценить контекст человеческого существования, в рамках которого осмысляются различные параметры (например, соотношение свободы и необходимости, личности и масс). Это не менее важный показатель измерения человеческого существования, чем количественные показатели, которыми оперируют технические и естественные науки.

В качестве основных объектов анализа социальной эволюции общества в современной науке выступают такие аспекты как: закономерности эволюции биосферы, единство и многообразие исторического процесса, смысл и цели исторического развития общества. Дифференциация ресурсов на материальные и духовные позволяет анализировать проблему ресурсоэффективности с самых общих позиций, в частности, найти ответ на вопрос: «Является ли эффективное использование материальных и духовных ресурсов закономерным следствием социальной эволюции?»

При интерпретации роли ресурсов в социальной эволюции используют 4 основных подхода: 1) формационный К. Маркса, 2) культурологический О. Шпенглера, 3) цивилизационный А. Тойнби, 4) этногенетический Л. Гумилева. Концепции социальной эволюции, несмотря на их существенные различия, едины в главном — они демонстрируют богатый потенциал средств, имеющихся у человечества в качестве ресурсов развития, которые при благоприятном ходе истории можно будет использовать в будущем.

2. Ресурсоэффективность в контексте устойчивого развития цивилизации

Получивший международное признание термин «устойчивое развитие» означает *социально-экономическое развитие с целью обеспечения достойного уровня жизни современного поколения людей без ущерба для будущих поколений*. В данном определении обозначены: цель развития — обеспечение достойного уровня жизни современного поколения людей и средства достижения цели — экономическое развитие.

Философы и общественные деятели настойчиво указывают на духовно-нравственный кризис — потерю нравственных ориентиров, на гигантский разрыв между возможностями человека и степенью его этической зрелости, которые являются основным препятствием на пути реализации концепции устойчивого развития. Они подчеркивают, что лишь осознание ситуации большей частью человечества позволит найти и реализовать решение проблемы. Ситуация дополнительно осложняется тем, что существует относительно небольшая (к счастью) доля населения, которую не заботит сохранение человеческой цивилизации. При этом если от обычных людей, живущих по принципу «один раз живем», в глобальном масштабе мало что зависит, то люди, обладающие большой финансовой и политической властью, а также фанатичные террористы могут оказать решающее влияние на судьбу человечества. От способности человечества решить или, по крайней мере, радикально смягчить эту проблему зависит решение других глобальных проблем, из которых главными являются:

- возможность всемирной экологической катастрофы, для которой найден точный термин — «экологический инфаркт»;
- возможность уничтожения человечества в мировой термоядерной войне.

Хотя по этим двум проблемам имеется представление о том, что надо делать, реальная возможность их решения однозначно определяется соотношением духовно-нравственного и материального начал. На сегодня мы не только не знаем, удастся ли решить названные проблемы, но не можем даже гарантировать, что уже не прошли точку невозврата.

Продуктивно рассмотрение проблемы ресурсоэффективности ограничивать временными рамками в ближайшую сотню лет, исключив такие, в принципе возможные, решения как использование ресурсов других планет солнечной системы и расселение человечества в ближнем космосе.

До недавнего времени преобладал оптимизм по поводу прогресса человеческой цивилизации. Но промышленная революция, сопровождавшаяся взрывообразным ростом производительности труда, вызвала столь же стремительный рост населения земного шара и привела к тому, что люди освоили практически всю пригодную для обитания часть Земли и используют ресурсы со всех частей планеты.

Человек, как и остальные живые существа, должен вписываться в естественные циклы биосферы и это определяет поиск путей развития рода человеческого. Поучительна история кризисов и вызываемых ими революций, неоднократно случавшихся в истории человечества. (Их современная наука насчитывает шесть [5, 6]). Все они были экологическими, точнее — ресурсными. Истощение ресурсов вынуждало человечество изменять свою жизнедеятельность. Как правило, это были материальные ресурсы (пища, одежда, предметы быта).

В настоящее время человек вовлекает в производство и потребление такое количество вещества и энергии, которое в десятки и сотни раз превышает его биологические потребности. При этом численность населения и потребление ресурсов растут экспоненциально — численность населения удваивается каждые 30–40 лет, а потребление ресурсов — каждые 8–10 лет. Вследствие демографического взрыва воздействие человечества на окружающую среду приобрело одновременный и глобальный характер:

1. Резко увеличилось механическое воздействие человека на биосферу за счет увеличения объема изъятия ресурсов, отчуждения новых территорий для создания цивилизационной инфраструктуры и т. д.
2. Химическое загрязнение всех геосфер стало столь значительным, что с начала XX-го в. некоторые экосистемы Земли оказывались за пределами своей устойчивости, деградировали и погибали. И этот процесс продолжается. В предстоящие 25–30 лет биоразнообразие Земли может уменьшиться на 25 %.
3. Физические (энергетические) загрязнения биосферы — в виде электромагнитных излучений радиочастотного диапазона, ионизирующих и тепловых излучений, виброакустических воздействий и др.
4. Формирование качественно нового уровня биологического загрязнения, связанного, прежде всего, с развитием биотехнологий и генной инженерии. Из предприятий и лабораторий подобного профиля возможно попадание в окружающую среду микроорганизмов и биологических веществ, оказывающих исключительно вредное воздействие на флору и фауну, здоровье человека и его генофонд.
5. Удовлетворение быстрорастущих потребностей человечества в энергии, энергетических и других материальных ресурсах привело к тому, что потоки энергии техногенного происхождения стали соизмеримыми с природными, характерными для самых масштабных явлений и процессов в природе (см. таблицу).

Исключительная важность для современной цивилизации удовлетворения ее потребностей в **электрической и тепловой энергии** нашла отражение во введении в обиход такого понятия как «энергетическая безопасность», которая является одним из важных элементов национальной безо-

пасности страны (наряду с военной, экономической, экологической, продовольственной и другими видами безопасности) [7]. В Энергетической стратегии России до 2030 г. «энергетическая безопасность» трактуется как «состояние защищенности страны, ее граждан, общества, экономики от угроз надежному топливно- и энергообеспечению».

Таблица. Сопоставление мощности потоков энергии природного и техногенного происхождения

Параметры	Энергия, ТВт	
	В настоящее время	В середине XXI столетия
Антропогенная энергия	12...14	55...100
Мощность электростанций	4,8	25...40
Тепловой потенциал океанов и суши	2,0...2,5	
Приливы и отливы	5...6	
Ураганы (торнадо)	20...30	
Землетрясения	25...40 и более	

Большие надежды в обеспечении энергетической безопасности специалисты возлагают на «энергосбережение» и «энергозамещение». Первым термином обозначают борьбу с энергорасточительностью и с низкой энергоэффективностью, вторым — замещение невозобновляемых минеральных энергетических ресурсов возобновляемыми и оптимизацию энергетического баланса.

Потенциал энергосбережения в нашей стране составляет 45 % от общего годового энергопотребления. Уже сегодня энергоснабжение удаленных автономных потребителей от источников на основе возобновляемых энергоресурсов во многих случаях экономически более целесообразно, чем завоз минерального топлива или строительство линий электропередач от крупных энергосистем. Экологические эффекты замещения традиционной энергетики возобновляемой ещё более впечатляющие — замещение 1 ГВт·ч электроэнергии, произведённой из традиционных энергоресурсов, на произведённую из возобновляемых, ведёт к сокращению выбросов в атмосферу вредных веществ в следующих объёмах: CO_2 — 750...1250 т, SO_2 — 5...8 т, NO_x — 3...6 т, зола — 40...70 т, пыль — 0,25...0,47 т. В топливных технологиях все, что не удалось превратить в электричество и техническую теплоту (40...65 %) является не только бесполезно потраченным, но и наносящим вред окружающей среде в виде физико-химического и теплового загрязнения. Около 50 стран встали на путь развития возобновляемой энергетики [8].

Во второй половине XX в. мы вступили в современный экологический кризис (седьмой — по принятой хронологии), который сопровождается демографическим, социальным, энергетическим кризисами. Соответствующая ему экологическая революция (седьмая — по той же хронологии) заключается в разработке и начале осуществления концепции устойчивого развития, в ресурсо-экологическом регулировании общественного прогресса.

Важной особенностью современного экологического кризиса является его глобальный характер, проявляющийся, прежде всего, в планетарном «парниковом эффекте» — повышении температуры атмосферы Земли в результате техногенных выбросов в атмосферу огромных масс углекислого газа (и еще около 10 газов, названных парниковыми). Этот «лишний» для биосферы газ не может быть поглощен растительным миром Земли, тем более что идет постоянное сокращение площади лесов.

К сожалению, эта проблема — лишь одна из многих, связанных с развитием современного ресурсо-экологического кризиса.

Проявившие себя глобальные изменения окружающей среды и локальные экологические катастрофы способствовали осознанию к середине XX в. этой проблемы, в первую очередь, промышленно развитыми странами, которые являлись основными загрязнителями окружающей среды. После Великого Лондонского смога (5–9.12.1952 г.), унесшего жизни от 4 до 12 тыс. человек (по разным источникам), начались системные исследования загрязнения всех геосфер, нормирование выбросов, сбросов и размещения отходов, совершенствование систем очистки, внедрение малоотходных технологий, формирование нормативно-правовой базы защиты окружающей среды и природопользования.

Внимание к вопросам защиты окружающей среды стало переходить на уровень парламентов, правительств и международных организаций. По поручению Римского клуба (неформальной организации выдающихся ученых, предпринимателей, государственных деятелей, созданной в 1968 г.) впервые в истории была предпринята попытка (1970–1972 гг.) описать динамику человеческого общества со всем его окружением как единую целостную систему в предположении дальнейшего сохранения темпов и характера мирового экономического развития и соответствующих им загрязнения окружающей среды и истощения ресурсов [9].

Началось формирование международных природоохранительных организаций, интенсивное развитие соответствующего законодательства.

Если до Стокгольмской конференции по окружающей среде и развитию (1972 г.), во всех странах ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития, включающая 34 страны) было принято 32 природоохранительных закона, то к концу 2010 г. их число выросло более чем на порядок величины. Наша страна присоединилась к этому движению в середине 1980-х гг.

К началу 90-х гг. XX были сформированы основы широко известной сегодня **концепции устойчивого развития**. Концепция была принята в июне 1992 г. на конференции в г. Рио-де-Жанейро и практически подтверждена через 10 лет в г. Йоганнесбурге.

Концепция устойчивого развития предполагает глубокую экологизацию всех сторон жизни общества: системы образования, сферы культуры, по-

литики, социально-экономической сферы. Ключевым этапом формирования концепции устойчивого развития было создание Всемирной Комиссии ООН по окружающей среде и развитию и опубликование ею в 1987 г. доклада «Наше общее будущее». Реакцией на этот доклад было проведение, в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, конференции на уровне глав правительств по выработке стратегии устойчивого, экологически приемлемого экономического развития цивилизации. Конференция ООН по окружающей среде и развитию состоялась в июне 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро (КОСР-2). Из пяти принятых на ней документов два являются основополагающими: «Декларация Рио» (содержит 27 рекомендательных принципов) и «Повестка дня на XXI век».

В первом излагаются генеральные принципы и обязательства по взаимодействию государств в природоохранной и экономической сферах, следование которым должно обеспечить устойчивое развитие. Второй документ — рабочий, в нем представлена программа деятельности мирового сообщества в области взаимосвязанных проблем окружающей среды и социально-экономического развития на период до 2000 г. и на последующее столетие. Она включает методы и средства достижения цели на основе предложенной конференцией системы финансовых источников и механизмов распределения ресурсов на эту программу.

Насущная потребность в радикальном повышении эффективности использования ресурсов проходит «красной нитью» через все документы КОСР-2.

Для того, чтобы объединить усилия государств по предотвращению опасных изменений климата и добиться стабилизации концентрации парниковых газов в атмосфере на относительно безопасном уровне, была принята и в 1994 г. вступила в силу Рамочная Конвенция ООН по изменению климата (РКИК). Страны — участники Конвенции пришли к выводу, что выбросы парниковых газов надо снижать в обязательном порядке; споры вызвала только количественная характеристика безопасного уровня выбросов.

С учетом глобального характера этой проблемы на Третьей конференции стран РКИК в 1997 г. в г. Киото (Япония) был принят специальный документ, закрепляющий количественные обязательства развитых стран и стран с переходной экономикой по ограничению и снижению поступления парниковых газов в атмосферу, а также механизмы реализации этих обязательств. Документ получил название «Киотский протокол» (КП). Среди стран, подписавших КП, есть такие, для которых его реализация несет очевидные выгоды: экономические, социально-политические, экологические. Но есть и такие, для которых КП не очень выгоден в общепринятом «приземленном» смысле, прежде всего из-за его «тормозящего» воздействия на темпы промышленного развития.

КП установил конкретные обязательства каждой из стран (на сегодня 183 страны), ратифицировавших КП, по сокращению выбросов парниковых газов. Страны, подписавшие договор, должны к концу 2012 г. сократить свои выбросы парниковых газов не менее чем на 5,2 % от уровня 1990 г.

Среди стран, ратифицировавших КП, нет США — страны, которая занимает первое место в мире по объемам выбросов парниковых газов (36,1 % от мировых). Но, справедливости ради, необходимо отметить, что США вместе с Россией и другими странами участвуют в созданных в последние годы международных партнерствах по сокращению выбросов парниковых газов, по водородной экономике, использованию возобновляемых источников энергии, «чистым» угольным технологиям, повышению энергоэффективности и т. п., которые направлены на достижение целей РКИК и КП.

Австралия, Индия, Китай, США, Южная Корея и Япония учредили «Азиатско-Тихоокеанское партнерство в области чистого развития, энергетической безопасности и изменения климата».

Страны ЕС решают проблемы с выполнением киотских обязательств в основном на основе действующей с 2005 г. внутренней системы торговли квотами на выбросы парниковых газов. Позднее 27 стран ЕС приняли декларацию, обязательную для всех его членов, в которой прописан комплекс мер, направленных на предотвращение изменения климата.

РКИК и КП не только стали мощным механизмом глобальной стандартизации новой экологической политики, но и дали жизнь перспективному рынку квот на выбросы парниковых газов, объем которого в 2008 г., по данным Межправительственной группы по изменению климата, достиг 100 млрд долл.

Поэтому не случайно, что подготовка нового международного соглашения, которое примет эстафету у КП, сопровождается высокой политической и информационной активностью как отдельных государств, так и межгосударственных объединений. На 3-м совещании сторон Киотского протокола одобрена «Балтийская дорожная карта», которая дала старт переговорному процессу по новому режиму международного сотрудничества в области противодействия изменению климата на «посткиотский период».

Предварительно планировалось, что новое соглашение будет принято в декабре 2009 г. в г. Копенгагене. При этом США заранее выразили свое намерение стать лидером нового мирового экологического порядка. Во всяком случае, их стратегическая задача — снизить выбросы парниковых газов к 2050 г. на 80 % является заявкой именно на такую роль. Отказавшись ратифицировать КП на первом этапе (2008–2012 гг.) по экономическим и внутривнутриполитическим соображениям, США однако установили для себя цель — снизить к 2012 г. выбросы на единицу ВВП на 18 % и готовы активно участвовать в соглашении, которое будет принято на «посткиотский период».

К сожалению, конференция ООН по климату в г. Копенгагене не оправдала возлагавшихся на неё надежд. Переговоры оказались исключительно сложными и с технической, и с политической точек зрения. Если относительно цели — удерживать глобальное потепление в пределах 2°C — договорённость достигнута, то по вопросу справедливого распределения финансового бремени принятый документ носит только политический, а не юридический характер. Объясняется это большими различиями в подходах к ограничению выбросов парниковых газов, продемонстрированные странами, находящимися на разных ступенях социально-экономического развития. Эксперты, лидеры 30 стран, включая президентов России и США, полномочные представители практически всех стран мира (180), участвовавшие в конференции, пришли к мнению, что за оставшееся время действия РКИК и КП будет обобщён и скорректирован опыт их выполнения и будет принят документ, гарантирующий человечеству комфортные экологические условия проживания.

Эксперты прогнозируют, что в процессе подготовки международных соглашений — преемников РКИК и КП будет разработан экономический сценарий решения экологических проблем. В 2006–2007 гг. появились первые экономически проработанные сценарии действия стран, принадлежащих к трём разным группам по уровню социально-экономического развития, в которых за критерий взято недопущение повышения температуры атмосферы более чем на 2°C :

- развитые страны должны снизить выбросы парниковых газов к 2050 г. на 60...80 %;
- крупнейшие развивающиеся страны должны начать снижать выбросы парниковых газов не позднее 2020–2030 гг.;
- африканские страны в XXI в. не берут обязательства по сокращению выбросов парниковых газов.

Несмотря на достигнутые результаты, в докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата (2007 г.) сделаны неутешительные выводы о нарастании негативного техногенного влияния на окружающую среду. В этих условиях остаётся надеяться на большую эффективность посткиотских соглашений, которые являются предметом обсуждения всё новых международных саммитов.

В конце 2011 г. (29.11–11.12.2011 г.) в г. Дурбане (ЮАР) состоялись 17-я Конференция Сторон РКИК, 7-я Конференция Сторон КП и встречи экспертных групп. В мероприятиях приняли участие официальные делегации из 196 стран. Их результаты оцениваются неоднозначно.

Одни удовлетворены тем, что создан фундамент международного соглашения по защите окружающей среды, в котором впервые будут задействованы все страны. Главным событием г. Дурбана, по их мнению, является то, что на этой конференции принята «дорожная карта» для разработки нового

глобального договора о защите климата, который впервые будет юридически обязывающим уже для всех государств.

Произошло объединение усилий Евросоюза и слаборазвитых, а также островных государств, которые острее других почувствуют на себе последствия изменения климата. Островные государства просто затопит океан, а слаборазвитым — угрожает массовый голод. Именно это обстоятельство должно со временем побудить поддержать решения конференции те страны, на долю которых приходится основная масса выбросов в атмосферу CO_2 . Впервые такие крупные экономики, как США, Китай и Индия, пообещали подписать договор о защите климата, который будет для них юридически обязывающим. В рамках второй фазы действия КП — с 2013 по 2020 гг. — планируется сократить объёмы выброса парниковых газов на 25...40 %.

Другие недовольны отсутствием конкретных результатов, которые бы четко оговорили очередные шаги по сокращению выбросов парниковых газов, а также тем, что никто не взял на себя конкретных обязательств по сокращению выбросов. Договорились о том, что нормы установят на основе новых научных исследований, проведенных под эгидой Всемирного совета по климату. В критических оценках подчёркивается, что принятый План действий до 2020 г. недостаточен для того, чтобы остановить процесс потепления на планете, а продление действия КП до 2020 г. это — неэффективное и половинчатое решение. Чтобы не допустить глобального потепления больше чем на 2°C , нужно начать сокращение выбросов в атмосферу еще до 2015 г. Согласно принятой «Дурбанской платформе», новый глобальный договор должен быть разработан к 2015 г. и после его ратификации вступить в силу в 2020 г.

Россия вместе с Канадой, Японией и Новой Зеландией пока предпочла остаться в стороне от этой климатической активности по экономическим и политическим соображениям. Уместно напомнить, что Россия и к Киотскому соглашению присоединилась с задержкой почти в 7 лет. Однако реакция европейских партнеров на такое решение России говорит о том, что едва ли оно будет благоприятным для России и, следовательно, на каких-то условиях она присоединится к большинству стран.

Заключение

Мировые события последних лет (кризис 2008–2010 гг., предкризисные явления в большинстве стран ЕС в 2011–2012 гг.) показывают, что устойчивое развитие человеческой цивилизации недостижимо в мире, в котором в экономике абсолютно господствует принцип максимизации прибыли. Необходимо от примитивной модели человека *Homo Economicus* переходить к модели человека дружелюбного (готового к сотрудничеству). Воспитание такого человека — наша общая неолетальная задача. В её решение должны быть вовлечены все: государственные институты, обществен-

ные и религиозные организации, каждый неравнодушный житель планеты Земля.

Опыт высокоразвитых стран со сложившимися демократией и рынком показал, что требующаяся для благосостояния наций инфраструктура (право, воспитание, защита окружающей среды и цивилизации в целом и т. п.) может быть создана только государством и профинансирована им. Резкий рост загрязнения окружающей среды в промышленно развитых странах в 60–70-х гг. прошлого века в связи с неспособностью рынка адекватно реагировать на этот вызов вынудил государства предпринять законодательные шаги. Государственные инструменты правового регулирования (добровольные обязательства и системы экологического менеджмента, ограничительные меры по выбросам, классические экономические инструменты, экологические налоги и др.), подкреплённые мощной воспитательной и просветительской компаниями, оказались весьма эффективными для повышения ресурсоэффективности и для контроля за состоянием окружающей среды. Они практически не замедлили экономического роста, но, к сожалению, слабо повлияли на общее количество потребляемых ресурсов. Объясняется последнее «эффектом бумеранга» — сэкономленные за счет более высокой ресурсоэффективности средства потребители вкладывают в приобретение

дополнительной техники для повышения бытового комфорта, увеличивая тем самым общее потребление ресурсов.

В докладе Римскому клубу в 1997 г., оформленному в виде монографии «Фактор четыре» [4], приведен ряд конкретных примеров (около 60) из различных сфер общественной и частной жизни, показывающих реальность и пути четырехкратного повышения эффективности использования ресурсов.

В новой книге «Фактор пять» [1] несколько изменился (укрупнился) подход к проблеме — внимание сконцентрировано на наиболее ресурсоёмких секторах экономики. Показано, что во всех рассмотренных секторах реально добиться пятикратного повышения ресурсоэффективности.

Решение рассмотренных проблем — задача чрезвычайно сложная, но *в любом случае заниматься повышением ресурсоэффективности — беспроигрышное дело*. Даже если оно не сможет решить многие глобальные проблемы, оно позволит человечеству отсрочить катастрофическое развитие событий и получить дополнительное время для поиска и реализации решений глобальных проблем современности.

Авторы благодарны И.Б. Ардашкину, Г.Ю. Боярко и В.Ф. Панину за предоставление первичных материалов и Т.С. Петровской за полезные обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Weizsaecker E., Hargroves K., Smith M. Faktor Fünf: Die Formel für nachhaltiges Wachstum. — München: Drömer Verlag, 2010. — 432 S.
2. Boyett J.H., Boyett J.T. Management-Guide: Die Top-Ideen der Management-Gurus. — München: Econ, 1999. — 399 S.
3. Ахундов А. Закон экономии времени в условиях развитого социализма: Курс политической экономии. — М.: Экономика, 1970. — Т. 2. — 314 с.
4. Вайцзекер Э., Ловенс А., Ловенс Л. Фактор четыре. Новый доклад Римскому клубу / под ред. Г.А. Месяца. — М.: Academia, 2000. — 400 с.
5. Реймерс Н.Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. — М.: Россия молодая, 1994. — 366 с.
6. Юсфин Ю.С., Леонтьев Л.И., Черноусов П.И. Ресурсно-экологическая концепция социально-экономического развития // Промышленность и окружающая среда. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. — 469 с.
7. Энергетическая безопасность России / В.В. Бушуев, Н.И. Воропай, А.И. Мастепанов и др. — Новосибирск: Наука, 1998. — 302 с.
8. Ушаков В.Я. Возобновляемая и альтернативная энергетика: ресурсосбережение и защита окружающей среды. — Томск: Изд-во «СибГрафикс», 2011. — 137 с.
9. Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й., Беренс В.Ш. Пределы роста. — М.: +Прогресс L, 1991. — 284 с.

Поступила 25.04.2012 г.

УДК 378.662.016(571.16):378.5

«ОСНОВЫ РЕСУРСОЭФФЕКТИВНОСТИ» – НОВАЯ ДИСЦИПЛИНА В УЧЕБНЫХ ПЛАНАХ ТПУ

А.А. Дульзон, Т.С. Петровская, В.Я. Ушаков

Томский политехнический университет

E-mail: vyush@tpu.ru

Представлен модуль «Ресурсоэффективность» для учебных планов технических, гуманитарных и экономических специальностей, и более подробно – дисциплина и учебное пособие «Основы ресурсоэффективности» для всех специальностей и направлений бакалавриата. Обоснована актуальность преподавания в технических вузах дисциплин, рассматривающих ресурсоэффективность в глобальном аспекте – обеспечение устойчивого развития цивилизации – и в аспекте повышения эффективности использования ресурсов в различных производственных отраслях и в быту. Приведены структура и основное содержание разделов программы курса и учебного пособия.

Ключевые слова:

Ресурсоэффективность, устойчивое развитие, конкурентоспособность, экологическая безопасность, мотивация, правовое регулирование, государственная политика.

Key words:

Resources effectiveness, sustainable development, competitiveness, environment safety, motivation, legal regulation, public policy.

Введение

Развитие ТПУ как национального исследовательского университета **ресурсоэффективных технологий** требует качественного изменения содержания образовательных программ, введения в них вопросов экономики ресурсов и рационального их использования во всех сферах человеческой жизни и деятельности. Достижению этой цели будет служить модуль «Ресурсоэффективность», в задачи которого входит формирование у выпускников технических, гуманитарных и экономических специальностей компетенций (знания, умения, владение) в области эффективного использования всех доступных человеку ресурсов.

Модуль «Ресурсоэффективность» включает в себя:

- дисциплину «**Основы ресурсоэффективности**», 2 кредита (для всех специальностей и направлений бакалавриата);
- дисциплину «**Ресурсоэффективность отрасли**», 3 кредита (для технических специальностей и направлений);
- отдельные разделы, **посвященные вопросам ресурсоэффективности** в 5–7 дисциплинах профессионального цикла по каждой основной образовательной программе (ООП);
- раздел «**Внедрение ресурсоэффективных технологий**» в выпускные квалификационные работы всех уровней и для всех основных образовательных программ.

1. Актуальность повышения ресурсоэффективности

Сформировавшийся в мировом хозяйстве техногенный тип развития, не учитывающий в достаточной мере экологические и социальные издержки хозяйственной деятельности, воспроизводит лавину проблем и опасностей, грозящих человеческой цивилизации. Человечество попало в замкнутый круг: для создания комфортных условий проживания необходимо наращивать объём валового внутреннего продукта – это требует всё больших объёмов ресурсов (прежде всего, минеральных) –

их добыча, переработка и потребление наносят огромный ущерб окружающей среде – ухудшение условий обитания ведёт к росту заболеваний и сводит на нет усилия по созданию жизненного комфорта, а угрожающие изменения климата могут сделать проблематичной жизнь на Земле. Экологи пришли к выводу, что «... человечество подошло к некоему критическому пределу, столкнувшись в своем развитии с внешними границами... Границы эти определяются не столько ресурсами недр или доступными источниками энергии, сколько потенциальными возможностями биосферы по нейтрализации растущего антропогенного давления» [1].

Не меньше оснований для беспокойства у социологов и представителей других гуманитарных наук. Без должного осознания глобальных проблем, стоящих перед человечеством, без мировоззренческого отношения к ним невозможна и выработка подходов к поиску удовлетворительных решений.

«Образно говоря, в последнее время человечество напоминает пассажиров поезда, все заботы которых заключаются в том, чтобы поудобнее, с комфортом устроиться внутри вагона, но совершенно забывших, куда и зачем они едут. То есть произошла утрата человечеством более дальних – духовных ориентиров своей жизни» [2]. Вместе с тем наш «поезд» может оказаться в пропасти, если не будут решены глобальные проблемы современности. «Пропасть» – это не только техногенное разрушение среды обитания, но и ядерная катастрофа как следствие опоздания с решением проблемы гармонизации духовно-нравственного совершенствования человека с повышением его технических и технологических возможностей.

Более того, возвращаясь к метафоре с поездом, следует подчеркнуть, что остановка поезда также не является решением проблемы. Система, которая перестает развиваться, просто медленно умирает.

В настоящее время в мире воцарилось не информационное общество, как принято считать, а общество потребления. Условием существования и развития этого общества, как наглядно проиллюстрировал австрийский социолог З. Бауман (*Z. Bauman*) [3], является постоянное сокращение пути от разработки и производства нового продукта/услуги до свалки. Все возрастающее внимание властей проблеме отходов позволило достичь существенных результатов. Однако в решении проблемы неуклонного роста потребления и обусловленной ею проблемы ресурсосбережения заметных результатов пока не достигнуто. Одна из причин — мотивация к ресурсосбережению в значительной степени компенсируется мотивацией потребления. Поэтому решение проблемы ресурсосбережения, вследствие её сложности и противоречивости, требует не только больших организационных усилий от власти, но и гражданской ответственности от каждого — способности поставить общественное благо выше личного.

Для нашей страны повышение ресурсоэффективности (РЭ) особенно актуально. Сегодня Россия в расчете на единицу национального дохода расходует топлива, электроэнергии, металла в 2–3,5 раза больше, чем развитые страны. Это обуславливает низкую конкурентоспособность отечественной продукции. Такое положение вызвано двумя основными группами факторов.

Многолетняя политика низких цен на природные ресурсы в плановой экономике СССР и представление об их неисчерпаемости нанесли огромный урон народным традициям бережливости и аккуратности, культуре потребления, воспитывавшимся образом жизни и религий на протяжении многих веков. (Во всех религиях расточительство порицается).

Вторая группа факторов относится к области геополитики и геоэкономики. Уже в середине XIX-го в. ведущие российские экономисты подчеркивали наличие целого ряда ограничений, связанных с географоклиматическими параметрами страны и малой плотностью населения на большей ее части. Большие расстояния, усугубляемые бездорожьем, малое число незамерзающих морских портов, длительный зимний период и, соответственно, ледостава, длительный отопительный сезон, короткий вегетационный период, впадение большинства рек в северные замерзающие моря, большие площади вечной мерзлоты — все эти и другие факторы не благоприятствуют конкурентоспособности российской продукции и услуг.

Названные и многие неназванные факторы требуют от России такой политики в области РЭ, которая обеспечила бы, как минимум, уровень, достигнутый в развитых странах. Одним из важнейших факторов интенсификации и повышения эффективности производства является режим экономии. ***Ресурсосбережение должно превратиться в решающий источник удовлетворения растущих потребностей в топливе, энергии, сырье и материалах.***

Более подробно актуальность решения проблемы повышения ресурсоэффективности обоснована в [4].

2. Цели и задачи курса

Решить сложные проблемы, к каковым, несомненно, относится повышение ресурсоэффективности, в полном объеме удастся очень редко. Их решение невозможно без возникновения новых проблем, но почти всегда можно найти улучшающие решения. Их успешный поиск по плечу хорошо подготовленным менеджерам и просвещенному населению. В этой связи основной целью курса «Основы ресурсоэффективности» признано формирование у выпускников университета компетенций в области эффективного использования ресурсов всех видов с ориентацией на сохранение человеческой цивилизации при высоком качестве жизни человека.

Изучение курса должно помочь слушателям:

- сформировать системное представление об основных видах ресурсов, которыми располагает человечество, и об их связи с глобальными проблемами современности;
- уяснить необходимость радикального повышения эффективности использования всех видов ресурсов планеты для сохранения человеческой цивилизации и обеспечения человеку достойных условий жизни;
- сформировать убежденность в том, что повышение эффективности использования ресурсов необходимо и полезно как для самого человека, так и для его страны и мира в целом;
- подготовиться к решению проблемы повышения ресурсоэффективности на уровне профессиональной, общественной и личной жизни;
- получить базовые знания о видах ресурсов, их основных характеристиках, распределении и потреблении по странам и континентам и тенденциях их изменения во времени и пространстве;
- понимать проблемы, связанные с неравномерным распределением и потреблением ресурсов;
- получить представление об оценке эффективности использования ресурсов разных видов и возможностях ее повышения;
- научиться анализировать жизненный цикл ресурсов и выявлять пути повышения ресурсоэффективности;
- усвоить основные пути и методы управления эффективностью использования ресурсов и тенденцией их развития, включая этические и законодательные нормы и правила.

Ожидается, что специалист с такими знаниями и мировоззрением будет не только эффективным «командиром производства», но и носителем и проводником идеологии бережливости.

Воспитание у людей осознанного «ресурсосберегательного» мировоззрения важно для достижения высокой эффективности использования ресурсов в быту — в жизненной сфере, где не действуют производственные нормативы, где человек волен сам выбирать температурный режим и режим освещения в жилых помещениях, режим водопользования, частоту обновления одежды и бытовой техники, судьбу остатков пищи и вышедшей

из моды одежды и др. Чрезвычайно важна индивидуальная культура ресурсосбережения и в производственной сфере, где без неё не дадут ожидаемых эффектов нормативы ресурсопотребления, законодательно закреплённая ответственность за нарушение этих нормативов. От бережливости и организованности каждого в значительной мере зависит конечный эффект от этого администрирования.

Наша страна имеет богатый и в целом положительный опыт социальной пропаганды (например, в периоды коллективизации, индустриализации, борьбы с неграмотностью, развития авиации, во времена войны, освоения целины и богатств Сибири и Дальнего Востока и др.). Его можно и нужно использовать для пропаганды и внедрения ресурсосберегающего образа жизни, естественно, с учетом современных социально-экономических и политических условий и пренебрежительного, в большинстве случаев, отношения россиян к бережливости.

Для информирования и воспитания населения должны быть использованы все доступные средства и приемы, поскольку формирование общественного сознания — дело длительное, требующее больших усилий. Информационные компании должны быть адресованы как руководителям всех уровней, так и обычному населению. Первым они помогут выявлять и внедрять ресурсоэффективные проекты, находить профессиональных участников рынка, способных подготавливать и внедрять такие проекты. Вторым — на основе знаний помогут избавиться от расточительного менталитета, научиться эффективно использовать ресурсы.

3. Структура и содержание курса

Структура учебного курса отрабатывалась в процессе подготовки учебного пособия с аналогичным названием [5]. Учебный курс и учебное пособие состоят из следующих 8 глав (разделов).

1. **Ресурсы и ресурсоэффективность в современном обществе:** общая оценка; ресурсоэффективность и устойчивое развитие цивилизации.
2. **Философские аспекты ресурсоэффективности:** подходы (критерии) к определению ресурсоэффективности; междисциплинарные и трансдисциплинарные основания исследований данного объекта; аксиология ресурсоэффективности; ресурсоэффективность в контексте исторического социального развития; основные подходы к интерпретации роли ресурсов в социальной эволюции; общественная эволюция и фактор ресурсоэффективности.
3. **Ресурсоэффективность в контексте экологической безопасности:** история экологических кризисов и экологических революций; современный глобальный ресурсо-экологический кризис; концепция устойчивого развития; повышение ресурсоэффективности и разумная демографическая политика (документы и главные установки наиболее крупных и знаковых международных конференций по окружающей сре-

де и развитию: Рио-де-Жанейро — 1992, Киото — 1997, Копенгаген — 2009, Дурбан — 2011).

4. **Виды ресурсов, их характеристики, распределение и потребление:** классификации ресурсов; главные ресурсы, обеспечивающие жизнь на Земле (воздух, водные и лесные ресурсы, ресурсы животного мира и рыбные ресурсы, земельные — сельскохозяйственные ресурсы); ресурсы недр Земли; искусственные («рукотворные») материальные ресурсы и услуги; трудовые ресурсы; нематериальные ресурсы; потребление ресурсов в пространстве и времени, их взаимозаменяемость и жизненный цикл ресурсов; использование вторичных ресурсов; время как ресурс.
5. **Правовое обеспечение (регулирование) ресурсоэффективности природо- и недропользования:** регулирование природопользования; регулирование недропользования; регулирование водопользования; регулирование лесопользования; юридическая ответственность в сфере природопользования.
6. **Ресурсоэффективность в контексте энергетической безопасности:** потери энергоресурсов на различных этапах их жизненного цикла; стоимость энергоресурсов; топливно-энергетические балансы; энергетическая безопасность.
7. **Эффективность использования энергоресурсов и энерго-ресурсосбережение:** основные направления повышения эффективности использования традиционных энергоресурсов; возобновляемые энергоресурсы.
8. **Возможности и пути радикального повышения эффективности использования ресурсов:** возможности повышения эффективности использования ресурсов на примере жилых зданий; инструменты для повышения эффективности использования ресурсов; основные проблемы и препятствия на пути повышения эффективности использования ресурсов.

Заключение

Коллектив разработчиков программы курса «Основы ресурсоэффективности» и авторов одноименного учебного пособия формировался с учетом сложности рассматриваемых в них проблем, его меж- и трансдисциплинарности. В составе творческого коллектива семь профессоров и три доцента, представляющих философию, геологию, прикладной системный анализ, юриспруденцию, энергетику, экологию, химические технологии.

Для разработчиков учебных программ дисциплин «Ресурсоэффективность отрасли» и потенциальных авторов соответствующих учебников и учебных пособий будут полезны научные и методические наработки последних лет в области энергосбережения, которому уделяется особенно пристальное внимание руководства страны [6–12].

Авторы благодарят ректора ТПУ П. С. Чубика за инициативу и поддержку проекта «Ресурсоэффективность».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. – М.: Изд-во «Инфра-М», 2005. – 224 с.
2. Баныкин Н.П. Семь лекций о Живой Этике. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – 96 с.
3. Bauman Z. Leben in der Flüchtigen Moderne. – Frankfurt am Main, 2007. – 287 S.
4. Дульзон А.А., Ушаков В.Я., Чубик П.С. Ресурсоэффективность – основа устойчивого развития цивилизации // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 320. – № 6. – С. 39–46.
5. Основы ресурсоэффективности. И.Б. Ардашкин, Г.Ю. Боярко, А.А. Дульзон, Е.М. Дутова, И.Б. Калинин, В.В. Литвак, Б.В. Лукутин, В.Ф. Панин, Т.С. Петровская, В.Я. Ушаков / под ред. А.А. Дульзона и В.Я. Ушакова. – Томск: Изд-во ТПУ, 2012. – 286 с.: ил.
6. Литвак В.В. Основы регионального энергосбережения (научно-технические и производственные аспекты). – Томск: Изд-во НТЛ, 2007. – 288 с.
7. Данилов Н.И., Баскаков А.П., Щеклеин С.Е. и др. Энергосбережение и повышение эффективности использования энергоресурсов в зданиях и сооружениях: учебное пособие / под ред. А.П. Баскакова, Н.И. Данилова, С.Е. Щеклеина. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «УГТУ-УПИ», 2002. – 326 с.
8. Ушаков В.Я. Энергосбережение и повышение энергетической эффективности: социально-экономические, организационные и правовые аспекты. – Томск: Изд-во ТПУ, 2011. – 280 с.
9. Климова Г.Н. Энергосбережение на промышленных предприятиях. – Томск: Изд-во ТПУ, 2008. – 181 с.
10. Данилов Н.И., Щёлоков Я.М. Основы энергосбережения / под ред. Н.И. Данилова. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «УГТУ-УПИ», 2006. – 564 с.
11. Литвак В.В., Маркман Г.З., Харлов Н.Н. Электроэнергия: экономика, качество. – Томск: STT, 2001. – 196 с.
12. Маркман Г.З. Энергоэффективность преобразования и транспортировки электрической энергии. – Томск: Изд-во ТПУ, 2008. – 184 с.

Поступила 26.04.2012 г.

Философия, социология и культурология

УДК 165.7

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ НАУКИ

Д.В. Черникова, И.В. Черникова*

Томский политехнический университет

*Томский государственный университет

E-mail: chdv@tpu.ru

Проведен анализ исследований фундаментальных оснований науки, предпринятых в различных направлениях позитивизма. Характеризуется ограниченность стандартной концепции науки, разработанной в позитивизме, и современные тенденции решения проблемы обоснования. Обращается внимание на идеи, получившие развитие в нефундаменталистском понимании обоснования знания, в частности, в контексте сближения эпистемологии с когнитивными науками.

Ключевые слова:

Наука, знание, обоснование, эпистемология, когнитивная наука, позитивизм, психологизм, эмпиризм, метафизика, истина, надежность, реальность, познание, неопозитивизм.

Key words:

Science, knowledge, substantiation, epistemology, cognitive science, positivism, psychologism, empiricism, metaphysics, cognition, neopositivism.

Исследования фундаментальных оснований науки впервые были предприняты в позитивистской философии науки. В развитии позитивизма выделяют три «волны»: классический позитивизм; физический позитивизм (махизм, энергетизм) и логический позитивизм. Постпозитивизм представляют школа историков науки, а также социология науки. Сегодня можно дополнительно выделить и программу когнитивных исследований.

Позитивистская исследовательская программа основана на принципе сциентизма, согласно которому познание отождествляется с достижениями науки и полностью может быть эксплицировано на пути методологического анализа научного образа действий. Позитивный дух научных исследований состоит в переориентации с изучения конечных причин на изучение непреложных законов, с вопроса «почему» на вопрос «как», с анализа метафизических ценностей на простое, но точное знание. Позитивисты проблематизировали взаимодействие науки и метафизики, по их мнению, позитивная наука не объясняет, а описывает явления, объяснение является задачей метафизики. Позитивная философия выступает, как теория науки, она не имеет своего предмета и метода, отличного от предмета и метода позитивных наук, а ре-

шает задачу создания всеобщей системы идей, способной эволюционным путём преобразовать общество. О. Контом, Дж. Миллем и Г. Спенсером была предложена концепция единой науки, которая бы объединила знание о природных явлениях и о человеческом мире в одно целое через выявление общих фундаментальных оснований. На основе идеи объединения наук О. Конт строит систему позитивного знания, которое синтезирует данные частных наук и сводит их в единую, научную картину мира [1. С. 117].

Первый позитивизм считает знание позитивным, если оно добыто *эмпирически*. Научное знание, в отличие от метафизического, представляет собой описание чувственно данного. Позитивная наука, по его мнению, должна ограничиваться описанием явлений, задавая вопрос «как», а не вопрос «почему». Задача науки — «видеть, чтобы предвидеть» [1. С. 38]. Его основные идеи изложены в работе «Дух позитивной философии». Науку О. Конт рассматривал как закономерный этап интеллектуального развития человечества. Научное знание должно основываться на опыте и формировать целостную картину мира, поэтому различные научные дисциплины объединены в иерархически организованную систему по мере убывания об-

шности и простоты: математика, астрономия, физика, химия, биология, психология и социология. Такая классификация отражает всеобщий закон, согласно которому высшее должно подчиняться низшему. Поэтому законы социального развития соответствуют естественным законам, открытие и сведение числа которых до минимума и составляет цель научного познания.

Разработка системы социологических знаний составляла его главную цель. Философию О. Конт рассматривал как науку о мире в целом и ни о чем в частности, психологию — как часть биологии, а достоверность социологических выводов связывал с выявлением реальных социальных связей, а не с философскими поисками трансцендентальных оснований. Сила, способная трансформировать социальный порядок — это человеческий разум, в развитии которого свою роль призвана сыграть позитивная наука. Однако, каждая наука говорит о мире на своем языке, таким образом, для построения системы позитивного знания нужно выработать единые методы и общий язык, так была осознана необходимость в разработке индуктивных методов решения, в индуктивной логике. Основателем такого рода логики и явился Дж. Милль.

Он, как и все представители философского эмпиризма, считал, что источником наших знаний являются ощущения, но не все знания выводимы из опыта и приходится логически домысливать то, что нельзя познать опытным путем. В метафизической философии такой вывод строился на основе вывода известного как аристотелевский силлогизм. Дж. Милль выступил с критикой силлогистической логики, противопоставив ей индуктивную логику, которую характеризовал как теорию умозаключений [2. С. 617]. Именно Дж. Милль провозгласил, что наука — сама себе философия. Главную задачу науки он видел в индуктивном упорядочении единичных явлений. Дж. Милль распространял законы индуктивной логики на социальную сферу и стремился создать деонтологическую логику для описания нравственного поведения человека. При этом он отрицал применение экспериментальных методов в социологии, полагая, что общественные отношения должны строиться на принципе полезности: люди должны поступать нравственно, потому что это выгоднее и полезнее.

В дальнейшем идеи Дж. Милля о природе логики, ее роли в мышлении получают развитие в конструировании искусственного интеллекта. С современной проблематикой когнитивных наук Дж. Милля сближает также интерес к природе человека, которую он полагал неизменной, утверждал, что основные черты личности вытекают из законов природы отдельного человека и могут быть к ним сведены. Его утилитаристская теория морали строилась не только на социологических обобщениях, но и на законах биологии и психологии. Современные исследователи морали также видят перспективу междисциплинарного подхода к этому сложному феномену [3. С. 406].

Программу объединения наук на основе идеи эволюции изложил Г. Спенсер в многотомном труде «Синтетическая философия», включающем анализ оснований наук о неживой природе, а также оснований биологии, психологии, социологии, этики. Его теоретические воззрения также как и у предшественника основаны на идее всеобщей эволюции. Эволюция распространяется на все без исключения сферы бытия и связывает их генетически и единым законом функционирования [4. С. 240].

Представители второй волны позитивизма, называемого физический позитивизм (Р. Авенариус, Э. Мах, В. Оствальд) продолжили традицию борьбы с метафизикой и конечными причинами. Основой очищения опыта у Р. Авенариуса стал «принцип наименьшей меры сил», у Э. Маха «принцип экономии мышления».

В качестве научно познаваемой рассматривается не только чувственно данная реальность, но реальность взаимосвязей. Исходя из того факта, что человек воспринимает реальность через собственную природу, Э. Мах обратился для ответа на вопрос, как мы познаем, к конкретным наукам, прежде всего, к психологии. Разработанная им теория познания явилась новой метафизикой, основанной на психологии. В ней утверждалось, что в познании мы имеем дело не с вещами как таковыми, а с комплексами ощущений, которые являются единством физического и психического.

Э. Мах понимал задачу научного познания как приспособление мыслей к фактам и приспособление мыслей друг к другу. Мотивом создания теории, по Э. Маху, является не надежда получить знания о действительности, стоящей позади явлений, а лишь только возможность представить эти явления в простой и элегантной взаимосвязи. Эту установку Э. Мах назвал принципом экономии мышления.

Возникновение физического позитивизма обусловлено переориентацией физики с изучения реальности «самой по себе» на «опытную реальность», реальность взаимосвязей, открывшуюся физике поля. «Истинные соотношения между этими реальными предметами представляют единственную реальность, которой мы могли бы добиться» [5. С. 177]. Стремясь занять позицию «непредубежденного естествоиспытателя», Э. Мах трактует мышление как приспособление к фактам опыта, которые он считает единственной реальностью, характеризующейся принципом «нейтральности элементов опыта». Э. Мах подчеркивал, что элементы внутреннего опыта (ощущения) являются общим основанием как психологии, так и физики.

Элементы опыта с точки зрения второго позитивизма являются нейтральными, то есть и объективными и субъективными в зависимости от того, в каком отношении рассматриваются. Философско-методологические идеи Э. Маха, В. Оствальда, А. Богданова, А. Пуанкаре инициировали исследования по психофизическому параллелизму.

В этом учении разделение элементов на физические и психические считается по сути метафизическим, основанным на противопоставлении идеального и материального, и потому неправомерным. Такому различию второй позитивизм противопоставлял другое – функциональное различие, и тем самым стремился снять дихотомию, намеченную двумя линиями философии (линия Демокрита и линия Платона). Между тем, понятие «чистого опыта» само является метафизической конструкцией, поскольку ощущения, из которых состоит опыт, сами из опыта не следуют. Обосновать опыт из опыта невозможно, в логике это противоречие называется «порочным кругом».

В классической философии проблема обоснования познания известна как вопрос о тождестве мышления и бытия. Аристотель назвал формы мышления категориями, к ним относятся «пространство», «время», «количество», «качество», «содержание», «форма», «причина», «следствие» и другие. Вопрос, откуда берутся формы мышления, поставил И. Кант, он счел категории априорными формами рассудка и разума. Р. Декарт считал их врожденными, Г.В.Ф. Гегель придал им характер универсалий культуры. Иными словами, в классической философии выход из порочного круга обеспечивался обращением к некой третьей сущности, которые Э. Мах называл «конечными причинами».

Отказываясь от «конечных причин» и философской онтологии, второй позитивизм фактически отождествлял мышление и бытие, реальность природы и реальность опыта и перевел проблему в область чистого психологизма. Дальнейшие исследования фундаментальных оснований науки были предприняты позитивизмом третьего поколения – неопозитивизмом (логический позитивизм).

В решении проблемы обоснования знания, как отмечает В.А. Лекторский, сложились две основных традиции – психологизма и анти-психологизма [6. С. 16]. К психологистам относятся эмпирики, сторонники «врожденных идей», среди этих философов многие являются и психологами (Д. Беркли, Д. Юм, Э. Мах и др.). С их точки зрения эпистемология основывается на психологии, изучающей эмпирическое сознание. Норма, обеспечивающая связь познания и реальности, коренится в самом эмпирически данном сознании.

Традиция анти-психологизма представлена в логическом позитивизме (неопозитивизм) и развивается сторонниками аналитической философии, занимающимися анализом языка. В данном случае опыт понимается как комбинация простых фактов или событий, допускающих отображение в научно осмысленных, «протокольных» высказываниях. В неопозитивизме протокольные предложения это исходные, элементарные высказывания, образующие эмпирический базис познания.

В отличие от предшествующих направлений позитивизма, неопозитивизм видит задачу философии не в суммировании специально-научного зна-

ния, создании синтетической теории, как классический позитивизм, а в анализе языка науки и структуры научного знания. Особенностью критики метафизики в неопозитивизме является то, что она рассматривается не как заблуждение, а как не имеющая смысла в логико-лингвистическом контексте. Если махизм допускал возможность анализа научного знания через психологию мышления и историю науки, то неопозитивизм сводит анализ знания к исследованию языковых выражений на основе методов логики и семиотики. В позитивизме третьего поколения данностью, которая подлежит исследованию, является не опыт, а языковые формы.

Основоположник неопозитивизма Б. Рассел философию понимал в духе позитивизма, отказывая ей в собственном предмете и методе, определяя ее как ничью землю между наукой и теологией. Он стремился освободить науку, ее язык от метафизических понятий. Согласно Б. Расселу [7. С. 154], истинные высказывания о мире возможны только в том случае, если структура мира и логическая структура языка будут соответствовать друг другу. При этом Б. Рассел был убежден, что не структуры языка отражают структуру мира, а наоборот, мир является отражением нашего способа говорить о нем.

Идеи Б. Рассела были развиты в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна [8. С. 48], который полагал, что логическое первично и полностью детерминирует наше знание об эмпирическом. В этом смысл его утверждения, что мир состоит из фактов, а не из вещей, что границы моего языка означают границы моего мира. Базовыми структурами языка он считал не элементарные предложения, а его практики, которые назвал языковыми играми. Революционное влияние Л. Витгенштейна на последующее развитие философии усматривают в том, что он традиционной концепции языка, где язык – система значений, противопоставил концепцию языка как деятельности.

Проблема концептуализации мира в языке обсуждалась У. Куайном, Д. Дэвидсоном, Н. Гудменом и другими. В методологии науки известен тезис Дюгема–Куайна, согласно которому не существует правила рационального выбора из теоретических альтернатив, поскольку наши суждения о внешнем мире подлежат проверке в совокупном чувственном опыте, в целостном контексте. У. Куайн в работе «Слово и объект» показал, что смысловое значение высказываний определяется не только опытом, но зависит от использования в научном сообществе [9. С. 270]. По У. Куайну концептуальные схемы, являясь холистскими, непередаваемы в целом, но на нижних уровнях соприкасаются с опытом (эпистемология обосновывается в контексте психологии). Идеи логических позитивистов о трудностях перевода связаны с теорией лингвистической относительности, фиксирующей, что разные языки могут давать разные концептуализации мира.

Д. Дэвидсон в работе «Об идее концептуальной схемы» изложил концепцию, согласно которой разные языки или разные концептуальные схемы включают в себя разные метафизики, поэтому адекватный перевод одной схемы в другую невозможен [10. С. 152]. По Д. Дэвидсону ни язык, ни мышление не организуют воспринимаемую реальность согласно концептуальным схемам, поскольку сами являются частью intersubjectивной концептуальной структуры. Если У. Куайн пытался выявить связь языка с миром на основе натуралистической эпистемологии, то Д. Дэвидсон утверждает, что выйти за пределы языка невозможно и трактует реальность как сплав языка и интерпретации.

Н. Гудмен, продолжая рассуждать над вопросом, как язык «зацепляет» мир, высказался в пользу плюралистического описания. У нас нет оснований для ответа на вопрос, каков мир на самом деле, речь может идти только о подгонке версий описания. Характерный для аналитической философии в целом вопрос «как слова сцепляются с миром» обсуждается ее представителями в контексте лингвистического анализа, казалось бы, покончившего с эмпиризмом [11. С. 317]. Этот вопрос актуален и в современной аналитической философии. Что касается эмпиризма, то пережитый кризис не означал его гибели, начиная со второй половины XX в., отмечают натуралистический поворот в философии.

Участниками Венского кружка М. Шликом, Р. Карнапом, О. Нейратом, К. Гемпелем и другими его членами были сформулированы основные положения логического позитивизма, согласно которому смысл философии состоит в логическом анализе языка. Этот анализ осуществляется посредством специальной логической процедуры, разложения текста на элементарные формы — протокольные предложения. Р. Карнап поставил задачу прояснить связь между эмпирическими наблюдениями и теорией, между аналитическими и синтетическими суждениями. Он сформулировал теорию языковых каркасов, согласно которой следует различать вопрос о существовании абстрактных объектов теории (внутренние вопросы) и о существовании вещей мира (внешние вопросы). Он считал правомерными только внутренние вопросы. Вопрос об отношении языкового каркаса теории к реальности, по его мнению, касается правомерности самого языкового каркаса, это не познавательный, а прагматический вопрос [12. С. 214]. Участники Венского кружка стремились построить общий для всех наук язык — язык формальной логики, который позволит избавиться от вавилонского смешения языков и, главное, защитит ум от ошибок.

Логический позитивизм сформулировал, так называемую, стандартную концепцию науки (СКН). Построение науки, по мнению позитивистов, проходит следующие этапы: проведение эмпирических исследований (эмпирический этап); построение формализованной системы логических высказываний, фиксирующих данные наблюде-

ний, анализ языка с точки зрения значений и смысла (логико-методологический этап); подтверждение истинных предложений фактами изучение языка по отношению к пользователям (прагматический этап).

Согласно СКН, мир изучаемых явлений рассматривается как реально существующий и независимый в своих характеристиках от познающего субъекта. Познание начинается с эмпирического изучения реальности, в результате которого формируются факты. Теория трактуется как множество научно осмысленных предложений. Свойства теории определяются входящими в нее предложениями и отношениями между ними. В стандартной концепции науки модель естественнонаучной теории должна удовлетворять следующим требованиям: наблюдаемые объекты описываются непосредственно в терминах наблюдения; аксиомы не включают термины наблюдения; теоретические термины имеют определения в терминах наблюдения; язык, на котором формулируется теория, строится на базе предикатов первого порядка.

Центральную роль в СКН играют правила соответствия, осуществляющие перевод теоретического языка в язык наблюдения. Обсуждается соотношение между эмпирическим базисом и теорией, описываются методы и формы научного знания на эмпирическом и теоретическом уровнях его организации, структура научного факта и научной теории, специфика научного понятия. Развитие науки в рамках СКН представлено кумулятивной моделью, в которой верифицированные теории не опровергаются, но сохраняются модифицируясь. Последующие варианты теории могут быть редуцированы к предшествующим.

Стандартная концепция науки является методологической основой теории научной рациональности, выдвинутой логическим позитивизмом. Логический позитивизм предпринял попытку задать идеал строения научных теорий, универсальный стандарт научности, выработать строгие и точные критерии научности. Концепция логического позитивизма долгие годы была господствующей в философии науки. Трудно переоценить ее влияние на научное мировоззрение, сознание ученых и вообще образованных людей. Она задавала образ науки на уровне менталитета, что позволило позднее говорить о «позитивистском мифе» научности. Логические позитивисты пытались провести четкую границу между наукой и не-наукой, но выяснилось, что эта граница исторически изменчива и условна. В этом и состоял основной результат обсуждения проблемы демаркации.

Критика СКН была осуществлена постпозитивизмом, на основании демонстрации ограниченности радикального сциентизма, неправомерности игнорирования различных вненаучных форм мышления и их влияния на науку.

Полная обоснованность и достоверность в науке недостижимы, именно такой вывод стал результатом аналитической деятельности логических по-

зитивистов и итогом анализа кризисов оснований математики. Размышляя над последствиями кризиса логицизма, Д. Гильберт в 1925 г. вопрошал [13. С. 260], где же искать надежность и истинность, если само математическое мышление дает осечку? Результаты К. Геделя показали несостоятельность полного и окончательного обоснования математики, а по существу показали несостоятельность кумулятивной модели науки: мы имели не просто кризис математики, а кризис методологии, для которой математические истины являются раз и навсегда установленными и не подлежащими критическому обсуждению.

Если в математике в 30-х гг. прошлого века, благодаря исследованиям К. Геделя и А. Тарского, стало очевидно, что невозможно построить достаточно богатый научный язык без обращения к концептуальным значениям и семантике как таковой, то в физике выяснилось, что язык наблюдений так или иначе нагружен теоретически. Итак, полное обоснование невозможно, а частичное не позволяет отличить науку от не-науки. Например, астрология подтверждает свои построения большим эмпирическим материалом. Подтвердить, по замечанию К. Поппера [14. С. 438], можно все, что угодно, но это не свидетельствует о научности. Научность заключается в способности опровергаться опытом. Фундаментализм как установка классической эпистемологии вытесняется в подходах К. Поппера и других постпозитивистов фаллибилизмом (*fallible* — *англ.* подверженный ошибкам, погрешимый) и пробабилизмом (*probable* — *англ.* вероятный).

Варианты нефундаменталистского понимания обоснования знания реализуются в социокультурных подходах к познанию, в неклассической эпистемологии, например, в контексте сближения эпистемологии с когнитивными науками, в частности с когнитивной психологией. Проблема обоснования знания развивается также в рамках релейэбиллизма (*reliable* — *англ.* надежный). В рамках этого подхода надежность знания определяется не логическим обоснованием или субъективной убедительностью, а только отношением к реальности. Подчеркивается различие обоснованности и надежности знания, формируется модель знания как проектов действий.

Таким образом, неклассическая эпистемология характеризуется заменой фундаменталистской установки другими формами обоснования знания. В позитивистских концепциях наука низводилась до уровня информационной системы готовых знаний, представлялась как совокупность аксиоматик, протокольных предложений, правил вывода. Развитие науки описывалось как кумулятивный процесс, результаты которого не зависят от социально-исторических условий. Это была формализованная модель, которая противоречила реальному процессу развития науки. Доказав, что полная обоснованность и достоверность в науке недостижимы, позитивизм, по сути, подвел черту под фундаментализмом как важнейшим принципом классической эпистемологии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 11-06-00049-а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении) / пер. с франц. И.А. Шапиро. — Ростов н/Д: Феникс, 2003. — 256 с.
2. Милль Дж. Система логики силлогистической и индуктивной. — М.: Ленанд, 2011. — 832 с.
3. Хаузер М. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. — М.: Дрофа, 2008. — 639 с.
4. Спенсер Г. Синтетическая философия. — М.: Ника-Центр, 1997. — 512 с.
5. Пуанкаре А. Наука и гипотеза. — М.: КД Либроком, 2010. — 236 с.
6. Лекторский В.А. О классической и неклассической эпистемологии // На пути к неклассической эпистемологии / отв. ред. В.А. Лекторский. — М.: ИФ РАН, 2009. — 235 с.
7. Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. — М.: Ника-Центр, 2001. — 560 с.
8. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — М.: Астрель, 2010. — 177 с.
9. Куайн У.О. Слово и объект / Пер. с англ. А.З. Черняк, Т.А. Дмитриев. — М.: Праксис; Логос, 2000. — 386 с.
10. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Пер. с англ. А.Л. Золкина. Аналитическая философия: Избранные тексты / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Грязнова. — М.: Изд-во МГУ, 1993. — С. 144–159.
11. Гудмен Н. Способы создания миров. — М.: «Идея-пресс» — «Праксис», 2001. — 376 с.
12. Карнап Р. Значение и необходимость. — М.: УРСС, 2007. — 384 с.
13. Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики. — М.: Изд. группа URSS. 2010. — 304 с.
14. Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс. 1983. — 605 с.

Поступила 04.04.2011 г.

УДК 165.3

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.Б. Ардашкин

Томский политехнический университет
E-mail: ibardashkin@mail.ru

Рассматриваются онтологические основания проблемно-ориентированных исследований. Констатируется, что проблемно-ориентированный процесс научного познания сопровождается двумя взаимообусловленными процессами: «субъективизацией объекта» и «объективизацией субъекта». Данные процессы идут виртуально. Сфера виртуальности выступает в качестве основного онтологического фона осуществления проблемно-ориентированных исследований. Подобное позволяет сохранить за наукой возможность считаться системой объективного знания. В то же время общество сохраняет существенные рычаги воздействия на развитие науки.

Ключевые слова:

Проблема, научная проблема, философские основания, проблемно-ориентированные исследования.

Key words:

Problem, scientific problem, the philosophical bases, problem-oriented researches.

В последние годы значение науки и научных исследований возросло. Невозможно представить сегодня перспективу общественного развития без участия науки. Однако такое положение несет не только позитивные следствия, но и негативные. Общество, оказавшись во многом зависимым от науки, стремится контролировать ее функционирование. Эта ситуация порождает сложности, связанные с неопределенностью статуса науки, которая в подобном случае утрачивает статус объективной системы знания. В то же время общество, учитывая свою зависимость от науки, а также все возрастающую стоимость научных исследований, уже не может позволить ученым осуществлять свою деятельность бесконтрольно. Отсюда возникает необходимость поиска таких способов взаимодействия науки и общества, которые позволяли бы соотносить обозначенные факторы, сохраняя науку в качестве системы объективного знания и учитывая интересы общества.

Такой формой соотношения науки и общества в философии и эпистемологии в последние годы стали проблемно-ориентированные исследования, которые «актуализируют аспект проблем человека и использование всего арсенала разработанных им знаний и технологий для их решения, а не аспект проблем познания, проблем науки, через призму которых и рассматривалось бытие человека» [1. С. 75]. Поэтому сегодня действительно важно обратиться к осмыслению онтологических оснований проблемно-ориентированных исследований, которые позволяют уточнить бытийную сторону взаимодействия науки и общества, а также выявить фундаментальное единство гуманитарного и естественного видов познания.

Демонстрация этого фундаментального единства не значит, что онтологические конструкции реальностей, выраженные в гуманитарных и естественных науках одинаковы, речь идет о единстве различных подходов к изучению этих бытийных сфер. Между реальностью гуманитарных и реальностью естественных наук нет непроходимой гра-

ницы. Эти реальности вряд ли могут быть отождествлены, но они взаимосвязаны и взаимозависимы, о чем говорят процессы глобальной интеграции в современной науке. Поэтому то, что проблема в своих разных вариантах функционирования пребывает в ситуации интеграции этих разных способов проблематизации, подтверждает справедливость выше сказанного.

Проблемно-ориентированные исследования выступают как новый тип научного исследования, где возможно совмещение способов функционирования проблемы в естествознании и гуманитаристике. Происходит совмещение двух способов организации знания (ответная организация и вопрошная). Что является онтологическим основанием такого рода совмещения, как и за счет чего это возможно — вот основной аспект исследования в параграфе.

Для выполнения поставленной задачи автор планирует рассмотреть три следующих момента. Первый момент связан с изучением особенности представления в современной науке предметного мира. Второй момент предполагает обращение к субъект-объектному отношению как основному познавательному отношению с целью обозначения специфики его современной интерпретации. И третий момент связан с необходимостью обращения к понятию виртуальность как термину, выражающему возможность соотношения явлений, процессов, сущностей разной природы между собой. Иными словами, автор хочет показать, как научные представления о предметном мире демонстрируют необходимость его воображаемой (мыслимой) «достройки», как субъект-объектное отношение нуждается в дополнении субъект-субъектным отношением, как виртуальность позволяет нам осуществлять процессы «достройки» в познании без серьезной трансформации как самой реальности (объекта), так и субъекта.

Предметный мир и его представленность в познании в последнее время связаны с определенными трудностями. Суть этих трудностей заключается

в том, что сегодня не один тип знаний (даже философия) не в состоянии четко сказать, что из себя представляет реальность, предметный мир. Каждый тип знания формирует с удивительной настойчивостью свою реальность, которая уже в зачаточном состоянии демонстрирует свою ограниченность, фрагментарность, неполноценность. Становится ясно, что мир (реальность) при все своем единстве плюралистичен, но этот плюрализм не выражает ни один тип знания. По мнению И. Пригожина, И. Стенгера, «по своему характеру наша Вселенная плюралистична, комплексна. Структуры могут исчезать, но могут и возникать. Одни процессы при существующем уровне знаний допускают описание с помощью детерминированных уравнений, другие требуют привлечения вероятностных соображений» [2. С. 18].

Другая трудность в представлении реальности, предметного мира, связана с необходимостью включения времени в картину реальности. Ведь в классической науке (рациональности) знания о мире вневременны, законы, по которым мир функционирует, не учитывают того, что существует эволюция, динамика, меняющие этот мир и его законы. Однако введение времени в систему знаний не облегчает, а усложняет наши представления о реальности. Человек еще не готов к такому восприятию действительности. Как пишут И. Пригожин, И. Стенгерс, «физическая реальность, которую мы описываем сегодня, является временной. Она охватывает законы и события, достоверности и вероятности... Открывает путь новым формам объективной познаваемости» [3. С. 212].

Можно сказать, что введение времени в картину реальности добавит ей неопределенности. Не случайно ситуацию современного познания характеризуют как вызов неопределенности. Действительно, люди привыкли к тому, что знание мира «гарантирует» им предсказуемость происходящих событий, понимания того, что такое реальность и как она развивается. Введение же времени, плюралистичности говорит о том, что наши знания вовсе не гарантия предсказуемости происходящих процессов в будущем. Как считает Э. Морен, «в предыдущие века люди всегда верили в будущее: они или считали, что в будущем их ожидает повторение прошлого, или же верили в прогресс. В XX в. люди обнаружили, что утратили будущее, ибо установили, что будущее непредсказуемо» [4. С. 16]. Неспособность предсказать есть следствие неспособности ответить на вопрос, а что такое реальность в настоящий момент.

Особенно показательна ситуация обозначения реальности, предметного мира в науке. Классическая наука имеет дисциплинарную структуру, где каждая дисциплина выражает аспект реальности, фрагмент объекта познания. Этот вид науки при рассмотрении реальности ориентируется на объективность, где последняя выступает и в качестве условия (истина как результат познания должна быть объективной, отображать объект достоверно),

и в качестве структуры (качество объекта определяет структуру научного познания). Объективность науки определяет дисциплинарную структуру науки по принципу: чем больше научных дисциплин, тем больше объективного начала в реальности выражает знание.

Казалось бы, ситуация достаточно естественная и понятная. Однако трудности начинали возникать тогда, когда требовалось это знание применить к миру в целом, либо к объекту, который выражал в себе предметный интерес различных наук (например, человек). В таких ситуациях и проявлялась противоречивость научных представлений о реальности, когда, с одной стороны, они продолжали дифференцировать мир, развивая научную специализацию, а, с другой стороны, они интегрировались друг с другом, формируя «метазнание» науки. Вот здесь и выясняется сложность подобного предметного выражения реальности науки.

Сегодняшний кризис научных знаний, в том числе вызван и дисциплинарной структурой науки, поскольку он обозначает противоречивость ее развития, несоответствие современным культурным идеям целостности познания, выражающей единство мира. Как пишет Е.Н. Князева [5], «научно-технический прогресс демонстрирует нам сегодня двоякого рода тенденции.

С одной стороны, возрастает специализация различных научных дисциплин, знание становится все более эзотерическим, доступным только специалистам, экспертам в узких дисциплинарных областях...

А с другой стороны, налицо противоположная тенденция — тенденция к интеграции и целостности. Происходит ломка границ между дисциплинами, вторжение проблем одних научных дисциплин в другие, циркуляция понятий. Возникают поля полидисциплинарных исследований, где в изучении сложного явления происходит встреча различных научных дисциплин, возникают взаимные влияния, наводятся мосты взаимодействия» [5. С. 29–30].

Противоречивость структуры научного знания отображает нашу противоречивость в представлениях о реальности. Для человека действительно сложно представить мир не через структуру дисциплин науки, хотя он и понимает ее фрагментарность и ограниченность. Но это, в первую очередь, наше предельное восприятие мира. Как пишет И.Т. Касавин по этому поводу, что несколько противоестественной выглядит система знаний науки на основе междисциплинарного взаимодействия, но эта противоестественность — результат дисциплинарной картины мира, которая организуется собирательным путем. Куда более понятной должна выглядеть междисциплинарная структура науки, но опыт такого понимания мира, следовательно, конструирования знания у нас мал. «Неявной предпосылкой данных недоразумений является представление о дисциплинарной структуре науки как о естественной норме и о междисциплинарно-

сти как отклонении от нормы, как переходном состоянии науки на пути к новому типу дисциплинарности. Нам представляется, что, напротив, именно междисциплинарное (не предполагающее при этом жестких границ каждой вовлеченной дисциплины) взаимодействие есть естественное состояние науки, предельным случаем которого является относительно строгие дисциплинарные структуры, границы которых задаются не столько системами знания, сколько институциональными формами» [6. С. 7].

Можно согласиться с И.Т. Касавиным в вопросе о том, что необходима и междисциплинарная, и дисциплинарная структура науки. Кроме того, следует добавить, что подобная структура знаний сегодня характерна не только для науки, но и для других типов знания. Ведь та же наука взаимодействует и с искусством, и с религией, и с философией и т. д., также как эти типы знания взаимодействуют с наукой и между собой. В настоящее время познание предстает как взаимодействие, а не противостояние, демаркация.

Но в случае с наукой и с другими типами знаний возникает вопрос, а как реализуется междисциплинарность, межтиповая интеграция знаний. Реальность выступает и как единая, и как множественная структура, поэтому необходимо стремиться добиваться единства представлений о мире через идею междисциплинарности знаний. Как пишет А.Ю. Чмыхало, «происходит пересмотр эпистемологического смысла целого ряда феноменов, выделяемых в научном познании, перемещение их из периферии познавательного интереса в пространство значимых, ситуационных философских проблем, позволяющих выявить многообразие факторов детерминации знания» [7. С. 74].

Вот здесь и возникает одна из сложностей, особенно в аспекте обоснования истинности результатов междисциплинарных исследований [6. С. 6–8]. Автор же предполагает, что точкой соотношения дисциплин (типов знания) могут выступать проблемно-ориентированные исследования. Именно они позволяют реализовать и междисциплинарные исследования, и дисциплинарные, именно они демонстрируют свою трансдисциплинарность. Проблемно-ориентированные исследования выступают как основание для интегрированного обозначения реальности, в котором предметность естествознания совмещается с возможными мирами гуманитарного знания. Проблема в проблемно-ориентированных исследованиях выступает как референт реальности в сфере знания, который здесь имеет место. Вопрос как форма ее проявления позволяет интегрировать и образ реальности естественных наук, и образ реальности гуманитарных наук.

Любое исследование осуществляется в определенное время и в определенном месте, это исследование осуществляется с определенной целью, но это исследование, раз оно осуществляется, еще не выражает собой результат, а значит, это исследо-

вание и есть проблема и в содержательном, и в процессуальном выражении. Проблема в проблемно-ориентированных исследованиях интегрирует знания, поскольку в их рамках каждая дисциплина может вполне осуществлять познание, не разрушая ее дисциплинарного основания. Реальность тогда реферируется через интеграцию разных способов функционирования проблемы, поскольку она ставится под вопрос. А значит, представляет из себя «незавершенную завершенность», процессуально-результатирующую форму своего обозначения. Проблематизируясь, реальность обретает открытое состояние, в котором она фактически функционирует. Человек (субъект) только таким образом и может выражать реальность вне зависимости от того, предметна она или нет.

Обратимся к анализу субъект-объектного отношения в познании и его трансформации, происходящей в последнее время.

Научная гносеология Нового времени подменяет две сферы бытия (субъективного и объективного) одной — сферой знания, выдавая эту сферу за сферу объекта. Именно поэтому допускается абсолютное тождество бытия и мышления, субъекта и объекта в конечном результате познания. Абсолютное тождество выбивает «почву» у проблемы, которая демонстрирует отсутствие этого состояния между субъектом и объектом, помимо этого оно лишает самодостаточности и сферу субъекта, и сферу объекта, поскольку сливает их в сфере знания.

Такое понимание онтологических оснований проблемно-ориентированных исследований сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, возникает сложность при познании разнопорядковых объектов (объектов микромира, макромира, мегамира). Мышление человека не может свести все эти объекты к единому универсальному способу выражения, они не тождественны мышлению, субъекту. Об этом пишут многие отечественные исследователи, подчеркивая, что возникновение принципов дополнительности, соответствия и т. д. — свидетельство того, что объект полностью не сводим с субъектом в сфере знания [8–10].

Во-вторых, изменилось понимание природы субъекта, которая основана не на принципе отражения реальности, а на принципе ее конструирования. Субъект — это не пассивное начало, чья функция — отражение мира, субъект — активное начало, чья функция — преобразование мира в результате взаимодействия с ним. Особенно последовательно эту идею проводит Р. Рорти. Он не приемлет, «образ, пленником которого является традиционная философия, поскольку она представляет ум в виде огромного зеркала, содержащего различные репрезентации, одни из которых точны, а другие — нет. Эти репрезентации могут исследоваться чистыми неэмпирическими методами. Без представления об уме как зеркале понятие познания как точности репрезентации не появилось бы» [11. С. 9].

Р. Рорти выражает познание через невозможность соотношения субъекта и объекта. Здесь также у проблемы утрачивается почва, поскольку в ней не соединяются через познание субъект и объект, она выражает собой чистую сферу (чистую проблему). Проблема у Р. Рорти – сфера самой же проблемы, где последняя сама себя проблематизирует. Это такая субъективная реальность, которая утратила свою субъективность, сведя роль субъекта к функции зависимости от предметного мира (потребителя, которым как хотят, так и «крутят» рекламные технологии производителя, материальное потребление).

Автор же исходит из идеи того, что проблемно-ориентированные исследования строятся на такой онтологической основе, где возможно соотнесение, взаимодействие естественных и гуманитарных наук, предметного и духовного мира, истины и красоты, ценности и пользы. Проблема выражает поле такой реальности, поскольку именно она сохраняет через вопрос стремление к целостности выражения миров разных наук, демонстрируя их открытое состояние, готовность интегрироваться друг с другом. Предпочтение же одного из типов научности приводит к большей точности, снижает степень проблемности (уменьшает количество вопросов, увеличивая количество ответов), но ограничивает человека в возможности дальнейшего развития, в видении им перспектив. И, наоборот, увеличивает различные возможности, усиливает перспективы, но без всякого движения в сторону их реализации.

Чтобы сделать осуществимой обозначенную интенцию в сфере познания, следует рассмотреть субъект-объектное отношение в плане возможности его интеграции с субъект-субъектным отношением (как это было в разделе, посвященном исследованию специфики гуманитарного знания, его научности). Там субъект-объектное отношение обретает второстепенный статус, рассматривается сквозь призму субъект-субъектного отношения, через изучение возможности их интеграции с субъект-субъектными отношениями. Но следует подчеркнуть, что это не отказ от субъект-объектного отношения, а уточнение того, как это отношение выявляет необходимость своего дополнения в познании.

Преимущество субъект-субъектных отношений заключается в том, что они показывают равнозначность и самодостаточность познавательных начал, их несводимость друг к другу. Это свидетельствует о том, что в познании оба начала не тождественны друг другу, что благодаря этому они взаимодействуют и функционируют. Значит, проблема как основание, через которое осуществляется их соотношение, не может лишиться своего бытийного статуса, ибо это познавательные начала не тождественны и не сводимы друг к другу. Одно начало в этих отношениях не подменяет другое или не элиминирует его полностью. Субъект-субъектное отношение демонстрирует, что познание возможно как взаи-

модействие этих начал, поскольку без коммуникации знание и не возникнет. Как пишет Л.А. Маркова, субъект в этих отношениях «приобретает индивидуальные особенные черты не в силу своей принадлежности культуре, социуму, истории и т. д., а в силу своей обращенности именно к данному, а не к другому объекту творчества в науке, искусстве, философии. Субъект не противопоставляет предмету как отличный от него, а сосредотачивает в себе такие элементы хаоса (целого, виртуального мира), которые дают ему возможность включиться именно в эту ячейку актуализированного мира и содействовать созданию образа в кино, решению конкретной научной проблемы и т. д. В то же время и предмет мысли (в науке это особенно очевидно) как бы «выпадает» в моменты творческой активности из логической структуры, делающей его отличным от «субстанции мыслящей», и в результате он становится зависимым от субъектных характеристик» [12. С. 109].

Ограниченность субъект-объектного отношения, необходимость его интеграции ориентирует организацию этого отношения по принципу субъект-субъектного, только вторым началом этих отношений является все же объект. Проблема формирует основание для связи субъекта и объекта, связи, которую следует понимать как неустранимую. Это значит, что и субъект, и объект существуют, с одной стороны, автономно, а, с другой стороны, в исключительно проблемном состоянии – состоянии взаимопроникновения друг в друга, но в рамках субъективной реальности исследователя. Причем все это существует одновременно. Если же мы сведем субъект-объектное отношение к субъект-субъектному, т. е. не будем учитывать особенность второго начала как объекта, то утратим гносеологическое содержание этого отношения. С такого рода пониманием можно столкнуться у Р. Рорти, который «останавливается на полпути, и если в критические моменты истории науки субъектные характеристики выдвигаются на передний план, он только на них и сосредотачивает свое внимание, причем предметная сторона мышления полностью ими поглощается» [12. С. 109].

Трансформация статуса проблемы в таком виде субъект-объектных отношений очень сложно соотносится с историей познания, особенно с историей научного познания. Ведь последнее имеет вид знания, которое осуществляется через решение проблем. История классической науки – это история решения научных проблем с целью накопления и совершенствования научного знания. Рассмотрение проблемы в проблемно-ориентированных исследованиях выступает в качестве условия такого познания, в рамках которого происходит интеграция субъект-объектного и субъект-субъектного отношений при сохранении за каждым таким отношением их самодостаточности.

Укоренение проблемы в качестве основания проблемно-ориентированного познания не исключает возможности решения проблем, рассмо-

трения истории науки как истории решения научных проблем. Так же, как и решение проблем не говорит о том, что проблема элиминируется из познания, утрачивает свое место в силу того, что на вопросы, ее составляющие, получены ответы.

Сегодня меняется познание не только как когнитивная деятельность субъекта, познание становится сферой, в которой эта деятельность сопрягается с другими видами деятельности субъекта, с его судьбой, что порождает такой фон, в котором сочетаются даже противоположные сущности. Как пишет Л.А. Маркова, «если прежде существовали как бы две параллельные истории — история научных идей и социальная история науки, включая личностные особенности ученого, то теперь структуру научного и предмет изучения нельзя противопоставить и отделить от субъекта познания. Чтобы понять, что есть научное знание, его надо соотносить не столько с прошлым и будущим, сколько с контекстом, с тем, что сосуществует с актом его производства. Тем самым естествознание сближается с искусством, где всегда новое произведение представляло интерес, прежде всего, с точки зрения создания его именно этим автором, скорее не похожее на другие произведения, чем как обладающее чем-то общим с ними. Для XX в., вообще, характерна обращенность внимания мыслителей к началам, а начала у каждого свои» [12. С. 99]. Проблемно-ориентированные исследования как раз и предполагают совмещение познания с другими сторонами деятельности человека и общества, демонстрацией того, что не одно из направлений человеческой деятельности никогда не будет понято как целостное явление, если его рассматривать отдельно, вне связи с другими направлениями.

Решение проблемы — это не факт того, что она «снимается», элиминируется из познания, а вместе с ней элиминируется и неопределенность знания. Решение проблемы — это сужение контекста, но не устранение последней, поскольку в ином контексте она вновь появится и проявит себя. Проблема как центральное начало проблемно-ориентированных исследований направлено на сохранение целостности познания, свидетельствует о безграничности мира, множественности контекстов. Отсюда новое в познании зачастую определяется не как нечто выводимое из прошлого, оно рождается благодаря смене контекста, а не времени, хотя и последнее не исключено. А смена контекста осуществляется посредством интеграционных процессов.

Проблема свою основательность в проблемно-ориентированном познании проявляет прежде всего через обозначение интегрированного пространства. Проблема фактически выступает как метафизическое основание организации научных исследований. Она является «незримым» центром, определяющим характер познавательных действий. Устранение такого «центра» лишает познания (научного познания) перспективы, делает науку «вещью-в-себе», невостребованной для общества. В проблемно-ориентированных исследованиях

проблема обретает бытие, которое не несет в себе темпоральную составляющую. Это не значит, что проблемно-ориентированные исследования не историчны, а значит, что проблема не может в рамках этих исследований временно выражать для последней онтологическое основание. Не случайно субъект-субъектные отношения служат примером того, с помощью чего можно показывать особенность функционирования субъект-объектных отношений. Поэтому сегодня вполне допустимы представления о познании, где преобладают континуальные, пространственные образы. Так, по Л.А. Марковой, «сама процедура рождения нового как бы выпадает из ряда развития. Время, история, развитие отходят на задний план, а на передний выдвигаются пространство, контекст» [12. С. 99].

Субъект-объектные отношения в специфике своей современной интерпретации указывают, что они вне интеграции с субъект-субъектными отношениями не могут сохранить за наукой ее познавательную функцию, поскольку сугубо познавательная направленность науки лишает последнюю возможности что-то решать для человека. А без проблемы затруднена организация такого рода интеграции. Другое дело, что подобная интеграция зачастую осуществляется как пожелание, как идеализация, поскольку в действительности ее очень сложно реализовать. Поэтому сегодня актуализируется интерес к понятию «виртуальность», поскольку именно с его помощью нагляднее удастся продемонстрировать интеграционные процессы между предметным и духовным мирами, между методологическими приемами естествознания и гуманитаристики, между субъект-объектными и субъект-субъектными отношениями. Как пишет Л.А. Микешина, «поэтому в реальном исследовательском процессе, не скованном доктринами, наука не элиминирует субъекта, но предоставляет ему максимальные возможности в творческом поиске, «разрешая» ему выходить в виртуальный мир в ходе мысленного эксперимента, моделирования, создания абстракций и идеализаций различного рода» [13. С. 351]. Без понятия «виртуальность» было бы сложно выразить онтологические основания проблемы в проблемно-ориентированных исследованиях.

Следует оговориться, что понятие виртуальность — понятие, которое сегодня не является четко проработанным. Это значит, что существует ряд позиций, подходов, чьи представления очень сильно разнятся. Однако подобное состояние философских исследований виртуальности — не повод, чтобы отказаться от использования этого понятия.

В отечественной литературе наиболее проработаны два подхода: подход Н.А. Носова [14] и подход С.С. Хоружего [15]. Автор будет опираться на подход С.С. Хоружего, поскольку этот подход лучше демонстрирует виртуальность, особенность виртуального бытия. Такая позиция подтверждается не только субъективными предпочтениями автора. Так, А.Ю. Севальников пишет: «Обратимся

теперь к модели, предложенной С.С. Хоружим. Из всех теоретических схем она отличается наибольшей обстоятельностью, продуманностью и проработанностью» [16. С. 235]. Поэтому сначала коротко обрисую сущность концепции виртуальной реальности С.С. Хоружего.

Концепция С.С. Хоружего более удобна еще и потому, что он ориентируется на построение онтологического каркаса виртуальной реальности. Исследователь не удовлетворен интуицией и эстетическим воображением, которые чаще всего используют при описании виртуальной реальности. Как пишет С.С. Хоружий, «все наличные материалы свидетельствуют, что эти представления о виртуальной реальности все время остаются лишь именно представлениями или интуициями, доброй волей лежащими в сфере сырого и непродуманного, противоречивого и туманного. Дистанция, отделяющая «представления» от научных понятий и философских концептов, пребывает неопределенной и весьма значительной».

Мы попытаемся наметить философский контекст и онтологический каркас, в рамках которого было бы возможно полноценное философское продумывание виртуальности» [15. С. 53].

Виртуальная реальность для С.С. Хоружего важна, поскольку она позволяет философии выявить еще одно измерение реальности, которого последняя еще не выводила, не обнаруживала. Выведение виртуальной реальности С.С. Хоружий начинает, опираясь на структуру аристотелевой реальности, которая троична: дюнамис, энергия, энтелехия. Каждый из структурных компонентов характеризуется особыми свойствами: «Δυναμις — возможность, потенциальность, потенция; Σνεργεια — энергия, деятельность, действие, акт, актуализация, осуществление; Σντελεχεια — энтелехия, действительность, актуализированность, осуществленность» [15. С. 55]. Эта структура целостна, а механизм ее функционирования следующий: возможность с помощью энергии переходит и оформляется в энтелехию.

В философии традиционно в этой триаде акцент делался на первом или третьем компонентах, на возможности (потенции) и энтелехии (действительности), тогда как энергия (действие) рассматривалась как вспомогательный компонент. По мнению же С.С. Хоружего, в этой триаде как раз и заложена возможность трактовки, связанная с центрацией на энергии. Причем трактовка, которую философия не затрагивала. Взять хотя бы категории Аристотеля возможность и действительность, где отсутствует механизм взаимодействия этих категорий. А этот аспект бытия имеет возможность показать себя как существенный для человека. С.С. Хоружий пишет: «Став дискурсом энергии, философский дискурс в любой теме будет разворачиваться, в первую очередь, в горизонте энергии и как прослеживание того, что совершается с энергией. Историческая судьба такого дискурса своеобразна. В философии он практически отсут-

ствовал до сих пор (если не считать подходов, в той или иной мере коррелятивных — дискурсов воли, любви, желания и т. п.). Однако его главные принципы, примат энергии и деэссенциализованная трактовка последней, выдвигались и полагались в двух областях чрезвычайно разного рода: в некоторых древних школах мистико-аскетической практики (включая православный исихазм) и в современной квантовой физике и космологии» [15. С. 56–57].

Именно реальность, в основе которой лежит энергия (действие), должна быть онтологической основой виртуальной реальности. Энергия выступает как свободное начало, поскольку она не опосредована ни целью (окончательным результатом), ни началом (возможностью). Это особая реальность, в которой главное событие — действие (бесцельное и беспричинное). Энергия может сближаться с потенцией, возможностью, но не с целью, результатом, поскольку первая не угрожает ее свободе, сохраняет сущность ее бытия, а последняя отнимает свободу, направляет энергию в русло цели. Такое действие начинается, но не завершается. «Когда энергия делается деэссенциализованной, она сближается с потенцией и может выступать как начинательное усилие: не столько сформировавшийся акт, сколько лишь побуждение, побудительное движение; и не столько оформившееся движение, сколько чистый импульс, первый толчок или «росток» движение — вы-движение, вы-вступление из стихии потенции — к актуализации (впрочем, хотя и начинательное, но уже выступившее, отделившее себя от потенции отчетливо и определенно, ибо имеющее определенную энергию)» [15. С. 58].

Проблема выступает также в качестве энергетической сферы проблемно-ориентированного познания, чья виртуальность проявляется через постоянное действие. «Энергия, когда она отделена от энтелехии-сущности, имеет исключительно природу действия, «деятельностную», существуя лишь в действии и не существуя сама по себе» [15. С. 57]. Поэтому и возникает такое двойственное восприятие проблемы как действия и как результата. Проблема как результат (ответ) временно элиминируема из познания, проблема как действие (вопрос) не элиминируема из познания, т. к. она континуально пребывает в топосе познания. И то, что мы можем там ее не видеть, не обнаруживать, полагая ее отсутствие как условие того, что она решена, ничего не значит, ибо проблема все равно есть, даже не существуя. Ее среда — это виртуальная среда, это энергия, бытие между, интегрированное начало. Проблема существует как событие «между», как совмещенное начало, которое нельзя выразить, говоря словами С.С. Хоружего, «обналичить».

С.С. Хоружий показывает, что виртуальная реальность — это реальность «необналичиваемых» событий. Суть «необналичиваемости» события заключается в его трансцендированности. Но это не совсем та трансценденция, о которой шла речь

в европейской философии. Та классическая трансценденция полагала возможность границы между чистым явлением и его опытным выражением, между чистым сознанием и чувственным восприятием. Но такой границы не существует в чистом виде. Поэтому и трансценденция нуждается в новой трактовке. «Выясняется с разных сторон — начиная со строгой феноменологии — что дискурс чистой мысли отнюдь не может быть целиком изолирован, от дискурса телесности, как и от дискурса воли, желания — и в свете этого концепцию естественного трансцендирования следовало бы пересмотреть. — В итоге же, трансцендирование остается сегодня — как и оставалось всегда — топосом, открытой проблемой и узлом проблем» [15. С. 61].

Трансценденция у С.С. Хоружего как способ обозначения «необналичиваемых» событий должна отличаться от классического своего варианта именно обозначением отсутствия четкой границы, горизонта между разделяемыми сферами. Это в классической философии трансценденция гарантировала образец в чистом виде, что и предполагало результат, завершенность. По С.С. Хоружему же, трансценденция как раз-таки не предполагает завершенности, чистого образца результата. Как пишет С.С. Хоружий, «так мы подходим к одной из тем, где отражается граничный характер трансцендирования как топоса философии. С одной стороны, казалось бы, заведомо возможно сопоставить трансцендированию как некоторому действию — его законченность и завершенность, полноту его актуализированности. С другой стороны, однако, такое сопоставление придает трансцендированию — или точнее, гипотетической «завершенности трансцендирования» — телос, энтелехию и наличествование, т. е. свойство, которыми оно, по определению, обладать не может, которым оно предельно чуждо. Трансцендирование — особое, единственное в своем роде действие онтологического исхода, и его «завершенность» и «актуализированность» — если вообще о них можно говорить! — также особого рода» [15. С. 63]. Такую «завершенность» и полноту трансцендирования С.С. Хоружий предлагает обозначить термином «трансцензус». А «это — то имя бытия, в котором исполняется трансцендирование как глагол бытия. Но сразу необходимо подчеркнуть, что эти новые понятия — трансцензус, транс-телос, транс-энтелехия — только условны и проблематичны, они не решают, а только выявляют проблему, намечают ее язык» [15. С. 63].

С.С. Хоружий рисует такую реальность, где допускается наличие явлений и вещей в энергийном существовании. Эта энергийность предполагает, что событие может начаться, но оно никогда не будет завершено. В то же время, С.С. Хоружий полагает, что между различными реальностями (бытийными измерениями) не существует четких границ, а это позволяет явлениям, вещам, событиям существовать одновременно в разных изме-

рениях: потенциально, энергийно, действительно. Проблема именно выражает эту бытийную особенность виртуальной реальности, бытия между интегрированной среды. Как пишет А.Ю. Севальников, «парадоксальность такого бытия состоит в том, что «существует» то, чего, по сути, нет. Реальность такого рода не обладает сущностью, она не-эссенциальна. А раз она не-эссенциальна, то она и не может актуализироваться, достигнуть состояния энтелехии, осуществленности. Это есть «бытие-действие», о котором говорит С.С. Хоружий, чистая область действия, которая никогда не обладает завершенностью, законченностью, и в этом смысле бесцельна, т. к. энтелехия и есть «телос», конец, цель вещи, которой тут как раз и нет» [16. С. 237].

С этими характеристиками виртуальной реальности совпадают характеристики реальности, предметные референции мира, которые сегодня вырабатываются в философии. Реальность, чье единство посредством проблемы объединено, совмещено, интегрировано, может обрести искомое воплощение энергийно. Это та реальность, которую человек хочет иметь, но которую он не видит. Аналогично выглядят субъект-объектные отношения, которые должны полагать разнорядковые сущности (субъект и объект), но неявным образом строятся по принципу однорядковых, но индивидуально-неповторимых начал (субъектов). Подобная подмена также не предполагает завершенности и выраженности того, на что познание направлено, а значит, среда, где возможно это действие (субъект-объектные отношения), предстает как среда «необналичиваемых событий».

Таким образом, познание виртуализируется, что и предполагает выражение его потенциала, бесконечности, незавершенности через интегрированность разных его форм. Проблема в этом мире обретает свой генезис как основание механизма интеграции в научном познании.

Изучение онтологических оснований проблемно-ориентированных исследований показало, что они строятся на таком принципе конструирования реальности как целостность. Поэтому для проблемно-ориентированных исследований важно, что каждая онтологическая конструкция того или иного мира выстраивалась через взаимодействие с другими онтологическими конструкциями. В проблемно-ориентированных исследованиях познаваемый мир строится как такое начало, которое не может быть сведено ни к одному из его составляющих начал. Данная бытийная конструкция представляет собой интеграционное единство. Поэтому познание такого мира невозможно лишь при условии использования способа проблематизации, применения либо в естествознании, либо в гуманитаристике. Это показывает и сложность выражения предметного мира, который используется в современной науке, и кризис субъект-объектного отношения в его возможности осуществлять познавательную функцию науки.

Только совмещение представлений о предметном и духовном мирах, только взаимная ориентация субъект-объектных и субъект-субъектных отношений друг на друга позволяет при постановке и решении проблемы стремиться к целостному выражению реальности. Наиболее естественным способом эта целостность познания достигается при использовании способов функционирования проблемы в естественных и гуманитарных науках с помощью виртуализации. Виртуализация, понимаемая как энергичное состояние явления, в котором интегрированы его действительное и возможное состояния, характеризует бытие проблемы в проблемно-ориентированных исследованиях. Это означает, что естественнонаучный способ функционирования проблемы элиминирует субъекта (субъективную реальность) из знания, но этот процесс осуществляется виртуально, т. е. как условность, как то, что субъект заключает себя в скобки, а на самом деле он здесь присутствует, интегрирован в знание имплицитно. И наоборот, исключение предметного мира из знания гуманитарных наук понимается как виртуальное исключение.

В то же время хочется подчеркнуть, что виртуальность как механизм интеграции естественнонаучного и гуманитарного способов проблематиза-

ции несет в себе опасность, связанную с тем, что не снимает с человека ответственности за соблюдение степени применения этого механизма. Излишнее применение виртуализации, ее абсолютизация может привести к утрате контроля со стороны человека, к потере чувства реального.

Поэтому излишняя проблематизация, проявляющаяся в усилении виртуализации, очень опасна. Ведь человек подменяет одну реальность другой. Виртуализация приводит к снятию ответственности, когда человек может делать все, что угодно, ведь делает он это в другом мире. Однако характер восприятия поступка сохраняется и человек поступает виртуально.

Отсюда можно сделать главный вывод: виртуальность выступает онтологическим основанием, позволяющим интегрировать способы функционирования проблемы в естественных и гуманитарных науках, сохраняя специфику последних и одновременно обозначить новую реальность, совмещающую духовный и материальный (предметный) миры.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. и в рамках Государственного задания «Наука».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ардашкин И.Б. Философские основания проблемно-ориентированных исследований // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 74–78.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: КомКнига, 2005. – 294 с.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. – М.: Прогресс, 1999. – 265 с.
4. Морен Э. Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире / Отв. ред. Н.К. Удумян. – М.: Прогресс, 2004. – С. 7–28.
5. Князева Е.Н. Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе // Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 138–143.
6. Касавин И.Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. 2. – № 2. – С. 5–14.
7. Чмыхало А.Ю. К проблеме междисциплинарности в философии науки // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 314. – № 6. – С. 74–78.
8. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 255 с.
9. Микешина Л.А. Философия познания. Полемика главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 622 с.
10. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
11. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 297 с.
12. Маркова Л.А. Переосмысление субъект-предметного отношения // Вопросы философии. – 2006. – № 8. – С. 98–110.
13. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. – М.: Росспэн, 2007. – 438 с.
14. Носов Н.А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 152–164.
15. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 53–68.
16. Севальников А.Ю. Онтологические аспекты виртуальной реальности // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты / Отв. ред. Акчури И. А. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 208–241.

Поступила 05.12.2011 г.

УДК 316.422.44+316.7:001.89

ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

А.П. Моисеева

Томский политехнический университет

E-mail: apm_tpu@mail.ru

Трансформация научного знания в условиях междисциплинарности, изменение парадигмы инженерного мышления по новому ставят проблему социальной инженерии. Ее решение требует обращения к истокам социальной инженерии. Проанализирован генезис и развитие социальной инженерии. Выявлено соотношение науки и дисциплины. Показана роль социальной инженерии в системе междисциплинарности.

Ключевые слова:

Междисциплинарность, социальная инженерия, дисциплина, наука.

Key words:

Social engineering, interdisciplinarity, discipline, science.

Междисциплинарность — явление, характеризующее познавательный процесс XX — начала XXI вв. В рамках этого познавательного процесса наиболее устойчивым является интерес научного и образовательного сообществ, а также экспериментальных, государственных и бизнес-структур к проблемам социальной инженерии [1–4].

Поэтому, чтобы сегодня эффективно использовать достижения в области социальной инженерии, необходимо обратиться к ее истокам и рассмотреть социальную инженерию, начиная с ее генезиса в контексте междисциплинарности. Соответственно встает вопрос: социальная инженерия это наука или дисциплинарное знание, обусловленное уровнем развития науки?

Дисциплина и наука — понятия не тождественные, хотя в современном науковедении они нередко не различаются [5. С. 167]. Как же взаимосвязаны наука и дисциплина — вот вопрос, который необходимо прояснить для выявления сущности социальной инженерии, на различных этапах развития научного и дисциплинарного знания и этот вопрос обсуждается сегодня исследователями. В частности, так ставит вопрос и И.Т. Касавин [6], и, отвечая на него, подчеркивает, что зрелое теоретическое знание существует, как правило, в особой организационной форме дисциплинарности, обеспечивающей его аккумуляцию, трансляцию и модификацию. Теоретичность и дисциплинарность выступают как две стороны одной медали, как характеристики развитого мышления, с одной стороны, и деятельности в контексте общения, с другой. Если мышление — продукт деятельности и общения, то справедливо и обратное — дисциплина также порождает теорию. Отсюда первичность дисциплинарной организации по отношению к теоретическому, и в этом смысле научному исследованию. Хотя теория как форма знания и появилась задолго до возникновения науки в современном понимании, но для античности между теорией и наукой можно поставить знак тождества. Иное дело, что наукой (episteme) считались тогда не только математика и философия, география и медицина,

но и астрология, и алхимия, и магия. Это подводит к мысли о самодостаточности дисциплинарной формы по отношению к познавательному содержанию [6].

На характеристиках определяющих дисциплину, акцентирует внимание

М.К. Петров, подчеркивая, что «дисциплинарная общность — живущее поколение действительных и потенциальных творцов-субъектов, массив наличных результатов-вкладов, публикации, подготовка дисциплинарных кадров по правилам дисциплинарной деятельности. Дисциплинарная деятельность реализует себя в четырех основных ролях — исследователя, историка, теоретика и учителя. Предмет дисциплины — поле поиска новых результатов, определенное действующей дисциплинарной парадигмой» [7. С. 234–235].

М.К. Петров замечает, что вплоть до XIX в. дисциплина в науке была скорее исключением, чем правилом, но уже в первой половине XIX в. начинается процесс дифференциации научных дисциплин. Во многом это было обусловлено представлением о различии объектов разных наук.

Отмечая взаимосвязь дисциплины и науки, исследователи указывают, что дисциплина выражает собой бытие науки как социального института и поэтому важна для производства научных достижений. «Дисциплина, т. е. принципиально коллективная форма научной деятельности, является условием ее (науки) существенной интенсификации на фоне систематического вовлечения в науку больших масс населения, их обучения и социализации. Это есть фабрика знания, где оно производится по определенным стандартам, проходит проверку, упаковывается и направляется потребителю» [6. С. 20]. Но дисциплина «есть также и, вероятно, прежде всего, условие финансирования науки из государственного бюджета и распределения финансовых ресурсов между научными направлениями... в этом смысле дисциплина необходимая форма бытия науки как сферы профессионального производства, распределения и потребления знания в наше время» [6. С. 20].

Для большего прояснения вопроса о сущности междисциплинарного знания, обратимся к программной статье французского психолога Ж. Пиаже, в которой углубляется проблема междисциплинарности, ученый различает также мультидисциплинарность как одностороннее дополнение одной дисциплины другой; собственно междисциплинарность как взаимодействие дисциплин, в процессе которого заявляют о себе коммуникативные ситуации взаимопонимания и понимания, а также осуществляется создание новых смыслов и трансдисциплинарность когда выдвигаются претензии на абсолютную универсальность онтологии и методов, утративших дисциплинарную определенность [8].

По мнению исследователей, междисциплинарность проявляется в виде критики, заимствования, синтеза, некоторые ученые склонны считать, что критика, заимствование и синтез это типы междисциплинарности [6. С. 22]. Основываясь на концепте Пиаже и выводах отечественных ученых, мы попытаемся развить их умозаключения о междисциплинарности, используя в качестве примера социальную инженерию.

Социальная инженерия возникает в 20-е гг. XX в. Как ответ на вызовы и потребности индустриализации в промышленности США, Великобритании, Германии, Франции, России. С развитием производства, его концентрацией возрастает роль и значение менеджмента. Если в период господства мелкого хозяйства, управление носило чрезвычайно примитивный характер, то в индустриальную эпоху «оно становится важным вопросом [9. С. 40]. «Индустриализм» приводит к организационному кризису, который состоит в том, что массовая, коллективно-трудовая (кооперативная) по своей природе организация уже не может управляться традиционными методами индустриализма, перенятыми от мелкого хозяйства...». Выход из кризиса предполагается в «организационной революции», «простирающей свое влияние не только в отношении предмета к предмету, но и в отношении людей друг к другу в производственном процессе... [9. С. 40], подчеркивал один из лидеров концепции научного управления производством в 20–30 гг. в России Н.А. Витке. Как видим, автор четко различает два вида управления – управление людьми и вещами и управление людьми. Н.А. Витке, отмечал «стыковой» характер науки управления и определял эту науку на границе взаимодействия таких дисциплин, как «индустриальная и коллективная психология», «структурная социология», физиология, при этом Витке игнорировал экономические, политические и прочие отрасли знания, что и отмечали его оппоненты [9. С. 132–133].

Именно в рассматриваемый период определяется междисциплинарная платформа на которой формируется новое знание, обуславливаемое внешними (социальными, политическими, экономическими) потребностями, которые требуют решения конкретных прикладных задач. Для реше-

ния этих прикладных задач ученые, вооруженные дисциплинарным знанием и работающие в области техники, экономики, политики, юриспруденции начинают взаимодействовать друг с другом. В это время и был введен термин инженерия (франц. – иметь способность конструировать, творчески сочетать, изобретать, взаимодействовать) применительно к социальным отношениям и к юриспруденции американским социологом Роксо Паундом. По мнению Р. Паунда [10], социальный инженер должен иметь способность конструировать, координировать и применять те или иные технологии и механизмы «работающие» в социуме для оптимизации отношений в инфраструктуре общества.

Исходя из такого понимания социальной инженерии, Р. Паунд в частности интерпретировал право как «инструмент социального контроля», который используется для согласования разнонаправленных интересов в области экономики, политики и социальных отношений, существующих в обществе. В связи с этим Р. Паунд и уделял большое внимание проблеме интереса в праве, подчеркивая, что интерес индивида, социальной группы, государства и т. д. может проявляться в различных областях жизнедеятельности и решение этой проблемы возможно в процессе взаимодействия и пересечения этих областей. Поскольку процесс контроля в обществе связан с анализом и систематизацией поведения социального взаимодействия граждан, то для самой юриспруденции наиболее подходящим, по мнению Р. Паунда стало название «юридическая социальная инженерия». Лица, применяющие право и следящие за исполнением законов в таких сферах как политика, экономика, социальные отношения – это «социальные инженеры», обеспечивающие компромисс и гармонию в обществе [10].

В системе непосредственной организации труда и производства в это же время зарождается тейлоризм, как приложение ряда наук, научных принципов к производству. Великобритания, Франция и даже Германия повторяют и развивают идеи Ф.У. Тэйлора. Ф.У. Тэйлор был первым инициатором науки об организации производства. «Он внес начала измерения в такие производственные процессы и в такие трудовые процессы, которые еще не были покрыты так называемым машинным рабочим временем. Он же довел до теоретически возможных пределов и само машинное время, подчинив его началам экономического использования» [11. С. 293]. Однако некоторые вопросы, поставленные У. Тэйлором, подвергались в различных странах особой проработке. «Так, например, Германия (в связи с войной) большое внимание обратила на психотехнику, Франция – на вопросы управления (школа Файоля)» [12. С. 122].

В России, изнуренной войной и революциями, актуализируются проблемы, связанные с восстановлением производства, интенсификацией трудовой деятельности, в этот период новые кадры мо-

лодого государства еще создавались, а старые кадры не всегда оправдывали себя по причинам классового, мировоззренческого характера.

В этих условиях и происходило развитие и взаимодействие матриц экономической науки, технических наук, менеджмента, социологии, психофизиологии, что и обусловило прикладные разработки социальной инженерии, направленной на внедрение инновационных и практических рекомендаций в области управления производственными процессами. Социальная инженерия, по мысли ее разработчиков, призвана была интенсифицировать и оптимизировать производственный процесс, способствуя научной организации труда.

Понятие социальной инженерии в этот период вводит в научный оборот и А.К. Гастев [11. С. 26–27]. Ученый поставил вопрос о развитии совершенно новой, комплексной прикладной науки «социальной инженерии», посредством применения и использования которой он думал координировать и совершенствовать процесс управления производством и его интенсификацию. Социальная инженерия, по мысли А.К. Гастева, была призвана решить проблему синтеза важнейших аспектов производственной и управленческой деятельности, таких в частности, как технический, психофизиологический, экономический. А.К. Гастев рассматривал социальную инженерию, как относительно самостоятельную и новую отрасль исследований, направленную на изменение производственных и управленческих процессов.

Социальная инженерия, по замыслу автора, находится на стыке социальной и естественной областей знания. У последней она заимствует точные экспериментальные методы и приверженность к достоверным фактам [12. С. 291]. Однако, А.К. Гастев справедливо подчеркивал, что социальная инженерия, направленная на научную организацию трудовой деятельности, это не простое метафизическое взаимодействие наук, это прежде всего тенденции исследования психических, физиологических, экономических моментов, сопряженных с определенной формой производства. Именно эти тенденции и обогащают новую науку [12. С. 292]. Если в социологии, писал А.К. Гастев, главным методом изучения было наблюдение и суммарные исторические обозрения, то синтез наук о труде должен выдвинуть на первый план социальный эксперимент, проектирование. В социальной области должна наступить эпоха тех же точных измерений, формул, чертежей, контрольных калибров, «социальных нормалей». «Как бы нас не смущали сентементальные философы о неуловимости эмоций и человеческой души, мы должны поставить проблему полной математизации психофизиологии и экономики, чтобы можно было оперировать определенными коэффициентами возбуждения, настроения, усталости с одной стороны, прямыми и кривыми экономических стимулов с другой [11. С. 26]. Несмотря на то, что идея о «полной математизации психоло-

гии и экономики», высказанная А.К. Гастевым, была и остается чрезвычайно радикальной, тем не менее основной лейтмотив о возникновении новой науки управления на основании междисциплинарного взаимодействия отражал ситуацию развития знания, которая складывалась в первой четверти XX в. и отвечала на социальные и экономические вызовы времени.

Согласно научной позиции А.К. Гастева, социальная инженерия на которой основана научная организация труда, должна была явиться результатом креативного междисциплинарного синтеза между развитием техники, как «методологией машинной работы с ее аналитизмом, учетом малых величин, нормировкой...», с психофизиологией «перед нами во весь рост встает задача синтезировать все достижения психофизиологических исследований... Мир машины, мир оборудования, мир трудового урбанизма создает особенные связанные коллективы, рождает особые типы людей, которые мы должны принять, принять также, как мы принимаем машину, а не бьем свою голову о ее шестерни... История настоятельно требует... смелого проектирования человеческой психологии в зависимости от такого исторического фактора как, машинизм» [13. С. 6].

Ученый полагал, что процесс конструирования социальной инженерии в рамках междисциплинарного взаимодействия обуславливает и появление индустриальной педагогики «педагогика мы должны ввести в рамку инструкции, беспощадного аналитизма сверху, чтобы создать в ученике автоматизм разложения сложного труда на элементы» [13. С. 7]. Развитие социальной инженерии невозможно и без экономики, поскольку «до сих пор экономическая наука в своих научных выводах о труде давала в высшей степени общие положения. В этой науке слишком ограниченно применялся метод конкретного учета, слишком далека была ее рабочая методология от реторты мер и весов...» [13. С. 7].

Показав необходимость и конструкторский замысел новой дисциплины «социальной инженерии», А.К. Гастев отметил, что предметом изучения социальной инженерии являлись не вообще существующие управленческие процессы, а управление в различных сферах производства. Структурное исследование производства включало в себя два раздела: научная организация производственного процесса, теоретической основой которого служили физиология и психология, и научная организация управления, теоретико-методологической базой которой выступала социальная психология.

Таким образом, в центре внимания ученого оказывается основной элемент предприятия — рабочий, а схема научного поиска была направлена от микроанализа движений (приемов, операций, совершаемых основным субъектом производства) к макроанализу предприятия в целом.

В деле организационного строительства встает вопрос о подготовке способных руководителей, на-

деленных «организационной сноровкой», стратегическим талантом, особыми «социальными» качествами, руководителей, которых отличает умение охватить процесс целиком, предвидеть последствия своих действий (зоркость), проникать в суть явлений («следопытство»), быть молниеносно находчивым, обладать житейски необходимой фантазией и подкованной памятью (зататки конструктора и изобретателя) [13. С. 9].

Итак, в 20-е гг. XX в. и в России возникает инновационная концепция «социальной инженерии», вобравшая в себя наиболее значимые находки западной организационно-управленческой и инженерной мысли. А.К. Гастев создал такую концептуальную платформу, принципами которой пользовались многие выразители теории научной организации труда, в частности Н.А. Витке, он раньше Элтона Мэйо сформулировал концепцию «человеческих отношений» [9. С. 40], которая была опробована Э. Мэйо в ходе знаменитого Хоторнского эксперимента.

Н.А. Витке считал, что «... отдельные проблемы управленческого дела — не самостоятельные единицы, складывающиеся в простую арифметическую сумму. Они объединены не механически, но органически, как части и стороны единого управленческого процесса» [9]. Эта методологическая позиция Н.А. Витке является и сегодня базисным положением теории управления. Отдельные части управленческого дела связаны воедино административной функцией. «Современный администратор, — пояснял Н.А. Витке, — это прежде всего социальный техник или инженер — в зависимости от его положения в организационной системе, — строитель людских отношений» [9. С. 72]. По глубокому убеждению Н.А. Витке, суть социальной инженерии состоит в организационно-административной работе и создании социально-психологической атмосферы в производственных коллективах, так называемого «духа улья». Выводы представителей социальной школы управления 20-х гг. прошлого века о стилях руководства, логике действий руководителей, этических нормах и правилах, которые должны стать достоянием коллектива могут успешно использоваться и сегодня, но к сожалению, не всегда используются, а мы обращаемся к зарубежным наработкам, переводим на русский язык множество литературы, которая не всегда адекватна нашим интересам, потребностям и требованиям, особенностям производства, и менталитету.

Школа социальной инженерии Н.А. Витке разрабатывала портрет руководителя демократического типа, руководителя который умеет организовать своих сотрудников, побудить в них интерес к поиску, изобретательности, конструктивизму, уважительному и бережному отношению друг к другу. К сожалению, на рубеже 20–30-х гг. для России был свойственен «жестко авторитарный стиль руководства, командно-силовые методы воздействия на подчиненных со свойственными им такими

нравственно-психологическими характеристиками, как грубость, чванство, пренебрежительное отношение к мнению членов коллектива, рассматриваемых по существу, как слепых исполнителей воли управляющего... тот стиль руководства, против которого всем своим существом была направлена концепция человеческих отношений» [12. С. 157]. Авторитарный стиль руководства оказался стойким и живучим. Объяснять существование этого стиля управления в наши дни одной «унаследованностью», очевидно недостаточно.

Концепция человеческих отношений в рамках научной организации труда, социальной инженерии разрабатывалась и на Западе. В частности, в 30-е гг. к решению практических задач в области промышленности посредством использования выводов и принципов социальной инженерии, обратились ученые авиационной отрасли США.

В авиационной промышленности США (Калифорния) ученые обратили внимание на связь подбора команды, ее психологических характеристик с успешностью и результативностью полетов. В США, Великобритании, Франции стали широко разрабатываться и внедряться различные технологии общения, организационные технологии. Многие идеи и опыт этих технологий аккумулировались в теории человеческих отношений, разработанных Э. Мэйо, о котором, мы уже упоминали выше, американским социологом и психологом, основоположником индустриальной социологии и доктрины «человеческих отношений», который вслед за Э. Дюркгеймом считал, что научно-технические достижения общества опередили социальные навыки и установки человека и одним из следствий этого обстоятельства стало распространение аномии (нравственно-психологическое состояние индустриального и общественного сознания, характеризующиеся разложением системы нравственных, социальных и др. ценностей).

Самые значительные результаты научных работ Э. Мэйо состоят в развитии принципов социологии управления и индустриальной социологии, применении этих принципов к производственному процессу. Результатом применения принципов социологии управления, индустриальной социологии, а также психологии к производственному процессу стал так называемый Хоторнский эксперимент, эксперимент, проведенный в США в 1924–1932 гг. на предприятиях (Чикаго), которым и руководил Э. Мэйо. Э. Мэйо удалось обосновать идею о том, что система «пауз отдыха», во время которых активизируется общение людей, укрепляются их дружеские, товарищеские отношения, влияет непосредственно на укрепление «группового духа» людей, которые взаимодействуют между собой во вне рабочее время.

Проведенные исследования позволили утверждать, что условия труда не непосредственно воздействуют на трудовое поведение индивидов, а опосредствуются через их чувства, восприятия, убеждения и что, межличностное общение в усло-

виях производства оказывает благоприятствующее воздействие на результаты труда [14. С. 34]. Исследуя поведение человека в производственном коллективе, Э. Мэйо пришел к выводу, что рабочая группа имеет сложную социальную организацию, со своими формальными и неформальными связями, нормами поведения, ценностными ориентациями, статусным положением субъектов, мотивациями. Иначе говоря, в рабочем, производственном коллективе существуют вертикальные и горизонтальные коммуникации, формальные и неформальные коммуникативные отношения, коммуникации в малых группах и т. д. Именно коммуникации в малых группах, в «организациях неформальных» оказывали, по мнению исследователя, определяющее влияние на трудовую мотивацию рабочих. А здесь уже и коренился ответ на вопрос, поставленный перед экспериментом – как повысить производительность труда. Этот же вопрос, о чем мы говорили выше, был актуален и для исследователей в России, Германии и Франции.

Э. Мэйо, подводя итог Хоторнским экспериментам, пересмотрел роль и значение человеческого фактора в производстве, он отошел от концепции рабочего как «экономического человека» и поставил на первый план синтез социологических, психологических, экономических и социально-психологических аспектов трудовой деятельности, трудового поведения [14. С. 78]. Причем решить этот вопрос Э. Мэйо смог используя междисциплинарный подход и развивая на основе междисциплинарности концепцию «человеческих отношений».

Доктрина «человеческих отношений», по убеждению Э. Мэйо, включает в себя следующие основные моменты:

- система «взаимных связей и информации», которая должна, с одной стороны, информировать работников о деятельности и планах организации, а с другой – предоставлять руководству информацию о требованиях рабочих;
- беседы «психологических советников» с рабочими («система исповедей»). Каждое предприятие должно иметь штат психологов, к которым рабочий может обратиться по любому вопросу. В процессе беседы рабочий может «эмоционально разрядиться»;
- проведение деловых совещаний с участием рабочих, обсуждение плана работы цеха, участка, т. е. привлечение рабочих к управлению производством [14. С. 78].

Таким образом, основные идеи «человеческих отношений» это благоприятный человеческий, морально-психологический климат в коллективе, оптимальные условия для трудовой деятельности, гуманизация труда, групповые решения, просвещение служащих, укрепление корпоративного духа, иначе он будет ослаблен индивидуализмом. Чтобы все это реализовать, необходимо изменить организационные структуры, определяющие человеческое поведение и контроль за ними, а для этого необо-

димо использовать инженерию социальную как совокупность подходов прикладной социологии, промышленной социологии, индустриальной социологии, социопсихологии, физиологии [14. С. 89].

Предметом интереса концепции человеческих отношений были чувства трудящихся, их поведение, настроение, убеждения, профессионализм, хорошее знание техники и технологий.

В работе «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» Э. Мэйо признавался в том, что в 1932 г. он не осознавал в полной мере «насколько глубоко были подорваны устои цивилизации под воздействием научного, технического и индустриального прогресса. Самая радикальная перемена + переход от устоявшегося социального порядка... к постоянной адаптации...» [16].

Э. Мэйо писал, что по мере «усложнения окружающего нас мира будут усложняться и методы управления», методы общения, методы социальной инженерии. На это замечание Э. Мэйо следует обратить особое внимание, которое несомненно было провидческим и мы в дальнейших исследованиях попытаемся развить эту мысль. Исследователь выделял три наиболее важные проблемы, стоящие перед крупным индустриальным производством в 20–30 гг. XX столетия:

- использование научных и технологических достижений в сфере материального производства; постоянное совершенствование технологических операций; организация устойчивых связей в процессе кооперации и труда;
- рационализация управления;
- благоприятный морально-психологический климат в коллективе.

Также к решению актуальных проблем человеческих отношений обращался А.У. Гоулднер [14], профессор Вашингтонского университета в г. Сент-Луисе, американский социолог и методолог науки, исследователь бюрократии в сфере промышленности. А.У. Гоулднер также оперировал понятием социальная инженерия, полагая однако, что в качестве устоявшегося термина социальная инженерия появляется в американской социологии только в 60-е гг., но сама идея и принципы ее реализации заявили о себе раньше, еще до Второй мировой войны в рамках «человеческой инженерии», ставившей своей целью использование научных данных о потребностях, возможностях и недостатках человеческого организма при конструировании и проектировании машин [14].

В послевоенные годы социальная инженерия стала широко применяться в оборонной и авиационной промышленности США.

Выводы

В социальной инженерии первой трети XX в. акцентируется внимание на технологиях общения – психологических, нравственных, организационных, на стилях руководства, технологиях самоменеджмента, экономике. Область социальной инженерии развивается за счет собственных теоре-

тико-методологических инноваций, на основе синтеза наук, направленных на оптимизацию труда, таких как психология, экономика, физиология, прикладная антропология, педагогика, промышленная социология. Они создают междисциплинарную платформу для развития социальной инженерии, на основе которой в дальнейшем начинают активно развиваться социальный эксперимент и проектирование.

Теоретической основой социальной инженерии выступают предметный, проблемный и междисциплинарный подходы.

Объектом социальной инженерии выступает социально-управленческая практика.

Дальнейшее развитие социальной инженерии обусловлено новыми потребностями и социально-экономическими вызовами общества, уровнем развития теоретического и прикладного научного знания, творческого инженерного мышления уже в 60–70-е гг. XX в.

В этот период трансформируются и расширяются рамки социальной инженерии, происходит смена инженерной парадигмы и последовательная ориентация на проектную деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Резник Ю.М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социологические исследования. – 1994. – № 2. – С. 87–96.
2. Резник Ю.М. Формирование институтов гражданского общества: социоинженерный подход // Социологические исследования. – 1994. – № 10. – С. 21–30.
3. Этюды о социальной инженерии. От утопии к организации / под ред. В.М. Розина. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 315 с.
4. Иванов В. Социальные технологии в современном мире. – М.: Славянский диалог, 1996. – 335 с.
5. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. – М.: Наука, 1988. – 255 с.
6. Касавин И.Т. Междисциплинарные исследования в контексте рефлексии и габитуса // Междисциплинарность в науках и философии. – М.: ИФРАН, 2010. – 204 с.
7. Петров М.К. Язык. Знак. Культура. – М.: Наука, 1991. – 340 с.
8. Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationships // Interdisciplinarity. Problems of teaching and research in universities. – Paris, 1972. – 280 P.
9. Витке Н.А. Организация управления и индустриальное развитие. – М., 1925. – 320 с.
10. История правовых и политических учений / под ред. О.А. Лейст. Социологическая теория Роско Паунда. 2012. URL: <http://www.studylaw.narod.ru> (дата обращения: 15.03.2012).
11. Гастев А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку об организации труда. – М.: Экономика, 1966. – 472 с.
12. У истоков НОТ. Забытые дискуссии и нереализованные идеи / сост. Э.Б. Корицкий. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 340 с.
13. Гастев А.К. Трудовые установки. От «социальной инженерии» к кибернетике. – М.: Экономика, 1973. – 343 с.
14. Эпштейн С.И. Индустриальная социология в США. – М.: Изд-во политической литературы, 1972. – 230 с.
15. Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию. – М.: Мысль, 1973. – 316 с.
16. Mayo E. The social problems of an Industrial Civilization. – New York, 1945. – 204 P.

Поступила 03.04.2012 г.

УДК 316.61

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КАК ДИСЦИПЛИНАРНО-ОРГАНИЗОВАННОЕ ЗНАНИЕ

А.П. Моисеева

Томский политехнический университет

E-mail: apm_tpu@mail.ru

Обоснован смысл социальной инженерии, как дисциплинарно-организованного знания. Показано, что парадигмальные трансплантации способствуют оптимизации междисциплинарного взаимодействия и появлению нового знания. Раскрыта взаимосвязь прикладного знания и технологий в рамках социальной инженерии. Проанализированы такие технологии как проектирование, конструирование, междисциплинарные исследовательские программы.

Ключевые слова:

Дисциплинарно-организованное знание, парадигмальные трансплантации, междисциплинарность, социальная инженерия.

Key words:

Disciplinary knowledge is organized, paradigmatic transplantation, interdisciplinary, social engineering.

Социальная инженерия, как дисциплинарно-организованное знание формируется и трансформируется в контексте междисциплинарных исследований. При этом необходимо учитывать, что междисциплинарные взаимодействия, постулирующие появление нового знания в различные периоды развития познания имеют свои особенности и специфику.

Именно на это обстоятельство обращает внимание В.С. Степин, рассуждая о возможности «парадигмальных прививок» — «переносе представлений посредством специальной научной картины мира, а также идеалов и норм исследования из одной научной дисциплины в другую» в ситуации междисциплинарного взаимодействия. Причем «... новые нормы исследования, возникающие в результате «парадигмальных прививок», открывают иное, чем прежде, поле научных проблем, стимулируют открытие явлений и законов, которые до «парадигмальной прививки» вообще не попадали в сферу научного поиска» [1. С. 285–286]. Этот путь, впервые обоснованный В.С. Степиным, «... является ключевым для понимания процессов возникновения и развития многих научных дисциплин... вне учета особенностей этого пути, основанного на парадигмальных трансплантациях, нельзя понять той великой научной революции, которая была связана с формированием дисциплинарно-организованной науки» [1. С. 286].

Как видим, из рассуждений ученого следует, что процесс познания — это сложная эволюция, на основе которой создаются новые приемы, способы и технологии научного поиска, рождаются новые научные дисциплины, которые во взаимодействии с другими дисциплинами могут либо доминировать, либо выполнять подчиненную роль. Такой дисциплиной и является социальная инженерия, заявляющая о себе, прежде всего, как прикладная наука.

Прикладные науки формируются в процессе взаимосвязи дисциплин, имеющих пограничный, междисциплинарный характер. Прикладными науками «... считаются науки, ориентированные на практическое применение знаний, полученных

в науках фундаментальных; они служат непосредственным нуждам общества» [2. С. 78]. Прикладными могут быть результаты реализации научных исследований всех наук, а не только фундаментальных. Эта мысль поддерживается представителями научного социологического сообщества современности: «...прикладная наука — это наука, направленная на получение конкретного научного результата, который актуально или потенциально может использоваться для удовлетворения частных или общественных потребностей» [3].

В процессе претворения в жизнь конкретных результатов научных исследований, маркированных как прикладная наука, особую роль выполняют способы, методы, и различные другие механизмы, посредством которых содержание прикладных наук обретает форму социоинженерных проектов, различных социальных конструкций, планов, междисциплинарных исследовательских программ. То есть, «по мере расширения прикладных функций научного знания появляется возможность технологизировать те виды деятельности, которые раньше были не доступны» [7. С. 78]. В качестве примера мы можем использовать информацию о развитии социальной инженерии в 1920–1959 гг., когда на уровне междисциплинарного взаимодействия — использования математики в социологии, знаний в области физиологии и психологии в управлении, стали появляться новые методы и техники исследования: тесты, шкалы, социометрия, проективные, психодиагностические процедуры и т. д. Из экономики приходят моделирование, эксперимент и эконометрические методы. Уже к 40–50-м гг. прошлого века была завершена разработка всех наиболее известных тестов, применяемых ныне в прикладном исследовании, в частности шестнадцатифакторного опросника личности Кэттелла, теста тематической апперцепции, шкалы измерения интеллекта Векслера [4. С. 148].

Эти новые способы и техники исследования системы управления и управленцев, особенностей их личностей являли собой технологический процесс, необходимый для реализации прикладного знания. Основатель Академии технологических

наук Российской Федерации В.Н. Алфеев, обосновывающий необходимость новых знаний в области развития инновационных промышленных технологий, называл такой технологический процесс «технологическими науками», иные ученые называют просто технологиями [7. С. 78], Карл Поппер называл это практическим технологическим подходом или технологической методологией [5. С. 56].

Расширение технологического подхода, его совершенствование и углубление на основе развития научного знания во второй половине XX в. обуславливало, в известной мере, дальнейшее развитие социальной инженерии, но уже в новой парадигмальной схеме. Поэтому, следующим этапом в развитии социальной инженерии, после 20-х гг. XX в., исследователи обозначают период, начиная с 60-х гг. XX в., когда в Советском Союзе начала бурно развиваться заводская или индустриальная социология управления, в США этот процесс возник намного раньше [4. С. 187].

В этот же период, начиная со второй половины XX в., на передний план в развитии философии науки выходят исследования динамики науки, в которых особая роль отводится социокультурным факторам, появляются различные концепции и направления альтернативные позитивистской традиции, их часто обозначают термином постпозитивизм [1. С. 56]. В рамках концепций постпозитивизма важна позиция К. Поппера, его критический рационализм, основываясь на принципах которого, он развивал идеи социальной инженерии в методологическом плане.

Умозаключения и выводы К. Поппера по поводу социальной инженерии были аккумулированы в его рукописи «Нищета историцизма», которая была опубликована в журнале «Economica». В 1944–1945 гг. исследование К. Поппера было переведено на итальянский и французский языки. В своей работе К. Поппер интерпретировал социальную инженерию как «практическую цель социальных наук» [5. С. 64]. Стремясь показать несостоятельность историцизма, как прогнозирования и пророчества, как развития общества по определенным, непреложным законам исторического развития.

К. Поппер пишет: «... историцисты выдвигают аргументы пророчества (касающегося социально-го, политического и институционального развития) и против социальной инженерии как практической цели социальных наук... идея социальной инженерии — это идея планирования и конструирования социальных институтов с целью торможения социального развития, контроля за ним или его ускорения...» [5. С. 54–55]. Он предлагает использовать методологию, «... сориентированную на технологическую социальную науку. Она составляла бы основу изучения общих законов и фактов социальной жизни, необходимых для работы всех проводящих реформу социальных институтов. Такие факты несомненно существуют ... Задачей технологической методологии стала бы разработка

средств, помогающих избежать нереальных конструкций. Исторический опыт служил бы для нее важнейшим источником информации... Технологическая методология нацелена на открытие законов, говорящих о границах, в которых мы могли бы конструировать социальные институты или какие-то другие единообразия...» [5. С. 56].

Как видим, в противовес историцизму, К. Поппер предлагает социальную инженерию и технологический подход. Несомненно одно, Поппер включает в понятие социальной инженерии как теории и практики социальных, и не только социальных наук, технологический процесс. Он уточняет свою мысль, иллюстрируя проявление и развитие социальной инженерии в различных сферах общественного бытия: «К первой группе, например, — пишет ученый, — принадлежит техника управления в сфере бизнеса, или влияние условий труда на его производительность. Ко второй группе можно отнести последствия тюремной реформы, или всеобщего медицинского страхования, или стабилизации цен в судебном порядке, или влияния новых таможенных правил и т. д. на выравнивание доходов...» [5. С. 70].

Технологический подход не исключает, по мнению К. Поппера, теоретических вопросов, которые возникают при анализе практических проблем. «Моя позиция в отношении технологического подхода состоит в том, что... все социальные науки должны искать не столь своего Ньютона или Дарвина, сколько своего Галилея или Пастера» [5. С. 71]. Одновременно, К. Поппер обращает внимание на аналогичность в методах социальных и естественных наук: «значение нашего анализа состоит в том, что он привлекает внимание к фундаментальному подобию, существующему между естественными и социальными науками» [5. С. 73].

Разрабатывая систему технологического подхода, К. Поппер вводит понятие «поэлементной инженерии». Термин инженерии поэлементная полезен, ибо существует потребность в термине, который бы обозначал социальные деятельности — как частного, так и общественного характера, — использующие для достижения той или иной цели все доступное технологическое знание [5. С. 75–76]. Задача социального инженера состоит в проектировании и реконструкции социальных институтов, а также в управлении ими.

Термин «социальный институт» употребляется исследователем в очень широком смысле, он включает организации как частного, так и публичного характера. Его можно использовать для описания сферы предпринимательства, от небольшого магазина до страховой компании, а также для описания школы, или «системы образования», полиции, церкви, суда. Поэлементный технолог или инженер знает, что спроектированным является лишь незначительное меньшинство социальных институтов, все остальные просто «выросли», это непреднамеренные результаты человеческих действий [5. С. 76–77].

Идеи К. Поппера по поводу технологизации в обществе перекликаются с выводами В.В. Щербина, который утверждал, что «... объектом технологизации могут стать самые разные сферы человеческой деятельности... Через призму технологизации можно рассмотреть всю совокупность используемых обществом средств эффективного функционирования — от высших органов власти до специфических социальных институтов...термин «технология» открывает широкий круг вопросов, связанных с отношениями науки и управленческой практики» [7. С. 78]. Таким образом, на основании вышеизложенного, мы можем заключить, что к началу 60-х гг. сложились новые условия развития социальной инженерии, обусловленные новой социокультурной обстановкой. В системе социальной инженерии заявили о себе новые технологические подходы. Такими новыми технологическими подходами явились социальное проектирование, основы которого были заложены еще в системе социальной инженерии 20-х гг., планирование, конструирование, новые исследовательские междисциплинарные программы. Социальная инженерия сделала еще один шаг в своем развитии, о чем свидетельствует тот факт, что в 60-е гг. технологии, осуществляемые в рамках социальной инженерии, точнее их результаты «оценивались через призму их воздействия на развитие общественных отношений», в целом, то есть налицо политический подход, как методологическое требование [8. С. 55].

Для сравнения, развитие социальной инженерии в 20-е гг. локализовалось в основном в сфере промышленности, о чем свидетельствуют работы А. Гастева, Н. Витке, Г. Тэйлора, Э. Мэйо [9–12]. Исследователи 60–80 гг., отмечали что, «... изменения в обществе затрагивают не только социальные, но и экономические, и психологические, и антропологические, и юридические и все остальные аспекты, сформированные современной наукой» [6. С. 64], и эти изменения формируют новые вызовы, ставят новые задачи перед обществом и наукой. Ответом на эти вызовы и становится появление новых технологий. Но в тоже время исследователи справедливо замечают, что не все так просто в формировании новых исследовательских программ, проектов, конструкций и инновационных выводов, нельзя игнорировать тот факт, что развитие общественной инженерии, о чем в частности пишет С. Попов, происходит в условиях новой социокультурной ситуации, смене интеллектуальных приоритетов, онтологического плюрализма [6. С. 46], в период, который смело можно назвать технологическим прорывом в обществе.

Технология представляет собой способ организации и систематизации целесообразной практической деятельности, совокупность приемов, направленных на определение или преобразование (изменение состояния) социального объекта, описание последовательности трудовых операций, общую характеристику деятельности вместе с совокупностью знаний, обеспечивающих ее. Технологи-

гии алгоритмизируют деятельность и поэтому могут быть многократно использованы, тиражированы для решения сходных задач.

Технологии дифференцируются в зависимости от дифференциации и специфики прикладного уровня развития знаний и специфики практики. В сфере прикладной науки развивается и реализуется проектно-конструкторская и проектно-технологическая деятельность, направленная на трансформацию знаний. Именно это направление деятельности обеспечивает создание технологии в широком смысле этого слова. Для каждой исторической эпохи свойственны свои технологии. Но поскольку технологией считают «предварительно определенный ряд операций, направленных на достижение некоторой цели и задачи» [15. С. 183], то каждая из операций может иметь деятельностное, общественное содержание.

Так, первая из них — формирование цели развития данного социального объекта. В нее включаются такие операции, как: диагноз, прогноз, формирование конечной цели, стратегия действия, тактика решения конкретных задач.

Вторая — принятие решения. Она состоит из следующих операций: выявление проблемной ситуации, выбор вариантов действия, принятие решения.

Третья — включает в себя такие операции: распределение задач между исполнителями, теоретическое, психологическое и управленческое обеспечение исполнения, координация и регулирование процесса исполнения, контроль за исполнением.

Четвертая — анализ результатов. В нее входят следующие операции: сопоставление затраченных результатов финансовых средств, трудовых усилий с полученным результатом, сравнение запланированных и достигнутых результатов, выдвижение новых проблемных ситуаций, переход к формированию новых или уточнению старых целей деятельности [13. С. 56].

Одной из существенных особенностей социальной технологии является — умение работать с людьми, работать в команде, что очень важно при проектной деятельности, когда раскрываются способности и возможности членов коллектива в целях оптимизации и повышения эффективности их деятельности. А для этого надо выделять такие факторы, как потребности и интересы людей, стремление личности к ознакомлению с новыми сферами знания, событиями действительности, необходимо выяснить, что побуждают личность к активной деятельности и каковы ценностные ориентации личности.

Из отношения людей формируется корпоративный дух, создающий активную деятельность людей в отношении к организации, в решении задач, важных для любой организации технологических проблем.

Как система прикладного знания, социальная инженерия связана с разработкой правил, методов, приемов, средств направленного воздействия

на социальные процессы, использования результатов социологических исследований для рационализации социальных отношений на основе проектирования, конструирования. Социальное проектирование в теоретическом плане находится на стыке фундаментальных, инженерных и социологических дисциплин [13. С. 89].

Подчеркивая многофункциональную сущность проектирования, Дж.К. Джонс отмечал, что «оно охватывает деятельность не только конструкторов, архитекторов и других «профессиональных» проектировщиков, но также плановиков и экономистов, законодателей, администраторов, публицистов, ученых — специалистов прикладных наук, участников движений протеста, политиков, членов «групп давления» — всех тех, кто стремится осуществить изменения в форме и содержании изделий, рынков сбыта, городов, систем бытового обслуживания, общественного мнения, законов и т. п.» [15. С. 23]. Инженерное значение теории социального проектирования состоит в том, что на основе ее вырабатываются и обосновываются принципы, методы, приемы, правила, нормативы проведения конкретных социально-инженерных исследований и разработок [13. С. 124]. С точки зрения результата, проектирование является процессом создания проекта. В социальном проектировании как системе знания существуют три уровня: общая теория социального проектирования, в которой раскрываются сущность данного феномена как функции социального управления, его взаимосвязь с другими функциями, структура данной социальной деятельности; теории социального проектирования различных видов социальных объектов — трудовых коллективов, регионов, отраслей, территориально-производственных комплексов; специальные эмпирические исследования, предназначенные для конкретных социальных проектов [14. С. 78]. Эти уровни взаимообогащаются: специальные эмпирические предпроектные и после-проектные исследования и частные теории социального проектирования дают необходимый материал для общетеоретических обобщений, в то же время сами они могут успешно развиваться только при условии решения общетеоретических проблем социального проектирования. Невозможно исчерпывающе осмыслить и отразить предпроектную ситуацию без использования и применения общетеоретических знаний.

Существуют специальные исследования проблем социального проектирования, в которых уже получили определенное освещение его сущность, этапы проведения, возможности применения, принципы и методы, его соотношение с социальным планированием и прогнозированием, роль в социальном управлении, особенности его объекта, содержание социальных проектов [16–20].

В настоящее время социальное проектирование — это не только широкая социальная практика, но и в определенной мере сложившееся относительно самостоятельное направление социологических исследований, раздел науки о социаль-

ном управлении. Объектом данного направления является социальное проектирование как специфическая деятельность в управлении общественным развитием. Задачи исследований в области социального проектирования — познание его закономерностей, а также закономерностей проектируемой области социальной жизни со стороны ее связи с преобразующей деятельностью людей; выработка принципов, методов, приемов организации и проведения предпроектных исследований и социального проектирования; получение эмпирических данных для нужд разработки и проверки конкретных проектов. В то же время в данном направлении социологических исследований формируется собственный понятийный аппарат, система принципов, взаимосвязанных теоретических концепций, раскрывающих сложную многоуровневую природу данного социального феномена и его место в общественной практике, комплекс изучаемых проблем.

Инженерное значение теории социального проектирования состоит в том, что на основе ее вырабатываются и обосновываются принципы, методы, приемы, правила, нормативы проведения конкретных социально-инженерных исследований и разработок.

Социальное проектирование — это открытая, развивающаяся система знаний. Наряду с проверенными, доказанными положениями в ней есть комплекс малоизученных или вообще неизученных проблем, решение которых принципиально важно для построения теории в будущем. Необходимо уточнение сущности и функций социального проектирования, содержания социальных проектов, особенностей инженерного подхода как конкретно-практической и конкретно-научной методологической установки социального проектирования, параметров социальных проектов, содержания социально-инженерного стиля мышления. Важное значение в системе социального проектирования имеет проблема, решаемая социальным инженером. В зависимости от постановки проблемы будет зависеть и логика проекта, к примеру, в проекте мы ориентируемся на снятие социального напряжения в организации, ситуация нам диктует одну логику. А если мы работаем над проектом по повышению конкурентоспособности организации — логика будет другой.

Таким образом, рассматривая социальное проектирование как составляющую социальной инженерии, мы акцентируем внимание на том, что проектирование — это творческий, преобразующий процесс, целью которого является изменить, трансформировать, улучшить окружающую среду. Проектирование состоит из ряда социоинженерных процессов, таких как: постановка проблемы исследования, выявления цели и задач, стоящих перед исследователем, сам процесс проектирования, внедрение и реализация результатов проекта, корректировка управленческих решений. Так в рамках социальной инженерии реализуется синтез рацио-

нально-технократических и социальных идей. Этот синтез может быть использован как алгоритм и применим почти к любой сфере человеческих отношений – созидания, развития, управления. Система проектной деятельности алгоритмична и может быть использована в менеджменте, маркетинге, связях с общественностью, социальной работе, экономике и т. д.

Однако, наряду с проектированием, содержанием социальной инженерии является и конструирование, более того некоторые авторы полагают, что проектирование – одна из разновидностей конструирования [13. С. 73], другие, к примеру И.В. Котляров, рассматривают конструирование как составную часть проектирования [21. С. 18]. Мы также придерживаемся точки зрения, что конструирование – это составная часть проектирования, наша позиция основана на том, что проектирование имеет универсальный, целенаправленный, результативный характер. Цель проектирования, в основном, направлена на изменение окружающей среды, ее трансформацию, улучшение.

В системе проектирования, конструирование проявляется как способ превращения одной ситуации в другую «и интеллектуальная деятельность, помогающая создать искусственные материальные объекты, принципиально ничем не отличается от той, которая помогает врачу выписывать лекарство больному, экономисту разрабатывать план сбыта продукции своего предприятия, а политическому деятелю подготовить программу социальных преобразований» [22. С. 70].

Исследователи разводят понятия конструирования и познания, полагая, что конструирование – это, прежде всего, форма творческой деятельности, а познание состоит в открытии того, что было, есть или может возникнуть» [13. С. 69]. Конструирование – это идеальное содержание предмета и в некотором роде первичное, тогда как познавательный процесс, результатом которого выступают познавательные образы, вторичен. И, тем не менее, конструирование является органичной частью проектирования также как и программирование. В литературе анализ проектирования и программирования разграничивается, проектирование выступает своеобразной конкретизацией программирования, «...проектирование – это создание конкретных образов будущего, конкретных деталей разработанных программ» [24. С. 8]. «Программирование – проекция в будущее человеческой деятельности для достижения предустановленной цели при определенных средствах, преобразование информации о будущем в директивы для целенаправленной деятельности» [24. С. 8].

Еще одной технологией, используемой в русле социальной инженерии, являются междисциплинарные исследовательские программы. Следует согласиться с мнением современных авторов о том, что такие технологические трансформации как междисциплинарные исследовательские программы – явление относительно новое [6. С. 158].

К примеру, разновидностью междисциплинарных исследовательских программ является социальная экспертиза. В.Г. Федотова, рассматривая на конкретных фактах, действие социальной экспертизы, подчеркивает, что «поле экспертизы расширяется, когда научные формы социального знания, представленные одновременно двумя исследовательскими программами (натуралистической и культуроцентристской – А.М.) начинают взаимодействовать с вненаучным знанием – знанием практическим, применяемым в различных областях деятельности – политике, вопросах здоровья, знаниях крестьян о земле и животных» [6. С. 159]. Мы используем пример, приведенный

В.Г. Федотовой: на Ямале возник конфликт между местным населением и людьми, приехавшими добывать нефть. Встала проблема, требующая решения на проектном уровне: как разрешить конфликт? Ученые предложили проверить социальный проект четырьмя видами экспертиз:

1. Технико-экономической, определяющую техническую возможность и экономическую эффективность проекта.

2. Социальной, устанавливающей возможность социальных инфраструктур, коммуникаций, перспективы складывающегося в случае выполнения проекта социума.

3. Гуманитарной, которая выявляет возможности развития личности при осуществлении проекта, культурные условия существования людей.

4. Ноологической, проверяющей сохранность архетипа населения той местности, в которой реализуется проект.

Анализ показал, что слабость второго и третьего типа экспертиз при оценке проекта привела к полной катастрофе в четвертом пункте: каждый ковш экскаватора уносил не только грунт, но часть души ненца, который имеет архетип абсолютной вплетенности в природу. Как показали исследования – все эти экспертизы должны были работать совместно [6. С. 159].

Этот пример является убедительным свидетельством важности социальной экспертизы в контексте междисциплинарных исследовательских программ, как соответствующей технологии социальной инженерии. В условиях глобализации, рисков и катастроф, социальная экспертиза является необходимой технологией нейтрализации и предотвращения последних.

Выводы

Показано, развитие социальной инженерии как дисциплинарно-организованного знания, которое благодаря парадигмальным трансплантациям, способствующим оптимизации междисциплинарного взаимодействия, приобретает новые характеристики. Это обстоятельство существенно отличает развитие социальной инженерии 60–80-х гг. от ее более раннего периода развития 20-х гг. XX в., кроме того, это различие обусловлено также и социокультурными условиями и диапазоном распространения

ния и реализации идей социальной инженерии. В новых социокультурных условиях 60–80-х гг. принципы социальной инженерии уже не ограничиваются системой локализованных производств.

Развитие социальной инженерии как дисциплинарно-организованного, прикладного знания

позволяет акцентировать внимание на таких технологических подходах, как социальное проектирование, основы которого были заложены еще в системе социальной инженерии 20-х гг., программирование, конструирование, создание новых междисциплинарных исследовательских программ, социальных экспертизах

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. — М.: Гардарики, 2007. — 374 с.
2. Словарь практического психолога. — М.: АСТ, Харвест / Сост. С.Ю. Головин, 1998. — 240 с.
3. Программа развития социологического факультета МГУ, фундаментальная и прикладная социология. — Электронный ресурс: www.Socio.msu.ru (дата обращения: 10 апреля 2012 г.).
4. Добренков В.И. Кравченко А.И. Социология. — М.: ИНФА, 2001. — 624 с.
5. Поппер К. Нищета историцизма. — М.: Издательская группа «Прогресс» VIA, 1993. — 185 с.
6. Попов С.В. Методологически организованная экспертиза, как способ инициации общественных изменений // Этюды по социальной инженерии. От утопии к организации. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 315 с.
7. Щербина В.В. Проблемы технологизации социоинженерной деятельности // Социологические исследования. — 1990. — № 8. — С. 78–85.
8. Тощенко Ж. Социальное проектирование (Методологические основы) // Общественные науки. — 1983. — № 1. — С. 54–65.
9. Витке Н.А. Организация управления и индустриальное развитие. — М., 1925. — 320 с.
10. Гастев А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку об организации труда. — М.: Экономика, 1966. — 472 с.
11. Эпштейн С.И. Индустриальная социология в США. — М.: Изд-во политической литературы, 1972. — 230 с.
12. Mayo E. The social problems of an Industrial Civilization. — New York, 1945. — 204 P.
13. Антонюк Г.А. Социальное проектирование и управление общественным развитием. Теоретико-методологический аспект. — Минск: Наука и техника, 1986. — 192 с.
14. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. — М.: Политиздат, 1982. — 204 с.
15. Джонс Дж. К. Инженерное и художественное конструирование: современные методы проектного анализа. — М.: Политиздат, 1976. — 245 с.
16. Афанасьев В.Г. Системность и общество. — М.: Политиздат, 1980. — 307 с.
17. Лапин Н.И., Коржева Э.М., Наумова Н.Ф. Теория и практика социального планирования. — М.: Политиздат, 1980. — 324 с.
18. Ляхов И.И. Социальное конструирование: Доклад на Седьмом Международном социологическом конгрессе. — М.: Политиздат, 1970. — С. 87–96.
19. Тощенко Ж.Т. Роль и место социального проектирования в системе научного управления обществом // Социальное проектирование. — М.: Мысль, 1982 — 354 с.
20. Социальное проектирование. — М.: Мысль, 1982. — 354 с.
21. Связи с общественностью как социальная инженерия / под ред. В.А. Ачкасовой и Л.В. Володиной, — СПб.: Речь, 2005. — 336 с.
22. Котляров И.В. Комплексное социально-экономическое проектирование и планирование в управлении развитием региона: автореф. ... дис. канд. философ. наук. — Минск, 1983. 24 с.
23. Саймон Г. Науки об искусственном. — М., Эдиториал УРСС, 2004. — 144 с.
24. Бестужев-Лада И.В. Исходные понятия // Рабочая книга по прогнозированию. — М.: Мысль, 1982. — 240 с.

Поступила 14.12. 2011 г.

УДК 165.42

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ИСТИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

А.Ю. Чмыхало

Томский политехнический университет
E-mail: sanichtom@inbox.ru

Рассматривается проблема истины в научном познании. Констатируется наличие кризисных явлений как в развитии современного мира, вызванных экстенсивным ростом человечества, так и в науке. Необходимость внесения корректив в стратегию развития человечества обуславливает формирование новой парадигмы научного познания, изменение целевых ориентиров развития науки, т. е. трансформацию понимания истины. Современное понимание истины предполагает снятие жесткого разделения между истиной как объективным знанием и субъектом познания, внимания к феноменам, в которых находят свое выражение ценностные ориентиры представителей научного сообщества. В статье осуществлен анализ подходов к рассмотрению гносеологического содержания и социокультурного контекста феномена повторения научных открытий. Сделан вывод о том, что его результаты позволяют выявить пути вхождения ценностного в содержания и структуру научного знания, в наполнение научной истины ценностным содержанием.

Ключевые слова:*Наука, истина, научное открытие, научное познание, повторение.***Key words:***Science, true, discovery, scientific knowledge, repetition.*

Характеризуя современное состояние развития научного знания наряду с несомненными успехами, которых достигала наука, нельзя не отметить и ряда проблем, как сугубо познавательного плана, так и социального, экономического, политического и иного свойства, вызванных к жизни ее бурным развитием. Эволюция человеческого общества привела к формированию науки и спровоцировала протекание аналогичного процесса в ее недрах. Многие тысячи лет ход эволюционных процессов в человеческом обществе характеризуется практически непрерывным (за редкими частными исключениями) экстенсивным ростом — ростом численности людей, увеличением освоенных человеком территорий, ростом производимых продуктов для удовлетворения нужд растущего населения, ростом числа городов и т. д. Наука достаточно успешно способствовала реализации данной стратегии развития человечества, и сама использовала его в своих интересах. Все более рос и продолжает расти объем научной информации, количество вовлеченных в научную деятельность людей, масштабы научно-исследовательских лабораторий и исследовательских установок, количество осуществленных открытий и проч.

В 1972 г. устами Донелла и Дениса Медоузов, Йоргена Рандерса и Уильяма Беренса было заявлено о ближайшем достижении человечеством пределов экстенсивного роста. Однако, как показали последующие годы, никаких существенных изменений в стратегию развития человечества он не внес. Экстенсивный рост продолжается, но в сомнения и беспокойство по поводу необходимости придерживаться данной стратегии развития нарастают. Экономический кризис последних лет, рост демографических диспропорций, масштабные техногенные катастрофы и сложности иного свойства вновь выдвигают на первый план вопрос о необходимости смены стратегии развития. Данное об-

стоятельство обуславливает и процесс изменения современной парадигмы научного познания, выбора новых стратегий осуществления научных исследований.

С начального этапа формирования научного способа познания мира, который можно отнести ко временам Античности, связывая его становление с теоретической формой знания, целью науки становится поиск истины. Параллельно становлению науки формируется и утверждается классическое понимание того, что такое истина. С определенными изменениями классическая концепция истины до сих пор разделяется значительной частью научного сообщества, сыгравшего существенную роль в формировании и реализации экстенсивной стратегии развития человечества вплоть до настоящего времени.

Как отмечает И.Б. Ардашкин, «философы в первых рядах, кто познает мир, но как вовлечь других людей, общество в этот процесс, в совместное познание истинного мира, как заставить людей прислушаться к философам, ученым и др.?» [1. С. 74]. Убежденность в необходимости внесения корректив в стратегию развития человечества, в поиск решения глобальных проблем современности обуславливает формирование новой парадигмы научного познания. В рамках такой парадигмы актуализируется потребность в обсуждении вопроса о возможных направлениях изменения целевых ориентиров развития науки, т. е. обсуждении вопроса о трансформации понимания истины в научном познании. Поиск возможного ответа на данный вопрос является предметом настоящей статьи.

Одной из особенностей современного философского дискурса, разворачиваемого по поводу обсуждения той или иной проблемы из области познавательной деятельности человека, например, эволюционной эпистемологии, состоит в том, что он носит междисциплинарный характер, так как

«базируется на результатах, полученных в самых различных науках, если эти результаты имеют хотя бы некоторое отношение к проблемам познания» [2. С. 4]. Это же касается и обсуждения проблемы истины в науке. Как отмечает Л.А. Микешина: «Современное понимание истины предполагает диалог различных философских концепций и синтез наиболее плодотворных идей в контексте современных представлений науки и культуры» [3. С. 151].

Подобный синтез может быть осуществлен при снятии жесткого разделения между истиной как объективным знанием и субъектом познания, наделенным такими характеристиками, как эмоции, предпочтения, мотивы, идеалы, т. е. всего того, что и составляет ценностное измерение познавательной деятельности. Внимательное отношение к последнему обусловило формирование интереса к рассмотрению новых элементов познания, развитию и смене научных теорий в контексте различных социокультурных предпосылок и феноменов, в которых нашли выражение ценностные ориентиры представителей научного сообщества.

Одним из таких феноменов является феномен повторения научных открытий. Приведем несколько примеров открытий, которые в рамках настоящей статьи будут рассматриваться в качестве открытий, повторяющих друг друга.

1. «В 1960 г. Мюррей Гелл-Манн и израильский физик Ювал Нееман независимо обнаружили, что одна из простых групп Ли (речь идет о группах преобразований симметрии, названных в честь норвежского математика Софуса Ли, которые действуют непрерывно, наподобие вращений в обычном пространстве или смешивания электронов и нейтрино в электрослабой теории), известная под названием $SU(3)$, как раз правильно описывает структуру семейств множества элементарных частиц в согласии с экспериментальными данными [9. С. 123].
2. Ч. Дарвин впервые обнародовал свои идеи об эволюции видов в докладе, прочитанном в 1858 г. на заседании Линнеевского общества в Лондоне. На этом же заседании выступил и Уоллес с изложением результатов исследований, которые, по существу, совпадали с дарвиновскими.
3. В 1960 г. впервые была обнародована датированная 1664 г. рукопись статьи И. Ньютона «Метод квадрирования кривых линий, каковые могут быть квадрированы». В ней, по крайней мере за год до того, как метод флюксий им был изложен в пяти мемуарах, написанных между 20 мая 1665 г. и ноябрем 1666 г., описан геометрический метод нахождения квадратур путем построения кривых, характеризующихся свойствами касательных.

В 1920 г. в книге Дж. Чайлда была опубликована неизвестная до того рукопись Г. Лейбница от 26 ноября 1675 г. Она свидетельствует о том, что в то время, т. е. за 9 лет до напечатания первого мемуара о дифференциальном исчислении, Г. Лейбниц также

владел геометрическим методом нахождения любых квадратур, построением кривых, характеризующихся свойствами касательных. Там же он сообщил и о механизмах для органического описания, т. е. непрерывного вычерчивания таких кривых [10. С. 88].

Можно привести еще множество подобных примеров.

Феномен повторения научных открытий стал рассматриваться в рамках истории, философии, психологии научного познания еще со втор. пол. XIX в. Особенностью подобных исследований является отсутствие единой терминологии для обозначения указанного феномена. В литературе можно встретить ряд терминов, употребляемых как синонимы — «повторное научное открытие», «многократное научное открытие», «одновременное научное открытие» и т. д. В определении данных понятий, как правило, подчеркивается момент независимости в осуществлении данных открытий, или аспект времени совершения схожих открытий (через использование термина «одновременность»).

Эволюция гносеологического содержания феномена повторных научных открытий показывает трансформацию его понимания от «подобия», «общности», «компилятивного образца» (свойственного античности и средневековью) к «повторению как чувственно воспринимаемому тождеству» (в новое время).

В философии начала XX в. мы встречаем момент отвержения онтологической возможности осуществления повторения. В этой связи феномен повторения научных открытий рассматривается только как тождество в рамках рационального, выводимого из анализа знаковой матрицы, используемой в описании содержания повторения и первоначального образца, что и определило наш выбор категориального аппарата, используемого для обозначения схожих открытий — «повторение научных открытий». Почему именно повторение?

Понятие «повторение» позволяет выделить наиболее очевидную, яркую черту феномена научных открытий, осуществленных неоднократно и имеющих тождественные элементы в своем содержании — это удивительное сочетание тождественного и различного.

Эту черту повторения отмечает в своем сочинении «Различие и повторение» французский философ Ж. Делез. Он пишет, что «если повторение существует, оно одновременно выражает особенность — против общего, универсальность — против частного, примечательное — против обычного, единовременность — против переменчивости, вечность — против постоянства» [11. С. 15].

Ярким примером, подчеркивающим отмеченные качества повторения является ситуация, складывавшаяся в химии в процессе открытия химического элемента фтора. Вот как он описан в литературе: «... плавленый шпат, был обнаружен еще в средние века. Первое искусственное соединение, плавленая кислота, получена в 1670 г. нюрнбергским ремесленником Шванхардом. В 1780 г.

К.В. Шееле догадался, что в плавиковой кислоте содержится новый элемент. В 1793 г. А.Л. Лавуазье поместил фтор (радикал плавиковой кислоты) в таблицу простых тел. А в виде элементарного вещества фтор был выделен только в 1886 г. А. Муассаном. Что же принимать за момент открытия фтора? Большинство исследователей датой открытия фтора считает 1886 г. Однако встречаются и совсем другие толкования. Взять, к примеру, такой элемент, как диспрозий. Его первое специфическое соединение, трехокись, было обнаружено П.Э. Лекок де Буабодраном в том же самом 1886 г., когда А. Муассан выделил фтор. В элементарном виде диспрозий впервые выделил Ж. Урбен в 1905 г. Казалось бы, по аналогии с фтором, именно 1905 г. должен был значиться в хронологических таблицах. Однако, как мы знаем, подавляющее большинство авторов датой открытия диспрозия считают 1886 г.» [4. С. 5] Таким образом, в первом случае (открытие фтора), открытие Муассана не рассматривается как повторное по отношению к открытиям К.В. Шееле и А.Л. Лавуазье, а во втором случае (открытие Ж. Урбеном элемента диспрозия) можно считать повторным по отношению к открытию П.Э. Лекок де Буабодрана.

Эти примеры показывают, что единого критерия для оценки тех или иных открытий как приоритетные, а других как повторные нет. Если это так, то оказывается, что повторение одного и того же научного открытия, т. е. феномен повторных научных открытий, является ничем иным как примером редукции, посредством которой исследователи науки в различных открытиях усматривают (или нет) тождественные элементы.

В рамках западных философских концепций эволюционной эпистемологии можно отметить сформированность позиции по вопросу гносеологической и социокультурной природы повторения научных открытий. Для этих концепций характерно то, что область гносеологической природы повторения научных открытий связывается, как правило, с факторами исторического, психологического, социального характера, хотя и делается определенный акцент на то, чтобы вписать явление повторения открытий в логику развития научного познания. Отсюда рассмотрение феномена повторения научных открытий осуществляется через такие категории, как «повторение-подкрепление», «повторение в рамках научно-исследовательской программы», «повторения-пересечения» весьма ярко представленных в концепциях эволюционной эпистемологии.

В рамках раскрытия К. Поппером логики научного познания методика повторения, повторные научные открытия обретают статус одного из факторов, определяющих закрепление за определенным знанием дефиниции «научное знание». Но, процесс открытия нового знания, также как и повторяемость в его инициировании, выносятся К. Поппером за рамки теории фальсификации по причине их субъективного характера. Вместе

с тем в различных своих работах К. Поппер, в ходе изложения положений теории фальсификации (см., например, «Логика научного исследования», «Предположения и опровержения. Рост научного знания»), предлагает, как минимум, две возможные трактовки феномена повторения в научном познании. *Во-первых*, повторения, возникающие на начальном этапе научного поиска, на этапе «проб и ошибок», результатом которых является выдвижение тех или иных сфальсифицированных теорий. *Во-вторых*, повторения, осуществляемые на этапе подкрепления сфальсифицированных теорий.

К. Поппер, подходя к разворачиванию положений теории фальсификации, изначально заявляет, что проблемы, связанные с причинами зарождения тех или иных идей в головах ученых не являются предметом его внимания и, соответственно, им не уделяется сколько-нибудь заметного места в работах этого исследователя. В связи с этим, К. Поппер указывал, что «деятельность ученого заключается в выдвижении и проверке теорий. Начальная стадия этого процесса — акт замысла и создания теории, — по моему глубокому убеждению, не нуждается в логическом анализе, да и не подвластна ему. Вопрос о путях, по которым новая идея — будь то музыкальная тема, драматический конфликт или научная теория — приходят человеку, может представлять существенный интерес для эмпирической психологии, но он совершенно не относится к логическому анализу научного знания» [5. С. 50–51]. Лишь позднее он попытался дать собственное решение данной проблемы.

По этому поводу К. Поппер писал, что «мы рождаемся с ожиданиями, со «знанием», которое хотя и не является верным *a priori*, однако психологически или генетически априорно, то есть, предшествует всякому наблюдению. Одним из наиболее важных среди этих ожиданий является ожидание обнаружить регулярности. Оно связано с врожденной склонностью к поискам регулярностей или с потребностью находить регулярности...» [6. С. 262]. И далее: «... надежда на обнаружение регулярностей не только психологически, но также и логически априорна: она логически предшествует всякому наблюдению, поскольку она предшествует всякому осознанию сходства, а всякое наблюдение включает осознание сходства (или различия)» [6. С. 263].

В соответствии с данной интерпретации повторение предстает как следствие наличия в познающем субъекте психологического и логического априоризма, а повторения «являются лишь случаями сходства. Поэтому они являются повторениями только с определенной точки зрения. Из чисто логических соображений отсюда вытекает, что до всякого повторения должна существовать некоторая точка зрения — некоторая система ожиданий, предвосхищений, допущений или интересов, которая сама не может быть лишь результатом повторения» [6. С. 258]. И далее: «мы не ждем пассивно повторений, которые внушают или навязывают нам регулярности, а сами активно пытаемся нала-

гать регулярности на мир. Мы пытаемся обнаружить в вещах сходные черты и интерпретировать их на основе законов, изобретенных нами, не дожидаясь, чтобы все посылки оказались в нашем распоряжении, мы сразу же формулируем заключения» [6. С. 260].

Что касается повторений второго типа или «подкреплений», то их природа, с точки зрения К. Поппера, детерминирована следующими обстоятельствами:

- *во-первых*, наличием в природе закономерностей, которые существуют всегда, вне зависимости от наших попыток раскрыть их. «Мы говорим о «зако́не природы» только в том случае, если считаем, что имеем дело с регулярностью, которая не изменяется, а если мы вдруг обнаруживаем, что она изменяется, то больше не называем ее «законом природы» [6. С. 277];
- *во-вторых*, вероятностным характером научного знания;
- *и третье* обстоятельство, вытекающее из двух первых: «Повторные наблюдения и эксперименты используются в науке как проверки наших предположений и гипотез, то есть попытки их опровержения» [6. С. 272].

Таким образом, в рамках теории фальсификации К. Поппера феномен повторения научных открытий, казалось бы, получает определенную объективацию.

К. Поппер придавал слишком большое значение возможности логической реконструкции возникновения и развития научного знания. Указывая на активную позицию исследователя в процессе познания, он свел процесс познания к метаморфозам всего лишь одной его составляющей — рационально-логической.

Во многом аналогичную интерпретацию феномена повторных научных открытий предлагает И. Лакатос.

Уделяя внимание феномену повторения научных открытий, И. Лакатос указывает на всеобщий характер научно-исследовательских программ ученых, которые создают предпосылки инициирования подобного феномена. В интерпретации И. Лакатоса природа исследуемого феномена заключена в наличии «жесткого ядра» в конкурирующих научно-исследовательских программах. Повторное выдвижение гипотез и теорий будет обусловлено наличием этого общего «жесткого ядра», а примерная одновременность — наличием конкуренции.

С его точки зрения повторений нет или они надуманы в том случае, если не обнаруживается подобных программ. В связи с этим он полагал, что «если историю науки понимают как историю конкурирующих исследовательских программ, то большинство одновременных открытий — теоретических или фактуальных — объясняются тем, что исследовательские программы являются общим достоянием и в различных уголках мира многие люди работают по этим программам, не подозревая о существовании друг друга. Однако действительно но-

вые, главные, революционные открытия редко происходят одновременно, некоторые якобы одновременные открытия новых программ лишь кажутся одновременными благодаря ложной ретроспекции: в действительности это разные открытия, только позднее совмещенные в одно» [7. С. 225–226].

С точки зрения концепции Т. Куна о парадигмальном характере развития науки, феномен повторных открытий может быть интерпретирован как закономерное явление процесса складывания, господства и, даже, крушения той или иной научной парадигмы. Каким образом это может быть осуществлено?

Парадигма по Т. Куну является, с одной стороны, дисциплинарной матрицей, совмещающей в себе такие компоненты, как:

- символические обобщения (это выражения, которые используются членами научной группы без сомнений и разногласий);
- метафизические части парадигм (т. е. общепризнанные предписания);
- ценности.

С другой стороны, парадигма — это общепризнанный образец применения различных теорий и правил при изучении закономерностей в явлениях природы. Как дисциплинарная матрица и общепризнанный образец, парадигма указывает совершенно определенные рамки и направление в развитии научных теорий. Именно это свойство парадигм (если придерживаться концепции Т. Куна) дает возможность различным исследователям, независимо друг от друга, приходить к открытиям, имеющим много общего по своему сущностному содержанию. Общая теоретическая основа, общие правила создают возможность повтора (иногда почти одновременного). Подобная трактовка природы повторных открытий применима не только для открытий, совершенных в рамках, так называемой, «нормальной науки» (т. е. такой, которая развивается в условиях господства единой, общепризнанной теории), но и для экстраординарной науки (которая характеризуется как период революционной ломки старых взглядов, теорий при переходе к новой, более приемлемой, более совершенной теории).

В интерпретации Т. Куна повторение научных открытий — это закономерный итог формирования научной парадигмы, как определенной совокупности ценностей, теорий, гипотез, методов, разделяемых научным сообществом. В этом случае факт повторения научного открытия являет собой один из признаков присутствия сформировавшейся парадигмы в той или иной научной дисциплине. Подобная интерпретация природы и характера повторного научного открытия выводила за рамки парадигмы, а, следовательно, и науки те открытия, которые не соответствовали матрице понятий, терминов, используемых в описании открытия и разделяемых, приемлемых в рамках данной парадигмы.

Подобная интерпретация природы повторных открытий, основывающаяся на концептуальных положениях Т. Куна о парадигмальном характере

развития науки опирается и на ряд других положений его концепции.

Проведя анализ процессов человеческого восприятия и интерпретации, как бессознательного варианта того, что человек совершает после акта восприятия, Т. Кун отметил, что в процессе объединения людей в те или иные группы, под влиянием одинакового образования, языка, опыта, культуры, условий жизни и проч. происходит сближение, нивелировка разброса ощущений и интерпретаций среди людей. Он отмечал, что «очень небольшое число способов видения выдерживают проверку в процессе их использования группой и заслуживают того, чтобы их передавали из поколения в поколение. Точно так же мы должны говорить об опыте и знании природы, воплощенном в процессе преобразования стимула в ощущение, именно потому, что они были отобраны, как принесшие успех на протяжении некоторого исторического периода» [8. С. 246].

Таким образом представители постпозитивистской традиции (К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун и др.) разрабатывая не столько логику открытия, сколько логику его обоснования, включают объяснение природы повторения открытий в структуру приводимых ими доводов в пользу эволюционизма науки как процесса изменения научной проблематики, смены парадигм в науке, смены научно-исследовательских программ. Эти доводы насыщены демонстрацией влияния разнородных по своей природе ценностных ориентаций (психологических, логико-гносеологических, социальных, семантических и проч.) субъекта познания в процессе осуществления повторных исследований, в выборе объекта или предмета познания, в ходе которого произошло научное открытие, тождественное по своему содержанию другим открытиям.

Эволюция исследовательских подходов к изучению процесса научного познания привела к включению в предметную область философского осмысления науки социокультурных, психологических и иных характеристик познающего субъекта, трансформации понимания истины в современном на-

учном познании через призму выявления ценностных аспектов функционирования науки. Одним из феноменов, которые позволяют выявить новое содержание ценностного измерения науки является феномен повторения научных открытий. В нем нашли свое воплощение социо-культурные и индивидуально-личностные предпочтения, идеалы, установки ученых. Сочетание столь разнородных качеств определило то, что одни ученые и их открытия стали достоянием общества, получили известность, а другие, наоборот, оказались забыты, и их открытия пришлось «переоткрывать» заново. Удивительные явления повторения открытий подчеркивают то, что содержание, заложенное в них носит необходимый, в определенной степени независимый от конкретного исследователя, объективный характер.

Возвращаясь к словам И.Б. Ардашкина [1], приведенным выше, можно указать на то, что в условиях кризиса традиционного понимания научной рациональности, понимания истины в ее классической интерпретации, возникает потребность в поиске иных механизмов познания мира. Именно это актуализирует внимание к феноменам, сопровождающим процесс познавательной деятельности, которые играют роль своеобразных ориентиров, маяков, создающих дополнительную убежденность у научного сообщества в правильности избранного исследовательского пути.

Анализ гносеологического содержания и социокультурного контекста феномена повторения научных открытий позволяет установить прямую и, даже, жестко обусловленную соотношенность субъекта к знанию (что подчеркивается фактом их многократности), выявить новые способы объективации знания, пути вхождения субъективного, в частности, ценностного в содержание и структуру научного знания, в наполнение цели научного познания — истины — ценностным содержанием.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. и в рамках Государственного задания «Наука».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ардашкин И.Б. Философские основания проблемно-ориентированных исследований // Известия Томского политехнического университета. — 2010. — Т. 316. — № 6. — С. 74–78.
2. Меркулов И.П. Эволюционная эпистемология: история и современные подходы. // Знание. Культура. Познание. — М.: ИФРАН, 1996. — 167 с.
3. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. — М.: Прогресс-Традиция, 2005. — 264 с.
4. Популярная библиотека химических элементов. — М.: Наука, 1983. — Кн. 2. — 520 с.
5. Поппер К. Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983. — 605 с.
6. Поппер К. Предложения и опровержения. Рост научного знания // Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983. — 605 с.
7. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки / Сост., вступит. статья и общ. ред. Б.С. Грязнова и В.Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1978. — С. 203–235.
8. Кун Т. Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1975. — 288 с.
9. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: физика в поисках самых фундаментальных законов природы. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
10. Штыкан А.Б. К вопросу о возникновении дифференциального и интегрального исчисления // Вопросы истории естествознания и техники. — 1986. — № 3. — С. 88–90.
11. Делез Ж. Различие и повторение. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 384 с.

Поступила 05.12.2011 г.

УДК 17

АВТОТРОФНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО – ГЛОБАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

А.Д. Московченко

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

E-mail: fil@tusur.ru

В результате методологического расширения смыслового поля специально-биологических понятий автотрофности-гетеротрофности появляется возможность с космологических позиций посмотреть на будущее человечества, которое будет развиваться в автотрофном направлении.

Ключевые слова:

Автотрофное человечество, автотрофный человек, автотрофные технологии.

Key words:

Autotrophic mankind, autotrophic human autotrophic technologies.

Человечество стремительно входит в искусственный бесприродный технологический мир. На какой основе (автотрофной или гетеротрофной) будет выстраиваться этот мир? Если гетеротрофная технологическая составляющая, основанная на уничтожении естественной биосферы, будет усиливаться, то человек постепенно утратит свою духовно-творческую силу, осуществляя обслуживающую функцию по отношению к техносферическим системам. Технологический мир, построенный по автотрофнобиокосмологическим принципам, даст шанс человечеству не только устойчиво развиваться, но и возвысить в нем духовно-нравственную основу.

В общенаучном плане концепция автотрофности получила свое развитие в трудах великих русских мыслителей Н.Ф. Федорова, С.А. Подольского и В.И. Вернадского [1–3].

С технологических позиций механизм автотрофности (при этом, не употребляя самого понятия «автотрофность»), впервые обстоятельно рассматривал основоположник русского космизма Н.Ф. Федоров. Автотрофность раскрывается как механизм воссоздания человеческого организма из атомов и молекул, с помощью которого и произойдет «всеобщее воскрешение человечества». Человек, по мысли Н.Ф. Федорова, должен трансформировать собственную природу, превратить «питание в сознательно-творческий процесс обращения человеком элементарных веществ в минеральные, потом растительные и, наконец, живые ткани» [1. С. 405]. На это обращает пристальное внимание В.И. Вернадский: «... необходимо изменить форму питания и источники энергии, используемые человеком ... Непосредственный синтез пищи, без посредничества организованных существ, как только он будет открыт, коренным образом изменит будущее человека» [3. С. 480–482].

В.И. Вернадский позднее назовет эти процессы социально-автотрофными, подразумевая, что автотрофный человек (и, человечество в целом) научится поддерживать и воссоздавать свой организм, не уничтожая другой жизни, как растение, из самых простых природных неорганических веществ.

Именно ему принадлежит понятие «Автотрофное человечество», за которым будущее. Нравственное и духовное возвышение человечества связано с автотрофным утончением чувственной и рациональной сферы, созданием тончайших автотрофных технологий, особой автотрофной окружающей среды.

Особую роль в становлении автотрофного взгляда на мир сыграл знаменитый русский ученый и общественный деятель Сергей Андреевич Подольский (1850–1881 гг.), основатель трудовой экономической школы. В своей работе «Труд человека и его отношение к распределению энергии», впервые опубликованной в 1880 г., он высказал мысль о том, что процесс человеческого труда есть особенный антиэнтропийный процесс природы, который можно считать усилителем мощности энергии (речь главным образом идет о солнечной энергии), и энергии человеческого труда. При сложении этих энергий (солнечной и человеческой) возникает удивительный антиэнтропийный эффект человеческой деятельности при которой «коэффициент полезного действия становится свыше ста процентов». Этому выдающемуся открытию дали высочайшую оценку такие ученые как К. Маркс, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский и, позднее, – нобелевский лауреат И.Р. Пригожин [4].

Человеческий труд, основанный на солнечной, растительной и животной энергии, позволяет превращать с высокой степенью эффективности низшую косную энергию в высшую, социальную. Это позволит объединить всех людей по «Вселенскому закону гармонии» (выражение С.А. Подольского). Он один из первых отечественных ученых высказал мысль о перспективности проблемы синтеза продуктов питания из неорганических веществ с использованием солнечной энергии. Наиболее глубоко с позиций биохимии к разработке проблемы автотрофности организмов и человечества подошел В.И. Вернадский. Опираясь на работы ученого, он пришел к замечательному выводу о «Автотрофном человечестве будущего».

Нами же предпринята попытка трансформировать автотрофность (гетеротрофность) как глобаль-

ный феномен современной культуры, ядром которого выступает методологический интеграционный принцип автотрофности, позволяющий органически сочетать научное и ненаучное, фундаментальное и технологическое, человеческое и нечеловеческое в различных культурологических феноменах. При этом, автотрофность (гетеротрофность) трансформируется до масштабов культурной универсалии, позволяющей в емкой знаковой форме выразить содержание прошлой, настоящей и будущей культуры [5–9].

Какой же смысл, вкладывается в понятие «Автотрофное человечество»? Опираясь на работы ученых русской космической школы можно выделить три основных фактора становления и развития человечества будущего:

- *во-первых*, человечество, двигаясь в автотрофном направлении, обретет такое социально-технологическое качество как автономность: преобразование вещества, энергии и информации будет осуществляться без посредничества организованных живых существ;
- *во-вторых*, человечество овладеет высочайшей эффективностью общественного производства, поскольку технологическая оптимальность станет доминирующим фактором проектно-конструкторской, изобретательской и эксплуатационной деятельности;
- *в-третьих*, автотрофное движение должно восприниматься как глубинный природный геолого-космический процесс, захватывающий все сферы естественного и искусственного в человеческой деятельности.

Таким образом, можно сформулировать следующие субстанциональные качества автотрофного человечества: автономность существования, оптимальность функционирования и гармоничность сосуществования естественных и искусственных миров.

Методологическое расширение смысла специально-биологического понятия автотрофности (гетеротрофности) таит в себе колоссальные возможности для понимания биосферных и социальных систем. Жизнь на планете Земля возникла под влиянием автотрофных (гетеротрофных) организмов. При этом, автотрофные системы, формируя естественную биосферную реальность (связывая солнечную и космическую энергию в живые организмы), являются тем самоорганизующим природным началом, который в конечном итоге приводит к появлению человека, тотального автотрофа (гетеротрофа), призванного преобразовать ту среду, которая его породила. Но всякое преобразование может привести или к уничтожению существующего, природно-биосферного, или же, к воссозданию природного на искусственно-технологической основе. Человечество слишком задержалось на гетеротрофном этапе «разрушения» и мало сделало для творческого автотрофного воссоздания, с учетом космических потребностей человека. Гетеротрофная разрушительность, связанная, прежде всего

с тотальным потребительством, привела к таким сокрушительным последствиям в биопсихической и духовно-нравственной сферах человека, что грозит его исчезновением как биологического вида.

Будем надеяться со временем человечество из паразита и «захребетника» природы превратится в творчески — духовное нравственное космическое образование, когда во весь рост (в планетарном масштабе) встанет задача как восстановления всего разрушенного естественно-биосферного мира, так и искусственного воссоздания естественного. Другого пути нет!

Движение в автотрофном направлении или медленное угасание как физическое так и духовное. Складывается впечатление, что земное человечество смирилось с последним и уже размышляет о восстановлении разрушенной атмосферы на Марсе, со временем, видимо, полагая переселиться туда. Как это понять? Где же наши культурологи и философы, политологи и социологи, экономисты и инженеры? Почему они не затрагивают эту проблему? Чего стоит так называемая «глобалистика», если она не предлагает радикальных решений по спасению человечества и планеты Земля? Почему автотрофно-космологическая концепция, высказанная русской космической школой, до сих пор не востребована культурным и философским сообществом и даже, в самой России вызывает равнодушие и негативное восприятие? Причин здесь несколько. Назову самую главную: это концепция мешает мировому криминально-олигархическому сообществу удовлетворять свои непомерные паразитарно-гетеротрофные потребности, контролировать и управлять всем человеческим сообществом. Другими словами, они живут сегодняшним днем по обывательским заветам: «после нас хоть потоп». Выходит, так называемое «культурное» сообщество (в России и вне), согласилось с таким катастрофическим решением человеческой проблемы на планете Земля.

Но есть и другая не менее важная причина. Переход на автотрофную космическую ступень общественного развития, потребует от человечества величайших физических и духовных усилий по перестройке технологического производства, человеческого организма, отношений между людьми, радикального пересмотра и переосмысления (с точки зрения христианских заповедей), традиционных представлений современной культуры, где общество и природа будут рассматриваться в единстве с бесконечным Космосом. Более того, в условиях тотального потребительства капиталистического хозяйствования автотрофное мировоззрение становится принципиально невозможным. Необходим другой строй хозяйствования и культурного строительства, другой способ (стиль) мышления и поведения людей. Мы глубоко убеждены, что «Автотрофное человечество» состоится только на основе социалистического общественного производства и софийной соборности. Стоит задача: совмещение социалистических общественных идей с кос-

мической соборностью людей. И это не мои досужие домыслы, об этом размышляли величайшие мыслители Запада и Востока, особенно воплотившиеся в русском космическом движении.

Надо признать определенные успехи в автотрофном направлении, ведь по В.И. Вернадскому — это естественноисторический геолого-планетарный процесс в нанотехнологии, в космической технике и технологиях, в общественном производстве, особенно, связанный с производством продуктов и лекарств. Но пока это стихийный, неосознанный процесс, который человек плохо себе представляет в системно-космическом масштабе, и поэтому необдуманными действиями наносит своему организму и биосфере в целом (а значит, ближнему и дальнему Космосу) непоправимый ущерб. Все дело в том, чтобы научиться управлять этими процессами, овладеть автотрофными природными и социальными закономерностями.

Проектирование, конструирование и эксплуатация биосферно-техносферических систем на автотрофной основе радикально разрешит глобальные проблемы, прежде всего — экологические, снимет с человека тяжкий нравственный груз вины перед всем живым, даст возможность человечеству выжить в экстремальных условиях на путях будущего планетарно-космического развития. Это, по сути, энерготехнологический путь развития. На первый план в XXI в. выйдет инженерно-биотехнологическая задача окультуривания растений и животных, создания тончайших биопсихотехнологий, органически вписывающихся в окружающий человека биосферно-минералогический мир. Это технологии автотрофного плана. В этом случае изменятся формы и структуры общественного производства, изменится сам человек, «утончится» его биопсихофизическая основа, его система потребностей станет автономной, оптимальной и гармоничной учитывающей природно-космологические закономерности.

Какой же смысл мы вкладываем в понятие «Автотрофный человек»? Это человек, обладающий следующими качествами:

- 1) он автономен, т. е. наделен богатством структурно-функциональных связей с окружающим миром, дающим ему возможность проявить свою внутреннюю сущность во всем своем многообразии;
- 2) он оптимален, т. е. в своих взаимоотношениях с окружающим миром руководствуется принципом самоограничения и самодостаточности;
- 3) он гармоничен, поскольку выстраивает свой биофизический и духовный мир по законам естественности.

Необходимо отличать человека автотрофного от искусственных автотрофных технико-технологических систем. Автотрофные искусственные системы создаются уже сейчас, например, космические технологические системы, где в какой-то мере выполняются два важнейших качества автотрофности: автономности и оптимальности. Или

же, например, атомные энерготехнологические системы, где автономность и оптимальность выполняется еще в большей мере. Вместе с тем — самое важное автотрофное качество, — гармоничность — пока не выдерживается. В космотехнологических системах — это проблема космического мусора, а в атомнотехнологических системах — это проблема искусственной радиоактивности. Чтобы решить обе эти проблемы, нужны принципиально иные типы космических и атомных сооружений. В этом плане ведется научная, изобретательская и проектно-конструкторская работа. Уже предложены космические и атомные проекты, разрешающие проблему автотрофной гармоничности. Нужна политическая воля для полномасштабного перехода к технологическим системам автотрофного плана.

Человек автотрофный — весь в будущем. Он в полной мере будет наделен такими автотрофными качествами, как автономность (суверенность) поведения и мышления, оптимальность потребностей, связанных с не нарушением христианских заповедей («не убий», «не укради...»), гармоничность связей с окружающим миром, предполагающей космологическое чувство любви ко всему живому. Правда здесь, возникают сложные и во многом нерешенные проблемы культурологического, философского и социально-психологического плана, связанные с природой суверенности поведения и мысли человека. Где границы этой суверенности? Каковы должны быть оптимальные потребности человека и человечества в целом? Насколько органично войдет человек в природно-космические иерархические системы, чтобы приняв образ естественного — космического, вместе с тем не потерять свое, многими веками наработанное, искусственно-культурное и технологическое?

Будущее за автотрофным человечеством и автотрофным человеком. Принимая естественно-историческую данность развития человечества в автотрофном направлении, необходимо вместе с тем прикладывать колоссальные усилия для осуществления космических стратегических задач. Необходимы значительные прорывы философской и научной мысли, инженерии и образования, технологии и политики. Необходимо, как говорил основоположник русского космического движения Н.Ф. Федоров, — «Общее планетарное дело» для разрешения глобальных автотрофных задач.

Пришло время для смены цивилизационных и культурологических ориентиров. Необходим решительный переход от потребительско-коммуникативной цивилизации к цивилизации энергоавтотрофной, когда автономные, оптимальные и гармонические качества человеческих сообществ, станут категорическим императивом нашего времени.

Мы, вслед за академиком В.П. Казначеевым [10], обращаемся мировому сообществу. Необходимо остановить гетеротрофный процесс уничтожения биосферы Земли и самого человека. Русскими учеными была сформулирована конструктивная

концепция перехода человечества на автотрофный путь развития, который позволит освободить большую часть биосферы от сырьевой сельскохозяйственной и промышленной эксплуатации. Следует поднять разработку идеи автотрофности на государственный, а затем и на межгосударственный уровень. Пришло время для организации международного института по проблемам автотрофности человеческой деятельности и создания ноосферных автотрофных процессов в общественном производстве [8].

Исходя из вышеизложенного, сформулируем наиболее общую планетарную программу по автотрофизации человечества:

1. Человечество должно прийти к убеждению, что естественная биосфера также важна для его функционирования и развития, как искусственная техносфера.
2. Человечество должно ставить задачи по созданию технологий, не уступающих, а порой превосходящих по своей эффективности природным биосферным технологиям.
3. Человечество должно обрести космологическое чувство любви ко всем проявлениям природного и социального.

Для осуществления данной программы необходимо признать, что человечество есть определенная часть общегалактической социально-ноосферной системы.

В соответствии с типами энерготехнологических цивилизаций, предложенных академиком Н.С. Кардашевым, нами выделены следующие типы энергоноосферных цивилизаций [6. С. 72–74]:

1. Предноосферная (до промышленных революций XVIII в.).
2. Земная гетеротрофная ноосфера, связанная с научными и социально-технологическими революциями, начиная с XVIII в. и по настоящее время.
3. Земная автотрофная ноосфера, связанная с овладением автотрофными природными и социальными технологиями.
4. Звездная автотрофная ноосфера (овладение технологией своей звезды в нашей планетарной системе – Солнца).
5. Галактическая ноосфера, или ноосфера Галактики, связанная с овладением технологий межзвездных систем.

Сейчас человечество приступает к освоению третьего этапа, связанного с овладением автотрофными природными и социальными технологиями.

Заслуга русского космического движения заключается в том, что они четко обозначили переход от ноосферы земной (сфера культурных и научных знаний в целом, сложившихся к настоящему времени) по преимуществу гетеротрофной, к ноосфере автотрофной (земной и солнечно-звездной). И этот переход будет сопровождаться кардинальными переменами во всех сферах человеческой жизни. Современная философия и культура в целом обязана мировоззренчески и методологически осмыслить этот переход.

И, самое важное: необходимо направить культурологические и научно-технологические усилия на поиски доброжелательных космических сообществ (ближних и дальних), на Земле и вне Земли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федоров Н.Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1982. – 711 с.
2. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. – М.: Ноосфера, 1991. – 82 с.
3. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Вернадский В.И. Труды. Воспоминания современников. Суждения потомков // Сост. Г.П. Аксенов. – М.: Современник, 1993. – С. 462–486.
4. Чесноков В.С. Сергей Андреевич Подолинский, 1850–1891. – 2-е доп. – М.: Российская академия наук, 2006. – 316 с.
5. Московченко А.Д. Русский космизм, автотрофность, человек будущего. – Томск: Знамя Мира, 1996. – 72 с.
6. Московченко А.Д. Проблема интеграции фундаментального и технологического знания. – Томск: ТУСУР, 2001. – 192 с.
7. Московченко А.Д. Русский космизм. Глобальные проблемы XXI века // Вестник РФО. – 2009. – № 4. – С. 133–139.
8. Московченко А.Д. Автотрофная стратегия выживания // Вестник РФО. – 2011. – № 1. – С. 112–116.
9. Московченко А.Д. Человечество. Ядерная энергетика. Автотрофность. Социокультурное и методологическое осмысление // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 317. – № 6. – С. 74–76.
10. Казначеев В. Открытое письмо // Знамя Мира. – 1996. – № 11. – С. 14.
11. Московченко А.Д. Автотрофность: фактор гармонизации фундаментально-технологического знания. – Томск: Твердыня, 2003. – 248 с.

Поступила 12.01.2012 г.

УДК 316.772.2:141.155/.141.2

М. МАК-ЛЮЭН И Ж. БОДРИЙЯР: СОПОСТАВЛЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА И КОПИИ

В.В. Вельганюк

Томский политехнический университет

E-mail: velgvit@gmail.com

Статья направлена на сравнение исторических взглядов двух мыслителей для выявления возможных закономерностей в развитии коммуникативных практик. Рассмотрены взгляды М. Мак-Люэна и Ж. Бодрийяра на понимание процессов воспроизводства, копирования и тиражирования информации, начиная с античных времен и до сегодняшних дней.

Ключевые слова:

Коммуникация, постмодерн, информационное общество, М. Мак-Люэн, Ж. Бодрийяр.

Key words:

Communication, post-modern, information society, M. McLuhan, J. Baudrillard.

Существует немало подходов к осмыслению истории культуры. Нет двух одинаковых взглядов на её процессы, каждый автор рассматривает историю сквозь призму своего видения и понимания её законов. Одним из самых интересных является взгляд на историю М. Мак-Люэна. Относительно эволюции цивилизации он выделил три основных этапа:

- первобытная дописьменная культура с устными формами связи и передачи информации. Основы этой культуры заключались в принципах коллективного образа жизни, мировосприятия и понимания законов природы;
- письменно-печатная культура («галактика Гутенберга»), эпоха дидактизма и национализма, заменившая естественность и коллективизм индивидуализмом, деколлективизацией;
- современный этап «глобальной деревни», возвращающий человека к естественному пространственному восприятию мира через его аудиовизуальное наполнение. Эти процессы протекают на электронной основе, основанной на замещении традиционных локальных способов коммуникации письма и печати на глобальные — радио и телевидение.

Каждый из них является важной вехой развития коммуникации между людьми. Рассматривая человеческий характер, его привычки, ситуативные действия по средствам отдельных коротких исследований, описанные в книге «Галактика Гутенберга», М. Мак-Люэн создает целостную картину человека той эпохи.

Однако исследуя литературу коммуникативистов XX в., можно найти ещё одно очень интересное деление истории культуры у Ж. Бодрийяра. Он рассматривает историю в плоскости собственной теории симулякров, разделив её так же на три основные части, а точнее на три порядка:

- Подделка (имитация) преобладает в «классической» эпохе, от Возрождения (фр. *Renaissance*) до времён промышленной революции.
- Производство, с присущей ей серийностью и функциональными аналогиями, составляет основной тип промышленной революции.

- Симуляция является основным типом нынешней фазы. Гиперреальности (общественное мнение, деньги, мода) являются основными характеристиками постмодерна [2. С. 113].

Что особенно интересно, Ж. Бодрийяр и М. Мак-Люэн берут почти идентичные исторические вехи, смотря на них под разным углом. Исключение составляет лишь то, что М. Мак-Люэн всегда рассматривает более ранние временные отрезки.

Рассмотрим подробнее теорию коммуникации М. Мак-Люэна и выдвинутые им исторические этапы эволюции цивилизации.

До появления письменности картина мира для индивида выглядела абсолютно по-другому. Опираясь на статью Дж.К. Каротерса «Культура, психиатрия и письменное слово» М. Мак-Люэн говорит о том, что первобытно-племенной строй был закреплён в своём развитии подавлением умственной жизни и личности. За счёт преобладания чувства коллективного сопричастия «человек рассматривает себя как довольно незначительную частичку гораздо большего организма — семьи, клана, но отнюдь не как независимую, полагающуюся на свои силы единицу» [3. С. 27]. Если сравнить воспитание детей сегодня и при первобытном строе, то мы увидим, что европейский ребёнок в процессе роста и воспитания учится оперировать сложными строительными кубиками, ключами и замками, водопроводным краном и многими другими вещами, в то время как ребёнок дописьменной эпохи получает образование, которое практически исключительно основано на устном слове.

Говоря о разнице понимания звука как такового дописьменным и современным человеком можно заметить, что для первого звуки — это динамические живые образы, события, действия, которые заставляют человека быть всегда настороже. Для второго звуки теряют подобную, отчасти магическую связь, и выступают лишь дополнением к визуальному ряду. Впоследствии, смещение «центра тяжести» со слухового восприятия окружающей действительности на зрительное, дало возможность развития абстрактного мышления и сыграло

огромную роль в развитии науки и техники следующей эпохи.

Фонетическое письмо явилось, возможно, первым фактором на пути воспитания в человеке чувств индивидуальной обособленности. Устное слово не способно дать необходимых умственных и ментальных возможностей для формирования индивидуализма. Современный человек письменного общества хорошо научился отстраняться от чувств и эмоций, которые человек устного общества вряд ли бы смог скрыть. Если обучить грамоте человека из дописьменной эпохи, то можно прочувствовать и увидеть тот разлом, который заставляет его чувствовать одиночество и оторванность от племени. Но в то же время такой человек никогда уже не вернётся к прежней форме мышления и мироощущения. С этой стороны можно аллегорично воспринимать грамоту, как вирус, который попадая в тело (мозг), подвергает его неумолимым и бесповоротным изменениям. В книге «Понимание медиа» М. Мак-Люэн дает расшифровку этого «вируса» глазами дописьменного человека: «только в фонетическом алфавите семантически бессмысленные буквы используются для передачи семантически бессмысленных звуков» [3. С. 94].

Однако, надо сказать, что ни одной другой форме письменности (пиктографическая, идеограмматическая, иероглифическая) кроме фонетической, не удалось вытащить человека из мира слухового восприятия и произвести над ним столь коренную трансформацию. М. Мак-Люэн образно называет этот феномен шизофренией. На его взгляд наиболее явно и показательно он проявился во времена противостояний римской и греческой философии. Именно римляне осуществляли страстное распространение культуры в русле визуальных образов. Греки, а заодно и византийцы напротив, были приверженцами устной культуры, не доверяя прикладному знанию и действию, не разделяя процессы гомогенизации и однотипности, которые оно в себе несёт.

Известный римский философ и политик, блестящий оратор Цицерон в своем труде «Об ораторе. Три трактата об ораторском искусстве» дает краткую историю философии предшествующих ему времен и замечает один очень интересный момент. До Сократа практическое знание было неотделимо от знания, к которому стоит стремиться ради него самого, «красноречие» от «мудрости» [2. С. 36]. Однако, после Сократа все изменилось. Мудрость отделилась от красноречия, а прикладное знание стало изучаться отдельно. Ярким тому подтверждением служит уже тот факт, что Платон, являясь по сути «секретарём» Сократа, смотрел на мир глазами человека алфавитного. Из записей Платона можно выяснить отношение Сократа к письменному умению человека. «Когда же дошел черед до письмен, Тевт сказал: «Эта наука, царь, сделает египтян более мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости». Царь же сказал: «Стало быть, ты нашел средство

не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых» [4]. Будучи мастером устного слова, Сократ выражал свои опасения относительно распространения письменности, считая её врагом памяти, а соответственно и мудрости человека.

Так письменное слово развивалось и претерпевало изменения вплоть до появления слова печатного. Станок Гутенберга стал настоящей революцией для человечества. Печатный алфавит явился модификацией письменного, и послужил ещё одним способом расширения возможностей человека. Он усилил все те тенденции, которые несли в себе письменная эпоха, дав выход энергии качественно нового уровня. За счет точной повторяемости образов и ещё большего отделения слухового и аудиального восприятий стали возможны такие проявления общественного мнения как национализм, индустриализация, массовые рынки, всеобщая грамотность. Индивидуализация достигла степени отстранённости и непричастности человека к происходящему вокруг него, теперь он мог действовать без особой рефлексии к внешним раздражителям, то есть, ни на что не реагируя.

В первую очередь внедрение печатного алфавита привело к коренным переменам в процессе обучения. Если раньше книги переписывались студентами в ручную, на что тратилось значительная часть их времени, то с появлением печатного алфавита эта надобность отпала, превратив книгу в «преподавательскую машину» [3. С. 197]. Единый текст постепенно формировал общие правила написания и употребления языка. Книгопечатание сформировало основную базу синтаксиса и пунктуации, а так же повлияло на деление поэзии от пения и прозы.

Вся эпоха Возрождения прошла под неустанным развитием книгопечатания и пропитала её духом единообразия и репрезентации. Именно книга дала возможность авторского самовыражения, ведь во времена рукописного текста индивидуальность автора была скрыта за канонами работы с тестом. Это дало толчок к появлению самого феномена «литератора» — грамотного человека, способного, опираясь на «высокий слог», проповедовать высокие моральные качества.

Достигнув широкого распространения, печатная книга позволила познакомиться с культурами других стран. Это привело к смешению языков в разных сферах деятельности. В философии такое смешение языков заметил Р. Декарт. Проанализировав философскую литературу конца XVII в., он пришел к математическим принципам формирования подходов в философии. Стремление к точности и рациональности привело Р. Декарта к делению философии на отдельные науки и направления, со слабой межпредметной связью.

Стремление человека сузить рамки исследуемого привело его к появлению и пониманию новых форм политической организации, обязанностей и свобод (либерализм, капитализм, демократия, социализм и пр.) Так же это дало невиданный толчок в науке, чье поле для исследований становилось все уже и уже. Первое приводило к столкновениям и конфликтам между людьми, второе стремилось к синергии и взаимопониманию.

К электрическому веку человек подошел с великим багажом знаний античных, средних времён, эпохи Возрождения и эмпирическим опытом века механики. Однако с этого момента скорости увеличиваются. Энергия как воплощение и основная движущая сила эпохи электричества становится доступна всё большему количеству людей, «позволяет любому месту быть центром и не требует крупных агрегаций» [3. С. 44]. Начиная с XVII в. человеческий труд старались заменить трудом механическим, а затем в XX в. электричество взяло эту ношу на себя. Акцент работы человека поменялся в сторону интеллектуального труда.

С появлением телевидения происходит надлом. Постепенно главное место среди способов коммуникации с печатной индустрией смещается в сторону визуально-аудиального способа передачи информации. М. Мак-Люэн выделял два основных аспекта телевидения:

1. Телевидение имеет мозаичный принцип построения изображения, когда весь мир представлен непонятным, логически несвязанным набором сообщений. За небольшой промежуток времени можно увидеть информацию, отличающуюся по масштабам, локации и эпохе.
2. Имеет место взаимоусиление этих сообщений за счет преодоления нашим сознанием смысловой раздробленности картинки, в результате чего складывается единство восприятия принимаемой информации.

В своих исследованиях М. Мак-Люэн не раз пытается указать на тенденции развития будущего, порой предвосхищая его. Продолжая исследовать синергическую силу электричества, он делает вывод о том, что за счет телевидения, радио и масс-медиа в целом, происходит новый виток расширения человека вовне. Электричество выступает как бы продолжением центральной нервной системы человека, в результате чего образуется «глобальная деревня» где, несмотря на огромные расстояния все взаимосвязано. «Уплотненный силой электричества, земной шар теперь — не больше чем деревня» [3. С. 7].

Предлагаю рассмотреть понятие симулякра, выдвинутое Э. Батаем, и разработанное Ж. Делёзом и Ж. Бодрийяром для того чтобы восстановить историю его развития и сопоставить с этапами становления общества у М. Мак-Люэна.

Как говорилось вначале, Ж. Бодрийяр предложил три порядка симулякров для анализа их присутствия и развития в истории человечества. Однако первый порядок у него предполагает более поз-

дние временные рамки нежели у М. Мак-Люэна, а именно с эпохи Возрождения до промышленной революции. Для того чтобы взглянуть на представление о симулякре в более раннее времена нам необходимо будет обратиться к сути этого понятия и истоков его возникновения.

Вопросы, связанные с термином «симулякр», выдвинутые Ж. Батаем, возникали ещё в античные времена. И главный из них состоял в поиске соответствия образа вещи сущности (*эйдосу*) вещи или ее образцу (*парадигме*). Уже Платон предпринимал попытки связи искусства и подражания, в результате чего он пришел к выводу о том, что подражание имеет два вида: творящее образы и создающее призраки [5. С. 333]. В своём трактате «Софист» говоря о призраках, Платон имеет в виду «фантастические» образы, имеющие лишь подобие предмета [6]. Стоики, рассматривая данный вопрос, различали представление (*phantasia*) и призраки (*phantasma*). Если представление — это след, отпечаток в душе, то фантазмы — это то, что кажется нам во время мышления, что кажется нашим мыслям.

Но симулякры проявлялись не только в дискуссиях по поводу софизмов. Согласно Ж. Делезу они лежат у нас под ногами, точнее у нас под рукой — это есть письменность. Он рассматривал отношение между письмом и логосом и обнаружил, что существуют «отец логоса, сам логос и письмо». Письмо является неким симулякром, «ложным претендентом, поскольку именно оно силой и ловкостью намеревается захватить логос или даже вытеснить последний, не проходя через отца» [5. С. 334]. Более того, если «копнуть глубже», то можно обнаружить, пожалуй, самое главное противоречие — противоречие самого человека. С точки зрения теологии человек, по своей сути, тоже является симулякром. Сотворенный по образу и подобию божьему, он воплощал в себе чистую копию. Согрешив, нарушив запрет божий, «человек утратил подобие, но сохранил образ» [5. С. 334]. Отказавшись от нравственного существования в пользу существования эстетического, мы превратились в симуляры.

В период Возрождения, согласно Ж. Бодрийяру, появляется новый вид симулякра — подделка, а вместе с ней и мода. Принадлежащие высшему обществу «обязательные знаки», сменились знаками «эмансипированными», свободными для использования всеми классами. Они просачивались в широкие слои общества через заимствование междуклассовых ценностей, знаков престижа. Теперь спрос контролировал распространение классовых знаков. Подобие и обмен, которые пропагандируют подделка и мода, по сути, являются возвращением, о котором Ж. Делез говорил как о симулякре. Он представлял возвращение как соотношения «кругов» и «центра», где центр является оригиналом, а круги его копиями, которые вращаются во времени и лишь частью своей плоскости соприкасаются с оригиналом [5. С. 345]. Говоря известной пословицей: «Все новое, хорошо забытое ста-

рое». Однако в данной поговорке не учитывается сам момент возникновения симулякра, который имеет место быть при наложении кругов друг на друга, то есть копии на копии.

Главным проявлением симулякров в этот период стало распространение такого направления в архитектуре, как барокко. В своей основе оно несло театральный характер и манеру преподнесения. Барокко развивалось за счет зарождавшегося класса буржуазии, которая, унифицировав междуклассовые ценности, превратило это направление в независимое течение в искусстве, лишенное «различий по крови, рангу или касте» [1. С. 116]. Бетон, бронза, гранит и гипс явились основным материалом симулякров, а лепнина — формой их воплощения.

Следующей ступенькой в эволюции симулякров стало внедрение серийности производства. С конца XVIII в. симулякры приобретают промышленный характер. Процесс копирования набирает скорость, и уже становится не видно оригинальной референтности исходного предмета. Промышленный симулякр теряет всякий смысл, растворяясь в серийности процесса воспроизводства. Этот период длится сравнительно не долго. И переломной точкой на этот раз становится передача трудовых обязанностей в механические руки. С конца XIX — начала XX вв. производство переходит в руки машин и станков. Машина делают машину, копия копию, получается своего рода конвейер симулякров.

Главенство «мертвого труда» приводит нас к симулякрам третьего порядка. Это время переворота в понятиях смысла и сути копии, которая теперь является не просто серийным подобием оригинала, а изначально задумывается, как многократно воспроизводимая вещь массового потребления. Смысл копии смещается с подражания оригиналу, как это было в симулякрах первого порядка, и серийности данных копий, как это было в симулякрах второго порядка, на копии, изначально замысел которых был заведомо рассчитан исходя из их воспроизводимости. Симулякры третьего порядка — это копии, чьи «формы выводятся из модулей путём модулирования отличий» [1. С. 124]. Показательным примером служит конвейер Г. Форда, где изначально задуманная копия автомобиля собирается на основе планирования симулятивных

действий машины и человека, поминутно расписывающего каждое своё действие с целью экономической выгоды. В течении всей эпохи модерна эта технология оттачивалась на военно-механистическом производстве, охваченной войной Европе, и на бурно растущем рынке продовольствия США.

С рассветом эры электричества эпохи постмодерна в промышленность входят новые технологии и научные разработки, которые ставят процесс копирования и подделывания на новые, более высокие скорости. Главной ценностью в обществе становится информация, фальсификация которой занимает ещё меньше времени, чем подделка материальных ценностей. Это привело к тому, что мы живем в информационном тумане, где основные усилия затрачиваются на фильтрацию информации, поиск оригинала в море симулякров. Визуальное и звуковое восприятие современного человека массовой коммуникации сегодня подвергается воздействию гиперреальности, созданной симулякрами. Перед нами возникает «мир чистых цветов или звуков, отчетливо выписанных деталей, большей четкости, яркости и резкости изображения, когда фотография в журнале выглядит привлекательнее, чем оригинал, звук на пластинке оказывается чище, сочнее, чем при «живом исполнении» [7. С. 163].

М. Мак-Люэн и Ж. Бодрийяр имели схожее ощущение течения истории. В рамках своих философских позиций они опирались на общие временные границы. Сравнивая между собой эволюцию коммуникации и порядки симулякров, можно сказать, что эти процессы были взаимосвязаны и развивались параллельно с процессом развития человека и усложнением его рефлексии. Являясь по своей сути «копией», оторванной от нравственных законов, человек приобретал новые навыки и возможности, все больше отделяясь от группы, индивидуализируясь в принятии решения. Он овладел такими симулякрами, как письменность и печатный алфавит. Познав основной движущий закон симуляции — тиражируемость, основанную на человеческой слабости — желании обладать, он создал спрос, подпитывая его все новыми и новыми копиями. Создав вокруг себя вещественное и информационное поле из симулякров, человек начал терять индивидуальность личности за туманом копий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — 387 с.
2. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. — Киев: Ника-Центр, 2003. — 432 с.
3. Мак-Люэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. — М.: Гиперборей, Кучково поле, 2007. — 464 с.
4. Платон. Федр. Собр. соч.: Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — С. 186.
5. Делёз Ж. Логика смысла. — М.: Раритет, 1998. — 480 с.
6. Платон. Софист. Т. 2. — М.: Мысль, 1970. — 609 с.
7. Сыров В.Н. Массовая культура: мифы и реальность. — М.: Воделей, 2010. — 328 с.

Поступила 16.09.2011 г.

УДК 130.2

ПЛОТИН И ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ: ИДЕЯ ЕДИНСТВА

С.Г. Сычева

Томский политехнический университет

E-mail: svetsych@mail.ru

Показана связь идей через тысячелетия: древнегреческий философ Плотин был, по некоторым взглядам, близок к христианскому миропониманию, русский поэт-символист В.И. Иванов – к умонастроениям древних эллинов.

Ключевые слова:

Идея единства, античность, христианство.

Key words:

Idea of unity, antiquity, Christianity.

Публикация относится к теме, которая не исследована в философско-эстетической литературе: связь идей русского мыслителя и поэта Вячеслава Ивановича Иванова с умозрениями древнего эллина Плотина. Исследование этого вопроса позволяет лучше понять культурную преемственность тысячелетий.

Идея единства тесно связана с проблемой символа. Символ – это синтез, совпадение, *единство* разнообразного. Синтезирование – одна из основных функций символа. Мы будем изучать тему единства на мифологическом материале, поскольку миф, по определению Вячеслава Иванова, есть «символ, понятый как действие», «развернутый символ». В мифе четко видна динамика символического, его реальная жизнь. Поэтому рассмотрим тему единства в творчестве Плотина и Вячеслава Иванова, поскольку она напрямую связана с его символизмом.

Представление о Едином, объемлющем все и все собой определяющем, характерно для человеческого сознания вообще. Ни одна школа мысли, ни один мудрец не обходились без этого понятия, под каким бы именем оно ни присутствовало в их учениях, а были и такие, что показывали путь достижения этого единства и его реального утверждения. Поэтому вовсе не удивительно, что в произведении Вячеслава Иванова содержится эта идея, и восходит она от взглядов Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, А.С. Хомякова через византийскую патристику, философию стоиков, гностиков и неоплатонизм к натурализму Гераклита Милетского, вбирая в себя принципы средневековой германской мистики.

В.И. Иванов замечает глубокий раскол в сущности современного сознания. Кризис этот определяется изменением нравственных норм, с одной стороны, и ростом и дифференциацией знаний, появлением новых форм осмысления в науке и искусстве, усложнением личного сознания – с другой. И вот, перенасыщенная новизной духовная жизнь общества разрушает единство индивидуального сознания, человек не в силах больше утверждать, вслед за Р. Декартом, «*cogito, ergo sum*», он скорее и лучше поймет «*fio, ergo non sum*» («ста-

новлюсь, следовательно, не существую»). Преодолеть «разрыхление» личного сознания можно на путях религиозной веры и творчества.

Единство сознания достигается в разрешении антиномии свободы и необходимости для внутренней личности человека. Оно сбудется, если сознание это, называемое еще «внутренним человеком», в противовес «человеку внешнему» – телу человека, станет свободно. Как достигается свобода «внутреннего человека» или внутренняя свобода личности, говоря современным языком?

Согласно христианскому мистическому учению, внутренний человек имеет следующее строение: «Земля» – проявления сознания, его поверхность, феноменальная, периферийная сфера; «Небо» – глубинный центр сознания, его первоначало, и «Я» – находящееся между «Небом» и «Землей», явлением и сущностью и связующее их самосознание личности, ее собственная воля [1. С. 421, 428].

Заметно подобие этой структуры Божественной Троицы, найденной не в макрокосме – мире, но в микрокосме – человеке, как существе телесном и духовном одновременно. Небо – Отец, Царство Небесное внутри нас, Земля – Дух Святой, животворящее начало, Я – Сын, Логос как смысл и самосознание.

Земля называется Вячеславом Ивановым Адрастеей. Это древнегреческая богиня необходимости. Кроме того, Земля еще и Душа мира, и Дух Святой. Важно знать, что она еще и Невеста и Жена. Попытаемся объединить все эти наименования в целое. Дух на сирийском, арамейском и еврейском языках – слово женского рода [2. С. 328]. Это указание говорит о существовании в едином христианском Боге двух начал: мужского (Отец) и женского (Дух). Отсюда возможны дальнейшие аналогии с греческими божествами женского рода. Душа Мира (у древнегреческого философа Плотина) – это воплощенная в инобытии София – самознающий, самосознающий эйдос (т. е. идея), понятый как смысл (логос), воплощенный в умной (т. е. идеальной) материи, и имеющий, таким образом, вполне материальное, но материально-духовное, тело. Итак, Мировая Душа есть Ум, исходя-

щий в инобытие и ставший через это не просто количественно и качественно определенным, осмысленным бытием, но и действующим бытием, принципом, оживляющим или одухотворяющим всю материю [3. С. 212].

Если судьба есть диалектическое единство свободы и необходимости, то что такое необходимость как элемент судьбы? Это и есть Адрастее. С греческого слово *adrasteia* переводится как расплата [3. С. 363], неизбежность [3. С. 518], роковая необходимость [3. С. 711]. Так вот судьба определяет личность на свободу, следовательно, в самой Адрастее — неизбежности — заложена свобода человеческой воли.

Таким образом, Адрастее есть «тождество необходимости и свободы, бытия и чуда, а также мировой жизни (со всеми ее уродствами) и всеобщей справедливости» [3. С. 727]. Поэтому все происходящее в мире обожествлено и узаконено, человеку не к чему стремиться, у него, да и у мира, нет истории. И этот трагический аисторизм (вытекающий из особенностей конкретных событий — крушения Римской империи и истощения ее общественных сил) есть последняя наглядность эстетики Адрастеи у Плотина [3. С. 734].

Мы видим тесную связь представлений Вячеслава Иванова с идеями древне-римского философа Плотина. Необходимость, по Вячеславу Иванову, есть плоть мира [1. С. 422]. У Плотина это душа в сфере материи [3. С. 514]. Она же у Вячеслава Иванова — аспект Души Мира, у Плотина — «смешанная душа». У Вячеслава Иванова Необходимость — Адрастее — плоть мира — Земля ждет «семян Логоса» чтобы зачать от них подлинного «Сына Солнца». У Плотина Душа как Афродита соединяется с Умом и рождает прекрасных сыновей — Эросов. Необходимость у Плотина появляется, когда Душа вселилась в материю; у Вячеслава Иванова — когда человеческое Я делает выбор в пользу страсти, а не в пользу Духа. Свобода у Плотина возникает в восхождении души от чувств к Уму, у Вячеслава Иванова — «в чудесные и жертвенные мгновения правого религиозного восторга» [1. С. 434] — все тот же экстаз. По сути слова Красоты: «Я служу с улыбкой Адрастее» являются не чем иным, как эстетикой Адрастеи. А то, что она трагически аисторична, показывает стихотворение Вячеслава Иванова «Дриады»:

Играет в куклы жизнь, — игры дороже свечи, —
И улыбается под сотней масок — смерть...

Именно этим стихотворением заканчивает А.Ф. Лосев свой фундаментальный труд по неоплатонизму.

Итак, пришло время связать воедино имена: Земля, Адрастее, Душа Мира, Психея, Дух Святой. Психея в переводе с греческого — душа. Можно сказать, что это мифологический образ для философского понятия «Душа Мира». Эта последняя, истекая в инобытие и вливаясь как действенный принцип в космос, тем самым, становится отягощена материей, через это теряет абсолютную свою

свободу и полагает начало необходимости, судьбе, Адрастее. Опускаясь все ниже и входя в каждую отдельную вещь уже как необходимость, она имеет дело с низшими ипостасями материи, но не сливается с ними, но автономно показывает смысл каждой вещи. И здесь она («Душа Мира») уже больше есть плоть мира, его Земля, но не материальная, все-таки, а духовная, точно так же, как и интеллигибельная материя в сфере Ума — все же материя. Таким образом, думается нам, связаны в представлениях Вячеслава Иванова между собой эти имена: связаны они принципом «нисхождения». Все они относятся к Духу Святому, и эта аналогия правомерна, поскольку ставятся в соответствие божества женского рода, в остальном же (по вопросу о лике и иерархии) мы наблюдаем сознательное введение в христианство пантеистических принципов.

Чтобы ответить на вопрос о природе свободы и необходимости, надо разобратся еще в двух компонентах триады: «Сын» и «Отец».

Мы видим, как в эманации (исхождении, истечении, излиянии — термин Плотина) происходит превращение в противоположность: души — в материю, Души Мира — плоть Мира, в Землю, свободы — необходимость. В дурном смысле плоть в душе человека — это человеческие страсти, похоть, отсутствие инициативы, полная творческая пассивность [1. С. 423]. И Земля является носительницей неотвратимого рока, карающей нерадивых своих сыновей за то, что они не в силах подняться над нею, над материей, над аффектами, не способны дать ей настоящего «Сына Солнца». Земля ждет «семян Логоса», чтобы родить его и получить от него духовное освобождение. Ждет и надеется. Кто ж он такой — Сын, Логос?

Прямо имя «Сын» еще не отсылает нас к христианскому учению, потому что отношение «Отец — Сын» присутствует уже в античной философии, у того же Плотина (трактат «Об умной красоте»), как отношение Единого и Ума. Поэтому мы обратимся сначала к пантеистическому смыслу этих слов.

Важно, что «Логос» Вячеслав Иванов понимает уже не в духе неоплатонизма, а, скорее, по Гераклиту и стоикам. Этот историко-философский выбор довольно просто объяснить. Дело в том, что у Плотина Логос и его историческая роль заметно снижаются по сравнению с тем значением, которое отводят Логосу Гераклит и стоики. У Плотина Логос — внутри Ума, рассудочная структура, обладающая смысловым приоритетом, но лишенная «интуитивной картинности», то есть образности и возможности материального воплощения, не говоря уже об «оживлении» материи [3. С. 389].

Гераклит понимает Логос космически, как осмысление хаоса всего существующего мира, как «сквозную смысловую упорядоченность бытия и сознания». В мире существуют катастрофы, все течет, все изменяется, но неизменным остается Логос как закон всех этих перемен и взаимоотноше-

ний. Поэтому мир есть динамичное единство всего существующего, и таким он является благодаря Логосу. Стойки к этому учению Гераклита добавляют представление о «семенах Логоса»: Логос — тонкий эфирный огонь, состоящий из формообразующих потенций — семян, активно зачинающих вещи в низшей и пассивной материи. Именно на это учение ссылается Вячеслав Иванов [1. С. 422].

В истории мысли на смену языческому представлению о Логосе пришло христианское. В теории Иванова они присутствуют одновременно. Согласно христианской концепции Логос есть Слово, и Сын, и Христос. Это посредник между запредельным Богом и здешним миром. Христос, его жизнь и поступки — откровение Бога и сообщение этого откровения людям. Он же — Логос, Сын Бога-Отца и второй лик Троицы.

В чем главное отличие древнегреческой и христианской интерпретации Логоса? Логос древних — субстанция, Логос христиан — личность; Логос древних — оформляет, Логос христиан — волит. И здесь, как видно, Вячеслав Иванов допускает взаимопроникновение языческого и христианского осмысления.

Что есть Отец? Отец у Плотина — начало, источник всего, Единое. Единое — это охват всего существующего в одной неделимой точке, такой, что нет уже ничего, от чего оно отличалось бы. Единое не имеет ни качества, ни количества, ни смысла, ни бытия, ни сущности, — оно выше всего этого. Оно неназываемо, непознаваемо и есть основание и исток для всего сущего [3. С. 176].

Если обратиться к текстам Плотина, то можно убедиться, что он возводит понятие Единого в превосходящую степень. Так, например, в тексте V Эннеады он пишет: «Превыше всего стоит верховное начало — единое, первое, абсолютное» [4. С. 93]. Оно «выше самого бытия и сущности». Даже ум не может его понять и выразить. «Оно есть абсолютно самобытное, самодовлеющее, а по отношению ко всему — первое» [4. С. 93]. Единое «выше всего сущего, выше самой сущности; оно предшествует всему сущему и субстанциально отлично от всего сущего» [4. С. 96].

В VI Эннеаде Плотин пишет о свободе Единого, с одной стороны, и человека — с другой. Согласно его выводам, Единое есть абсолютная воля и абсолютная свобода, поскольку, будучи источником и свободы, и воли для всего сущего, в том числе и для человека, оно само ни от чего не зависит и полагает свою свободу и волю само для себя [4. С. 246].

Плотин ставит вопрос: обладает ли свободой воли человек, и если «да», то в каком смысле? Если он повинует судьбе и страстям, если его гнетет неотвратимый рок, если он не в силах изменить тягостную необходимость, то эта ситуация не зависит от его воли. И наоборот, если события в его жизни происходят по его желанию, если никакие силы не препятствуют ему извне, если он поступает «добровольно», то в этом проявляется свободная воля человека [4. С. 247].

Возвращаясь к рассуждениям о Едином, Плотин утверждает, что оно определяет собою всю мировую необходимость, будучи само независимо от нее. Случайность, судьба, акцидентальность — это все, что чуждо природе Единого. Оно является причиной самого себя и пребывает в состоянии совершенной свободы.

Вслед за Платоном, Плотин анализирует понятие блага в связи с идеей единства. Трактат «О благе, или Первоедином» Плотин начинает с рассуждения о Душе. Душа, как и у Платона, посредник между человеком и Единым. Поэтому, с одной стороны, как душа человека она множественна, ибо переживает различные состояния, а с другой — едина, так как имеет источник и сходную природу в Первоедино [4. С. 277].

Что касается Ума (второго элемента эманации — после Единого), то он тоже двойствен: он способен созерцать *во-первых*, Единое, *во-вторых*, самого себя. Поэтому нельзя утверждать, что Первоединое является Душой или Умом, или бытием, потому что все это множественно, разрозненно, состоит из частей.

Как же можно познать Единое? Для этого человек должен отвлечься от всех чувственных источников познания, от страстей, очистить душу от зла, наполниться переживанием добра, и, через Ум, точнее, через самую высшую точку Ума созерцать Единое, которое и есть благо. Благо, вслед за Платоном, Плотин ставит даже выше красоты, ибо прекрасное есть свет, исходящий от солнца, тогда как благо — источник света, солнце само по себе [4. С. 281]. Плотин пишет: «Так как для Первоединого нет никакого блага вне и кроме его самого, то в нем нет места ни для каких желаний; Он сам есть высочайшее благо, притом благо не для себя самого, а для других существ — для тех, которые могут участвовать в нем» [4. С. 285].

В конце VI Эннеады Плотин дает прекрасное описание интеллектуального экстаза, способного привести человека к Первоединому. Согласно этому описанию, когда мы созерцаем Его, из нашего ума исчезает всякая двойственность, так как человек, созерцающий высшую ипостась, сливается с ней «воедино»; он должен пережить «самоотречение», забыть о себе, о внешнем мире, о других видах познания. Он обязан сосредоточит свою интеллектуальную способность на самом себе, чтобы сознание не было раздробленным, войти в состояние экзальтации, когда умолкают чувства, душа и даже ум. Человек «как бы исчезает, ибо восхищенный и иступленный... он словно столбенеет, весь обращается в полный чистый покой». Это и есть «экстаз» [4. С. 291 — 292]. Только таким путем можно узреть Единое. Заканчивается этот путь полным успокоением сознания.

Это путь нравственного совершенствования: от души — к уму, а от него — к Благу. По этому поводу Платон писал в диалоге «Пир»: «Кто родил и вскормил истинную добродетель, тому достается в удел любовь Богов, и если кто-либо из людей бы-

вайт бессмертны, то именно он» [5. С. 143]. Вслед за Платоном [6], Плотин допускает мысль о том, что человек, созерцающий Единое, не в силах делать это постоянно — он возвращается своим умом к душе на какое-то время, чтобы затем вновь пережить экстаз. Таким образом, Плотин указывает душе путь к Богу: отрешенность от всего плотского, чувственного, стремление к возвышенному и благому.

Подчеркнем различие эллинистической и христианской трактовки: в пантеистическом экстазе нет страстей — плача, раскаяния, проклятий, смеха, молитвы, — он бесстрастен, он обращается ни к кому, и Единое — никто. В христианском сознании все совершенно иначе: Отец — Личность, и душевное воспарение к Личности через Ее лик страстно, непокорно судьбе и совершается с надеждой. Об этой надежде далее и пойдет речь. Но сначала следует сказать о сходствах идей Плотина с христианским мировоззрением. Особенно ясно это сходство видно в учении Плотина о душе человека.

Душа нематериальна и бестелесна. С этих позиций Плотин выступает против стоиков, атомистов и пифагорейцев, которые так или иначе подчиняли идею души факту существования телесности.

Плотин возражает, в частности, следующим образом: природу мышления нельзя было бы объяснить, если допустить, что душа — телесна. Мышление не зависит от данных, поступающих через органы чувств. Оно, также, способно созерцать божественные сущности, что было бы невозможно, будь оно телесно. Если бы душа была «телом», то невозможно было бы понять и объяснить ее нравственную природу. Добро и зло бестелесны — это моральные категории. Если бы душа была телесна, она не могла бы отличить доброе от злого и сама оцениваться с нравственной точки зрения.

Если душа нематериальна, то какова ее сущность? Она имеет родство с Божеством. Войдя в сферу телесного, душа обретает его свойства, становится подвержена страстям и порокам. Тем самым она утрачивает свои существенные признаки. Однако душа может освободиться от чувственных аффектов, которые сообщает ей тело. Тогда она становится разумной и добродетельной, освобождается от телесных оков и приближается к Божеству, поскольку по природе своей становится подобна Ему. Излагая идеи Плотина о бессмертии души, М.И. Владиславлев пишет: «Мы увидим, что наш ум способен отклоняться от всего чувственного и смертного, и созерцать бессмертную свою мыслью нечто вечное» [7. С. 41].

Идея бессмертия души присуща философии Плотина. Она вытекает из его концепции естественным способом. Философ даже не доказывает ее, принимая за нечто само собой разумеющееся. В текстах эллинистического мыслителя встречается идея о том, что после смерти тела души не действуют, но влияют на живущих людей.

М.И. Владиславлев подчеркивает, что это была мысль, совершенно новая для античного мира.

Древний грек представлял себе Аид местом, где души людей владели жалкое существование, гораздо более тягостное, чем наполненная страстями земная жизнь. Раньше греки считали, что после смерти тела душа покидает мир живущих. Плотин же связывает мир живых и мир мертвых, полагая, что последние могут блаженствовать первым. М.И. Владиславлев видит в этом влияние христианства [4. С. 41]. Все эти идеи представлены у Плотина в трактате «О Благе или Едином».

Из Единого эмансцируют Ум, Мировую Душу и души людей. Почему эти последние — вечны? *Во-первых*, потому, что они не материальны. *Во-вторых*, потому, что Благо подобно солнцу — пока оно светит, существует и свет. Так же и души существуют, пока пребывает Единое. А Оноечно. Чем ближе человек к Единому, тем он счастливее, и наоборот. В едином нет зла, и Душа пребывает в безмятежном покое. Отпадение от Блага — «падение, изгнание и потеря крыльев», — пишет Плотин [4. С. 472]. Вслед за Платоном, Плотин рассуждает об Афродите Небесной и Афродите Земной. Поскольку душа, объята Богом, любит Его и сливается с ним, — она божественна. Поскольку она уподобляется блуднице — она порочна. Это — различие чувственной любви к телу и духовной любви к Единому. Когда человек созерцает Единое, он наполняется его светом, сам становится светоносным, боговидным. Эти идеи древнегреческого философа, на самом деле, близки христианству.

Возвращаясь к Вячеславу Иванову, следует сказать, что одна из важнейших особенностей его мировоззрения — попытка соединения античных и христианских идей.

Мать, ожидающая с надеждой Божественного зачатия, есть Дева Мария. По христианскому вероучению Мария, Богородица, Богоматерь зачинает от Духа Святого Богочеловеческого Сына Христа. Пользуясь понятиями позднего эллинизма, Душа Мира в аспекте Ума нисходит в конечную индивидуальность, сливается с душой в аспекте вещей, и в этом единении рождается Эрос как герой, впоследствии восходящий до бога. Но здесь уже Вячеслав Иванов полностью оставляет античные мифы и античные понятия, переходя на язык христианства.

Рожденный Сын есть Жених для Матери, она же — его Невеста, а затем — Жена. Она надеялась на его приход, ждала и молила Небо. И вот с Неба на Землю исходит Дух Святой, Богородица обретает подлинного Сына. Его задача — освободить Мать, Невесту, Жену от ига той необходимости, рока, который в ней заложен не только по природе ее, но и по порочной природе недостойных сынов (обычных грешников). Это назначение исполняет Христос в акте искупления, распятия. Такова христианская мифология.

Вячеслав Иванов обращает ее в глубины индивидуального сознания. Вспомним, что сознание человека тройственно: в нем есть «Небо», «Земля» и «Я». Свобода внутреннего человека достигается

тогда, когда самосознание сможет подчинить свою волю воле Неба в человеке и воле Отца в этом Небе. Вот тогда-то и рождается во внутреннем человеке «Христос, и он стал достоин называться сыном человеческим» [1. С. 421].

Итак, христианский восторг души так же освобождает личность от низменных аффектов, как и эллинистический. Но это не сверхразумное, а внеразумное восхождение к высшему порогу человеческого (а не природного) сознания, страстный взлет к вершинам единого для всех внутреннего «Я».

Тогда свершится воля Бога не в Небе только, но и на Земле. И что очень важно: Сын, подчиняющийся не природной необходимости (плоти Мира), но небесной воле Отца, обретает инициацию, творческий импульс, и выступает не просто следствием причин, не в нем лежащих, но как творческая свободно действующая личность, освобождающая Землю от грехов осуществлением на ней нового, высшего содержания своего «Я».

Так разрешается противоречие свободы и необходимости и достигается единство сознания человека.

Стало быть, человек должен отдать свою волю не пороку, но строгому требованию, единому для всех людей. Мы увидим, что требование это есть победа над смертью.

Мы подошли к принципиальному отличию мыслей Вячеслава Иванова от умонастроений поздних эллинов. Да, в мире есть необходимость, судьба, расплата, горе, смерть. Но это не мешает улыбаться. Вот и Плотин видит Адрастею и понимает вместе с тем, что есть у человека свободная воля. Но, может, он оттого и поздний эллин, что убежден, будто делать уже что-либо поздно. Можно лишь сохранять спокойствие перед лицом надвигающихся мировых катастроф.

Вячеслав Иванов пишет: «Мы настолько дети упадка, что эпикурейство античное для нас уже слишком здорово» [1. С. 400]. И пишет он это с горечью, и делает отсюда важные выводы. Нам нечего противопоставить древнему ужасу неотвратимой

судьбы, в отличие от греков, обладавших хоть и умирающей, но все же прекрасной культурой. И нам остается только одно — свободное дерзание человеческого духа. У нас нет оснований быть спокойными перед лицом смерти, мы не можем «жить незаметно», мы должны победить смерть.

Такой активной мировоззренческой позиции мыслитель обязан христианству. Из этой религии русские люди взяли даже не нравственную доктрину, а, как то подтверждают летописи, чувство историзма и надежду на бессмертие.

Активность христианского миропонимания, отличная от античной пассивности, философски выразилась в надежде на счастливое будущее, на приход самой Афродиты Небесной. Все эти идеи в принципе чужды Плотину, видевшему в Уме только бурлящую, но не развивающуюся, вечность, а в мире вещей — только Пению, и полностью лишенному какой-либо надежды.

Назовем эту позицию Вячеслава Иванова оптимизмом дела. Того самого общего дела русской философии, задача которого — возрождение.

Можно сделать несколько выводов по теме единства в творчестве Плотина и Вячеслава Иванова. *Во-первых*, несмотря на огромный исторический разрыв — почти две тысячи лет, существует преемственность идей у двух мыслителей: «единство — это ментальная и физическая свобода, тогда как множественность — необходимость. Если далее развивать эту мысль, то, *во-вторых*, можно сказать, что содержание текстов Плотина демонстрируют связь между античной культурой и христианской, показывают, каким образом из символов языческой философии возникает новая религия. Это дает основание полагать, *в-третьих*, что Вячеслав Иванов был отчасти прав, выводя христианство из греческой религии. Правда, он писал, в основном, о дионизизме. Данная статья показывает, что заметно влияние неоплатонизма на христианство уже в эпоху зарождения последнего, и эту идею можно извлечь из сравнения текстов Плотина и Вячеслава Иванова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов В.И. По звездам. Статьи и афоризмы. — СПб.: Оры, 1909. — 438 с.
2. Аверинцев С.С. Комментарии // От берегов Босфора до берегов Евфрата. — М.: Наука, 1987. — 360 с.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. — М.: Искусство, 1980. — 766 с.
4. Плотин. Сочинения. — СПб.: Алетейя, 1995. — 672 с.
5. Платон. Пир // Платон. Сочинения в 3 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1970. — С. 95–156.
6. Платон. Государство // Платон. Сочинения в 3 т. — Т. 3 (1). — М.: Мысль, 1971. — С. 98–454.
7. Владиславлев М.И. Изложение трактата Плотина «О бессмертии души» // Плотин. Сочинения. — СПб.: Алетейя, 1995. — С. 31–41.

Поступила 10.01.2012 г.

УДК 165.19

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МИФА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА (К КРИТИКЕ СТРУКТУРАЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МИФА Р. БАРТА)

П.Б. Тычкин

Томский политехнический университет

E-mail: medved2912@mail.ru

Осуществлен анализ критериев мифа в рамках концепции Р. Барта в контексте проблемы соотношения мифологической и научной традиции, эксплицированы антропные и онтологические основания интеграции логики мифа в модель постнеклассической научной рациональности.

Ключевые слова:

Структурализм, миф, постнеклассическая наука, гуманизация знания, постмодернизм.

Key words:

Structuralism, myth, non-classical science, humanization of knowledge, postmodernism.

Постнеклассическая модель научной рациональности, реализующаяся в условиях современной культуры, в качестве одного из своих базисных постулатов предполагает активное взаимодействие с различными формами вненаучного знания. Помимо ряда других детерминант, необходимость данной корреляции обусловлена принципиально новой модальностью в понимании природы таких основополагающих констант научного познания, как субъект и объект, а также характера отношений между ними. Субъект познания определяется сегодня не в качестве стороннего наблюдателя, а активного участника познавательного процесса, что, в свою очередь, приводит к тезису о «человекокоразмерном» характере как объекта исследования, так и научного поиска в целом. Констатация «человекокоразмерности» как паттерна, фундирующего модель эволюции современной научной рациональности, с необходимостью указывает на гуманизацию последней как закономерную тенденцию ее развития.

В этой связи актуализируется обращение современной науки (в частности, в сфере ее методологии) к арсеналу тех форм знания, в которых акцентирована доминирующая роль человека (сознания) как стержневого элемента познавательной активности. Одной из указанных форм является миф. Причины обращения к мифу обусловлены, во многом, богатством его внутреннего содержания, несомненным антропным характером мифологического мировоззрения. Кроме этого, миф не является лишь культурной традицией прошлого, он ярко представлен в различных дискурсивных практиках современной культуры, реализуя в последних весьма противоречивые функции.

Экспликация логики мифа в качестве одного из возможных элементов современной научной рациональности с необходимостью требует ответа на предварительный вопрос о дефинициях самого понятия «миф» в современной культуре, без чего вряд ли возможно создание модели взаимодействия мифа и науки, ибо нам надо с известной долей уверенности представлять, какова логика ми-

фа, которую мы используем в процессе осмысления указанной модели.

Философской позицией, во многом обосновывающей современное понимание мифа, стали взгляды представителя французского структурализма (позднее – постструктурализма) Ролана Барта. Существование мифа в современных условиях для него есть прежде всего существование мифа как слова. Миф, понимаемый в качестве слова, не имеет субстанциональных границ, поскольку главным в нем является специфический способ высказывания, а не содержание сообщения. Следовательно, миф, образно говоря, не имеет жестко определенной «территории» применения. Точнее, эта «территория» зависит не от четких границ предмета мифа (ибо таковых по большому счету не существует), а от целесообразности и потенциальной эффективности мифологизации того или иного дискурса. Миф подчиняется семиотической логике и в этой связи, будучи словом, может быть понят исходя из системы «означающее-означающее-знак». Означающее в плане языка выступает в роли итогового члена языковой системы (смысл), а в мифе – как исходная установка (форма) [1].

При переходе от смысла к форме первый теряет всю свою богатую наполненность, превращаясь в чистую текстуальность. Из смысла «удаляется» все случайное; он опустошается, обедняется, из него испаряется всякая история, остается лишь голая буквальность [...]. Но самое главное здесь то, что форма не уничтожает смысл, а лишь обедняет, дистанцирует, держит в своей власти; форма постоянно нуждается в том, чтобы вновь пустить корни в смысл и напитаться его природностью. Такая непрестанная игра в прятки между смыслом и формой и является определяющей для мифа» [1]. Принципиально иную роль в мифе играет у Р. Барта обозначаемое, называемое им «понятием». Именно в понятии вновь возникает совокупность чувств, интенций, причин и следствий. Однако (и это один из ключевых моментов в оценке Р. Бартом значения мифа в современной культуре) понятие содержит заранее «приготовленное» высказыва-

ние, которое не дает доступа к реальности, а призывает увидеть в ней тот или иной аспект (значение). Как пишет сам автор, «в понятие влагается не столько сама реальность, сколько известное представление о ней; превращаясь из смысла в форму, образ во многом теряет содержащиеся в нем знания, дабы наполниться теми, что содержатся в понятии» [1].

В этой связи возникает вопрос об источнике такой «ангажированности» понятий. В качестве такового Р. Барт видит буржуазную идеологию [2], использующую систему мифа в своих (в частности, утилитарных) целях, «не оставляя буквально ни одной щелки, которая давала бы доступ к «настоящей» действительности. Это анонимная и аморфная масса расхожих слов и представлений, обозначенная Р. Бартом греческим словом «докса», представляет собой первичный и неистощимый источник мифов. В своей универсальности она встает непреодолимой преградой между человеком и миром, между сознанием и реальностью» [3].

Иными словами, миф не уничтожает истинный смысл, а деформирует его. Смысл теряет свою историю, сохраняя существование, при этом функция деформированного смысла — быть императивным обращением именно *ко мне*. Таким образом, миф псевдонатурален, в нем «утилитарная функция прикрывается оформлением «под природу» [1]. Однако именно поэтому потребитель мифа воспринимает его интенцию как нечто само собой разумеющееся, поскольку апелляция мифа к сознанию субъекта сопровождается предложением не отказаться от смысла, а, наоборот, якобы понять смысл, на деле уже похищенный из языка и превращенный в форму и понятие мифа, нацеленные на то, чтобы произвести определенное впечатление (добавим — с определенной целью).

В этой связи мифу подвластны практически все формы культуры и виды социальных практик [1]. Для Р. Барта очевидна в этом смысле все возрастающая негативная функция мифа в современной культуре, ее утилитарность служит питательной средой для тотального распространения мифа. Последний «насилуственно узурпирует персональное смысловое пространство и несет в себе импульс насилия» [4].

Преодоление мифа, по Р. Барту, возможно посредством мифологизации самого мифа, вследствие чего создается искусственный миф. Последний и являлся бы «истинной мифологией» [1].

В этой связи оценка Р. Бартом мифа и его роли в современной культуре вызывают ряд вопросов. Если создание «мифа о мифе» понимается как процесс демифологизации, то в данном случае налицо абсурдность такой попытки, ибо речь идет лишь о появлении очередного варианта мифа. Причем даже очевидная «мифичность» искусственного мифа, которая, казалось бы, будучи ясно понимаемой реципиентом, уничтожает возможность действительности мифа, тем не менее, сохраняет миф. Это связано с тем, что «в глазах потребителей мифа его ин-

тенция, адресная обращенность понятия могут оставаться явными и при этом казаться бескорыстными;...дело мифа — произвести непосредственное впечатление, не важно, что впоследствии он будет демонтирован, предполагается, что его действие сильнее тех рациональных объяснений, которые далее могут его опровергнуть» [1]. Таким образом, искусственный миф не справляется с задачей демифологизации.

Интерпретация мифа Р. Бартом носит характер крайности и в этом смысле есть во многом проявление тоталитаризма, против которого Р. Барт и выступает. Презумпция персональной свободы, понимаемой, в частности, как возможность творчества, нарушается самим Р. Бартом, поскольку, отказывая мифу в праве на легитимность, на способность быть тем самым условием творчества, Р. Барт демонтирует принцип плюрализма, адептом которого себя объявляет. Одновременно с этим выводом необходимо констатировать наличие определенной перспективы изменения модальности понимания мифа, вытекающей из позиции Р. Барта. Как и многие концепции, характеризующиеся категоричностью своих основных положений, резко негативная оценка Р. Бартом мифа весьма чувствительна к смене полюсов (знаков). Если миф утилитарен и является выражением различных тенденций буржуазного общества, то взятый сам по себе он представляет определенный способ мышления, априори не содержащий тех негативных характеристик, функций и целей, которые он реализует сегодня.

Иными словами, разрушительная (по Р. Барту) роль мифа не есть предзаданная имманентная его константа. В этом смысле сам миф как форма мышления нейтрален и может быть реализован и в качестве конструктивного способа как социальной рефлексии, так и социального действия. По словам И.Т. Касавина «Миф, как и наука, сам по себе не плох и не хорош, все зависит от его социальной и культурной функции» [5]. Показательно в связи с этим высказывание С.Ю. Неклюдова о том, что «сам миф в наше время охотно рядится в квазинаучные одежды и прибегает к квазинаучным доказательствам своей истинности и правоты» [6]. Именно такого рода утверждения формируют в современной культуре стереотипное восприятие мифа как механизма искажения и размывания науки, тогда как в большинстве случаев миф скорее *«рядит»*, нежели *«рядится»* он сам.

Методологическим обоснованием понимания мифа как «позитивной» модели мышления выступает функциональный подход. В рамках последнего принципиально изменяются акценты при изучении взаимоотношений между структурой и функцией. Как пишет А.Ф. Косарев, «функция выступает уже не просто как следствие, как качество, с необходимостью вытекающее из особенностей структуры, но как нечто, формирующее структуру и порождающее в ней стремление к самосохранению... Не структура порождает функцию, а функ-

ция реализует себя в структуре [7]. Критика мифа Р. Бартом основывается на интерпретации мифа как структуры, задающей функцию. Здесь «кража» смысла как функция изначально задана структурой мифа. Исходя из логики функционального подхода, утилитарный характер функции (формирование интенции, имеющей точный адресат и цель) определяет выбор структуры (в данном случае — мифа). Миф как структура мышления превращается, таким образом, в некоего «заложника» функции и подвергается критике, которая должна быть обращена не к нему. Но если функция может быть задана как средство достижения определенной цели, то первоочередное значение имеет характеристика такой цели. Р. Барт критикует буржуазную идеологию и миф, являющийся ее проводником. Однако стоит только сформулировать телеологические установки в конструктивном русле, и миф превратится в структуру, способствующую реализации позитивных функций.

В контексте заявленной нами проблематики первоочередное значение имеет вопрос о тех формах, в которых миф реализуется сегодня в науке. Р. Барт подробно и тщательно анализирует действие мифа в разнообразных сферах культуры и социальных практиках (политика, спорт, искусство, реклама и т. д.). Характеристики форм проявления мифа в научном дискурсе специально Р. Бартом не рассматриваются. Однако, проецируя описанный Р. Бартом механизм функционирования мифа на сферу науки, мы обнаруживаем тенденции, весьма релевантные основным принципам указанного механизма. Речь идет о том, что при изучении вопроса о взаимоотношениях мифа и науки в современных условиях на первый план выходит проблема распространения квази-и-лженаучных теорий и представлений. Рост числа такого рода «исследований» задает, казалось бы, единственно возможную логику оценки перспектив корреляции мифа и науки и очевидно, что основной интенцией такой логики становится резкое неприятие (прежде всего, научным сообществом) мифа как абсолютно ненаучного знания.

Действительно, распространение квазинаучного мифотворчества на рубеже XX–XXI вв. приобрело характер массового феномена. Деятельность различного рода «академий» и «ассоциаций», направленная на популяризацию оккультизма, магии как элементов научного знания создает основы для дискредитации мифа, ибо очевиден спекулятивный характер понимания особенностей мифологического мышления. В этой связи научное сообщество выступает с серьезной критикой мифотворчества, что определяет зачастую заведомо негативное отношение как к мифу в целом, так и к признанию его эвристического потенциала в частности. Как пишет В.М. Найдыш, «неомифотворчество — одна из форм в девиантной линии синтеза истории культуры и ее новейших форм... Девиантные линии культуры (в искусстве — разные формы поп-арта; в науке — различные формы квазинаучных

мифологий, псевдонаучных построений и др.; в религии — различного рода нетрадиционные секты) характеризуются отсутствием глубинной исторической укорененности, утерей связей со своими культуротворческими основаниями, что выражается заниженными критериями профессионализма, сиюминутными, часто утилитарными ценностями, популизмом и др.» [8].

Таким образом, постулируемая Р. Бартом «кража» мифом изначального смысла языка реализована в сфере науки в виде квазинаучного мифотворчества. В последнем миф теряет свою «историческую укорененность», превращаясь во вторичную мифологию, выхоленную примитивную схему. Говоря языком Р. Барта, «миф возникает из убывания историчности в вещах... Мир поступает в область языка как диалектическое соотношение действий и поступков людей — на выходе же из мифа он предстает как гармоническая картина сущностей» [1]. Ремифологизация, выраженная в таком виде, действительно требует демифологизации, о которой пишет Р. Барт. Как было сказано выше, такая демифологизация может быть осуществлена посредством создания мифа о мифе. Однако мы указываем на тот факт, что данный процесс приводит лишь к изменению мифа, но не его уничтожению. По мнению В.М. Найдыша референтом демифологизации является ирония, позволяющая «срывать покровы с превращенных форм бытия» [8].

Тем не менее описанная ситуация реализации мифа в науке не является единственно возможным сценарием. Экспликация гносеологического потенциала мифа требует отказа от понимания последнего как наивной, спекулятивной формы мышления, девальвирующей критерии науки и конститутирования логики мифа в качестве одной из возможных познавательных стратегий, способной органично и корректно функционировать в рамках науки, не подменяя ее собой, а открывая новые перспективы для ее развития. В этой связи необходимо определить те онтологические и гносеологические основания, которые позволили бы осуществить такую возможность. Одним из таких оснований является уже упоминавшийся выше функциональный подход, при котором процесс научного познания во всем многообразии своих форм выступает в качестве функции, определяющей выбор структуры, в которой данная функция будет реализована. Такая постановка вопроса актуализирует принципиально иной ракурс рассмотрения мифа как формы мышления, не являющейся заведомо несостоятельной в качестве элемента науки, а требующий выявления тех характеристик в структуре мифа, на основе которых выстраивалась бы корреляция мифа и науки.

На пути к достижению такой цели мы сталкиваемся с проблемой интерпретации, заключающейся в неизбежности (на первый взгляд) деформации логики мифа в современной культуре. Действительно, практически любая сфера культуры

не только наполняет саму структуру мифологического мышления своим содержанием, но и изменяет эту структуру, более или менее произвольно приспособляя ее к своим целям. При этом миф уже представляет собой скорее не целостное образование, а механически сконструированную (с разной степенью успешности) технологию, усеченную версию мифа. По мнению А.В. Ульяновского, «структура социального мифа объективно отсутствует — она ризоморфна, существует виртуально в качестве целесообразной проектной модели разработчиков и социальных технологов. Цель такой виртуальной структуры — нормировать сам процесс разработки и осмыслить собственные действия» [9]. Такая тенденция тотальной «утилитаризации» мифа как социальной практики зачастую находит свое отражение в социально-философской мысли либо в виде концепций, утверждающих миф в качестве спекулятивного механизма, подлежащего деконструкции, либо в подходах, провозглашающих процесс ремифологизации объективным требованием времени.

На наш взгляд, указанная проблема может найти свое разрешение посредством реконструкции логики мифа в своем целостном виде как системы мышления. Речь, безусловно, идет не о механическом переносе такой системы в современные условия, ибо «очевидно, что нельзя просто вернуться к мифу, да мы и не хотим этого, ибо невозможно вернуться в мир, которому чужд и незнаком наш специфический тип опыта, основанный на науке» [10]. Такая попытка стала бы не более чем очередной спекуляцией. Смысл обозначенной реконструкции должен заключаться в преодолении стереотипов и той самой тотальной «утилитарности» в понимании мифа сегодня. Такое понимание равно дистанцировано как от тенденции всеобщей мифологизации культуры, так и от отрицания мифа как такового в любых формах своего проявления.

По словам Н.С. Автономовой, «проблема взаимоотношения между научным знанием и другими формами знания — одна из ключевых для всей современной философской мысли. То, что это действительно так, можно проследить и на примере мифа. Мифологическое сознание, безусловно, включает в себя знание. Однако исследователи, которые считают миф качественно однородным с наукой и соответственно видят в мифе своего рода науку (или не вполне развившуюся науку), с нашей точки зрения, не правы» [11]. Поэтому обращение к необходимости экспликации мифологического мышления как целостной системы с одной стороны во многом требует выявления его характеристик в «чистом виде», осмысления функций и принципов логики мифа в их изначальном значении, что поможет вынести за скобки распространенные трактовки мифа, приводящие к указанным выше стереотипам в его оценке.

С другой стороны, такая реконструкция мифа невозможна без нахождения в рамках современной

культуры тех критериев и условий, сфер деятельности человека и общества, которые позволили бы осуществить данную реконструкцию не в виде механического перенесения, а в качестве органичного процесса [12]. И здесь мы сталкиваемся на первый взгляд с определенным рода парадоксом. Те формы культуры, в рамках которых, казалось бы, реализация мифа в своей семантической целостности была бы наиболее вероятной и успешной, напротив, стали катализаторами размывания мифа как единой системы мышления и деятельности, создали условия для появления «вторичных» мифов и, в конечном итоге, потере мифом многих своих сущностных характеристик и превращению его в пустую форму.

Прежде всего, речь идет об искусстве, традиционно считающемся формой культуры, обладающей способностью сохранять и транслировать духовный опыт общества. Но именно в современном искусстве (хотя и не только в нем) ярко проявляется негативное воздействие мифа в качестве инструмента подмены и кражи смысла, его упрощения и уплощения [1]. В частности, как пишет Е.М. Мелетинский, «в принципе мифология служит гармонизации представлений об окружающем мире и месте в нем человека, но в модернистской литературе XX в. миф, превращаясь в антимиф, становится выражением социального отчуждения и одиночества индивида» [13].

Подобную тенденцию мы можем проследить и в других видах социальных практик — политике, спорте, маркетинге и так далее. В то же время те формы общественного сознания, которые так же традиционно оцениваются как полярные по отношению к мифу, сегодня создают условия для его органичной реализации. В первую очередь такой формой является наука. Именно в силу рельефно выраженной полярности мифа и науки в распространенной системе представлений о них, эти формы мышления и деятельности (как и в случае с нашей оценкой перспектив мифа, вытекающих из смены знака во взглядах Р. Барта) обладают значительным потенциалом корреляции.

Во многом взгляды Р. Барта стали философским основанием для формирования постмодернистских концепций, в свою очередь оказавших значительное влияние на становление постнеклассической научной рациональности.

С одной стороны, основные императивы постмодернизма актуализируют миф как способ существования современной культуры. Яркая выраженная образность мифа, апелляция его к художественно-эмоциональному способу восприятия мира, игра смыслами, отсутствие, как таковой, фигуры персонифицированного автора — эти особенности легитимизируют миф в глазах адептов постмодернизма, поскольку являются релевантными идеям последнего — таким, как торжество агонистики, критика рациональности (понимаемой, прежде всего, как научной), постулирование «смерти автора» и текстуальности, приводящие к доминирова-

нию литературы (шире — искусства) над *ratio*. Недифференцированность субъективного и объективного в постмодернизме также коррелирует с логикой мифологического мышления. В этой связи миф оказывается одной из форм культуры, в рамках которой могут быть воплощены установки и ценности постмодернистского проекта [14].

С другой стороны, в постмодернистской логике миф представляет собой определенную систему мышления, тот самый порядок, «большой рассказ», который должен быть деконструирован, как и любая тоталитарная структура. Совпадая с идеалами постмодерна в своих отдельных элементах [16], миф как целостная структура выступает в качестве средства космоизации природного и культурного пространства, упорядочивания картины мира, что предполагает наличие системы четких ориентиров, задающих определенное направление мысли и действия, то есть механизма насилия — постмодернистский жупел. В постмодернизме «существует несоединимое: бессознательное стремление, пусть и в парадоксальной форме, к целостному и мировоззренчески-эстетическому постижению жизни, — и ясное сознание изначальной фрагментарности, принципиально несинтезируемой раздробленности человеческого опыта конца XX столетия» [17].

Таким образом, представляя собой сингулярную интерпретацию мира, миф противостоит аналитической его интерпретации, подразумевающей свободу релятивизации, конституирующей постмодерное общество [18]. Поэтому последнее привлекает в свой арсенал отдельные элементы мифа, удовлетворяющие как теоретическим положениям, так и утилитарным интересам постмодернизма. Вопрос же о месте и роли мифа в современной культуре либо обходится вниманием, либо решается в логике теорий, конституирующих миф в качестве «вторичной мифологии», потерявшей связь с архаическим мифом и играющей в современной культуре в подавляющем количестве случаев негативную роль (при этом подчас предметом рефлексии не становится тот факт, что «вторичность» мифа сегодня во многом не есть следствие объективного «бессилия» мифа как целостной системы, а является результатом манипуляций с ним в рамках современной культуры, прежде всего — в контексте постмодернистского проекта).

Одна из основных функций архаического мифа — это создание порядка из хаоса. Выполняет ли миф эту функцию сегодня? Как было отмечено выше, с точки зрения постмодернистской философии миф посредством отдельных элементов и механизмов скорее выполняет задачу деконструкции целостных структур мышления и деятельности, играя смыслами. Близкая точка зрения высказывается, в частности, Н.С. Автономовой, оценивающей миф как «способ безболезненного погружения в незнание» [11]. Поскольку овладение целостным знанием (которое является сегодня, с точки зрения Н.С. Автономовой, знанием научным) зачастую

невозможно в силу необходимости овладения обширным кругом специальных знаний (методов), получения образования, постольку эта неудовлетворенная потребность компенсируется в современной культуре посредством ремифологизации. Эта последняя реализуется в своего рода «полужнании», включающем в себя иллюзии, соединяющим фантастическое и реальное и позволяющем создать мир мнимой целостности, погрузиться в незнание с целью преодоления отчуждения. Таким образом, с точки зрения Н.С. Автономовой, «задача мифа в XX в. — это не преодоление человеческого логосом вселенского хаоса, а бесконечное погружение в этот хаос» [11].

Приведенная точка зрения на роль и место мифа в современной культуре не является маргинальной. Так или иначе, подобного рода взгляды высказываются целым рядом исследователей [8]. Тем не менее, указанная позиция вызывает определенные возражения. В первую очередь, весьма сомнительна истинность упомянутого выше тезиса Н.С. Автономовой о мифе как своеобразном средстве мировоззренческой «терапии», «простом» способе создания эрзац-картины мира. В данном случае мы сталкиваемся с тенденциозной и стереотипной оценкой мифа как формы мышления, не требующей напряженного интеллектуального действия. Таким образом воспроизводится та самая точка зрения, в рамках которой миф есть «вторичная мифология», «общественная иллюзия». Соглашаясь с автором в констатации распространенности в современном общественном сознании указанной модальности в понимании мифа, трудно согласиться с утверждением об оправданности и закономерности такой ситуации.

В современной гуманитарной традиции относительно невелико количество исследований, не ограничивающихся общей констатацией роли мифа в культуре (что в условиях современного многообразия приводит к поверхностности или односторонности), а содержащих серьезный глубокий анализ *возможности* мифа сегодня вообще и его *возможностей* в симбиозе с конкретными формами этой культуры в контексте современных реалий. Вся логика нашего исследования связана с конституированием мифа как сложного целостного феномена культуры (в том числе современной), именно сегодня обладающего значительным эвристическим потенциалом. В таком контексте указанная выше трактовка мифа принципиально несостоятельна. Миф и сегодня (и именно сегодня) способен, образно выражаясь, к эффективному повторению той своей функции, которая изначально была в нем заложена — построению порядка из хаоса (в данном случае — постмодерна) и это возможно как раз в рамках науки (о чем пишет Н.С. Автономова, когда говорит о важной роли науки в современном мире). Миф не рождает хаос (если только не рассматривать его с одной стороны в логике представителей постмодерна, с другой — с позиции таких авторов, как Н.С. Автономова,

В.М. Найдыш — утилитарно и в предельно усеченной версии), а корректно понятый, в своих существенных характеристиках может именно в рамках взаимодействия с наукой дать новые познавательные перспективы.

Актуальность обращения к мифу (шире — к вне-научному знанию в целом) в современной эпистемологии часто сопровождается своеобразным «смущением» и неуверенностью, связанными, вероятно, в частности, со сложностью преодоления, если можно так сказать, «позитивистского» барьера в мышлении, не допускающего возможности корреляции и взаимодействия указанных форм знания. Отчасти такого рода барьеры обусловлены распространением около-и-лженаучных теорий, о чем речь уже шла выше. Тем не менее, подобные установки приводят к построению методологических моделей развития научной рациональности, авторы которых делают вежливый «реверанс» в адрес мифа, признавая значимость последнего как культурной традиции, достояния искусства etc., утверждая в то же время недопустимость использования потенциала мифа в современной науке и постулируя необходимость обращения к неким «медиаторам». Примером такого подхода является позиция О.В. Шарыпова и С.Г. Гришина, называющих в качестве таких «посредников» натурфилософские учения досократиков [19].

Авторы отмечают важную роль космологических мифов в «понимании исторических корней нашего мировоззрения, нашей логики мировосприятия, объяснения окружающего человека мира и самого человека», утверждая, однако, что «принципиальное значение для развития науки приобретает проблема формирования адекватной общей онтологической базы, без решения которой любые объединительные подходы неизбежно носят формальный или рецептурный характер. Тем самым в науке объективно назрела потребность в решении тех общих, абстрактных проблем, которые всегда были предметом изучения натурфилософии. Наука на современном этапе развития отрицает предшествующее отрицание и сближается с натурфилософией, разумеется, пребывая по отношению к ней на совершенно ином — научном, а не мифологическом фундаменте» [19].

В данном случае неясен критерий, согласно которому мы должны констатировать невозможность использования в современной науке достижений мифа, признавая параллельно несомненную эвристическую значимость натурфилософских построений. Миф, логос и наука не могут рассматриваться как стадии поступательного развития от простого к сложному [20]. Следовательно, натурфилософия (логос) не обладает преимуществами (медиаторными характеристиками), позволяющими гово-

рить о ее посреднической функции. Более того, речь здесь идет о характерном примере яркого проявления той самой позиции, согласно которой миф рассматривается лишь в качестве архаической формы знания, чье взаимодействие с современной наукой возможно только посредством других, более «научообразных» типов мышления.

Односторонность указанной позиции заключается, помимо всего прочего, в том, что она не учитывает, как ни странно, одной из главных особенностей постнеклассической науки — ее открытости, ориентированности на идеи коэволюции и синергетики, которые выступают в качестве тех элементов, которые делают возможной корреляцию современной научной рациональности и мифа, легитимизируют как сам факт обращения последней к мифу, так и использование логики мифа в эволюции научной картины мира, тогда как попытки нахождения многообразных «посредников» в этом процессе лишь усложняют ситуацию, консервируя то самое упрощенное понимание мифа в современной культуре, о котором шла речь выше.

В подтверждение приводимых аргументов приведем точку зрения И.Т. Касавина, согласно которой «Исследование мифа как особого когнитивного феномена возможно лишь на пути перехода от классической к неклассической эпистемологии. Именно последняя предполагает новое понимание знания как феномена, социальный и культурный статус которого является чрезвычайно существенным. Функции познания многообразны и несводимы к «адекватному отображению действительности». В наименьшей степени познание проектирует действительность, являясь механизмом формирования культурных объектов. Миф же, как тип знания является достойным и важным предметом эпистемологического исследования не в последнюю очередь потому, что способствует развитию самой эпистемологии» [5].

Таким образом, само наличие ситуации плюрализма мнений относительно роли и места мифа в современной культуре вообще и в рамках науки — в частности, дает возможность утверждать актуальность этой формы знания в современных реалиях.

Проведенный предметный анализ концепции мифа Р. Барта и сформировавшихся на его основе подходов позволяет сделать вывод о значительном потенциале мифа как формы знания и стиля мышления в контексте постнеклассической науки — потенциале как эвристическом, так и связанным с тенденцией гуманизации последней, включения в сами основания науки антропности как необходимого элемента и условия дальнейшей эволюции.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. и в рамках Государственного задания «Наука».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Мифологии. — М.: Академический проект, 2008. — 351 с.
2. Мелетинский Е.М. Мифологические теории XX века на Западе // Вопросы философии. — 1971. — № 7. — С. 163–171.
3. Зенкин С. Ролан Барт — теоретик и практик мифологии // Барт Р. Мифологии. — М.: Академический проект, 2008. — 351 с.
4. Кириленко Е.И. Р. Барт и М. Элиаде: два опыта истолкования мифа // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 297 (апрель). — С. 66–71.
5. Касавин И.Т. Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога // Эпистемология & Философия науки. — 2005. — Т. 4. — № 2. — С. 4–14.
6. Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова. — М.: АИРО-XX, 2000. — С. 17–38.
7. Косарев А.Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. — 304 с.
8. Найдыш В.М. Мифология. — М.: КНОРУС, 2010. — 432 с.
9. Ульяновский А.В. Современный социальный миф как проект // Философские науки. — 2008. — № 11. — С. 122–135.
10. Хюбнер К. Критика научного разума // Библиотека «Философия и атеизм». 2010. URL: <http://books.atheism.ru/philosophy/#h> (дата обращения: 21.10.2011).
11. Автономова Н.С. Миф: хаос и логос // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. — М.: Политиздат, 1990. — 464 с.
12. Смазнова О.Ф. Время и этос мифа. Диалектика мифотворчества в русской культуре XIX–XX веков. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. — 324 с.
13. Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. 2003. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm> (дата обращения: 21.08.2011).
14. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. — М.: Академический проект, 2008. — 303 с.
15. Мареев С.Н., Мареева Е.В., Арсланов В.Г. Философия XX века. — М.: Академический проект, 2001. — 464 с.
16. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. — М.: ИГ Прогресс, 2000. — С. 407–420.
17. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. — М.: Интрада, 1998. — 255 с.
18. Антоновский А.Ю. О специфике мифологической ориентации // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. — СПб.: РГХИ, 1999. — С. 149–160.
19. Шарыпов О.В., Гришин С.Г. Протонаучные представления о мире и формирование основ постнеклассической физики // Философия науки. — 2002. — № 1 (12). — С. 26–34.
20. Хюбнер К. Прогресс от мифа через логос к науке как теоретико-познавательная проблема // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. — СПб.: РГХИ, 1999. — С. 114–126.

Поступила 28.10.2011 г.

УДК 130.2

МИФОТВОРЧЕСТВО В.С. СОЛОВЬЕВА В ГРАНИЦАХ РЕЛИГИОЗНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Д.А. Шелудченко

Томский политехнический университет

E-mail: darina_fomina@mail.ru

В творчестве В.С. Соловьева выявлена мифотворческая доминанта эпохи. Показано его видение исторического процесса и роль в нем человека.

Ключевые слова:

Серебряный век, мифотворчество, кризис, человек.

Key word:

Silver age, myth creation, crisis, human.

Интерес к творчеству В.С. Соловьева, русского философа конца XIX в., не случаен. Это обусловлено современной ситуацией мировоззренческого кризиса, который не может не волновать нас так же, как он волновал наших соотечественников 100 лет назад. Вновь перед нами стоит вопрос о дальнейших путях развития русской культуры, сложность которого обусловлена накоплением противоречий, не нашедших разрешения в минувшем XX в., а, наоборот, усилившем их. По мнению философа, после крушения надежд, связанных с социалистическим чаянием всеобщего благоден-

ствия, человечество должно наконец осознать наличие в мире чего-то намного более высокого, чем материальное благополучие, а именно прийти к Богу, а вместе с этим и к цельной жизни, не разъятой антиномиями. Поэтому сейчас, когда крушение социалистических идей очевидно, становится актуальным вновь обратиться к наследию В.С. Соловьева, предрекавшим это, и задуматься над возможностью осуществления его надежд.

Время конца XIX — начала XX вв. ознаменовано глубоким кризисом, который охватил всю европейскую культуру и был следствием разочарования

в прежних идеалах, что явилось причиной для появления в обществе ощущения приближающейся гибели существующего мира. Не обошел этот кризис и Россию, где с наибольшей силой проявились апокалиптические и эсхатологические предчувствия. Острая необходимость изменений на рубеже веков актуализировала феномен мифотворчества, который проявил себя во всех сферах культуры и явился сутью многих философских, социальных, культурных проектов того времени. Стоит отметить, что, не смотря на разность мышления, мировоззрения, картины мира, для большего числа русской интеллигенции было свойственно стремление к сотворению нового мира независимо от того, к какому лагерю они принадлежали, к сторонникам революции или духовных изменений. Вся атмосфера этого поистине сложного, экзистенциального периода была пропитана духом обновления. В такие моменты истории, когда происходит слом культурных парадигм, когда перед обществом встают метафизические вопросы, миф способен удерживать почву под ногами, он может помочь осмыслить и решить проблему.

Эта эпоха, названная современниками Серебряным веком или «русским духовным ренессансом», в лице своих главных представителей поставила перед собой проблему поиска новых оснований жизни, способных привести Россию, а через нее и весь остальной мир, к новой жизненной реальности, в которой были бы преодолены все кризисные моменты современной им действительности. Выход виделся не во внешних изменениях, не в переустройстве, например, общественно-политического строя, не смене власти, а в изменении самого человека, который является творцом всех общественных явлений жизни, и от которого зависит, каким быть окружающему его миру.

Выбор антропологической проблематики зависел еще и от того, что для русской философии всегда более значимыми были не гносеологические, но онтологические и антропологические вопросы. Это было связано с тем, что русских мыслителей более волновала сама жизнь, присутствие в ней человека, проблемы его сущности и существования, его духовного мира, нравственных качеств (например, «Оправдание добра», «Смысл любви» — произведения В.С. Соловьева). Главной темой в русской религиозной философии, поэтому можно считать не вопросы познания, но взаимоотношение человека и Бога в мировой истории. Эта тема включает в себя более глубокое осмысление человека: понимание его места и высокого предназначения в мире, размышление о смысле жизни, о нравственном основании человеческой природы. Также русских мыслителей волновали судьбы мира, поиск христианского смысла всего существующего (человека, мирового процесса), поиск первичных начал, глубинных основ бытия.

Благодаря своей религиозной основе, русская философия, в отличие от западной, всегда пыталась уйти от внешней стороны дела, приоткрыть

завесу таинственного, непонятного. В своем стремлении обнаружить сокровенную сущность бытия, она часто приобретала характер откровения, мистики. Ей было свойственно увлечение явлениями чуда, веры. По выражению А.Ф. Лосева, «... наша творческая философия, имевшая истоки славянофильские, сознательно ставила задачу утвердить против всякой рациональной рассеченности целостную религиозную философию... то была философия цельной жизни духа, а не отсеченного интеллекта, не отвлеченного рассудка» [1. С. 211]. Поэтому русская мысль никогда не была чистым познанием, но всегда оказывалась религиозным поиском спасения. Все это отличало русскую философию от рационалистических учений Запада. Таким образом, не гносеология, но онтология и антропология занимают умы русских философов.

Важной особенностью русской философии была ее религиозная направленность. Религиозный компонент миропонимания являлся одной из главных характеристик «русского духовного ренессанса». Необходимо заметить, что это было неслучайно, но определено всем ходом развития русской нации. Русская культура шла иным путем, нежели Европа, она очень долго была зависима от религии, а именно от ортодоксального, неизменяемого веками православия. Это можно подтвердить тем, что в России, в отличие от Запада, не было Реформации с ярко выраженной в ней доминантой разума, отрицающего истинное значение чувства, веры, интуиции. В этом плане отечественную культуру можно назвать традиционной: вплоть до начала Петровских реформ православие было той путеводной звездой, которая определяла интенции русской души. Идеалом жизни в России вплоть до начала XX в. оставалась Святая Русь, а не могущественная западноевропейская цивилизация. XVIII в. внес свои коррективы. Именно тогда в России впервые появляются философские интересы «когда русский ум был затронут идеями французского Просвещения и одновременно идеями просвещенного абсолютизма» [1. С. 209]. Но русская философия конца XIX — начала XX вв., показывает нам продолжение традиций мистического, таинственного постижения бытия, ей был чужд строгий рационализм.

Одним из первых на рубеже XIX–XX вв. проблему понимания человека через обращение к религии поставил перед собой великий русский мыслитель В.С. Соловьев (1853–1900 гг.). В творчестве философа были сформулированы основные мифы и архетипы национального сознания, которые, *во-первых*, обобщили предыдущие искания русской интеллигенции (например, славянофилов и западников), и, *во-вторых*, дали стимул для развития этих идей в будущем XX в. (например, его идея «положительного всеединства» и тема «Богочеловечества»). Так, действуя в общем русле, заданном В.С. Соловьевым, эти идеи продолжали существовать в творчестве таких видных деятелей «русского духовного ренессанса», как С.Н. Булгакова,

П.А. Флоренского, С.Л. Франка, Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева. В области поэзии его идеи существенное влияние оказали на творчество младосимволистов: А.А. Блока, А. Белого, В.И. Иванова и других.

Говоря о философском наследии В.С. Соловьева, необходимо выделить несколько базовых мифов, определивших не только мирозерцание философа, но и дальнейшую парадигму развития русской религиозной философии начала XX в.

Во-первых, главным в его картине мира является космогонический миф, согласно которому в основании Вселенной находится Абсолютное начало, оно надвременно, вечно, статично. С этим первым Абсолютом неразрывно связано «становящееся Абсолютное», то есть весь материальный мир. До появления мира Бог являлся всем, все содержалось в нем, Он заключал в себе возможность к проявлению множественности, был ее источником. Бытие Бога предстает для В.С. Соловьева как «всеединство», то есть такое состояние мира, когда все есть одно. «Как безусловное начало, Бог должен заключать или содержать в себе все в неразрывном и непосредственном субстанциональном единстве... следовательно здесь оно как все не различается актуально, а существует только в возможности, потенциально» [2. С. 94].

Для того, чтобы сущность Бога была действительной, актуальной «...Бог должен не только содержать ее в себе, но и утверждать для себя» [2. С. 94], поэтому Единое выделяет из себя всю множественность, которая является отличным от Него, не становясь внешним, то есть выступает как Его внутреннее объективированное содержание, которое по-разному именуется Соловьевым, как Ум или Логос. Суть этого второго начала в том, что оно не получает реального существования, оно суть идеи, обладающие в тоже время своей отличной от божественной сущностью. Реальное воплощение Единое получает в своей третьей ипостаси — Софии, составляющей чувственную основу мира. Таким образом, Единое сделалось «действительным не только в себе, но и для себя» [2. С. 97]. Сам В.С. Соловьев приводит пример из художественного творчества, говоря о том, что художник, воплощая свою идею в каком-то произведении, не только не теряет часть себя, но, наоборот, «утверждает и полнее осуществляет свою индивидуальность» [2. С. 97]. С появлением множественности, Единое не перестает быть таковым, потому что любая множественность всегда меньше, слабее абсолютного единства, следовательно Единое остается таковым во множественности.

Ключевым элементов космогонии В.С. Соловьева является София, или душа мира, его плоть. Она есть форма присутствия Бога в материальном бытии, то есть его третья ипостась, существующая уже реально, но не идеально. Именно она, являясь душою человечества, призвана привести его к воссоединению с Божеством, единство с которым было разрушено грехопадением. Именно поэтому,

по мысли философа, становление мира не закончилось. Он выдвинул идею эволюции материи, суть которой в постоянной гармонизации бытия: от неживой природы до появления Богочеловечества. Философ признает, что мир был замыслен Богом совершенным, но в реальности это не было сразу воплощено, а непрестанно творится «зизидательным началом природы» — Логосом и божественной мудростью — Софией. То есть человечество постепенно должно стать Богочеловечеством и восстановить утраченную целостность, вновь вернуться в состояние единства с миром, при этом конкретная личность не теряется в Абсолюте, но сохраняет свою индивидуальность.

Во-вторых, следует говорить о концепции Богочеловечества, также занимающей важное место в религиозно-философской системе В.С. Соловьева. Суть ее сводится к следующему. Человек, имея двойную природу, является посредником между божественным и природным миром, и именно ему принадлежит миссия духовного единения мира. Перед человечеством стоит цель стать Богочеловечеством. В.С. Соловьев говорит о том, что Бог наделил человека способностью к творчеству, он может на земле продолжать дело, начатое Богом, связывая свою деятельность с божественными целями, которыми он может проникнуться, постепенно одухотворяясь, стремясь к духовным ценностям.

В-третьих, В.С. Соловьев выступает как создатель «софийной» картины мира. Образ Софии, как Премудрости Божьей, испокон веков существовал в православии. Также этот образ можно соотносить с существованием особого культа матери-земли на Руси. С этим, возможно, связано и наименование ее В.С. Соловьевым, как Вечной Женственности (вслед за И.В. Гете). В религиозном чувстве образ возник, вероятно, из почитания Богородицы, считающейся заступницей русской земли. Поэтому, как отмечал А.Ф. Лосев, можно говорить о том, что актуализация идеи Софии в философии Серебряного века носила национально-русский характер [3. С. 215]. София — божественная сущность мира, она разлита во всей природе. До сотворения материального мира она не была выделена из Всеединого, но после самоопределения Сущего, она предстала как «выраженная, осуществленная идея», нашедшая свое воплощение, наравне с другой ипостасью Бога — Логосом, в Христе. При этом Логос есть выражение божественной сущности, идеи Бога, а София «...есть тело Божие, материя Божества, проникнутая началом божественного единства» [2. С. 128], т. е., другими словами, Логос или Слово есть проявляющийся Бог, а София — проявленная божественная ипостась, начало человечества, и в качестве принципа человеческого существования она присутствует в мире и стремится к объединению всех. Таким образом, Христос, являясь Богом, воплотил в себе всю полноту божественного и человеческого, став, по выражению Священного писания, вторым Адамом. Миф о Софии воедино связывает между собой космогониче-

ский миф и идею Богочеловечества. Приобщение к Софии, к мудрости, любви возводит человека к единению с природой, Богом и космосом. Именно София, как единение, слияние, а не эгоистическое противопоставление человека и природы приводит к «цельной жизни» и выражает соловьевскую концепцию всеединства.

Итак, рассмотрев три основных темы, разрабатываемые В.С. Соловьевым на протяжении всей его жизни, можно сказать, что он в конце XIX в. обновил русскую культуру. Мыслитель после многих десятилетий господства атеистических воззрений на человека и культуру вновь решил заявить о том, что человек духовен. Не то чтобы раньше из русских философов об этом никто не говорил, но именно В.С. Соловьев придал этой проблематике целостную форму. Это было весьма значимо в связи с долгим господством материализма, охватившего всю среду «шестидесятников» и продолжавшего господствовать в начале XX в., например, в социалистических учениях.

Исследуя сущность человека, В.С. Соловьев говорит о том, что каждый человек причастен Божеству и это делает человека свободным выбирать тот или иной путь. Божественность человека делает его способным вырваться за пределы материального мира, по сути своей конечного, тленного, призывает его «искать блаженств, которым нет названия и меры нет» [2. С. 24] — цитирует философ стихи А.А. Фета. Такое свойство человеческой личности В.С. Соловьев называет отрицательной безусловностью или отрицательной божественностью. В таком состоянии человек стремится к целостности жизни, достигнув же ее, человеческая личность достигает состояния положительной безусловности. Отрицательная безусловность человеческой личности имеет значение только, если он будет стремиться к полноте жизни, иначе она «имеет значение безысходного внутреннего противоречия» [2. С. 25]. В таком состоянии, заключает философ, сейчас пребывает современное сознание, находящееся между возможностью к осуществлению своего безусловного содержания и ничтожностью в действительности.

Как и другие философы того времени, В.С. Соловьев констатировал наступление глубокого мировоззренческого кризиса, который охватил всю Европу. Но, в отличие от них, во всеобщем распространении материалистических идей он видел положительные стороны. Философ склонен был считать, что человек, прежде чем воскреснуть, должен сначала низко пасть, в результате чего сможет наконец понять, осознать на собственном опыте, что на основе только разума, на ограничении себя только природными рамками, ничего положительного построить нельзя. Мыслитель так говорит об этом: «... когда западное человечество убедится самым делом, самую историческую действительностью в том, что самоутверждение воли, как бы оно ни проявлялось, есть источник зла и страдания, — тогда пессимизм, поворот к самоотрицанию перейдет из теории в жизнь, тог-

да западное человечество будет готово к принятию религиозного начала, положительного откровения истинной религии» [2. С. 19]. То есть для того, чтобы подойти к чему-то положительному, необходимо пройти стадию отрицания и вынести из нее все уроки, которые помогут убедиться в ошибочности своих прежних убеждений и перейти к новому пониманию себя, построению иной действительности.

По В.С. Соловьеву, процесс гармонизации свойственен всей природе, также он присущ и человеку, который, со временем все более усложняясь, способен к восприятию совершенной религии. «Как внешняя природа лишь постепенно открывается уму человека и человечества, вследствие чего мы должны говорить о развитии опыта и естественной науки, так и божественное начало постепенно открывается сознанию человеческому, и мы должны говорить о развитии религиозного опыта и религиозного мышления» [2. С. 43]. Другими словами, религиозное развитие есть процесс сближения Бога и человека, это богочеловеческий процесс. Именно рождение в мире Христа знаменовало собой последний этап религиозного развития и появление христианства, религии Богочеловечества. Но и само христианство должно пройти разные стадии для того, чтобы в конце концов объединить все человечество. Так, изначально дарованное Богом единство было сначала разрушено отделением восточной церкви от западной в 1054 г., затем разделением уже внутри западной ветви и появлением протестантства, ориентированного не на авторитет церкви, а на собственное истолкование Священного писания, а вследствие этого и на разум.

Исходя из своей идеи постепенной гармонизации бытия, В.С. Соловьев уверен, что со временем должна опять образоваться единая Вселенская церковь, которая есть тело Христово, «являющееся сперва как малый зачаток в виде немногочисленной общины первых христиан, мало-помалу растет и развивается, чтобы в конце времен обнять собою все человечество и всю природу в одном вселенском богочеловеческом организме» [2. С. 187]. Таким образом, философ преодолевает односторонность западников и славянофилов, и в этом его заслуга. Он не выделяет какую-либо конфессию внутри христианства, но критикует их одинаково. Так, он критикует западную церковь за внешнее принятие истины Христовой, заключающееся в том, что вера в Христа не была проведена до конца, и это показала католическая инквизиция, державшаяся на насилии людей, принявших христианство, над людьми, его еще не принявшими. В.С. Соловьев говорит, что злом нельзя привести к добру, иначе добро лишается своей силы.

Протестантство явилось следующим шагом религиозного развития, оно преодолело насилие над человеком, обособив его от авторитета других, и позволило искать Бога самому. Но и здесь не обошлось без крайностей. По мнению философа, на Западе было слишком много человеческого на-

чала, веры в человека, но не в Бога. Провозгласив человека свободным, обладающим правами, западная цивилизация, с одной стороны, приблизила человека к достижению божественности, ибо только на основе свободной воли возможно пребывание с Богом. С другой стороны, она сделала два шага назад, ограничив свободу человека мирскими горизонтами. По выражению самого мыслителя, «эта цивилизация утвердила зараз и бесконечное стремление и невозможность его удовлетворения» [2. С. 25].

Восток, а вместе с ним и Россия, пошел по другому пути. Сохранив Христову истину, по мнению В.С. Соловьева, он не смог ее осуществить, не смог создать культуры истинно христианской, как на Западе была создана антихристианская культура. Здесь, наоборот, было слишком много аскетизма, экзальтации, ухода от мира во внутреннее содержание, которое не смогло развиваться в полной мере и воплотиться в реальности. Философ утверждает, что в православие большинство его членов пришло плененными истиной, но не «сознательным ходом своей внутренней жизни» [2. С. 195], что повлекло за собой отсутствие сильного человеческого элемента, способного «для свободного и разумного проведения Божественного начала во внешнюю действительность» [2. С. 195]. Н.А. Бердяев отмечал, что В.С. Соловьева «мучил недостаток рыцарского духа на православном Востоке» [4. С. 102].

Таким образом, и западная цивилизация, и восточная в отдельности не смогли достичь полноты истины, они — части единого целого. Несвершенство одного из них возможно преодолеть только через обращение к другому и наоборот. По мысли Н.А. Бердяева, для философа «проблема Востока и Запада стала, как проблема соединения двух односторонних правд в высшей полноте, как взаимовосполнение» [4. С. 101]. Для того, чтобы образовалось единое богочеловеческое общество, необходимо полное наличие частей, его составляющих, то есть начал божественного и человеческого. «Отсюда видно, что оба эти исторические направления не только не исключают друг друга, но совершенно необходимы друг для друга» [2. С. 196]. Поэтому нельзя обвинять ни Восток, ни Запад в том, что ни тот, ни другой не смогли достичь полноты жизни, ибо, как отмечает В.С. Соловьев, по закону развития или роста тела Христова этого и не могло произойти сразу же. Высший идеал общества должен быть достигнут, а не дарован, в этом суть исторического процесса.

Каким же образом возможно достижение цельности жизни? И в этом вопросе философ не уповает на Бога, но призывает человека обратиться к себе и на основе эмпирического опыта, путем саморефлексии осознать, что он «... имеет в себе нечто совершенно особенное, совершенно неопределимое внешним образом, не поддающееся никакой формуле и, несмотря на это, налагающее определенный индивидуальный отпечаток на все действия и на все восприятие этой личности» [2. С. 63–64].

Таким образом, путь к Богочеловечеству — это, в первую очередь, путь самопознания и переживания на этом пути религиозного опыта. Осуществление внутреннего поиска приводит человека к познанию им своей сущности, своей идеи и, таким образом, к тождественности самому себе, к самой идентификации. «Утончая технику самонаблюдения, человек приходит к переживанию идеального начала, отличного от своего эмпирического содержания и в то же время тесно с ним связанного в качестве конституирующего принципа» [5. С. 72]. Если же человек полностью отрицает в себе наличие чего-то еще непознанного, идеального, то в таком случае «происходит дезинтеграция личности, которая начинает вести, по выражению Феофана Затворника, всего лишь призрачное существование» [5. С. 73], то есть, по словам В.С. Соловьева, такое существование, где он является только фактом действительности, материальной оболочкой без внутреннего метафизического содержания.

Поэтому современное состояние европейской цивилизации не кажется философу столь уж трагичным, он не нагружает нас пессимистическими настроениями, но дает надежду на то, что в свое время должно закончиться опьянение рационализмом и западное человечество осознает узость своего мировоззрения, почувствует Бога внутри себя и тогда «будет готово к принятию религиозного начала, положительного откровения истинной религии» [2. С. 19]. Именно западная цивилизация, по мнению В.С. Соловьева, положила начало возвращению религиозного чувства в общество. В этом ее главное предназначение.

Из размышлений о человеке вытекают его эсхатологические, отличные от христианских, представления. Дело в том, что В.С. Соловьев не связывает приобретение духа с отказом от материального бытия. В этом плане он тоже придерживается концепции всеединства, говоря о том, что материальное не является таковым без духовного, а духовное не может существовать без своего воплощения в материи. К.В. Мочульский, занимающийся исследованием творчества В.С. Соловьева, по этому поводу говорил, что философу «было свойственно чувство «плоти мира», он проповедовал «христианский материализм» [6. С. 116]. В этом мире, полагает В.С. Соловьев, духовная личность не равнодушна к материальному бытию, но стремится воссоединить эту действительность с божественной истиной, реализовать ее именно в реальном мире. В.С. Соловьев видит цель человечества в достижение «цельной жизни» на земле. В.В. Зеньковский говорит, что «цельная жизнь мыслится В.С. Соловьеву не как благодатное (то есть свыше) преобразование жизни, а как окончательный фазис исторического развития» [7. С. 465].

Как видно, христианская эсхатология на рубеже веков, следуя общим веяниям эпохи, перерабатывается, дополняется мистическими прозрениями философа, по сути своей мифологическими. Преображение мира рассматривается не только

как результат вмешательства Бога, но как совместный труд Бога и человека. Но усиливающиеся эсхатологические настроения, распространяющиеся в обществе, не принесли пессимизма, напротив, увеличили творческую активность людей на пути к преобразению мира.

Подводя окончательный итог, можно сказать, что философия В.С. Соловьева в целом показывает нам пример оптимистического мироощущения. По словам Н.А. Бердяева, философ «... вносит в христианство гуманизм и прогрессизм, обогащает религиозное сознание прогрессивным гуманизмом новых времен» [4. С. 98]. В.С. Соловьев, действуя в русле мифотворческих устремлений эпохи, не просто констатирует состояние мировоззренческого кризиса, не придает этому трагический оттенок и не пытается помочь западной цивилизации быстрее разрушиться до основания, не создав ничего нового, но предлагает свое видение грядущих изменений. Он оставляет человечеству шанс осознать ложность своих убеждений и уже на основе сделанных выводов двигаться вперед. В стремлении изменить мир через изменение человека заключено одно из главных значений духовных исканий Серебряного века, начатых В.С. Соловьевым.

Выводы

На примере творчества В.С. Соловьева показана мифотворческая устремленность эпохи, появление которой связано с ощущением мировоззренческого кризиса на рубеже веков и пониманием необходимости выхода из него. Стремление к изменению действительности выявлено в творческом наследии мыслителя, являющегося идейным вдохновителем последующих исканий Серебряного века. Философ предложил путь изменения не внешних обстоятельств жизни, но указал на необходимость изменения самого существа человека, через осознания им своей сопричастности божественному началу, должному миру, а исходя из этого и огромных возможностей в деле гармонизации бытия путем отказа от эгоистического индивидуального существования и обретения цельной жизни в Боге. На рубеже веков философ создает новую антропологию, жизнеспособность которой может быть выявлена уже в наши дни. Только возврат к истинному религиозному чувству может быть критерием, определяющим, насколько оправданы были ожидания мыслителя в конце XIX в. В этом и заключена актуальность обращения к наследию В.С. Соловьева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев А.Ф. Русская философия // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. — М.: Изд-во политической лит-ры, 1991. — С. 209–237.
2. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. — М.: Академический проспект, 2011. — 293 с.
3. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. — М.: Молодая гвардия, 2000. — 613 с.
4. Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // О Владимире Соловьеве / гл. ред. Е. Кольчужкин. — Томск: Водолей, 1997. — С. 96–117.
5. Иванов В. Мистическая антропология Вл. Соловьева // В. Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию В. Соловьева, 110-летию А.Ф. Лосева / под ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. — М.: Наука, 2005. — С. 68–78.
6. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. — М.: Республика, 1995. — 606 с.
7. Зеньковский В.В. История русской философии. — М.: Раритет, 2001. — 878 с.

Поступила 09.12.2011 г.

УДК 001.18

В ПОИСКАХ НОВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Ю.М. Резник

Институт философии РАН, г. Москва

E-mail: reznik-um@mail.ru

Опираясь на анализ существующих подходов, автор предлагает собственное понимание гражданственности, основанное на положениях трансперсонализма. В этой связи для характеристики предмета изучения вводятся и раскрываются такие понятия, как постгражданская общественность, трансперсональность, дискурсивность, трансэкзистенция и некоторые другие. Основная идея автора заключается в том, чтобы рассматривать гражданское общество не как расширенную публичную сферу, выросшую из недр жизненного мира, а как символическую реальность, конструируемую средствами общественного дискурса на основе трансперсональной активности индивидов, которая характеризуется в терминах «между-бытие», «со-присутствие», «со-вовлеченность».

Ключевые слова:

Гражданское общество, жизненный мир, системный мир, общественность, универсализм, парадигмы существования, становление, родовое развитие, родовый человек, свобода, самоорганизация, рационализм, «всемирное гражданское состояние», глобальное гражданское общество, гражданин мира, жизненная политика, постгражданская общественность, трансперсональность, дискурсивность, идентичность.

Key words:

Civil society, life world, system world, public sphere, universalism, paradigm of existence, becoming, generic development, generic human being, freedom, self-organization, rationality, «global civil status», global civil society, citizen of the world, life politics, post-civil public sphere, transpersonal states, discursiveness, identity.

Вместо предисловия

Тема гражданского общества не теряет своей актуальности вот уже на протяжении полувека. Многие исследователи полагают, что есть один из проектов модерна, выполненный в рамках парадигмы развития. На этом базируются концепции поздней или радикальной современности. В качестве основных идейно-теоретических ориентаций в интерпретации гражданского общества и его идеалов будем рассматривать классический рационализм, новый рационализм и их альтернативу — трансперсонализм.

В классическом рационализме воплощен идеал «родового развития» человечества, выражающий устойчивое стремление субъектов к поиску и реализации универсальных смыслов. Не привычка к общинному укладу делает людей гражданскими субъектами, а их представления о всеобщем бытии в социуме. Всеобщее — это особый способ бытия человека как представителя всего человеческого рода.

С точки зрения нового рационализма, вобравшего в себя ряд идей критической социальной теории, гражданское общество возникает первоначально как идея эмансипации личности от оков социокультурных установлений традиционного общества, ограничивающих ее социальную активность. В новом рационализме, ярким представителем которого является Ю. Хабермас, гражданское общество формируется из потребностей отдельных групп жизненного мира в объединении и организации для защиты общих интересов перед лицом постоянно возникающей экспансии со стороны государства, рыночной экономики, церкви и других институтов системного мира.

Однако новый рационализм в отличие от классического менее склонен к универсалистским предста-

влениям и допускает разнообразие и множественность форм самоорганизации социальных субъектов. Он остается в тисках идеи родового развития человечества, хотя и переопределяет ее в терминах свободы и расширенного социального порядка, основанного на господстве рынка и демократии участия.

Идейной альтернативой нового рационализма в понимании гражданского общества выступает, с моей точки зрения, трансперсонализм, который в отличие от персонализма классического толка, признающего самоценность и уникальность каждой личности и ее право на выбор жизненных стилей, и рационализма, утверждающего универсальные ценности мирового разума (родовое развитие, свободу, справедливость, демократию, рынок и пр.), исходит из идеи взаимопроникновения жизненных миров субъектов и создания нового пространства их взаимодействия, выходящего за пределы данной культуры. Причем данный выход осуществляется не в сферу трансцендентного, а значит всеобщего и всеединого, а в область надиндивидуального существования или метабытия (метакультуры), еще не ставшего всеобщим, но уже и не являющегося частным (индивидуальным или групповым).

Поиски модели гражданского общества: от идеи «всемирного гражданского состояния» к модели глобального сообщества

Процессы глобализации разрушают почву универсализма и готовят основу для сосуществования разнообразных социальных практик и соответствующих им субкультур. Универсальные категории гражданского общества постепенно отходят на второй план, уступая место плюриверсальным ценностям и идеалам.

В последние десятилетия идеалы гражданского общества переосмысливаются теоретиками позднего или радикализованного модерна. Считается, например, что национальные гражданские общества и государства постепенно уходят в прошлое. А само гражданское общество теряет свои национальные и территориальные границы, становясь всё более глобальным и поликультурным. Вместе с расширением сферы влияния гражданского общества и укреплением его роли как основного субъекта социальных изменений на этапе современности происходит глобализация процессов его институционализации. Теоретическую рефлексию этих процессов предложили в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Ю. Хабермас, Н. Луман, А. Турен, Э. Гидденс и другие социальные теоретики.

По мнению Ю. Хабермаса, противоречие между жизненным миром и системой составляет основное содержание общественного развития на современном этапе. В его модели общественности соединяются универсалистские и партикуляристские позиции. Не случайно он делит жизненный мир на две сферы: (1) коммуникации, направленные на частные интересы (частная или приватная сфера); (2) коммуникации, ориентированные на общие интересы (публичная сфера) [1, 2].

Для Ю. Хабермаса гражданское общество вырастает из публичной сферы жизненного мира, а, следовательно, связано, так или иначе, с идеей родового развития. Но не только этим объясняется трансформации гражданского общества.

Во-первых, жизненный мир и гражданское общество (как его институциональное выражение) постоянно подвергаются колонизации через такие системы, как экономика и политика (или рынок и бюрократию). Подобное воздействие ведет к разрушению культуры и порождает различные социальные патологии. Формальная рационализация проникает через экономику и государство в жизненное пространство людей, вызывая нарушения в их коммуникативно-структурированных сферах.

Во-вторых, центр конфликтов смещается постепенно от экономики и политики к сфере культуры и символического воспроизводства. Он уже не регулируется через партии и формальные организации, как в старом гражданском обществе, а проявляется во внеинституциональных, в т. ч. внепарламентских формах протеста. Объектом борьбы становится *стиль жизни* и разнообразные культурные ценности: с одной стороны, повседневная коммуникативная практика жизненного мира подвергается односторонней рационализации в пользу утилитаристского жизненного стиля с его консумизмом, собственническим индивидуализмом, ориентацией на достижение и конкуренцию; с другой стороны, общественная сфера также подпадает под господство административной системы, ориентированной в силу своей специфики на подавление общественного мнения и формирование массовой лояльности.

В-третьих, новые социальные движения (движение за сохранение окружающей среды, за мир, женское движение и пр.), возникающие благодаря самоорганизации гражданского мира, могут защитить жизненный мир от экспансии экономики и государства, которая влечет за собой овеществление и бюрократизацию человеческой коммуникации. Они должны заполнить тот вакуум, который образуется в результате отделения от жизненного мира и обособления так называемых «экспертных культур» (специализированных форм культуры в отличие от обыденной культуры или культуры повседневности).

В этом взгляды Ю. Хабермаса близки позиции А. Турена. Их общий вывод таков: внутри «старого» гражданского общества и жизненного мира возникают силы сопротивления и борьбы с искусственно проводимой государством модернизацией. Поэтому переход к постиндустриальному (информационному) и постлиберальному обществу есть противоречивый и сложный процесс, в ходе которого необходимо учитывать культурную и национальную специфику тех стран, что находятся в самом начале пути.

Следовательно, внутри жизненного пространства формируется новая форма самоорганизации, призванная упорядочить отношения между индивидами и их группами без посредничества системного мира и вмешательства государства. Она имеет своей предпосылкой и основой общественную (публичную) сферу, т. е. разнообразные общественные ассоциации и движения, формирующие общественное мнение или вырабатывающие альтернативный стиль поведения.

С точки зрения Дж. Фридмана, многочисленные трансформации культуры привели к ее частичной или полной утрате, глобальному социокультурному кризису. Так, например, в условиях постмодерна усиливаются тенденции к интеграции объединений и ассоциаций гражданского типа и мультикультурации социального пространства.

Трансформация глобального социального порядка приводит к этнификации культурной идентичности, т. е. рассредоточению центров культурных идеологий на основе этнической консолидации людей. Плюрализм культурных ценностей, релятивизация критериев истинности в социальных сферах — вот далеко неполный итог такой трансформации, направленной против государственно-политического доминирования отдельных наций [3]. В этих условиях этнификация глобального мирового порядка неизбежно сопровождается укреплением международных структур гражданского общества.

На социетальном уровне гражданское общество уже не предстает единым целым, объединяющим различные социальные движения и локальные сообщества на основе универсалистских ценностей («родовое развитие», «свобода», «эмансипация» и т. п.). Оно трансформируется в центр непрерывных дискурсов и коммуникативных практик, опре-

деляющих смысловые ориентации индивидуальных и коллективных субъектов, которые стремятся привнести свою индивидуальность и жизненные стратегии в сложные процессы социальной жизни.

По мнению другого западного социального мыслителя Э. Гидденса, на основе массовой символической интеракции и общей информационной культуры возникает глобальная общественная система. Как считает социальный теоретик, господствующее ранее национальное государство уходит в прошлое. По его мнению, власть осуществляется на уровне локальных, региональных центров, в которых на первый план выдвигаются влиятельные социальные движения и гражданские ассоциации [3. С. 17–18].

В целом предлагаемую Э. Гидденсом модель институционализации современного общества можно условно назвать «глобализмом». Она вырастает из его концепции глобализации социальной жизни, а также из идеи рефлексивной самотрансформирующейся модернизации, которую он разделяет вместе с С. Ласлом и С. Тоулмином и согласно которой источником модернизации современного общества выступает самоосмысление социальной реальности.

Гражданское общество мыслится Э. Гидденсом как широкая система социальных институтов, организаций и движений, преодолевающих узкие рамки и политический диктат национальных государств. Наличие этих движений свидетельствует о неприятии многими индивидами определенных фрагментов существующего социального порядка и их стремлении изменить свое положение или образ жизни.

Организации гражданского общества «систематически аккумулируют и хранят социальную информацию, создавая, таким образом, стабильность условий для социального воспроизводства» [4. С. 77]. Именно с разнообразными социальными движениями гражданского общества Э. Гидденс связывает перемены в современном мире, рассматриваемом в глобальной перспективе. Эти движения «обладают более подвижным характером и более мощным преобразующим потенциалом, так как они противостоят сложившемуся положению вещей и специфическим образом сопряжены с реализацией новых социальных проектов» [4. С. 77–78]. К ним относятся, прежде всего, экологические движения, движения за мир, женские движения и пр.

Гидденс, так же как и Ю. Хабермас, различает *социальную* и *системную интеграцию* общества. Социальная интеграция гражданского общества характеризует его на уровне непосредственного «лицом-к-лицу» взаимодействия и подчеркивает значение соприсутствия или со-бытия индивидов. Она проявляется в системе межличностных отношений людей. Системная интеграция описывает гражданское общество на уровне отношений между коллективностями в раздвинутых пространственно-временных промежутках. В качестве ее

средств Э. Гидденс рассматривает такие институциональные характеристики систем социального взаимодействия, как власть, нормы, санкции, интерпретативные схемы и т. д. [4. С. 30–31].

Содержание процессов институционализации современного общества не исчерпывается количественным приращением социальных изменений. Оно предполагает также, как отмечалось выше, наличие более серьезных структурных изменений в социальном порядке, наступающих по ту сторону модерна, и возникновение новых политических форм жизненной политики.

Политика спускается с олимпа власти на грешную землю. Она становится делом каждого. Другими словами, каждый индивид вправе вырабатывать свою политическую стратегию относительно устройства или переустройства собственной жизни. Гидденс рассматривает *жизненную политику* как преемницу политики эмансипации (либерализм, радикализм, консерватизм и пр.), господствующей в старом гражданском обществе. Новая политика безразлична к условиям или предпосылкам свободы, *ее интересует само содержание свободы как автономного, независимого выбора жизненного пути*. Она утверждается в постгражданской общественности на стадии высокого или радикализированного модерна. В отличие от политики эмансипации, это – политика реализации жизненных стилей, а не жизненных шансов или интересов. Ее задача – создание нравственно оправданных форм социальной жизни, которые будут способствовать самоактуализации «Я» в контексте глобальных взаимозависимостей [4. С. 112].

Таким образом, модель формирования гражданского общества, предлагаемая Э. Гидденсом, разрабатывается с учетом глобальных перемен позднего модерна, когда в значительной мере преодолеваются территориальные и национально-культурные ограничения. Этим объясняется тот факт, что в последние десятилетия в социальной науке все активнее возрождается и разрабатывается идея И. Канта о «всемирном гражданском состоянии» [5]. Ее сторонники (Э. Валлерстайн, Х. Булл, Дж. Розенау и др.) стремятся доказать необходимость глобальной коммуникации, свободной от вмешательства политических субъектов. Это противоречит логике Э. Гидденса, который настаивает на расширении политического пространства.

Так, американский политолог Х. Булл впервые вводит в научный оборот термин «глобальное гражданское общество» [5]. «Это гражданское общество является «глобальным» не только потому, что оно соткано из связей, пересекающих национальные границы и проходящих через «глобальное, внетерриториальное пространство», но и потому, что среди членов глобального гражданского общества набирает силу глобальное мышление» [5. С. 161].

Глобальное или глобалистское мышление – еще одна мифологема, которая, как и «новое мышление», не имеет под собой онтологических оснований. Полагаю, что термины «глобальное» и «вне-

территориальное» не равнозначны по смыслу. Вне-территориальность не означает вовсе расширения границ гражданского общества до масштабов всего мира.

Так что же такое глобальное гражданское общество в понимании сторонников данной концепции? Этим понятием западные исследователи обозначают предельно широкое сообщество людей внеполитического характера, объединяющее ряд однотипных социетальных общностей на основе общих ценностей и представлений об образе (и стилях) жизни для решения общезначимых проблем всего человечества [4. С. 233]. Основой такого общества выступают различные движения и организации в защиту окружающей среды, мира, прав человека и культурной самобытности коренного населения. Они в значительно большей степени, чем государственные системы, располагают свободой в создании новых политических и культурных пространств, объединяющих людей, которые разделены своим местоположением и гражданством, в единые социальные сети [4].

В приведенном выше определении вызывает возражение сразу несколько формулировок, в том числе «однотипные общности», «общие ценности», «общезначимые проблемы». Здесь опять просматривается логика универсализма. Однотипных общностей не бывает, равно как и общих для всех ценностей. Всё зависит от контекста или фрагмента реальности, которую мы воспринимаем и переживаем по-своему. Каждая общность формирует собственные ценности, поддерживая у своих членов чувство идентичности.

В целом модели гражданского общества, предложенные и обоснованные Ю. Хабермасом и Э. Гидденсом, можно считать «переходными» от классических к постклассическим. Они описывали ситуацию позднего или радикализованного модерна. В свою очередь теоретики постмодерна не предложили собственной модели гражданского общества, отрицая под тем или иным предлогом значение социальности.

С моей точки зрения, такое общество становится не столько глобальным, сколько постгражданским, впитывая в себя черты эпохи глобализации и расширяя пространство самоорганизации разнообразных субъектов. На это обращают внимание многие исследователи, подчеркивающие структурные изменения гражданского общества в условиях глобализации современного мира. Поэтому мне остается, опираясь на указанные подходы, обосновать основные черты постгражданской общественности.

Постгражданская общественность: от идеалов к реальности

Понятие «гражданская общественность», детально разработанное Ю. Хабермасом, не исключает, а наоборот, предполагает развитие государственной общественности как легитимной, опирающейся на силу права, системы власти, предста-

вляющей интересы большинства населения. Если в классических концепциях государственная общественность и общественность самодеятельных институтов и организаций взаимно дополняют и уравнивают друг друга, то в теориях постсовременности дилемма «государство – гражданское общество» вообще теряет свой смысл.

Общественность возникает, согласно Ю. Хабермасу, значительно раньше, чем появляется развитое гражданское общество. Она имеет место уже в Античности и Средневековье, выступая в виде репрезентативной общественности. Современному гражданскому обществу соответствует либеральная модель общественности, описанная в книге Ю. Хабермаса «Структурные изменения общественности» [6]. Именно она характеризуется еще большей подвижностью, спонтанностью, открытостью и ориентацией на поиск взаимопонимания. Спонтанность как специфический признак новой общественности означает ее свободное формирование, текучесть и изменчивость. Она же представляет собой и основную «внутреннюю» опасность для «старого» гражданского общества, которое продолжает выяснять свои отношения с государством.

Основное предназначение общественности нового типа (назовем ее в отличие от Ю. Хабермаса постлиберальной или постгражданской) заключается, с одной стороны, в том, чтобы «постоянно способствовать установлению широких, многомерных связей коммуникации...», а, с другой стороны, в том, чтобы создавать и поддерживать свои автономные формирования, «действующие организовано, сплоченно, цивилизованно, политически грамотно» [7. С. 126].

С точки зрения Ю. Хабермаса, развивавшего далее либеральную модель гражданского общества, угроза для существования общественности исходит не от частной сферы как таковой, а от бюрократических структур государства, паразитирующих на теле общественности и подавляющих частные интересы негосударственных структур. Старое гражданское общество стремится выразить все разнообразие частных интересов. Вот почему развитие либеральной гражданской общественности предполагает, *во-первых*, демократизацию государственной жизни, а *во-вторых*, автономизацию общественной сферы жизненного мира путем создания небюрократических форм коммуникации.

Новая гражданская общественность в отличие от либеральной, вырастая в недрах жизненного мира, противостоит уже не только государству, но и сфере частных интересов. Она *трансперсональна* по сути и не имеет четко выраженной личностной окраски. Трансперсональность означает также противоположность универсализму гражданских структур и идее родового развития. Последние нельзя тиражировать и распространять по всему миру подобно представлениям о «подлинной демократии» или национальным интересам одного из самых мощных государств мира.

Трансперсональность как между-бытие людей, их интересубъективная реальность, коренящаяся в бессубъектности, «привязана» скорее к группам и другим социальным образованиям, чем к личности. Она распространяется через каналы общественного мнения, выражая не чьи-то конкретные интересы и не «всеобщее» или «родовое» начало, якобы заложенное в природе человека, а то, что объединяет членов данной группы или сообщества, наполняет смыслом их совместную жизнь. В отличие от этоса группы как ее самосознания, трансперсональность имеет своим источником структуру коллективного бессознательного.

В своих последних публикациях Ю. Хабермас приходит к выводу, что на состояние общественности гораздо более серьезным образом, чем казалось ранее, воздействуют средства массовой информации. Это — общественность, структурируемая и направляемая во многом СМИ [7. С. 172]. Вместе с тем, по его мнению, усиливается плюрализм социальных движений, предполагающий широкую панораму конкурирующих жизненных программ, борьба за реализацию которых ведется или должна вестись средствами рационального дискурса.

Следовательно, еще одним (помимо трансперсональности) признаком постлиберальной гражданской общественности выступает *дискурсивность*. Тем самым меняется онтология данного феномена. Вместо формы выражения общих (в том числе родовых) интересов или продвижения частных интересов она превращается в способ производства стилевых различий, а не особого рода благ — публичных (как например, в либеральной общественности), связанных лишь опосредованно со стилем жизни разных социальных групп [8]. Одно из таких благ либерального гражданского общества — право человека на тот или иной образ жизни, который он выбирает среди множества других.

В конце XX в. гражданская общественность начинает все больше тяготеть к непарламентским формам социального и политического участия граждан. В системном мире ей соответствует так называемая «делиберативная» модель демократии — модель коммуникативного дискурса, обсуждения, аргументированных споров, форумов. «Нормативная модель делиберативной демократии, — подчеркивает А. Денежкин, — опирается на идеал сообщества свободных и равных индивидов, которые в политической коммуникации определяют формы своей совместной жизни» [8]. По сути дела возникает новый тип общественности, основанной на демократическом дискурсе.

Итак, в понимании Ю. Хабермаса гражданская общественность есть форма самоорганизации жизненного мира, конституирующая разнообразные институты и объединения в процессе взаимодействия с системным миром и, прежде всего, с экономикой и государством. На мой взгляд, ей на смену приходит постгражданская общественность, которая порождает различные формы социокультурного дискурса и соответствует делиберативной

модели демократии. Она формирует в свою очередь особую символическую реальность.

Следовательно, Ю. Хабермас вплотную подошел к конструированию постлиберальной общественности, но сфокусировался вокруг обсуждения этических проблем. В либеральной модели общественное мнение состоит из агрегированных индивидуальных мнений и мнение большинства не более важно, чем мнение меньшинства, включая учет индивидуального голоса. «При этом неважно, базируется какое-либо из этих мнений на рациональном дискурсе или нет» [9. С. 58].

В концепции коммуникативного действия Ю. Хабермас делает акцент на развитии символических и этических аспектов социального взаимодействия. Ее последователи склонны сводить гражданское общество к малым сообществам («*the community*») или публичной сфере. Но дело не только в поиске условий для достижения взаимопонимания в сообществах, но и в определении принципов формирования новой общественности.

Как считает один из отечественных исследователей О.И. Ефимов, функцией последней является тематизация принципов общественного договора и рефлексия прав человека в разных сферах общественной жизни. Такая общественность реализует своеобразный символический код коллективной *идентичности*, выступающей еще одним его существенным признаком. Последняя характеризует причастность не к определенным группам, имеющим свои интересы, как старое гражданское общество и свойственная ему репрезентативная форма демократии, а к разного рода тематическим или проблемным дискурсам. Именно данная особенность новой общественности объясняет роль интернет-сетей в самоорганизации российских граждан в различные протестные формы в ходе и после избирательной кампании 2011 г.

Таким образом, в ходе анализа мы получаем следующую конфигурацию признаков постгражданской (и постлиберальной) общественности: *трансперсональность* (как внесубъектность и между-бытие индивидов) — *дискурсивность* (как производство символической реальности, соответствующей этосу группы) — *идентичность* (в данном случае — осознанная причастность образу жизни конкретной группы). Причем идентификация не имеет границ. Она может быть глобальной по своему масштабу.

Остановимся вкратце на характеристике первого признака, который своим происхождением обязан трансперсонализму, прокладывающему свой путь между универсализмом рационализма (идеей всеобщего или родового развития как «высшей» формой бытия) и партикуляризмом постмодернизма (идеями децентрализации, множественности культурных центров, деконструкции, уникальности и индивидуального своеобразия человеческого бытия), формируя постепенно новое концептуальное поле исследований.

Трансперсонализм только начинает складываться как междисциплинарная исследовательская программа и концептуальная система, преодолевающая эпистемологические рамки универсализма и партикуляризма. Между экзистенцией как самобытием личности, соразмерной миру, и трансценденцией как бытием всеобщего, проявляющегося в культуре и растворяющего индивидуальность, возникает пограничная область исследования. Ее название и концептуальные рамки еще не определены, равно как и отсутствует пока единый категориальный аппарат.

Трансперсональная реальность гораздо точнее выражает онтологический смысл постгражданской общественности, определяя ее в терминах «между-бытия», «со-бытия», «со-присутствия», «со-вовлеченности». Такая реальность, хотя и теряет ярко выраженную личностную окраску, не становится анонимной. У нее имеются свои носители — различные формы коллективной идентичности, к которым примыкают (или не примыкают) отдельные индивиды, основываясь на собственном выборе. В качестве рабочего инструмента я пока буду использовать понятие «трансэкзистенции», которое не имеет четких коннотаций и может быть определено буквально как «между-бытие», «сквозное существование». Частным случаем трансэкзистенции выступает «бытие-через-другого».

Трансперсональность характеризует не только прозрачность намерений и действий коллективных субъектов, но и особенности коллективного бессознательного, выражающегося в неосознанном (или полусознанном) стремлении быть вместе ради воплощения общезначимой идеи или реализации социального проекта. Вместе с тем она дополняет рациональный дискурс как вполне очевидный атрибутивный признак публичной сферы (которая может быть и негражданской) другими средствами взаимопроникновения и взаимопогружения субъектов. Не общие интересы и цели, не ценности и нормы формируют у них чувство коллективной идентичности, а желание быть вместе и ощущение комфорта общения с конкретными индивидами или группами. Все это, так или иначе, указывает на новое качество социального взаимодействия, которое в случае гражданского общения приобретает такой существенный признак, как погружение в мир иного опыта совместной деятельности. Суть его заключается не в переживании трансцендентного и не в достижении взаимопонимания в акте коммуникативного действия, на чем настаивает Ю. Хабермас и его сторонники, а в выходе в пространство «мерцающих» смыслов и «ускользающих» истин, где ничто и никто не вечны, где гораздо больше подразумевается, чем осмысливается рациональным образом. Важным признаком трансперсональности применительно к анализу постгражданской общественности выступает предчувствие еще не содеянного, избегание окончательных решений во имя поиска взаимоприемлемых вариантов коллективного действия.

Одним из проявлений трансперсональности становится жизненное (в т.ч. социальное) предназначение человека, которое не может быть определено субъективно или привнесено из внешней среды. И то, и другое является чуждым его природе, если таковая вообще существует. Понять собственное предназначение трудно, полагаясь лишь на субъективный опыт, социальные предписания или указания «свыше» (намек на божественное происхождение). Необходимо что-то еще. И этим что-то, возможно, выступает опыт погружения в пространство между-бытия, в котором соединяются («сцепляются») друг с другом разные опыты и системы ориентаций, уже не индивидуальные, но еще не социальные. Трансперсональность интерсубъективна по форме и интеробъективна по содержанию. В ней нет общих смыслов и намерений, а имеются лишь предчувствия и различные инаковости. Но именно данная особенность делает ее пригодной для построения «мостиков» и связующих «узлов» гражданской реальности.

Таким образом, цель трансперсонализма — концептуализация пограничной сферы взаимодействия субъектов, находящейся между экзистенцией персональной реальности (реализацией рефлексивного проекта «Я») и трансценденцией социокультурной реальности (актуализацией всеобщих смыслов и ценностей). Это — пространство взаимопроникновения и пересечения личностей как автономных субъектов, в котором происходят процессы их десоциализации (как снятия привнесенных социумом и культурой наслоений и напластований, деформирующих сознание людей и отвлекающих их от собственного жизненного предназначения), деперсонализации (как преодоления издержек эгоцентризма, а не абсолютного обезличивания) и дегенерализации (как разобобщения их сущностей и дальнейшего преобразования в сущности второго, третьего и т.д. порядка), находящиеся между коллективными и индивидуальными субъектностями.

Именно такой подход я рассматриваю в качестве новой методологии исследования гражданского, а точнее — постгражданского (или трансперсонального) общества. В отличие от формальной социальности как вынужденной совместности, связывающей людей общими (и чаще всего — навязанными им извне) ценностями и нормами, новая форма совместного существования не может быть определена в терминах классического рационализма или постмодернизма. Она предполагает поиск других концептуальных средств анализа гражданской социальности.

Необходимо выработать иные принципы и подходы к исследованию гражданского общества и других общественных явлений. Становится очевидным, что понимание данного общества в терминах социальной или персональной реальности уже недостаточно. Они искажают его картину и, кроме того, за ними тянется шлейф старых концепций и подходов. Постигнет ли такая участь трансперсональный подход, покажет жизнь. А пока еще остается возможность для его дальнейшей конкретизации и апробации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиновьев А.О. Роль дискурса в организации политических позиций // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — Т. 6. — № 4. — С. 130–145.
2. Резник Ю.М. Глобальное гражданское общество // Глобалистика: Энциклопедический словарь. — М.: Радуга, 2003. — 233 с.
3. Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна. Научно-аналитический обзор / Отв. ред. Ю.А. Кимелев; Ред.-сост. Н.Л. Полякова. — М.: ИНИОН РАН, 1996. — 66 с.
4. Современная западная теоретическая социология. Вып. 3. Э. Гидденс. Реф. сб. / Отв. ред. Ю.А. Кимелев; Ред.-сост. Н.Л. Полякова. — М.: ИНИОН, 1995. — 155 с.
5. Макарычев А.С., Сергунин А.А. Постмодернизм и западная политическая наука // Социально-политический журнал. — 1996. — № 3. — С. 151–168.
6. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. — Cambridge, MA: MIT Press., 1989. — 326 p.
7. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г.). — М.: Наука, 1992. — 324 с.
8. Полит.ру. Экономические основания гражданских институтов. Лекция Александра Аузана. 2007. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2004/05/19/auzan.html> (дата обращения: 16.03.2012).
9. Schulz W. Changes of Mass Media and the Public Sphere // Javnost The Public. — 1997. — V. 4. — № 2. — С. 57–69.

Поступила 16.03.2012 г.

УДК 174.4

ОБРАЗОВАНИЕ В РАКУРСЕ ФИЛОСОФИИ УСПЕХА

С.Н. Степанова

Филиал Российского государственного социального университета в г. Сургуте

E-mail: svetlanamargo@mail.ru

Предлагается к обсуждению проблема интерпретации понятия «успех», а также позиции для философского анализа проблемы успешности личности. Актуализируется наличие внутреннего потенциала личности, ресурсных возможностей человека, способности его к самореализации и адаптации к социальному окружению и профессиональной среде.

Ключевые слова:

Успех, успешная личность, успешная деятельность, самоидентификация личности, карьера, стремление к самореализации.

Key words:

Success, the successful person, successful activity, self-identification of the person, an open-cast mine, aspiration to self-realization.

Понятие «успех» с позиций современной философии и методологии научного познания, находящихся в состоянии трансформации, не может быть формализовано и определено раз и навсегда. Философский анализ проблемы успешности может быть представлен в нескольких направлениях:

- с позиций исторически изменяющегося содержания понятий «успех», «успешная личность», «успешная деятельность»;
- с позиций социокультурной значимости исследования феномена успеха и его гносеологического анализа;
- с позиций социально-психологического анализа;
- с позиций обыденных смыслов, имеющих отношение к самоидентификации личности, её самооценке, характеристике индивидуального жизненного пути и т. п.

Отметим, что на стадии глобализации кросс-культурное взаимодействие представляет собой своего рода предпосылку для того, чтобы подойти к категории «успех» с позиции комплексного междисциплинарного подхода и взглянуть на успех как на жизненную стратегию человека. В самом деле, является ли успех внешним выражением материального благополучия, карьерного роста, славы?

Или этот категориальный конструкт представляется нам полисмысловым и его можно интерпретировать через обращение к категории деятельности, воли к достижению, самооценки, самосознания, личностной самоидентификации? Эти вопросы в той или иной мере затрагивали в своих трудах Р. Декарт, М. Хайдеггер, П. Рикер, Г.В.Ф. Гегель, Ю. Хабермас, Л. Витгенштейн, Д.Н. Узнадзе, И.С. Кон, М.М. Мамардашвили, В.С. Степин, Т.И. Ойзерман, В.А. Лекторский, В.М. Розин и многие другие [1–11].

Для описания личности, которая квалифицируется как успешная, необходимо дополнение языка социальных категорий категориями экзистенциального характера. Данный подход позволяет выделить онтологический план понятия «успех» и рассматривать его как способ бытия в модусе подлинного, то есть бытия собой. Человек выбирает свой путь посредством свободного выбора, но выбор, как полагает Ж.-П. Сартр, не случаен, он определен ценностью вещей, которых он касается, поэтому нет объективных ценностей, и только выбор человека создает их. Г. Марсель, напротив, утверждает, что выбор — это ответ на уже имеющуюся ценность предметов, и в сущности че-

ловека заложена потребность «перерасти» границы своего бытия. Как можно заметить, представление о человеке строится как о существе деятельном, человеку пути и возможностей. Быть успешным есть способ бытия подлинным.

Смысл и содержание успешности объясняет наличие внутреннего потенциала, ресурсных возможностей человека, возможностей его самореализации в социально-профессиональной среде. Сегодня контекст понимания смысла успешности личности сближается с понятиями «личностный рост», «самореализация», «самоактуализация», «самоудовлетворенность в деятельности», «личностная, индивидуальная, профессиональная компетентность», «система регуляции социального поведения». Пространство этих понятий содержит в себе основания для мотивирования, автономности, критичности, рефлексии процесса самодостраивания личностных структур осознания успешности как ценности личности. В традиционном понимании общества и культуры, теоретическая модель которых предполагала единство субстанционального центра, индивидуальный успех мог реализовываться в русле социальных ориентиров, образцов и идеалов. В случае личностного соответствия им, индивидуальный успех обеспечивался в заданных обществом характеристиках. Человеком успешным считался тот, кто усваивал общественные идеалы, мог возвести себя или быть возведенным к ним.

Сегодня в эпоху глобализации и информационных коммуникаций отсутствует однолинейная траектория, ведущая к абсолютной идее успеха, идее, которой было бы подчинено развитие общества в целом и каждого человека в отдельности. Легитимированы индивидуальные пути профессионального и личностного роста, снята жесткость заданных внешних показателей успешности и раскрепощено внутреннее начало в ощущении себя как успешного. Конкуренция, как принцип развития, предполагает конкурентоспособного, то есть успешного человека, актуализируя разработку темы успеха в социокультурном и социально-философском плане. Кроме того, современность в ее новом реальном и концептуальном состоянии «подталкивает» к постановке не только теоретического вопроса относительно «человека успешного», но и к решению практических проблем по разработке и реализации конкретных способов достижения успеха.

Легитимация понятий «карьера», «успех», «стремление к самореализации» вызывает необходимость определения и выявления возможных путей их адекватного предметно-реального содержательного наполнения. Исследователи часто сталкиваются с противоречием. С одной стороны, успех, чаще всего, связывается с внешними показателями жизни. В качестве критериев успеха и «человека успешного» выделяется материальная сторона человеческой жизнедеятельности (деньги, статус, слава). С другой стороны, определяя успех,

обращаются к внутреннему человеческому самоощущению удовлетворенности, интересу к жизни, активности, нравственно-духовному состоянию. Решение исходит из понимания специфики способа человеческого бытия, каким является образование. Как выражение рефлексивной способности к трансцендированию, образование определяет человека в плане его постоянного движения к иному, к себе как иному. Бесконечная демаркация пределов делает человека неопределяемым и постоянно образующимся. Человек никогда не есть ставшее и законченное существование. Он всегда образуется (определяется), всегда находит себя лишь в возможности стать человеком.

Образование может быть рассмотрено также и в плане социокультурного института, который профессионально занят формированием человека, его внешних отношений с миром и его собственного внутреннего мира. Так понимаемое образование позволяет найти подходы к решению указанного противоречия: действительно, каким образом двойственная природа образования, как онтологической характеристики человека и как социального института, способствует становлению «человека успешного»? Решение поставленной проблемы возможно через ответы на следующие вопросы: каков способ концептуализации понятия «успех»? Каковы формы социокультурной репрезентации успеха сегодня? Каковы критерии «человека успешного» в современном мире? Почему образование, понимаемое не только в плане социальной институционализации, но и в плане *способа бытия* человека в мире является той культурной нишей, в которой образуется человек успешный? Наконец, если образование берет на себя функцию социально и личностно образующей институции, то на каких философских основаниях оно может базироваться, чтобы способствовать становлению успешности?

Тема успеха не относится к числу хорошо разработанных в отечественной литературе, поскольку сама категория «успех» и смежные с ней понятия «карьера», «свое дело», «бизнес», «деньги», «статус» и подобные не имели ранее теоретической легитимности.

Исследования философского характера, посвященные понятию «успех», фактически отсутствуют. Рассуждения об успехе и успешности можно встретить в источниках ненаучного публицистического характера, например, в работах авторов, дающих рецепты достижения карьерного успеха, формирования личной эффективности, объясняющих различные образовательные практики или тренинги. В предлагаемых концепциях успех рассматривается как нечто самопонятное, полагающее установленные значения и смыслы. Изучение социального значения понимания успеха в американской традиции позволяет понять его концептуальную составляющую, выявить причины популяризации и возведения успеха в ранг национальной идеологии США. Следует отметить, что общим практи-

чески для всех работ является отсутствие авторского обращения к философско-антропологическим основаниям успеха. Успех рассматривается как понятие, которое определяют внешние маркеры: богатство, деньги, слава, признание и другое.

В отличие от американского прагматизма, русская философская традиция акцентирует внимание на внутренних, экзистенциальных факторах бытия человека. Среди представителей русской философии близкими по видению данных проблем в экзистенциальном ракурсе можно назвать Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Г. Флоровского. Среди современных российских авторов, которые обращаются к проблеме формирования человека успешного, Г.П. Щедровицкий, М.М. Мамардашвили, Г.И. Петрова и другие. Указанные авторы в качестве среды, в которой осуществляется становление человека, называют образование. Образование рассматривается не только как социальный институт, но, прежде всего, как форма человеческого бытия, продуцирующая человека успешного. В работах, посвященных проблемам управления, успех выступает в качестве стратегии и тактики управленческой деятельности организаций различного уровня. Особое значение имеют идеи М. Хайдеггера [10] относительно модуса «подлинного-неподлинного», в методологических рамках которого можно продуктивно осуществлять исследование успеха, и М. Шелера [11], который антропологически рассмотрел образование как форму человеческого бытия. Среди отечественных авторов идеи Н.А. Бердяева послужили основой для экзистенциального видения успеха.

На основе подхода к образованию как способу человеческого бытия, реализуемому посредством одноименного социального института, можно обосновать экзистенциальную социокультурную практику движения к успеху и становления «человека успешного». Если образование — это та среда и способ, которые способствуют изменению, трансформации, саморазворачиванию личности, то потребность в успехе — это стремление к самому себе как «Я-успешному». Экзистенциальный модус успеха как способ «бытия *собой*» не является актуальным для массового образования. Однако, через обращение к индивидуальным образовательным практикам, современным техникам заботы о себе можно обнаружить и активизировать модус подлинности, результатом чего становится изменение, трансформация — преображение субъекта. Экспликация культурно-исторических контекстов «американского» и «русского», позволяет выделить два противоположных видения успеха. Так, в аспекте онтологического статуса религии в повседневной практике американцев отличает прагматизм и инструментализм. Религия — руководство для экономического устройства жизни, а вера — средство для достижения успеха. Религиозность определяется тем, насколько хорошо выполнены социальные предписания, насколько человек реализован в профессиональной сфере. Причем, в американском

контексте важны индивидуальные достижения (Бог спрашивает с конкретного индивида) и отсутствует представление о коллективном успехе.

На этой идее строится социальное обоснование американского успеха. Американская демократия — это объединение автономных индивидов на основе равных прав («*equal opportunities*»), способствующей конституированию среднего класса («*middle class*»). Принадлежность к среднему классу обеспечивает как равенство стартовых позиций, так и путей в достижении успеха. Однако далеко не каждый избран богом и, следовательно, признан обществом, а лишь тот, кто добивается успеха. И поэтому общество оказывается структурированным на основании экономического показателя, на материальных критериях и рациональных механизмах успешности. Успех детерминирован внешними маркерами, такими, как деньги, слава, статус. Таким образом, для американского варианта характерно единство между представлениями об успехе и их реализацией на практике.

В противоположность этому русский человек разделяет профанную и сакральную сферы. Религия не может использоваться в прагматических целях, для русского она — та сфера, где он может быть другим, действительно духовным. А поскольку Бог «оценивает» по духовным, а не реальным устремлениям, то повседневная практика не ангажирована религиозными принципами. Поэтому, в социальной жизни, оказывается, нет мотивации быть преуспевающим. Наоборот, Бог любит больше убогих и несчастных. В России исторически не сложилось демократической традиции. Строгая иерархия, жесткое деление на сословия, почитание авторитета во всех его проявлениях объективно создавали ситуацию ограниченных возможностей и непреодолимых трудностей в достижении успеха. Для русского человека государство выступало внешним фактором как некий тоталитет, противостоящий индивиду и осуществляющий непрерывный и непреложный надзор. Поэтому не была оправданной и постановка вопроса о социальном равенстве в путях достижения успеха. Единственной сферой реализации своего «Я» для русского человека неизбежно оказывалась его внутренняя, духовная жизнь, над которой государство не имело контроля. Этим можно объяснить и глубокую религиозность русского народа, и интерес, и углубление в экзистенциальные основания как единственные сферы, в которых человек ощущал себя свободным. Невозможность внешнего успеха русский человек компенсирует духовным богатством.

В отличие от желания американца рассчитать, распланировать собственную жизнь, получить гарантии реализации намеченного, для русского характерно устремление к бесконечному и умаление значения сегодняшнего момента жизни в настоящем. Поэтому странничество как состояние постоянного поиска, открытость миру представляет собой русский вариант творческой самореализации. Неуспокоенность, открытость, устремлен-

ность в будущее объясняет понимание успеха как иррационального — удаchi. Нарушение правил, а не следование им — интуитивный способ достижения успеха в русском мировосприятии. Он контрастирует с рациональным, просчитанным путем к успеху у американцев, поэтому профессиональная сфера является определяющей для реализации успешности. Для русского человека его работа ценна не сама по себе, а лишь поскольку в ней присутствует духовное начало, служение людям. Общечеловеческая ответственность друг перед другом определяет успешность. Человек успешен постольку, поскольку все рядом успешны, и наоборот. Нет индивидуализма как отделенности, все ответственные за всех, а личность и общество в идеале представляют собой единое органичное целое. Таким образом, в русском культурном контексте не существует единства между экзистенциальным содержанием успеха и его внешней социальной проявленностью. Реальность являет униженность и оскорбленность русского народа, подавление личности обществом и государством.

Успех предполагает конкретную личность, обладающую экзистенцией. Поэтому для описания личности, которая квалифицируется как успешная, необходимо дополнение языка социальных категорий категориями экзистенциального характера. Данный подход позволяет выделить онтологический план понятия «успех» и рассматривать его как способ бытия в модусе «подлинного», то есть бытия «собой». Быть успешным — способ бытия подлинным. Понятие «подлинного» вводится М. Хайдеггером [10] как системообразующее для понимания и раскрытия специфики человеческого бытия. *Dasein* как универсальное понятие раскрывает инвариант существования человека в его возможности.

Потенциальность осуществления и проявления является определяющей характеристикой подлинности. В этом смысле характерно объяснение бытия через использование понятий *Dasman* как «наличествующее» в анонимности и усредненности и *Dasein* как «бытийное», то есть подлинно личностное и ответственное за свою «самость». «Вот-бытие», по сути, не обладает содержательными характеристиками, оно не есть «Что», полный перечень которого можно составить, но обозначает «Как» исполняется жизнедеятельность *Dasein*. Успешность аналогичным образом не может быть определена в содержательных терминах. Следует говорить не о «Что», составляющих успеха, но, скорее об успехе в глагольной или прилагательной форме «Как» свершения, модуса осуществления и реализации.

Бытие успешным как бытие подлинным предполагает обнаружение смыслов существования в ответственности «бытия собой» в каждой конкретной ситуации. В процессе свершаемых действий между двумя полюсами «успеха» и «неуспеха» осуществляется реальная жизнедеятельность — успешная (активный выбор себя) и неуспешная (пассивное восприятие). В приближении к тому

или другому полюсу определяется человек. Как указывает М. Хайдеггер, подлинность бытия не является отсутствием неподлинности, но пониманием *Dasein* своего выбора между этими полярными модусами, которые суть его собственные возможности [10. С. 210].

Неподлинность — не отсутствие подлинности, но только забвение вот-бытием этого выбора. Неподлинность не редуцируется, нельзя отказаться от своего собственного бытия. Но актуализация неподлинности в горизонте *Dasein* дает возможность осознания своей историчности, или временности. В результате происходит освобождение от чужих проектов и созидание своего собственного, подлинного. Существует выбор, или следовать только голосу своих желаний и не реагировать на мнение мира, или выполнять заказы общества, которые могут быть выгодными моделями существования. Возможно, при реализации себя должен функционировать принцип «неуничтожения моей подлинности миром».

Таким образом, анализ концепта подлинности аргументирует возможность его использования в качестве конституирующего для понимания природы успеха. В этом случае подлинность как внимательное экзистенциальное отношение к *своему* дополняется слышанием социального контекста. Успешный человек — тот, кто *до-спел* личностно и *у-спел* социально. В этом смысле успешен тот, кто убеждает мир в значимости своего жизненного проекта. Исходя из этого, можно утверждать, что природа успеха может быть рассмотрена в контексте образования, поскольку именно в образовании и средствами образования человек становится успешным. Посредством образования осуществляется становление, развитие личности, происходит разворачивание ее потенциала, раскрытие духовного начала. В образовательном способе бытия раскрывается человеческая экзистенция, вне контекста которой невозможно развитие человека вообще и его успешности, в частности. Поскольку жизнь человека выходит за рамки витальности, а включенность в образовательный процесс позволяет постоянно раздвигать человеческое пространство и выводить за пределы данности, то именно образование ухватывает сущностную составляющую человека — его развитие, трансцендирование как постоянное самопреодоление, выход за границы самого себя. Человек есть становление человеческого в человеке, образование самого себя. Поэтому образование и предстает как способ бытия, а сущностная способность человека к трансцендированию — как способность к образованию.

Образование, понимаемое как способ бытия человека, в реальной социальной действительности приобретает характер институции и является адекватной средой формирования и становления человека успешного. Социальный институт образования позволяет обнаружить индивидуальный потенциал человека и конвертировать его в реальную действительность. Его основная задача состоит

в актуализации человеческой подлинности, что только и может способствовать выбору успешного жизненного пути. Массовые образовательные практики ограничены в решении этой задачи. Экзистенциальный потенциал человека может быть развернут в индивидуальных образовательных практиках, когда за каждым человеком оставляется право на проявление (обнаружение) *своего* и на *свой* способ презентации (выражения) *своего*.

Ситуация, в которой сегодня находит себя человек, характеризуется постоянством движения и изменения, неопределенностью вектора развития, бездоминантностью культуры. Отсутствие внешней доминантной культурной идеи, которая прежде задавала перспективу развития, ставит человека перед выбором и необходимостью самоопределения. От того, какой человек и насколько успешно осуществляет собственную деятельность, зависит состояние культуры. Так актуализируется проблема техник самого человека, его заботы о себе. Постоянные изменения, на которые обречен современный человек, необходимость адаптации к ним предполагают готовность к ним, способность успевать за ними, опережать их, преуспевать. Успешным становится человек, озабоченный и способный осуществлять свой выбор, то есть задумывающийся о себе и понимающий себя.

Формирование рефлексивной способности является определяющей и конституирующей в техниках заботы о себе. М. Фуко рассматривает техники понимания себя как заботу о своей душе в отличие от техник подчинения, целью которых является «вписанность» человека в социум, «всеподнадзорность» [7. С. 132]. Забота о душе, о духовности индивидуальна и уникальна для каждого. Она выражается не только в познании духовного, но и в реальном изменении, преображении человека в результате познания и самопознания. Забота о себе является образовательным способом активизации успешности человека, находящегося в подлинном модусе бытия и стремящегося к социальному утверждению своего экзистенциального проекта. Именно принцип «озабочивания» собственным потенциалом есть стремление реального подтверждения и социальной значимости жизненного проекта. Забота как неуспокоенность достигнутым результатом, беспрестанное внимание к внутреннему и внешнему миру ориентирует на действенное, то есть продуктивное проживание собственной жизни.

По нашему мнению, именно активность индивида и система предпочтений, рождающая смыслы его бытия, выступают векторами, образующими структуру информационной матрицы образовательного процесса человека. Системообразующими основаниями, формирующими информационную матрицу образования, выступают аксиологи-

ческие основания (ценности, ценностные смыслы, цели), включающие рефлексию субъекта, и обуславливающие выбор действий индивидом. Выбор является одновременно процессом, деятельностью, результатом и выступает средством образования – ценностно-ориентированным, содержательным, предметным. Таким образом, чем шире образовательные действия опираются на внутреннюю сферу личности, тем выше результат образования (обучения, воспитания).

Решая собственные экзистенциальные задачи, человек образовывает себя в соответствии со своими потребностями, интересами, обстоятельствами, что отражается в информационной матрице образования как интенция стремлений человеческой сущности. В координате векторов «ценность – активность» созидательный тип самоопределения характеризуется проявлением перспективно-творческих смысложизненных ориентаций, и содержательный компонент мотивации отличает духовная направленность, что свидетельствует о преобладании творческих созидательных тенденций в мотивах над тенденциями к потребительству.

Потребительский тип самоопределения характеризуется проявлением ситуативно-перспективных смысложизненных ориентаций, содержательным компонентом мотивации которых является регрессивная, присваивающая направленность. Для регрессивного типа самоопределения, характеризующего профессионально-унифицированный смысл образования человека, характерны преимущественно ситуативные смысложизненные ориентации, с содержательной компонентой мотивации, отличающейся более плоской, примитивной направленностью. Стремление к высшему, более совершенному вырывает человека из оков обыденного существования, лишает самодовольства, ставит новые цели его бытия. В этот момент рождения нового уровня порядка возникают ситуации, при которых деятельность отдельного человека может быть в одном конкретном отношении масштабнее, шире и глубже, чем совокупная деятельность всего общества.

Применение техник заботы о себе не представляет собой альтернативу классическому образованию. По сути, забота о себе – это вариант самообразования, делание себя, то есть процесс, не предполагающий необходимости институционального вмешательства. Однако введение нового аспекта в современную систему образования практик заботы о себе может предоставить человеку возможности «пробовать» себя в различных ролях и перспективах в условиях постоянно меняющейся социальности. Техники заботы о себе создают возможность обнаружения подлинности, а их внедрение в современные образовательные практики способствуют активизации успешности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г.В.Ф. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа. — СПб.: Наука, 1994. — 448 с.
2. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М.: Эдиториал УРСС, 2006. — 255 с.
3. Мамардашвили М.К. Необходимость себя: введение в философию, докл., ст., филос. заметки / сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. — М.: Лабиринт, 1996. — 430 с.
4. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени». — СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та: Журн. «Нева», 1997. — 568 с.
5. Розин В. Об идеях педагогического дискурса и диспозитиве образования // Alma mater. — 2001. — № 11. — С. 3–9.
6. Степин В.С. Философия науки: общие проблемы. — М.: Гардарики, 2006. — 382 с.
7. Фуко М. Археология знания: пер. с фр. — Киев: Ника-Центр, 1996. — 206 с.
8. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // О человеческом в человеке. — М.: Политиздат, 1991. — С. 195–206.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб.: Наука, 2000. — 380 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. — М.: Ad Marginem, 1997. — 451 с.
11. Шелер М. Формы знания и образование // Избранные произведения. — М.: Издательство «Гнозис», 1994. — С. 15–56.

Поступила 07.10.2011 г.

УДК 159.922.27

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ»

В.Ф. Жукова

Филиал Российского государственного университета в г. Сургуте
E-mail: rgsu-surgut@yandex.ru

Актуализируется проблема формирования понятия «психологическая готовность», приводится подробный аналитический обзор интерпретации понятия различными учеными, Существенный интерес для научного обсуждения представляют труды, в которых определяются уровни психической готовности личности к действиям, которые формируются у человека с помощью многофакторной психологической подготовки. Автор в процессе научного анализа предлагает свою трактовку понятия «психологическая готовность».

Ключевые слова:

Психологическая готовность, социально-психологические исследования, функциональная надежность психики.

Key words:

Psychological readiness, socially-psychological researches, functional reliability of mentality.

Концептуализация в системе психолого-педагогических наук в 80–90-х гг. XX в. понятия «готовность» способствовало его активному исследованию в отечественной психологии и педагогике, что обнаруживает ряд проблем теоретического и прикладного характера. При этом готовность изучается в плоскости разных теоретических и практических подходов. Так, ученые исследуют психологическую готовность; мотивационную готовность; морально-психологическую; профессиональную; моральную; профессионально-педагогическую готовность; просто «готовность» [1].

По мнению А.Ф. Линенко [2], явление готовности стало объектом специальных исследований середины XIX — начала XX в. Исследователь выделяет несколько этапов развития этого явления в психолого-педагогической науке. На первом этапе в середине XIX в. готовность изучается в связи с исследованием психических процессов человека. В этот период складывается понимание готовности как установки. На втором этапе, с начала XX в., готовность исследуется как феномен стойкости человека к внешним и внутренним влияниям. Это объясняется тем, что начались интенсивные исследования нейрофизиологических механизмов регуляции и саморегуляции поведения человека.

В этом ракурсе большое значение имеют исследования психологов США относительно социальной установки как состояния психонервной готовности.

С 1918 г. американские ученые теоретически обосновывали сущность социальной установки, обнаруживали основные признаки, структурные компоненты, а также пытались измерять их с помощью технических средств. Третий этап связан с исследованиями в области деятельности. В этот период явление готовности рассматривается в связи с эмоционально-волевым, интеллектуальным потенциалом личности относительно конкретного вида деятельности. Готовность характеризуется как качественный показатель саморегуляции на разных уровнях прохождения процессов, которыми определяется поведение человека: физиологическим, психическим, социальным [3. С. 22–24]. В 70-х гг. XX в. проблема готовности исследуется в связи с изучением педагогической деятельности, а о необходимости ее специальной разработки указывается в трудах К.М. Дурай-Новиковой, Г.С. Костюка, Н.В. Кузьминой, А.Г. Мороза, В.А. Сластенина [4], А.М. Щербакова и др.

На основе теоретико-методологического анализа проблемы исследования и обобщения его результатов нами установлено, что психологи в своих

исследованиях ориентируются на установление характера связей и зависимостей между состоянием готовности и эффективностью деятельности личности. С другой стороны, педагоги акцентируют внимание на выявлении факторов и условий, дидактических и воспитательных средств, благодаря которым возможно руководить процессом становления и развития готовности личности к разным видам деятельности.

Обобщение понятия «готовности» можно осуществить с позиции философского подхода, в плоскости которого сущность готовности выражается в единстве всех его многочисленных свойств и отношений. На наш взгляд, понимание готовности как целостного образования характеризуется психофизиологической, эмоционально-волевой, когнитивной мобилизацией личности в момент его включения в деятельность определенной направленности. При этом готовность есть свойство личности, которое развивается в результате накопления жизненного опыта, который базируется на формировании позитивного отношения к данной деятельности, осознание мотивов и потребностей в ней, объективизации ее предмета и способов взаимодействия с ним. Эмоциональные, волевые и интеллектуальные характеристики поведения личности в этом случае выступают конкретным выражением готовности на феноменологическом уровне.

В качестве компонентов готовности можно рассматривать психологическую установку, мотивы деятельности, знания о предмете и способах деятельности, навыки и умения их практического внедрения, а также профессионально важные качества личности и профессиональное самосознание, отношение субъекта к этой деятельности. К структуре готовности разные исследователи включают несколько десятков разных компонентов, что свидетельствует о концептуальной неопределенности этого личностного образования и его многогранном характере. Чаще всего выделяются моральный, профессиональный (практический) и психологический компоненты. Существенный интерес, в этом плане для нашего исследования представляет определение В.И. Даля слова «готовность» как состояния или признака готового. Подготовленный человек есть не только готовый к выполнению действия, может и желает его выполнить [5. С. 387], что обнаруживает положительное отношение к тому или иному виду деятельности и актуальности (потребности) включенности в данную деятельность. Известно, что готовность человека к определенному действию в первую очередь зависит от его психологической установки относительно цели и заданий деятельности, достижение которой требует соответствующих усилий. Установкой в психологии считается предопределенное прошлым опытом состояние готовности, склонность индивида к определенной активности или действиям в определенной ситуации. Другими словами, это некоторое состояние готовности человека к реагированию на определенную ситуацию.

Д.Н. Узнадзе экспериментально показал влияние установки на результат деятельности. В его концепции установка является готовностью личности к активности в определенном направлении и возникает на основе взаимодействия актуальной потребности человека и внешней среды, которая влияет на человека в данный момент. Установка не осознается, предшествует психически сознательным процессам, которые развиваются на ее основе. Автор подчеркивал, что данный феномен является целостным образованием, который характеризует личностное состояние субъекта, на основе которого возникает деятельность определенного характера и направленности [6].

Следующим подходом относительно определения сущности готовности может быть исследование психологами проблемы отношения как одного из регулирующих механизмов поведения человека и его деятельности. В.М. Мясищев, исследуя экзопсихику как отношение индивида к окружающей среде, пришел к выводу, что психологическое отношение человека является целостной системой индивидуальных, осознанных связей личности с многообразными сторонами объективной действительности. Эта система определяет его личностный опыт, действия и переживания [7]. Относительно определения общих и специфических черт установки и отношения ученый отмечает, что они не являются врожденными, а приобретаются в процессе индивидуального опыта, при этом здесь акцентируется внимание на «осознанности» отношения. Для нашего исследования важно то, что отношение может быть рассмотрено как один из показателей готовности, поскольку оно выступает как активная, интегрированная, избирательная готовность, основанная на опыте личности взаимодействовать с разными сторонами действительности. Следует отметить, что установка является интегрированным выражением отношения, которое основывается на приобретенной готовности к четко определенным реагированиям.

А.Ф. Линенко считает, что общим для установки и отношения является то, что они выражают склонность личности мобилизовать свои внутренние силы на осуществление деятельности и жизненной активности в целом, при этом различие между ними заключается в том, что активность, на которой основывается готовность на уровне отношения, является избирательной категорией, в то же время на уровне установки она фиксирована в определенном направлении [2. С. 47]. Важными для понимания готовности как самостоятельного психологического явления являются исследования М.И. Дьяченко [8] и Л.А. Кандыбовича, которые понимают готовность как избирательную, прогнозируемую активность личности на этапе ее подготовки к деятельности. Авторы отмечают, что это состояние возникает с момента определения цели (А.П. Анохин) на основе осознанных потребностей и мотивов. В дальнейшем готовность развивается в связи с выработкой личностью плана, установок, общих мо-

делей будущих действий. На завершающей стадии, возникшая готовность реализуется в предметных действиях, которые отвечают определенным средствам и способам деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод о двусторонности понятия «готовность» — как качества и как психического состояния личности, т. к. готовность к определенному виду деятельности состоит из идейной, моральной, психологической, деловой и физической готовности. Причем, психологическая готовность занимает центральное место во всей системе видов готовности и выражается в единстве внутреннего настроения на будущую деятельность и в профессионально важных качествах личности, необходимых для ее успешного осуществления.

Психологическая готовность, в отличие от установки, связывается лишь с целеустремленной деятельностью, является существенным условием ее реализации, регуляции, стойкости, эффективности. Она помогает человеку правильно использовать знание, формировать личностные качества, осуществлять самоконтроль. При этом установка и психологическая готовность к деятельности отличаются одна от другой также тем, что в одном случае имеет место актуализация сформированных на основе предыдущего опыта психологических явлений, а в другом, — психологическое образование возникает под воздействием конкретных задач, требований, обстоятельств. Таким образом, психологическая готовность к деятельности включает установку, но не сводится к ней. Она имеет сложную динамическую структуру, которая отражает интеллектуальные, эмоциональные, волевые и мотивационные стороны психики человека в их отношении с внешними условиями, и является стойкой характеристикой личности.

В своих исследованиях М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович очертили такую динамическую структуру психологической готовности: осознание своих потребностей, требований общества, коллектива или поставленной задачи; осознания целей, решение которых удовлетворит потребности выполнения задания; осмысление и оценка условий деятельности, актуализация опыта, который связан с решением задач в прошлом и выполнения подобных требований; на основе опыта и оценки условий деятельности определяются наиболее оптимальные способы решения заданий; прогнозирование проявления своих интеллектуальных, эмоционально-волевых, мотивационных процессов, оценка соотношения своих возможностей, уровня попыток и необходимости достижения определенного результата; мобилизация сил в соответствии с условиями и заданием, самовнушением относительно достижения целей [8].

Следовательно, по мнению авторов, состояние психологической готовности имеет сложную динамическую структуру, выражает совокупность интеллектуальных, эмоционально-волевых, мотивационных сторон психики человека в их соотношении с возникающими условиями, и будущими задачами.

По мнению М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович [8], эти компоненты психологической готовности личности к деятельности определяют успешность выполнения ею профессиональных функций, при этом следует отметить, что долговременная и ситуативная готовность существуют в диалектическом единстве, когда первая определяет эффективность реализации второй в конкретных обстоятельствах.

М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович [8] отмечают, что наиболее важные показатели долговременной готовности связаны с мотивационной сферой личности, они отражают потребность успешного выполнения поставленного задания, интерес как к объекту деятельности, так и к способу его осуществления, стремление к успеху. Другими показателями готовности, как отмечают ученые, являются эмоционально-волевые процессы, которые проявляются в наличии чувств, ответственности, уверенности в своих действиях, вере в успех, умении руководить собой, одухотворенности, мобилизации всех сил для решения поставленного задания, в умении отвлекаться от помех, преодолевать страх, неуверенность.

Следующим аспектом готовности может выступать содержательно-операционный компонент деятельности. Он связан с пониманием обязанностей относительно решения задач, проблем и их сущности, оценкой их социальной значимости, знанием наиболее рациональных и действенных средств достижения целей, представлением о достоверных изменениях в процессе выполнения поставленных задач. Следует заметить, что такое понимание готовности получило наиболее широкое распространение и было принято за основу во многих исследованиях относительно ее изучения в плоскости конкретных видов деятельности.

В свою очередь, В.А. Моляко [9] определяет составляющие структуры общей психологической готовности к деятельности, в частности к труду. Он относит к этой структуре психофизиологические качества личности, которые являются основой для последующего формирования психологической готовности к профессиональной деятельности, такие как: динамические стереотипы (И.П. Павлов), деятельность функциональной системы (П.К. Анохин), проявление доминанты (А.А. Ухтомский), возникновения и функционирования установки (Д.Н. Узнадзе [6]) и др. При этом основными психологическими компонентами готовности как стойкой характеристики личности, по мнению ученого, есть знания, умения, навыки и мотивы деятельности. В.А. Моляко отмечает, что структуру психологической готовности необходимо рассматривать в сопоставлении с тем, какую деятельность будет осуществлять личность — исполнительную или творческую [9].

Можно выделить три условия готовности к деятельности: непрофессиональный уровень (когда в деятельности принимает участие неподготовленный к ней человек, который еще не научен в полной мере выполнять специальные функции; у него отсутствует опыт практической деятельности; со-

ответствующие показатели находятся на очень низком уровне); предпрофессиональный уровень (характеризуется незаконченностью подготовки к выполнению специальных функций); профессиональный уровень, который имеет два подуровня – обычный уровень и уровень профессионального мастерства. Обычный уровень характеризуется возможностью осуществлять специальную деятельность, а уровень профессионального мастерства характеризуется высоким качеством деятельности, творческим подходом к ее осуществлению.

Таким образом, готовность к профессиональной деятельности состоит из трех блоков:

1. Сенсорная организация индивида (показатели, которые отвечают биофизиологическим характеристикам субъекта деятельности).
2. Показатели, которые отвечают многообразным условиям выполнения трудовой деятельности.
3. Набор психических свойств, состояний и процессов (психологический уровень).

Данный вывод позволяет построить классификацию уровней готовности:

1. Высокий (самостоятельность в постановке и решении новых задач, адекватность оценки и самооценки профессионально важных качеств, способность к эффективному решению задач в условиях дефицита времени и т. д.).
2. Средний (средний уровень проявления приведенных качеств).
3. Низкий (неумение самостоятельно ставить и решать затруднительные задачи, неадекватная оценка и самооценка профессионально важных особенностей деятельности).

В этом контексте следует отметить, что если деятельность подчиняется мотиву, а действие – цели, то операция – условиям выполнения действия. Деятельность человека предстает совокупностью отдельных видов деятельности, о которых судят по их мотивам (каждый из них существует в виде действий, подчиненных целям), а действия выполняются путем операций, которые определяются условиями достижения целей.

Следовательно, чрезвычайно важное значение имеет творческий характер деятельности, так как при отсутствии творческого компонента деятельности она превращается в однообразные действия, не вызывает позитивных эмоций, не способствует профессиональному самоусовершенствованию и самоактуализации в сфере педагогической деятельности. Следует отметить, что типологию человеческой деятельности, в основу которой заложены труд, учение и игра, следует дополнить общением как особым видом интерактивной деятельности.

О.Г. Молл отмечает, что цель игры – процесс деятельности, цель учения – развитие субъекта деятельности, цель труда – результат, то есть то, на что направлена деятельность общества (материальные или духовные продукты), а цель управления – создание условий деятельности. Типы деятельности можно разделить на классы: профессиональное организационное управление (управленческая дея-

тельность), непрофессиональное (лидерство). Классы автор разделяет, в свою очередь, на сферы (род занятий): управление производством, наукой, образованием, искусством и др. [10]. В общем, следует отметить два подхода к изучению проблемы психологической готовности личности к деятельности: функциональный (Е.С. Кузьмин, В.А. Ядов), в котором психологическая готовность рассматривается во взаимосвязи с психологическими функциями, формирование которых необходимо для достижения высоких результатов деятельности; и личностный (К.М. Дурай-Новикова, М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович), где психологическая готовность исследуется в связи с личностными предпосылками к успешной деятельности. Этот подход предлагает усовершенствование психических процессов, состояний и свойств личности, которые необходимы для эффективной деятельности.

В.Д. Шадриков, рассматривая психическую готовность в широком смысле, указывал, что она является собой сложный целостный процесс личности и характеризуется: твердой уверенностью человека в своих силах; попыткой активно, с полной отдачей сил бороться до конца за достижение определенной цели; оптимальным уровнем эмоционального возбуждения; высокой степенью психической стойкости к многообразным и значимым для человека негативно действующим внешним и внутренним факторам; способностью произвольно руководить своими действиями, чувствами, поведением в изменчивых, напряженных условиях деятельности. В узком значении слова состояние психической готовности, по мнению автора, можно охарактеризовать уверенностью, мобилизованностью, легкостью, эмоциональным подъемом, высокой концентрацией внимания, установкой на проявление воли, усилением специализированного восприятия [11].

Таким образом, авторы определяют состояние психической готовности личности как содержательное понятие, которое олицетворяет собой: физическую готовность организма; эмоционально-волевую готовность; интеллектуальную готовность и проявляется в концентрации физиологических и резервных возможностей организма человека, его психических процессов, общей мобилизованности, уверенности в себе, эмоциональном подъеме и способности реализовывать приобретенный потенциал.

Обобщая многообразные подходы к проблеме психологической готовности в контексте определения ее признаков, сущности и структуры, можно утверждать, что все эти подходы не находятся в состоянии противоречия и не исключают друг друга, более того, они углубляют и расширяют представление о сложности и многогранности данного феномена. Для понимания сущности психологической готовности к управленческой деятельности важно не только знать состав компонентов, но и их структуризацию. Частота обращения исследователей к тому или другому компоненту свидетельствует о понимании разными авторами его

значимости в содержании психологической готовности и его места в содержании понятия.

При проведении сравнительного анализа понимания важности разных компонентов психологической готовности можно увидеть, что основным является *мотивационный* компонент, который включает профессионально значимые потребности, мотивы деятельности (К.М. Дурай-Новакова и др.), позитивное отношение к деятельности, интерес к ней и другие достаточно стойкие мотивы (М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, В.М. Мясичев [7], Ш.А. Надирашвили [12], Д.М. Узнадзе [6], Е.В. Шорохова, В.А. Ядов и др.).

Следующим по частоте обращения к нему выступает *эмоционально-волевой* компонент, который отображает чувство ответственности за результаты деятельности, самоконтроль (К.М. Дурай-Новакова [4] и др.), ценностные ориентации, моральные принципы (Ш.А. Надирашвили [12] и др.), умения управлять действиями, из которых состоит выполнение функциональных обязанностей (К.М. Дурай-Новакова, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Я.Л. Коломинский, В.А. Ядов и др.). Далее исследователи выделяют *ориентировочно-мобилизационный* компонент, который включает знание и представление об особенностях и условиях деятельности, ее требования к личности (М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович и др.), мобилизацию внутренних сил к осуществлению деятельности (В.М. Мясичев [7] и др.), систему ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства их достижения (В.А. Ядов и др.), способность и возможность управлять своими действиями и состояниями в реальных ситуациях (К.М. Дурай-Новакова, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, В.А. Ядов и др.).

Вместе с тем, другие компоненты, к которым исследователи обращаются в меньшей мере, можно считать дополнительными. Среди них выделяются: *познавательно-оценивающий* (знание о содержании деятельности, о требованиях профессиональных ролей, о структуре своей деятельности, самооценка профессиональной подготовки (К.М. Дурай-Новакова и др.); самооценка своей

профессиональной подготовленности в соответствии с процессом решения профессиональных задач оптимальным образом (М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, и др.); *операционно-деятельный* (владение профессиональными знаниями, умениями и навыками, адаптация к трудностям (К.М. Дурай-Новакова), владение способами и приемами процесса анализа, синтеза, сравнения и тому подобное (М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович и др.); *когнитивный* или *интеллектуальный* (конкретное выражение готовности на уровне явления (А.Ф. Линенко [2], В.А. Ядов и др.).

Существенный интерес для нашего исследования представляют труды, в которых определяются уровни психической готовности личности к действиям. Здесь можно отметить, по меньшей мере, четыре уровня: низкий, уровень потенциальной психической готовности, функционально-целевой и интеллектуально-регулятивный. Эти уровни формируются у человека с помощью многоуровневой психологической подготовки. Другими словами, *психологическая готовность — это сложное личностное новообразование, которое включает взаимодействие мотивационного, эмоционально-волевого, ориентировочно-мобилизационного, познавательно-оценивающего, операционно-деятельного, когнитивного компонентов.*

Уровень развития вышеприведенных компонентов отображает функциональную надежность психики человека в условиях деятельности и адекватно обеспечивает выполнение поставленных перед ней заданий. Критериями определения психологической готовности к определенным видам деятельности можно считать уровень развития отмеченных выше компонентов. Важным является процесс формирования психологической готовности к определенному виду деятельности, при этом такое формирование предстает процессом создания необходимых отношений, установок, опыта (знаний, навыков и умений), мастерства, которые предоставляют возможность человеку сознательно осуществлять деятельность с наибольшей эффективностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дорохина В.Г., Равикович С.И. Формирование психологической готовности подростков к производительному труду // Психология: Респ. наук.-метод. зб. — Киев: Рад. школа, 1989. — Вып. 32. — С. 27–33.
2. Линенко А.Ф. Теория и практика формирования готовности студентов педагогических вузов к профессиональной деятельности: дис. ... д-ра пед. наук. — Киев, 1996. — 371 с.
3. Методологические проблемы социальной психологии / Сб. статей. Отв. ред. Е.В. Шорохова. — М.: Наука, 1975. — 295 с.
4. Сластёнин В.А., Подымова Л.С. Педагогика: инновационная деятельность. — М., 1997. — 235 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь типологического великорусского языка. — 8-е изд. — М.: Русский язык, 1981. — Т. 1. — А–З. — 699 с.
6. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установок. — Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1961. — 210 с.
7. Мясичев В.Н. Психология отношений. Избранные психологические труды / под ред. А.А. Булаева. — Воронеж: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОД ЭК», 1995. — 356 с.
8. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. — Минск: Изд-во БГУ, 1976. — 176 с.
9. Моляко В.А. Рейтинг уровня подготовки специалистов // Среднее специальное образование. — 1991. — № 11. — С. 21–22.
10. Молл Е.Г. Управление карьерой менеджера. — СПб.: Питер, 2003. — 352 с.
11. Шадриков В.Д. Мотивация деятельности в процессе производственного обучения. Психология производственного обучения. — Ярославль: ЯрГУ, 1974. — 144 с.
12. Надирашвили Ш.А. Понятие установок в общей и социальной психологии. — Тбилиси: Мецниереба, 1974. — 170 с.

Поступила 07.10.2011 г.

УДК 7.011.4

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО В КЛАССИЧЕСКОЙ И ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

М.В. Думинская

Сургутский государственный педагогический университет

E-mail: marina-duminskaya@yandex.ru

Изучены основные положения и принципы концептуализации эстетического в классической и постклассической философско-эстетической традиции. Показана продуктивность и открытость анализа художественно-эстетических феноменов постклассической онтологической эстетики, создающей предпосылки для более глубокого понимания специфики эстетического опыта и воспроизведения его феноменологически конкретного описания.

Ключевые слова:

Онтологическая эстетика, эстетический феномен, эстетический опыт, художественное произведение, эстетический субъект, эстетический объект.

Key words:

Ontological aesthetics, aesthetic experience, aesthetic phenomenon, work of art, aesthetic subject, aesthetic object.

В попытке приблизиться к подлинности понимания эстетического феномена как предмета эстетически-философской рефлексии мы неминуемо сталкиваемся с бесконечной чредой вопросов: какова природа и механизмы эстетобитийствования; что определяет своеобразие онтологической качественности эстетизированного сущего; каковы принципы существования эстетически-художественных феноменов в мире культуры и т. д. Поиск ответов на эти и многие другие вопросы побуждает движение философско-мыслящего сознания к воспроизведению множества концептуальных построений, так или иначе определяющих онтологические основания и своеобразие эстетических явлений.

Выделим основные положения, определяющие характер осмысления эстетических явлений в философско-эстетической традиции. Прежде всего следует отметить, что концептуализация эстетического, представленная в опыте классической эстетики осуществлялась с позиций научно-познавательного отношения к наличному миру. Данное обстоятельство определило установку понимания эстетического как незаинтересованного способа созерцания предметов объективной действительности созданных природой или в результате художественной деятельности человека, наделенных эстетическими качествами, что, по сути, привело к отождествлению области эстетического с художественными феноменами. В таком случае исходным началом для рассмотрения эстетического восприятия, чувства, созерцания, представления для представителей классической эстетики становились, прежде всего, артефактические феномены создания, восприятия, оценки художественного творения. Эстетический эффект от восприятия художественного произведения рассматривался исключительно как положительно результативный, исполненный совершенством, вне зависимости от результата восприятия творимой предметности (например, безобразного, ужасного), поскольку предполагалось, что в процессе и в пределах о-худож-

жествления любое эстетизируемое сущее преобразуется, катарсически снимается и предстает в явленном образе как прекрасное или возвышенное.

Такую позицию преобладания созерцательной установки в классической эстетике, по утверждению С.А. Лишаева, можно связать со «спокойным пребыванием при...» как тем расположением, которым, согласно М. Хайдеггеру, определяется научное отношение к миру как всецелому и только наличному. Однако, как пишет С.А. Лишаев, «...при перенесении этой установки в область эстетического восприятия мы получим «созерцательную эстетику» и пафос «незаинтересованности» эстетического созерцания. «Спокойное пребывание при» как экзистенциальное условие научного наблюдения в рамках феноменологии эстетических расположений истолковывается как способ размыкания Присутствия, характерный для научно-теоретического подхода к миру, но не работающий в рамках эстетических расположений, которые размыкают его способом влечения (притяжения) или отшатывания» [1. С. 22]. Сложилась ситуация, когда эстетика стала сводиться к эстетической теории классического искусства и рассматриваться как способ рационального освоения искусства и художественной культуры в целом. В результате исследовательская практика многообразия проявлений эстетического опыта сосредоточилась на построении теоретически сконструированной и упорядоченной системы эстетических (художественных) понятий и категорий.

В традиции классической эстетики субъект и объект выступают как взаимообусловленные компоненты эстетического события. В качестве эстетического объекта выступает наличная данность, инициирующая собою в воспринимающем ее субъективном начале способность к эстетическому восприятию. Эстетический субъект противопоставляется объекту как внутреннее, чувствующее, переживающее, мыслящее начало. Именно субъект наделяет воспринимаемый объект эстетической

значимостью. Так постепенно в предметную область эстетического познания стали включаться все те феномены, которые институционально закреплялись в культуре в качестве произведений искусства как продукты художественного творчества.

Однако в XX в., как справедливо утверждает профессор С.А. Лишаев, «появилась возможность и, одновременно, потребность в том, чтобы эмансипировать эстетику от искусства, а искусство от эстетики. Не отказывая искусству в особом отношении к эстетическому опыту следует отказаться от того, чтобы мерить эстетическое по мерке художественно-эстетического и тем более по мерке искусства» [1. С. 5]. В связи с этим эстетическое стало рассматриваться не как понятие, употребляемое для обозначения объективного качества вещи или специфической эмпирической способности субъекта, а как один из способов его существования, на основе которого могут развиваться особые трансцендентальные способности, действующие и иногда открывающие себя в виде особых феноменов. И в силу этого обстоятельства конституирование эстетического как предмета философско-эстетической рефлексии стало осуществляться философией на основе данности эстетического в эстетических феноменах.

Концептуализация эстетического в постклассической культурной ситуации по своей исходной интенции это, прежде всего, онтологическая эстетика, в которой учитывается опыт фундаментальной онтологии. Если в свое время М. Хайдеггер утвердил в качестве основополагающего предмета экзистенциально-онтологического анализа *Dasein* (Присутствия) и провел анализ таких его модусов, как «страх» и «ужас» [2], то в онтологической эстетике ставится задача не только истолкования эстетобитийствования, а проведение аналитики эстетических феноменов как таковых. Онтолого-эстетическая перспектива исследований обуславливает возможность выявления качественного своеобразия эстетически бытийствующих объектов как индивидуально целостных образований, существующих в едином для всех пространственно-культурном измерении.

В данном случае для постижения онтологического своеобразия сферы эстетобитийствования значимым является предметно-структурный анализ, позволяющий выяснить из каких компонентов состоит эстетическая система бытия; выявить связи, соединяющие эти ее компоненты и раскрыть поведение каждого компонента системы в его взаимодействиях с другими как в пределах собственного пространства, так и на внешнем уровне в целом. Речь идет о необходимости субстратного и архитектурного анализа, когда структурному рассмотрению подлежит как функционирование системы, так и ее развитие. Поскольку, как отмечает М.С. Каган, архитектура эстетической системы бытия является «не простым пучком каких-то связей между компонентами данной системы, а системой этих связей, которая

и придает данному объекту устойчивую целостность и качественное своеобразие — это «закономерно организованное системное целое, качественное своеобразие которого определяется его структурой» [3. С. 57].

С позиции онтологического подхода эстетическое выходит за пределы ограниченности эстетического созерцания и рассматривается в контексте событийности. Внимание акцентируется на экзистенциально-онтологической заинтересованности человека в эстетически свершаемом событии встречи с Другим, чувственно данным в его различных модусах.

При онтологическом подходе эстетическое не редуцируется ни к одному из своих собственных онтологических моментов, а рассматривается как феномен, «не конституируемый институционально (эстетическое здесь не есть то, что принято в качестве «эстетического» определенными институциями: музеями, прессой, медиа, благотворительными фондами, академическими кругами и т. д.), оно также не может быть сведено к чувству, переживанию, как не может быть редуцировано к тому или иному типу «эстетических» вещей, восприятие которых можно было бы рассматривать как эстетическое восприятие» [1. С. 6]. В результате онтологическая эстетика позволяет удержать равновесие и не потерять понимание эстетического как феномена отличного от чувственного вообще, или же растворить эстетическое в трансэстетическом, что зачастую встречается в философско-эстетических исследованиях постмодернизма.

Область эстетических феноменов значительно расширяется, также благодаря тому, что в ее пределы включаются не только эстетически утверждающие категории катарсической эстетики, но и целый ряд категорий как, например, «ветхое», «милолетное», «юное», «радостное», «маленькое», «большое», «затерянное» и др. Снятием ограниченности категориального ряда эстетически феноменального воздействия задается основание, которое априорно наделяет эстетический объект возможностью вызывать весь спектр эстетической чувственности, как будучи изначально наделенным определенной качественной данностью, так и в своем конечном результате.

Онтологическая эстетика в постклассической философии отдает предпочтение понятию «Другое», нежели «Бытие» или «Иное». Данное предпочтение обусловлено тем, что Другое обнаруживается и мыслится как нечто уникальное, как иное всему имманентному миру сущего, которое в свою очередь невозможно рассматривать вне рассмотрения Другого. Другое может рассматриваться в различных формах своего проявления, например, как «Ты», «объект», «бессознательное» и т. д. «Другое — это суть метафизическое Начало человеческого присутствия в мире, поскольку оно дано нашему чувству, для которого это Начало всегда будет чем-то предельно «Другим», странным и в то же время предельно близким, поистине «своим» [1. С. 20].

В таком понимании «Другое» дает возможность удерживать единый горизонт метафизической эстетики, связывающий в одно целое все проявления эстетического и их особенные, уникальные качественные характеристики. Термин «Другое» обладает также семантическим потенциалом, который благодаря своей качественной имманентности позволяет одновременно удерживать его понимание как сущего, как иное всему другому, как бытия-с-другими и т. д. При этом следует отметить, что чувственная данность конституируется как нечто особенное, запоминающееся в своей инаковости, и запечатлевается ситуативно в конкретном опыте человека.

Обращаясь, например, к определению онтологического своеобразия эстетически сотворенной целостности, в философско-эстетической концепции М.М. Бахтина, мы видим, что сущность эстетического раскрывается через понятие «эстетическое событие со-бытия» [4]. Эстетическое творение в своем качественном определении предстает, во-первых, как *Другое*: нечто иное, нежели образное или идеальное представление чего-либо; нечто большее, нежели проявленное миропонимание творящего или особым образом выраженная самодостаточность сотворенного явления. Это *состоящееся диалогическое событие*, возведенное в инобытийное измерение и породившее жизнь, в котором слились воедино множество начал — исходных кристалликов действующих в со-бытийном сближении, взаимодействии друг с другом, а не разрозненных, дискретных элементов, как бы механически помещенных в плоть сотворенной целостности. Особенность взаимоотношения эстетических единиц сотворенного сущего способствует последующему порождению эстетической событийности уже внутри целого, обеспечивая способность к ее постоянному самовоспроизведению.

Благодаря свойству диалогичности каждый внутренний компонент целого, прошедший предварительную стадию со-бытия с Другим, переходит на следующий уровень, бесконечно приращивая и перерождая себя в череде сменяющих друг друга эстетически со-бытийных слияний. Поэтому на первый план восприятия эстетически (художественно) бытийствующего образования выносятся уже не бесконечность диалогов исходных единиц, а результаты их со-бытийных отношений — кирпичиков-событий, вступающих в дальнейшие сочетания между собою, которые такими своеобразными переливами восходят к некому целостно воспринимаемому единству. В тоже время согласование различных событийных слоев выводит такого рода бытийствование на более высокий уровень саморазвития.

Таким образом, механизм со-бытия, обладает способностью имманентно воспроизводить внутреннюю жизнь эстетизированного сущего. Это свойство закладывается в самом процессе его творения, проявляясь спонтанно на каждом этапе, в свою очередь, порождая цепную реакцию последующих эстетических событийных связей-сцеплений.

В результате эстетизированное сущее, будучи облаченным в художественную плоть, обретает самостоятельное существование, обуславливая последовательность самовоспроизведения, самосохранения и самоприращения своей онтологической качественности в культурном измерении.

Во-вторых, эстетическое предстает как *уникальное в своей событийности творение*, поскольку эстетизированное сущее является результатом взаимодействия двух исключительных и, при других условиях, не отождествляемых друг с другом начал. При этом каждое творение изнутри себя способно порождать только ему присущие исходные диалогические взаимодействия, что в итоге обуславливает уникальность и своеобразие каждой эстетизированной индивидуальности в ряду соприродных ей объектов. Так, благодаря облаченному в художественную форму, диалогу как со-бытию двух начал, сотворенное бытие обретает онтологически ценностную определенность и самоопределенность.

В-третьих, эстетическое обладает *универсальной онтологической формой*. Художественная форма эстетизированного сущего универсальна в силу имманентной способности принимать и гармонично согласовывать в себе любые другие формы бытия, предварительно прошедших в его пределах диалогическую трансформацию и действующих теперь внутри эстетического целого в качестве живых эстетически событийных образований. Иными словами, структура внутреннего мира художественной предметности — это глубоко диалогическое по своей сути существование-общение, которое происходит в любых сочетаниях и на разных уровнях со-бытийности (между отдельными элементами, их обществами, частями и всем целым). Единство многообразия постдиалоговых сочетаний, вступающих друг с другом в новые диалоги, образует своего рода хор сменяющих друг друга комбинаций, наполняющих мир эстетобитийствования. Поэтому подлинное и полное содержание творения можно извлечь только из него самого — из иерархии рождаемых им эстетически со-бытийных сочетаний.

Эстетическое творение преисполнено смысловым содержанием, поскольку жизнь творения представляет собой бесконечное развертывание определенного смысла в многообразной подвижности развивающихся в нем диалогических отношений. Такой неисчерпаемый диалог смыслов требует самораскрытия и реализации не только гносеологически, а прежде всего онтологически, бытийно.

Воплощаясь в художественно замкнутых пределах эстетизированного сущего, творческая процессуальность субъективного начала, достигает успокоенного и самодовлеющего состояния, оказываясь при этом инобытийным и самодостаточным образованием, живущим по собственным законам и актуализирующим себя в Бытии сообразно своей природе. Исходя из этого, эстетически сотворенную целостность (художественно завершенное со-

бытие) следует рассматривать в качестве дискретной единицы эстетической метареальности, которая обладает особой природой бытия в силу особенности отношения между активным субъектом и пассивной данностью предмета, связанных не в объективном, а в качественно ином взаимодействии — диалогичном со-бытии двух начал, облаченного в форму художественной наличности.

Таким образом, онтологическая эстетика Другого в постклассической традиции представляет собой попытку расширить горизонт эстетического опыта. В рамках этой теории вводится ряд новых концептов, позволяющих перевести «не-мой» опыт в «мой», способствуя воспроизведению человеком особых эстетических модусов бытия; предлагает концептуальный инструментарий для того, чтобы не только испытывать, переживать эстетическое, но и практиковать его в эстетической деятельности.

Распространение принципов онтологической эстетики на анализ художественно-эстетических феноменов позволяет воссоздать эстетический контекст художественно-эстетического опыта в целом, не абсолютизируя художественную деятельность как таковую, а создавая предпосылки для более глубокого понимания ее специфики и воспроизведения феноменологически конкретного описания эстетически бытийствующих явлений, что в свою очередь позволяет воспроизводить различные интерпретации разнородных форм чувственно-конкретного переживания человеком онтологического различия Бытия. В таком случае теоретическое описание эстетического опыта приобретает принципиально несистематичный, незавершенный характер, что предполагает открытость дальнейшего конструирования и более глубокого токования многообразия эстетических феноменов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лишаев С.А. Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность. Монография. — Самара: Самар. гуманит. акад., 2003. — 296 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и Время. — М.: Наука, 2006. — 452 с.
3. Каган М.С. Эстетика как философская наука. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. — 544 с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.

Поступила 13.09.2011 г.

УДК 101.9

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРОФЕССИОНАЛИЗМ» И «КОМПЕТЕНТНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Т.А. Родермель

Филиал Российского государственного социального университета в г. Сургуте
E-mail: tra960@mail.ru

Сделан сравнительный анализ понятий «профессионализм» и «компетентность». Определены границы применимости понятий «профессионализм» и «компетентность» в общем контексте образования, ориентированного на компетенции, акцентирующего внимание на степень пригодности индивида к деятельности в постоянно меняющихся условиях постнеклассической неопределенности. Компетентность интерпретируется как интегрирующий потенциал, объединяющий ресурс, результативный и инновационный компоненты и как способность человека к расширению собственных возможностей и изменениям, соответствующим изменениям культурной среды.

Ключевые слова:

Профессионализм, компетентность, постнеклассическая неопределенность, компонентная структура, сущность компетентности, компетентное поведение.

Key words:

Professionalism, competence, postnonclassical uncertainty, componental structure, essence of the competence, competent behavior.

В настоящее время формируется новая парадигма результата образования — это образование, ориентированное на компетенции, акцентирующее внимание на степень пригодности индивида к деятельности в постоянно меняющихся условиях и условиях постнеклассической неопределенности. Образование, являющееся неравновесной, неустойчивой самоорганизующейся системой, обладает лишь определенным запасом негэнтропийной устойчивости, что и порождает проблему непре-

рывного развития и компетентности самого образования.

Для выявления собственного содержания компетентности воспользуемся понятием «профессионализм», используемым в качестве стандарта для сравнения, и обладающего универсальными и уникальными чертами. Применим в осмыслении содержания и природы компетентности граничный подход, позволяющий определить общее и различное между профессионализмом и компетентно-

стью, символизирующими специфику традиционного и инновационного подходов к результирующей компоненте образования. Позволяя установить границы понятия, граничный подход выявляет, что принадлежит к данному понятию, а что — нет.

Понятия «профессионализм» и «компетентность» могут быть рассмотрены, прежде всего, в культурном контексте, непосредственно связанном с задачей и предназначением человека. До недавнего времени ключевой характеристикой субъекта являлся профессионализм, означающий наличие необходимых для ее эффективного выполнения знаний, навыков, опыта. Сегодня принципом, реализующим интенцию к субъективации индивида, служит компетентностный подход, рассматривающий включенность человека в основные сферы жизнедеятельности, значимые на определенном этапе его становления.

Несмотря на возрастающую популярность, нет общепринятого определения компетентности, в отличие от понимания того, что такое профессионализм. Чем же определяются границы понятия «компетентность»?

Компетентность (от лат. *«competo»* — «добиваюсь», «соответствую», «подхожу») означает, прежде всего, эмоционально-волевое и знаниевое переживание, сформировавшееся на основе определенных знаний, осведомленности, опыта. Компетентность не изолирована от конкретных условий ее применения. Актуальным для нас является определение компетентности, данное И.А. Зимней, понимающей под компетентностью актуальное, формируемое личностное качество, основывающееся на знаниях, и являющееся интеллектуально и личностно обусловленной социально-профессиональной характеристикой человека [1. С. 23].

В понимании компетентности можно выделить два подхода, один из которых акцентируется на том, какие личностные черты определяют успешные действия, другой — на свойствах самой деятельности. В первом случае компетентность означает свойство, качество, проявляющееся в действии, зависящее от контекста действия. Во втором случае вопрос решается в направлении выявления главных элементов деятельности, которые должны быть выполнены, чтобы считать результат достигнутым и удовлетворяющим заданным требованиям. В этом случае компетентность человеком проявляется в той степени, в какой его деятельность достигает или превосходит имеющиеся стандарты.

В контексте компетентностного подхода профессиональное образование имеет основания становиться деятельностью без ограничивающего фактора «конечного знания» и развертывающейся как процесс в самоопределении человека. Британский историк Г. Перкин выделил особый тип революции, названной им профессиональной, имеющей глобальные последствия, сравнимые с неолитической и промышленной революциями. По мнению Г. Перкина, современному этапу развития со-

ответствует третий этап профессиональной революции, формирующий новый тип профессионала — транспрофессионала, учитывающего многообразные и противоречивые интересы отдельных людей и социальных групп. Основанием для транспрофессионального образа жизни и работы, полагает Г. Перкин, является концентрация в одной точке многодисциплинарного комплекса. По сути, как можно заметить, данная концентрация есть не что иное, как компетентность. По основанию «потенциальное — актуальное» и «когнитивное — личностное» компетентность означает интеллектуально и личностно обусловленную социально-профессиональную характеристику человека. Умение мобилизовать знания и опыт в решении проблем позволяет рассматривать компетентность как многофункциональный инструмент измерения качества профессионального образования.

Что являет собой компетентность с точки зрения сущности? Понятие «компетентность» рассматривается многими авторами (Ю.Г. Татур, А.В. Хуторской, Л.И. Иванкина, О.Г. Берестнева и другими) не только шире понятий «знание», «умение», «навык», но и понятия «профессионализм» как понятие иного смыслового ряда. Понятие «компетентность» включает когнитивную, операционально-технологическую и другие составляющие. Включая в себя качество профессионализма, компетентность предполагает обладание надпрофессиональными знаниями и умениями. Быть компетентным — значит уметь мобилизовать как в конкретной, так и в неопределенной ситуации полученные знания и опыт. Мы разделяем точку зрения Л.И. Иванкиной в определении компетентности как интегрирующего потенциала, объединяющего ресурсный, результативный и инновационный компоненты, рассматривая компетентность как «совокупность ресурсов, имеющихся в распоряжении индивида для осуществления деятельности, способность использовать эти ресурсы с целью самореализации, а также способность человека к расширению собственных возможностей и изменениям, соответственно изменениям культурной среды» [2. С. 79].

Исходя из данного понимания, *компетентность* обладает *интегративной природой*, выступая *системным качеством* человека. Компетентность, развивающаяся в процессе образования, есть формирующаяся способность обращать имеющиеся теоретические и практические знания в стратегии решения проблем и методы получения нового знания, в свое собственное, личностное знание [2].

Сущность компетентности, как мы выявляем, заключена в том, что это — многозначное, характеризующее сложное индивидуально-личностное и социальное качество, явление, проявляющееся комплексно, во-первых, как определенное поведение, навык, закрепившийся в действии; во-вторых, как ментальные способы активности; в-третьих, как деятельность, реализующая знания, способности, отношение человека к предмету действий; в-

четвертых, как переживания, согласующие целсообразность предпринимаемой человеком активности с социальными ожиданиями.

На уровне *индивидуально-личностного качества* компетентность есть способность и готовность к деятельности, на уровне *социального качества* — ожидаемая над (сверх) активность, или способность и готовность к гибкой смене способов и форм социально ответственной жизнедеятельности. Образование создает возможность индивиду развиваться и проявлять различные компетенции, границы реальности которых определяются самим человеком, его активностью интеллектуальной зрелостью, умением осуществлять выбор, ответственностью и т. п.

Рассматривая структуру компетентности, Дж. Равен считает неотъемлемым от понятия «компетенция» понятие «инициатива»: «...важная особенность этого качества, на которую следует обратить внимание, состоит в том, что оно имеет *внутреннюю мотивацию*. Любое действие, которое человек предпринимает по инструкции извне, не имеет смысла описывать как «инициативу». Компетентность, как определяет ее Дж. Равен, — это мотивированная способность [3. С. 258]. Следовательно, чтобы развить в человеке готовность и способность проявлять инициативу, нужно развить в нем склонность проявлять ее по *собственному желанию*» [3. С. 151].

Для того, чтобы проявленная инициатива привела к успеху, человек должен посвятить этому много времени и раздумий: совершать действия, контролировать результаты этих действий, делая выводы, более тщательно изучать проблему, которую он решает, оценить эффективность примененных ресурсов и способов, предвидеть будущие препятствия и возможности с ними справиться и т. п.

Таким образом, сравнительный анализ понятий показал, что новая парадигма результата образования, обращенная к компетентностям, определяет свою миссию в том же, чем занималась и традиционная образовательная система — в восполнении знаний, умений, навыков, с одной лишь разницей — стремлением дополнить, расширить и привнести их недостающий объем в традиционный профессионализм. Знания, умения и навыки должны восполняться качествами, свойствами личности, способностями, готовностью и т. п. Границы применимости понятий «профессионализм» и «компетентность» определяются в общем кон-

тексте образования — применимостью знаний и навыков в совершении определенных действий, согласуемых с системой жизненных смыслов человека, в которых проявляются его индивидуальные свойства.

Одним из сдерживающих параметров в традиционной образовательной системе выступает предметно-центрированный подход, ориентированный на накопление объемов, но не способностей к самостоятельному использованию знаний. Поэтому обращение к собственному жизненному опыту, пониманию его, умению с ним работать, расширять, углублять, изменять создает контекст личностного смысла образовательной активности человека, непосредственно включенной в его личностный рост в контексте компетентностного подхода.

Обращаясь вновь к ответу на вопрос о том, можно ли научить компетенции, обратимся к модели айсберга, где знания и навыки, которым можно научить, составляют его видимую часть, тогда как личностные черты, мотивы и Я-концепция человека скрыты и которые в процессе обучения сложно поддаются изменению. Если компетенцию рассматривать как статическое образование, то это означает, что ее нельзя развивать в ходе обучения, и, напротив, если подходить к ней как динамическому явлению, то компетентность имеет жизненный цикл, когда возникает потребность в ее развитии, преобразовании.

В целом, выявление границ применимости понятий «профессионализм» и «компетентность» позволяет констатировать, что данные понятия создают интегрирующее пространство параметров — «знаю, как» и «знаю, что». При всем многообразии определений понятия «компетентность» его культурный смысл связан с направленностью энергии, активности и качества развития человека для удовлетворения потребностей дальнейшего развития общества.

В плане содержания компетентностный подход требует особой организации сферы образования, поскольку в функции трансляции готового знания образование перестало быть единственно возможным институтом. Новая технология мышления создает свою социокультурную оболочку, историю, конкретные образцы организации жизни, которые ее и обеспечивают. Именно методологическая ориентация образования определяет открытость образования и культуры, конституируя способность к бесконечному развитию их содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе подходов к проблемам образования? // Высшее образование сегодня. — 2006. — № 8. — С. 20–26.
2. Иванкина Л.И. Тенденции современного образования и проблема целостного развития личности // Известия Томского по-

- литехнического университета. — 2003. — Т. 306. — № 3. — С. 132–136.
3. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. — М.: Когито-центр, 2002. — 396 с.

Поступила 07.10.2011 г.

УДК 004.45

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОРА ЭЛИМИНАЦИИ НЕГАТИВНЫХ ЭФФЕКТОВ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

О.М. Манжуева

Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, г. Улан-Удэ

E-mail: ocydenova@yandex.ru

Рассмотрены проблемы формирования планетарного информационного пространства. Поднимается вопрос о влиянии процесса информатизации на культуру, традиции и духовные ценности общества, вследствие чего подчеркнута необходимость обеспечения должного регулирования данного процесса. Определена роль формирования информационной культуры общества как основного фактора предупреждения негативных эффектов использования информационных технологий.

Ключевые слова:

Информационная культура, информационные технологии, информационная безопасность.

Key words:

Information culture, information technology, information safety.

Формирование нового планетарного пространства является одной из главных характеристик настоящего времени. Основываясь на информационных и телекоммуникационных технологиях, оно призвано обеспечить эффективное взаимодействие между людьми, к его уникальным свойствам относятся — гиперсвязанность, доступность, безграничность, возможность движения в масштабе времени, «стирание» территориальных ограничений. Именно с данным планетарным информационным пространством связывают становление всей жизнедеятельности будущего информационного общества.

Однако развитие планетарного информационного пространства таит в себе опасности и риски. Актуальность данной проблемы обусловлена высокой ролью использования информационных технологий. Все протекающие в обществе процессы: политические, социальные, экономические теперь зависимы от использования новых технологий, поскольку они играют определяющее значение в формировании существующей реальности и оказывают важное влияние на ее развитие. В данной ситуации возрастает потребность изучения и прогнозирования процесса информатизации, направление его развития в безопасное русло. Информационная безопасность общества является вектором безопасного использования информационных технологий для личности и государства. Кроме того, в этом направлении необходимо уделить важное внимание процессу формирования новой информационной культуры в обществе, способствующему решению проблем обеспечения информационной безопасности. Информационную культуру можно определить важнейшим фактором преодоления и дальнейшей элиминации негативных эффектов информатизации, а также гуманистической ориентации данного процесса [1. С. 30].

Выделяя проблемы становления информационного пространства, повлекшие за собой культурные изменения в обществе, сошлемся на мнение С. Холла, который определил, что в XX в. культура,

как никогда раньше, прониклась и срослась с общественным производством настолько, что в настоящее время трудно провести ту четкую грань между базисом и надстройкой [3. С. 207]. И базис и надстройка стали интегральной схемой экономического обмена, от которого зависит движение информации, знания, капитала, инвестиций, производство товаров, торговля, маркетинг. С точки зрения абсолютных эстетических стандартов и вкуса, продукты такой культурной революции не могут сравниваться по ценности с достижениями других эпох. Нынешние культурные изменения, благодаря современным технологиям, сжатые в единое пространство и время, могут с небывалой мощностью влиять на общественное сознание в глобальном масштабе. Однако одним из немедленных следствий технологизации и глобализации является гомогенизация культуры. Создание индустрии культуры привело к однородности взглядов.

Процессы глобализации двояким образом влияют на мировую культуру. С одной стороны, вследствие интенсивного информационного обмена между представителями различных культур происходит взаимное обогащение существующих культур. С другой стороны, происходит размывание традиционных национальных культур общества под воздействием экспансии других культур. Продвигаемая по средствам массовой информации и телекоммуникационным сетям западная информационно-культурная экспансия, вынуждает прибегать к использованию специальных мер для защиты своей культуры, традиций и духовных ценностей от чуждого информационного влияния. В результате остро поднимается вопрос об обеспечении безопасности информационных ресурсов государства, обеспечении безопасного информационного обмена, протекающего по открытым глобальным сетям, понимание высокой степени важности и безотлагательное решение данных вопросов поможет обойти возникновение экономической и политической межгосударственной конфронтации и кризисов. В политической сфере но-

вые технологии глобальной коммуникации подрывают суверенитет наций и традиционные границы [4. С. 52]. Именно эта все усиливающаяся в последние годы тенденция развития цивилизации представляется сегодня наиболее опасной для будущего человечества. По мнению К.К. Колина, национальная культура — это информационный геном цивилизации [5. С. 71]. Появляется «опасность утраты целыми сообществами своей культурной и национальной самобытности, включая самобытность языковую» [6. С. 91]. Японский ученый Цуда Юкио рассматривает электронное доминирование английского языка как третий самый серьезный вид дискриминации в мире после дискриминации по расовым и половым признакам [7. С. 192]. Нация окончательно погибает только тогда, когда полностью разрушается ее национальная культура.

С информационно-синергетической точки зрения, вся современная мировая культура представляет собой весьма сложную самоорганизующуюся систему, компонентами которой являются традиционные национальные и этнические культуры различных народов, стран и регионов мира. Содержание этих культур, их традиции, исторический опыт и духовные ценности в совокупности и составляют тот своеобразный феномен объективной реальности, который К.К. Колин назвал культурологическим генофондом развития человечества [5. С. 67]. Без его анализа, переосмысления и использования невозможно успешное развитие мировой цивилизации в будущем. Поэтому и защита культурного фонда человечества от уже существующих и возможных разрушительных воздействий является, сегодня первостепенной задачей. А для решения этой задачи необходимо, прежде всего, сохранить традиционные национальные культуры общества. Таким образом, защита культурного генофонда человечества и сохранение национальных культур необходимы для обеспечения информационной безопасности в глобальном масштабе.

Сохранение разнообразия традиционных культур мирового сообщества является необходимым условием для дальнейшего безопасного во всех отношениях и, тем самым, устойчивого развития цивилизации. Прогнозы показывают, что уже в начале XXI в. современная цивилизация будет вынуждена решать такое количество глобальных и сложных проблем, что для этого ей потребуется мобилизовать всю интеллектуальную мощь мирового сообщества. При этом исторический опыт и знания каждой нации будут обязательно востребованы и могут оказаться решающими, так как каждому региону придется искать свой собственный оптимальный путь перехода к устойчивому развитию. Обеспечение безопасного для человека, общества и биосферы развития информационного пространства невозможно без обеспечения должной направленности самого процесса информатизации. Ведь информатизация как социотехнологический процесс, как выше было показано, может быть направлена против человека и гуманизма, так как ин-

формация оказывается основополагающим фактором, способным изменять течение любых процессов в обществе.

Свободный доступ к информации тех или иных людей, преследующих какие-то свои эгоистические цели, далекие от гуманизма, способен привести к угрожающим для всей цивилизации последствиям. Неумолимое наращивание мощности информационной техники, внедрение компьютеров практически во все процессы жизнедеятельности общества, не поддающиеся воображению возможности, предоставляемые технологиями искусственного интеллекта, позволяющие находить, анализировать, структурировать и перерабатывать информацию, как таковые сами по себе не могут решить проблемы человека. Только гуманистическая направленность процесса информатизации, последовательное преодоление негативных эффектов информатизации создает условия обеспечения безопасного развития информационного пространства и глобальной информационной безопасности.

Гуманистическая ориентация информатизации должна одновременно учитывать интересы как общества в целом, так и отдельного человека. Контроль над процессами информатизации со стороны общества позволяет направить возможности информатизации для решения проблем человека, общества и цивилизации в целом. Широкое использование компьютерных информационных технологий не должно вести ни к подчинению человека компьютеру, ни тем более к уподоблению компьютеру всего человеческого рода. В обоих случаях извращается та цель, ради которой и стали создаваться современные информационные технологии — освобождение человека от рутинного умственного труда и помощь в его творчестве, раскрытие его творческих способностей. Поэтому вполне понятно разочарование основоположника кибернетики Норберта Винера: «Я серьезно рассмотрел возможность отказаться от своих плодотворных научных усилий, потому что я знаю — нет способа опубликовать мои изобретения без того, чтобы они не попали не в те руки (*to the wrong hands*)» [8. С. 72]. Он понимал, как чрезвычайно опасно технократическое понимание информатизации общества, вера в детерминирующую роль информационной техники и технологии, которая автоматически создаст гармонию в сфере социальных отношений, политики и культуры.

Такое понимание можно квалифицировать как одностороннее и не способствующее эффективности процесса информатизации, ибо оно не содержит механизма, гарантирующего безопасность процесса информатизации, что, в конечном счете, может обернуться против человека. Технократическое понимание процесса информатизации может привести к тому, что создаваемая инфосфера окажет разрушительное воздействие на самого человека. Под ее воздействием человек быстро утратит не только свои природные биологические качества, но также и многие психологические свой-

ства, и социальные ориентиры. Новые интересы и потребности, которые сейчас овладевают умами миллионов людей, оказываются все более технико-технологически ориентированными. Стихийное развитие инфосферы может привести к тому, что человек сам попадет в интеллектуальную зависимость от нее. Под воздействием инфосферы могут в значительной степени измениться типы социального поведения людей, деформироваться шкала их моральных ценностей.

Сегодня общественная практика диктует необходимость повышения уровня знаний, способностей, умений, связанных с производством, переработкой, хранением, передачей и потреблением информации. Но информационную культуру уже нельзя рассматривать только как набор способов обработки информации с помощью компьютеров. Она включает в себя еще и компоненты, связанные с этикой, культурой познания, культурой информационных потребностей, саморазвитием личности, культурой трансляции и формирования системы знания, передачи результатов познавательной деятельности обществу. Важно уметь не только эффективно пользоваться информационными технологиями, но и, в большей степени, той информацией, которую мы получаем с их помощью. Выбор и осмысление информации зависят от человека. Воспитание критического мышления и умение ориентироваться в огромном

объеме информации, к которому сегодня человек имеет доступ, является важной составляющей информационной культуры.

Таким образом, формирование информационной культуры становится жизненно важным процессом для человека и общества в целом. В информационном обществе культура определяет качество информационной деятельности по воспроизведению и обновлению человеческого бытия. Информационная культура отражает уровень развития общества, творческих сил и познавательных способностей человека, выраженных в типах освоения мира, уровень организации жизни человека и общества.

Можно констатировать, что степень овладения людьми социальной информацией с помощью информационных технологий, возможность ее эффективно использовать в процессе организации различных видов деятельности, являются важными характеристиками информационной культуры современного общества. Это обусловлено тем, что информационная культура включает в себя развитые навыки работы с информацией, информационные потребности людей, их знания о верном использовании информации с помощью современных информационно-коммуникационных технологий и техники, т. е. степень умения человека жить и работать в условиях современного информационного пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Перчук Е.Е. Информатизация и информационная безопасность: Философско-методологические аспекты: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08. — М., 2002. — 30 с.
2. Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. — 1994. — № 4. — С. 14–34.
3. Holl S. The centrality of culture: notes on the cultural revolutions of our Time // Media and cultural regulation. — London: Open Univ., 1997. — 207 p.
4. Tehranian M. Global communication and intonation relations: changing paradigms and policies// Internationals Journal of Peace Studies. — 1997. — № 2 (1). — P. 39–64.
5. Колин К.К. Информационная цивилизация. — М.: Институт проблем информатики РАН, 2001. — 112 с.
6. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2003. — 232 с.
7. Yukio T. The dominance of English and Linguistic discrimination // Media Development. — N.Y., 1992. — 192 p.
8. Quoted in Noble D. Forces of Production: A Social History of Industrial Automation. — N.Y.: Knopf, 1984. — P. 71–76.

Поступила 11.05.2011 г.

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ГАЗЕТЫ

В.В. Максимов, Е.В. Найдёв, А.Н. Серебренникова

Томский политехнический университет

E-mail: v_v_maksimov@rambler.ru

Университетская газета исследуется в рамках дискурс-анализа. Выделяются основные особенности корпоративной газеты как дискурсивного целого. Корпоративные средства массовой информации сопоставляются с другими видами печатных изданий. Сделан вывод о том, что университетская газета использует три основных коммуникативных стратегии: прямого информирования читателей, агонального воздействия на сознание реципиентов и нарративного превращения фактов в события.

Ключевые слова:

Масс-медиа, дискурс, корпоративная газета.

Key words:

Mass-media, discourse, corporate newsletter.

1. Дефиниция университетских масс-медиа

Университетские масс-медиа (УММ) — это периодические, в основном печатные, издания, главная цель которых состоит в освещении всех сфер жизнедеятельности конкретного вуза.

Исходя из предложенной дефиниции, мы полагаем, что в системе специфических признаков УММ следует выделять две основные группы. С одной стороны, это свойства, являющиеся общими для современной масс-медийной продукции в целом; с другой, — обнаруживаются такие особенности, которые свойственны только УММ, что обеспечивает им особое место на рынке печатной продукции. Назовем эти признаки и рассмотрим их более подробно:

- информативность;
- форматность;
- системность;
- автокоммуникативность.

УММ обладают двойной информационной задачей, что, в свою очередь, влияет и на особую форматность данного типа издания.

Во-первых, в качестве целевой аудитории данного вида СМИ следует назвать сам коллектив конкретного вуза. На первый взгляд, члены единой университетской корпорации хорошо знают о том, чем живет коллектив и что происходит в стенах университета [1], поэтому может возникнуть вопрос о том, насколько необходимо издавать свою многотиражку, недостаточно ли ограничиться той молвой, толками и информацией, которая и без газеты передается от человека к человеку, из подразделения в подразделение, существует в форме распоряжений, решений, приказов, объединяет студентов и сотрудников на площадках разных мероприятий — конференций, выставок, фестивалей, спортивных состязаний и праздничных торжеств? Действительно, при таком обилии информационных потоков, пронизывающих и объединяющих университетскую корпорацию, зачем газета?

Дело в том, что информация, существующая в свободном потоке, и информация, выраженная в масс-медийном формате — это разнопорядковые

явления. Если учесть, что среднестатистическое количество членов университетской корпорации насчитывает несколько десятков тысяч человек, которые к тому же распределены в континууме университетской жизнедеятельности так, что между людьми, малыми и большими группами возникают разрывы во времени и пространстве, то становится понятным, что без многотиражки просто не обойтись. Она действительно позволяет объединить всех причастных к корпоративной жизнедеятельности путем оперативного информирования о том, что уже состоялось и что планируется в ближайшее время. Здесь, на обозримом пространстве еженедельной газеты достаточно плотно и внятно сообщается о самом существенном, интересном и полезном.

Во-вторых, в качестве второго круга целевой адресованности следует назвать разнородную группу читателей, не принадлежащих непосредственно к университетской корпорации, но проявляющих большой интерес к реальности университета. К данной «внешней» целевой аудитории относятся:

- старшеклассники городских и сельских школ (а так же их родители), которые стоят на пороге серьезного жизненного выбора — места получения качественного высшего профессионального образования;
- представители органов муниципальной и региональной власти, в чье ведение входят вопросы паритетного участия в формировании и реализации эффективной образовательной политики;
- лидеры сектора социо-культурной и хозяйственно-экономической инноватики, представители бизнес-сообщества, заинтересованные в диверсификации рынков труда и занятости, а также в возможностях инвестиций в образование;
- международные партнеры по средне- и долгосрочным программам и проектам сотрудничества, как правило, представляющие различные культурные, национальные и языковые региональные центры (Запад — Восток, Север — Юг).

Очевидно, что двойной контур адресной ориентации УММ является неоспоримым фактом современной реальности университетского движения. Наличие многообразных и разнородных позиций адресатов, безусловно, влияет на характер поиска и подачи информации в корпоративных СМИ, в которых невозможно писать обо всем на одном и том же языке, используя одну и ту же смысловую единицу представления содержания, например, только новости, или только обзор, или только репортаж.

Подчеркнем еще раз: каждая группа и подгруппа адресатов предполагает использование особых способов, форм организации и подачи материалов, которые, как будет видно дальше, выходят за рамки прямого информирования.

2. Позиция УММ на масс-медийном рынке

Автокоммуникативность и системность как существенные особенности УММ становятся понятными из сопоставления корпоративных СМИ с иными печатными изданиями в сфере масс-медиа.

Как известно, полнее всего в отечественном гуманитарном контексте изучен феномен так называемой «**партийной прессы**», что находит свое объяснение в той монопольной роли, которую выполняли партийные газеты в жизни советского общества [2]. Популярность этой темы в гуманитарных науках (прежде всего в истории) объяснялась самим фактом беспрецедентной социальной революции и вызванных ею глобальных изменений. Молодое советское государство оказалось в кольце капиталистических держав, и нужно было не только отстаивать революционные завоевания, но и обеспечивать экономическое развитие страны в условиях острой конкуренции с Западом. Все это привело к тому, что партийная пресса изначально возникла на пересечении двух основных коммуникативно-стратегических установок: с одной стороны, **идеологического дискурса** [3] как самого сильного средства политического конструирования идеалов, ценностей и норм, а с другой — **агональной дискурсии** [4], или (нео)риторики как эффективного арсенала средств внутри- и межстрановой конкуренции в ситуации состязания разных политических систем.

В постсоветское время интерес исследователей к партийной печати усилился: *во-первых*, сама сфера политической периодики стала значительно шире и разнообразнее (возникла и утвердилась многопартийная печать), а *во-вторых*, методы концептуально-языковой деятельности постсоветских партийных газет стали гораздо тоньше и сложнее (механизмы скрытого влияния, полемики, диалога и пр.).

Второе место в рейтинге научной привлекательности российских СМИ занимает так называемая «**желтая пресса**», которая получила большое распространение в эпоху перестройки и гласности. Этот тип периодических изданий абсолютно далек

от контекста высокой идеологической борьбы и созидательной духовно-культурной деятельности.

Любимые персонажи бульварной прессы — одиозные политики, скандальные звезды, олигархи, разноликие светские львы и львицы, эпатажные писатели и режиссеры, представители криминального мира, лидеры теневого бизнеса, корыстные чиновники и многие другие герои «смутного времени». Вместо фактов, а точнее под видом фактов, на страницах бульварных хроник публикуются всевозможные сенсации, скандалы, сплетни и домыслы — одним словом, все то, что может подогревать обывательский интерес неприхотливого читателя.

Популярность «желтой прессы» объясняется тем, что она удачно совмещает ресурсы двух плотно соседствующих дискурсов: **дискурса повседневности**, самого неприхотливого и одновременно вездесущего, и **агонального дискурса**, за счет использования манипулятивных техник которого она наращивает огромный потенциал воздействия на обывательский кругозор среднестатистического потребителя газетного чтения.

Далеко не последнее место в перечне изучаемых СМИ занимают периодические издания, относящиеся к массовой и эмигрантской прессе. Однако «**эмигрантская пресса**» [5], которая возникла сразу же после революции и гражданской войны как свободная трибуна «старых русских», оказавшихся по воле судьбы за пределами России, после демонтажа советского режима частично потеряла свою привлекательность.

Несмотря на многообразие эмигрантской, а позднее также диссидентской и правозащитной активности, основная коммуникативная стратегия данного типа издания заключалась в охранительной и реставрационной установке: спасти прежнюю дореволюционную Россию, сберечь основные культурно-духовные ценности нации и т. п.

Другая задача исходила из миссионерской установки необходимости укоренения русской диаспоры, рассеянной по многим локальным регионам и территориям Запада и Востока. Поэтому концептуальное пространство эмигрантской прессы образовывали два основных дискурса: **художественно-духовный**, или точнее культуртрегерский, и контридеологический, или **критический**, позволяющий разоблачить ложь и опасность советской политической пропаганды.

Подлинным лидером отечественных СМИ в последнее десятилетие стала «**массовая газета**» [6], адресованная обществу в целом и широкому кругу разноликой читательской аудитории. Безусловно, и на страницах данного типа изданий можно обнаружить материалы, которые используют ресурсы идеологического и контридеологического, художественно-духовного и повседневного, манипулятивного и информативного дискурсов, но не они образуют концептуальную и структурную основу медиа-высказывания массовой прессы. Мас-

совая газета постоянно апеллирует к фактам, умеет их подавать, интерпретировать и анализировать, но, что более значимо, она стремится превращать факты в события.

Массовая газета не влияет, не манипулирует, не убеждает, не критикует, не развлекает — она рассказывает, повествует, создает событийную историю часа, суток, недели, месяца, года — одним словом, конструирует живую летопись страны и регионов. Поэтому в качестве текстопорождающего начала здесь стоит выделить **нарративный дискурс** [7, 8].

Профильные, отраслевые и корпоративные СМИ (или, как обычно называют последние — «многотиражки») составляют последнюю группу изданий, которым повезло с исследователями в гораздо меньшей степени. Именно в этом ряду находятся УММ, разделяющие капризную судьбу других бастардов информационного рынка. Действительно, какой особый научный интерес можно извлечь из материалов, которые связаны с информацией об исключительно внутривузовских делах, событиях и фактах?

Эти газеты не содержатся в каталогах, их не доставляют в ваши дома по почте, они не распространяются через сеть Союзпечати. Эти издания публикуются не очень большими, иногда крайне скромными тиражами, распространяются свободно и бесплатно в корпусах университетов, оседают в архивных подшивках вузовских библиотек. У корпоративных СМИ простые задачи: сообщать о том самом значительном и интересном, что было в жизни конкретного университета, и анонсировать то, что намечается в ближайшее время. Если подыскать краткую формулу, которая бы содержала необходимую и достаточную характеристику данного типа изданий, то можно было бы предложить следующее: «*сами — о себе — для себя*».

Одна из существенных особенностей корпоративных СМИ заключается в их предельной автокоммуникативности — здесь нет особой разницы между авторами газетных текстов и их читателями: в принципе, любой человек, причастный к университетской корпорации, может подготовить материал и рассчитывать на его публикацию.

Кроме безусловных плюсов, автокоммуникативность многотиражки становится фактором, ограничивающим значение данного печатного формата рамками исключительно корпоративной культуры и даже еще уже: контекстом жизнедеятельности только одного вуза. Наверное, именно с этим последним обстоятельством и связано отсутствие интереса у исследователей к данному типу издательской практики, так как крайне рискованно и как-то не академично предпринимать изучение столь локального и узкого материала.

Может показаться, что здесь не существует никакой особой проблемы и даже повода для проведения специального исследования. Действительно, все перечисленные дискурсы, работающие в пространствах других масс-медийных

изданий, достаточно легко обнаруживаются и на страницах корпоративной университетской прессы. Только здесь они ориентируются на системную задачу: отразить все сферы университетской жизнедеятельности. В результате современный вуз можно интерпретировать и позиционировать по-разному:

- университет — это пакет управленческих программ, направленных на развитие корпорации;
- университет — это поток административной документации: приказов, распоряжений, служебных записок;
- университет — это совокупность междисциплинарных и специализированных научных исследований;
- университет — это проектно-экспертная активность в связке вуз—промышленность — бизнес;
- университет — это целостная образовательная программа, предусматривающая широкий спектр востребованных специальностей и профессий;
- университет — это технологическая платформа, обеспечивающая всю панораму горизонтов современных образовательных траекторий;
- университет — это терминал всех существенных антропопотоксов современной социокультурной ситуации.

3. Коммуникативные стратегии УММ

Как известно, все разнообразие современных российских вузов можно свести к трем основным типам:

- классические;
- технологические;
- профильные.

Внутри каждой из перечисленных типологических разновидностей вузовской практики корпоративные СМИ реализуются в ориентации на определенный вид коммуникативной стратегии.

Так, для профильных вузов, к которым относятся не только узкоотраслевые и ведомственные институты, но медицинские и педагогические университеты, наиболее актуальной является **стратегия прямого информирования**. Дело в том, что данные вузы, как правило, четко встроены в вертикальные и горизонтальные отношения подведомственных и отраслевых инфраструктур и программ развития.

Стратегическая установка наиболее продвинутых технологических университетов включает целевые задачи прямого информирования, но в целом является более сложной и комплексной. Как известно, политехнические вузы еще в советское время вели активную хозрасчетную и коммерческую деятельность. Интенсивный опыт саморазвития, здоровый прагматизм и реализм, стремление быть активным игроком на всех рынках труда, занятости, престижа и репутации, постоянная установка на лидерство — все это позволяет воспринимать коммуникативную стратегию УММ политехников как **агональную**, то есть состязательную, соревновательную.

Наконец, классические университеты нацелены на трансляцию фундаментальных идеалов, ценностей и норм, обеспечивающих внимание государства, общества и бизнес-элит к традиции в целом. Поэтому базовой коммуникативной стратегией корпоративных СМИ классических университетов становится **нарративная установка**, проявляющаяся в искусстве тщательного выстраивания собственной истории в масштабах истории города, региона и страны в целом, в умении строить «великие рассказы об университете» [9].

Безусловно, такое распределение коммуникативных стратегий по корпоративным СМИ является результатом теоретических идеализаций, объясняющих зависимость типологии университетов от классификации корпоративных СМИ. В реальной социо-исторической ситуации и в наличных практиках университетского движения исследова-

тель сталкивается не с идеальными сценариями, а со смешанными феноменами, что является принципиальной чертой постиндустриальной эпохи и экранной культуры, которую еще иначе называют «ситуацией Модерна» [10], сменившей другую большую культурно-историческую эпоху «Просвещения» [11].

Выводы

Определена позиция университетской корпоративной газеты в сфере масс-медийного рынка. Университетские масс-медиа осмысляется как пространство междискурсивного взаимодействия. Высказана гипотеза об обусловленности коммуникативной стратегии университетских масс-медиа типологическим профилем вуза: специализированные — информативность, технологические — агональность, классические — нарративность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимов В.В., Найдён Е.В., Серебренникова А.Н. Концептуальное ядро университетского дискурса // Известия Томского политехнического университета. — 2010. — Т. 317. — № 6. — С. 199–204.
2. Кузнецов И.В. История отечественной журналистики (1917–2000). — М.: Флинта, 2003. — 640 с.
3. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
4. Шатин Ю.В. Живая риторика. — М.: Международный институт менеджмента ЛИНК, 2000. — 80 с.
5. Яковлева Т.А. Пути возрождения: Идеи и судьбы эмигрантской печати П.Б. Струве, П.Н. Миллюкова и А.Ф. Керенского. — Иркутск: Изд-во Иркутской экономической академии, 1996. — 216 с.
6. Силантьев В.И. Газета и роман. Риторика дискурсивных смешений. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 224 с.
7. Шмид В. Нарратология. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
8. Подорога В.А. Событие и массмедиа. 2011. URL: <http://www.podoroga.com/sobimass.html> (дата обращения: 14.11.2011).
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: «Институт экспериментальной социологии»; СПб.: Изд-во «АЛЕТЕЙЯ», 1998. — 160 с.
10. Тюпа В.И. Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 320 с.
11. Фуко М. Что такое Просвещение? / Пер. с фр. и примечания Н.Т. Пахсарьян // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 1999. — № 2. — С. 132–149.

Поступила 14.11.2011 г.

УДК 008.009:39;81'373.231

КУЛЬТУРОГЕННЫЕ ФУНКЦИИ ПЕРСОНАЛЬНОГО ИМЕНИ В ДИСКУРСЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ГАЗЕТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ ТПУ «ЗА КАДРЫ»)

В.В. Максимов

Томский политехнический университет

E-mail: vmaksimov@tpu.ru

Выявляются особенности персонального имени, актуальные для контекста современных масс-медиа. Отмечается зависимость номинативных стратегий от жанровых конвенций медиа-текста и типологических разновидностей современных университетов. Анализ осуществляется на материале выборки номеров газеты Национального исследовательского Томского политехнического университета «За кадры» за период 2005–2012 гг.

Ключевые слова:

Масс-медиа, дискурс, имя, коммуникативные стратегии культуры.

Key words:

Mass-media, discourse, name, communicative strategies of culture.

Персональное имя и спектр номинативных стратегий

Одной из актуальных проблем гуманитарных наук, в целом, теории культуры и лингвокультурологии, в частности, является проблема комплексного осмысления персонального имени в контексте дискурсных практик современности. Представители различных гуманитарных наук рассматривают имя как многоаспектный объект:

- философы стремятся осмыслить его онтологическую природу [1–3];
- политологи и социологи анализируют имя как способ распределения в социальном поле ресурсов символической власти [4, 5];
- для искусствоведов имя становится ключом к проблеме авторизации произведения искусства [6];
- психологи «читают имена» как знаки индивидуальной и коллективной самоидентификации современного человека [7].

Особый интерес представляет имя для историков и теоретиков культуры, которые представляют его как особую смысловую организованность и универсальный знак [8]. В контексте культурологических исследований магистральные номинативные стратегии интерпретируются как производные от совокупности операций смыслопорождения, которые распределяются по двум полюсам — конструктивному (утверждение имени) и деструктивному (отрицание имени). Вслед за авторитетными исследователями [9, 10] мы выделяем двенадцать базовых номинативных стратегий культуры и соответственно шесть основных ценностно-смысловых и эмоционально-экспрессивных оппозиций, в центре которых находится имя:

- наследование — изобретение;
- дарение — отнимание;
- присвоение — отчуждение;
- оберегание — искажение;
- хранение — потеря;
- утаивание — самозванство (автономинация).

Во всех перечисленных направлениях работы с именем оно, не утрачивая своего фактического содержания (отнесенность к конкретному челове-

ку), приобретает дополнительные смысловые грани, становясь способом символической репрезентации, что всецело зависит от особенностей дискурса, в рамках которого оно функционирует.

Так, в пространстве научной дискурсии существует устойчивая норма, исключаяющая прямую номинацию автора исследования. Вместо форм персонификации используются условно-коллективные формулы, грамматически связанные с перволичным местоимением «мы»: «мы полагаем», «по нашему мнению», вплоть до безличных форм «думается», «считается», «следует». В то же время в контексте любой научной дисциплины и области существует круг наиболее авторитетных источников, концепций, теорий и соответственно имен, которые составляют классику данной научной традиции, ее основу. По отношению к этому кругу имен обязательным становится цитирование, предполагающее четкий формат допустимого способа оформления ссылок и сносок, в том числе и указание персонального имени авторитетного исследователя.

В рамках эстетического дискурса феномен личного авторства возникает сравнительно поздно и достигает своего максимального расцвета в эпоху романтизма с ее установкой на индивидуальный художественный стиль. Однако наряду с авторизацией в искусстве постоянно существовала двойная возможность: с одной стороны, скрыть свое подлинное имя за вымышленным псевдонимом, а с другой — зашифровать его, используя ту или иную степень секретности персонального кода. Наконец, в эпоху постмодернизма, особенно с появлением и распространением компьютерных технологий, когда в литературном контексте появляется так называемая сетевая словесность («сетература»), начинает широко использоваться фигура полной деавторизации — анонимность (факт, отмеченный М. Фуко). Аналогичные способы обыгрывания персонального имени содержатся в пространстве других дискурсов современности — моральном, политическом, рекламном, медийном и пр.

Для того чтобы глубже понять принципы и законы функционирования имени в культуре, необходимо выявить основные моменты его жизненного цикла, что является достаточно новой научной задачей. «Реальная жизнь имени» начинается тогда, когда оно приобретает своего носителя (того или иного конкретного человека). Известно, какое значение имеет в каждой семье сам момент выбора — подбора имени для новорожденного, иногда родители определяются с именем задолго до самого момента рождения ребенка. В большинстве случаев имя наследуется по семейному преданию или культурной традиции, но нередко встречаются и такие ситуации, когда имя не выбирается из словаря, а заимствуется из актуального культурного контекста (выбор имени по герою дня, или по киномоде), а также изобретается (например, известные из революционной эпохи советской истории имена Мэл © ор, Владлен, Домна, Октябрина, Электрина).

Эта исходная антропономинация начинает событийную историю имени, которая со временем обрастает дополнительными смысловыми контекстами и ценностными оттенками, что во многом обусловлено уже самим носителем имени, его рефлексией и поступками. Можно с полным правом говорить о том, что не только имя влияет на судьбу человека, но и человек влияет на смысловое насыщение имени. Перефразируя строчку известного поэта А. Кушнера, можно сказать: «Имена <времена> не выбирают, в них живут и умирают».

Имя действительно открывает перед человеком определенное пространство возможностей, позволяющих репрезентировать себя в социо-культурном поле. Известно, что имя обладает способностью пережить своего хозяина и остаться в большом времени культуры. Причем парадокс заключается в том, что потомки помнят не только имена создателей (Иисус, Л. Корбюзье), но и разрушителей (Иуда, Герострат). Итак, на входе в жизненный цикл имя наследуется, на выходе из жизненного цикла имя сохраняется, запоминается, помнится. Во внутренних границах самого процесса функционирования имя может претерпевать различные событийные повороты: человек развивается, накапливает опыт, проходит череду жизненных испытаний и вместе с ним в культуре может развиваться и расти символический смысл его имени.

Здесь существенным моментом становится масштаб, в котором имя ограничивает свои функциональные полномочия. Это может быть максимально широкая сфера — вся культура в целом, или тот или иной сегмент адаптации имени к культурной среде, вплоть до существования антропонима в тени официальной культуры, в маргинальной области (любопытным примером последнего является феномен «маленького человека», известный из контекста русской классической литературы: например, гоголевский герой Акакий Акакиевич Башмачкин, в ряду возможных имен которого поведомителем упоминаются экзотические Псой и Говиний).

По отношению к контексту корпоративного мира и соответствующему ему типу дискурса определяющими рамками для персонального имени становится далеко не все пространство культуры, а «корпоративная культура», характеризующаяся миссией, целями и ценностями, стилем профессиональной деятельности и даже ежедневным жизнеукладом. Как известно, корпоративная жизнедеятельность конституируется на основании двух организационных принципов — «вертикального» или «горизонтального», поэтому персональное имя выводится в дискурс в двух основных проявлениях — иерархическом или сетевом. В первом случае символический потенциал имени интерпретируется как производный от **мысле-деятельностной позиции**, которую в иерархическом мире корпорации занимает носитель имени, во втором случае имя необходимо истолковывать как производное от **коммуникативно-деятельностной роли** члена корпорации.

В корпоративном дискурсе персональное имя всегда сопровождается дополнительной атрибуцией и предикацией. Оно расширяется в позицию и роль, в следующие концептуально-семантические ряды: «должность», «звание», «успех», «удача», «достижение», «планирование», «конкуренция», «кооперация». В таком случае возникает возможность включать в состав содержания понятия «персонального имени» не только традиционные знаки персональности, но и более широкий контекст.

Персональное имя воплощается в вариативной форме, не столько в своем семантическом (смысловая весомость имени) или прагматическом (целевая направленность имени), сколько в синтагматическом плане (имя как комплекс взаимоусиливающих номинаций). Действительно антропоним в составе масс-медийного корпоративного дискурса всегда синтагматичен, это самостоятельная единица, своего рода дискурсивный оператор, точка сборки информации. В таком случае в качестве отдельной исследовательской задачи представляется необходимым исчислить разновидности антропономинативной синтагмы. Полная именная синтагма включает в свой состав: а) **персональный момент номинации** — само персональное имя; б) **атрибутивный момент номинации** — выделение свойств и качеств, производных от мысле-коммуникативной роли, которую занимает носитель имени в сети межличностных отношений; в) **предикативный момент номинации** — выделение действий, процессов, производных от мысле-деятельностной позиции, которую занимает носитель имени в системе корпоративной иерархии.

Все остальные варианты возникают как та или иная степень нарушения или отказа от полной именной синтагмы. Например, дезактуализация в именном комплексе персонального момента обнаруживается на тех газетных полосах, где публикуются сообщения о вакансиях. Здесь перечисляются только либо атрибутивные, либо предикатив-

ные характеристики, что определяется характером самой должности, корпоративной позиции, выставленной на конкурс.

В информационных сообщениях об итогах спортивных, художественных, творческих мероприятий, как правило, акцентируются моменты персонализации (имена и фамилии участников) и атрибуции (не просто участники, а победители и призеры). Почему это атрибутивный, то есть указывающий на роль, а не предикативный, соответствующий позиции, аспект? Дело в том, что сама номинация («призер», «победитель», «дипломант») имеет значение только в рамках данного мероприятия и коммуникативного события и не гарантирует участнику, ставшему призером, такой же победы в будущем.

В информационных сообщениях, связанных с большими достижениями в области научно-исследовательской, учебно-образовательной, административно-управленческой деятельности, актуальными становятся моменты персонализации и предикации именного комплекса. Особенно это касается тех случаев, когда речь идет о существенном научном открытии или изобретении, о весомом прецеденте, например, защите докторской диссертации до тридцатилетнего возраста, о разработках сегмента комплексной программы развития университета и т. д.

Корпоративная печать почти не использует номинативные стратегии, в которых акцентируется только один из трех возможных моментов именной синтагмы. Даже в тех случаях, когда в газетном тексте сообщается о первых лицах университета, которые известны всем сотрудникам и студентам, а поэтому можно было бы ограничиться предельно сжатой номинацией, используются развернутые именные синтагмы.

Сокращение номинативного комплекса всегда мотивируется информационным поводом и жанровой конвенцией. Так, в рамках жанра очеркового портрета юбиляра допускается свободное варьирование персонального имени, когда наряду со стандартной формулой (фамилия — имя — отчество) допускается использование сокращенных знаков персональности (только имя).

Широкая вариативность предполагается и в тех случаях, когда в именной комплекс вводится несколько атрибутивных моментов, фиксирующих жизненную историю того или иного сотрудника в ее ролевом воплощении, что позволяет подчеркнуть яркие индивидуальные особенности человека, черты его характера, качественные особенности его жизненного стиля в ситуациях, которые могут собираться не только из контекста проявления данного человека внутри корпорации, но и за ее рамками.

Наиболее регламентированным в дискурсе корпоративной печати является предикативный момент антропономинии. Здесь обязательным становится упоминание таких аспектов, как должность, звание, степень, место в постоянных организационных структурах и временных рабочих

коллективах. Кроме того, этот ряд способен расширяться в зависимости от специфики используемого жанра журналистики [11, 12]. Например, может сообщаться информация о правительственных наградах, о других знаках отличия; о руководителях, которые определили карьеру будущего ученого (героя публикации), и об его собственных учениках, достигших определенных результатов; о партнерах по международным и федеральным программам; о коллегах по временным комиссиям, комитетам, рабочим группам и проектным командам; о других символически-репрезентативных статусах (работа в конкретных должностях в муниципальных или региональных органах управления; почетный гражданин города и т. д.). Весь круг перечисленных аспектов предикации наиболее ярко и органично представлен в рамках такого журналистского жанра как портретный очерк.

Заметим, что номинативные стратегии корпоративной печати обладают высокой мобилизующей силой. Они одновременно информируют и воспитывают, то есть сообщают о «конкретном герое дня» и создают образцовую по своему духу историю успеха личности. В связи с этим культурогенная функция персонального имени проявляется в том, что имя становится знаком причастности каждой личности к коллективному делу. Читатели газеты еженедельно знакомятся с многообразием индивидуальных траекторий и общим вектором развития университета, что позволяет каждому работать над созданием условий, необходимых для того, чтобы со временем вписать в историю корпорации и свое имя.

Персональное имя на страницах университетской газеты «За кадры»

Вопрос о том, как осуществляется непосредственная работа с персональным именем на страницах университетской газеты, будет рассмотрен на материале газеты ТПУ «За кадры», которая имеет давнюю историю, обладает славными традициями и соответствует современным стандартам корпоративных масс-медиа. Для анализа выбрано двенадцать номеров газеты из годовых подписок за период с 2006 по 2012 гг. [13–24]. Прделанная на основе методов лингвокультурологии и дискурс-анализа работа позволяет остановиться на следующих наблюдениях.

Во-первых, персональное имя является обязательным элементом университетского газетного дискурса. Так, в каждом из рассматриваемых номеров газеты «За кадры» оно встречается в среднем 210–220 раз (случаи повтора персонального имени на страницах одного номера мы не учитывали). Причина такой высокой частоты объясняется целевой установкой многотиражки: газета стремится системно информировать членов университетской корпорации об интересных событиях, знаменательных датах, весомых проектах и готовящихся мероприятиях, в центре которых всегда находятся два главных героя — человек и коллектив.

Во-вторых, учитывая объем газеты «За кадры» (32 полосы), можно определить среднее количество упоминаний имени на одной странице. Этот показатель в среднем равен семи, что является отличительной чертой данного вида масс-медийных изданий.

Для таких разновидностей современных средств массовой информации, как партийная печать и «желтая пресса», аналогичный показатель обладает тенденцией одна полоса = одно персональное имя (либо своего политика, либо одиозной «звезды»). Минимальным остается этот показатель и в контексте «качественной прессы», которая ориентируется на профессиональную подачу аналитической информации и обязательно использует имя эксперта, стоящее под опубликованным материалом.

Противоположная тенденция обнаруживается на страницах профильных средств массовой информации, которые специализируются на освещении какой-то одной сферы, например, культуры или спорта. Здесь количество имен, упоминаемых на одной газетной полосе, можеткратно увеличиваться, особенно в тех случаях, когда речь идет о массовых мероприятиях — театральных фестивалях, кинокурсах, чемпионатах мира, олимпиадах. Наконец «массовая печать» (наиболее показательные примеры — «Аргументы и факты», «Независимая газета», «Комсомольская правда») отличается тенденцией к максимально возможному количеству имен на одной полосе, что объясняется широкой целевой аудиторией федеральных средств массовой информации.

По отношению к обозначенному рынку масс-медийных изданий, университетская пресса отличается стремлением занять среднюю сбалансированную позицию.

В-третьих, персональное имя обладает двум основными культурогенными и дискурсивными функциями — фактографической и символической репрезентации. Каждое имя — это реальный человек, занимающий в университетском мире свое особое место и обладающий широкими возможностями развития, которые осуществляются за счет перехода из одной деятельностной позиции в другую и за счет смены временных коммуникативных ролей. Большая часть имен, встречающихся на страницах газеты «За кадры», — это сотрудники университета (около 90 %), на долю остальных 10 % приходится упоминание персональных имен международных партнеров, представителей органов федеральной, региональной и муниципальной власти, предпринимателей и общественных деятелей, сюда же относятся антропонимы, известные из общекультурного контекста — ученые, писатели, театральные режиссеры, люди, внесшие большой вклад в развитие культуры и цивилизации.

В-четвертых, для выражения персонального имени на страницах многотиражки используется языковая форма, стилистически нормированная сферой официально-деловой коммуникации и

предполагающая несколько стандартных вариантов: полный (условно — *Иван Иванович Иванов*), сокращенный (условно — *И.И. Иванов* и *И. Иванов*). Заметим, что такое единообразие выполняет в масс-медийных текстах дополнительную функцию. Дело в том, что вся совокупность имен, появляющихся на страницах университетской газеты, может быть распределена на три группы. К первой из них принадлежат персоны, занимающие организационно-управленческие позиции в иерархии корпоративного мира (руководители, менеджеры, администраторы). Актуализация данной группы персональных имен в дискурсивном пространстве многотиражки является обязательной нормой корпоративных газет. Другую группу персональных имен образуют «рядовые» представители университетского мира. Наконец, стоит помнить, что с момента своего рождения и по сегодняшний день университет развивается на основании кафедр как минимальных организационных единиц университетской жизнедеятельности. В связи с этим совершенно особым статусом в системе персональных медиа-имен обладают имена основателей и руководителей кафедр, лидеров научных кафедральных школ и направлений.

Однообразие языковой формы персонального имени призвано нейтрализовать различие между персонами, стоящими за именами и занимающими в корпоративной иерархии разные позиции, потому что в конечном счете все члены университетского мира делают одно общее дело.

В этом плане отдельного исследования заслуживает динамика номинативных стратегий на страницах вузовской прессы. В частности, было бы крайне любопытным выборочно просмотреть газетные номера за ряд десятилетий и попытаться ответить на следующие вопросы: как и в каких направлениях изменяются эти три именные группы, как они контекстуализируются в разных жанрах журналистики, в каких концептуальных перспективах утверждаются разные группы имен?

В-пятых, стратегии номинации определяются жанровыми конвенциями. Жанр является одной из ключевых категорий современной культурологии. Его специфика определяется двумя аспектами: первый, онтологический, соотносится с создаваемой картиной мира и образом человека, второй отвечает за технологические параметры жанровой формы, а именно за систему отношений между автором и читателем (слушателем, зрителем и т. п.). Журналистика как дискурсивная практика возникла в самом начале Нового времени и за три столетия, пройдя стремительное развитие, воспринимается в настоящее время как универсальный коммуникатор и поставщик информации.

Что отличает жанры журналистики от жанров других дискурсивных практик: науки, искусства, этики, религии? Прежде всего предельными идеями, на которые ориентируются перечисленные области творчества: для искусства — это идеи красоты и гармонии, для науки — идеи знания и исти-

ны, для областей морально-этической деятельности — идея должного, для религии — идея веры. Картина мира, создаваемая в рамках медийного текста, всегда связана с фактической реальностью и способами ее истолкования, объяснения, анализа и критики. Безусловно, далеко не вся информация попадает на страницы прессы, предпочтение отдается той, которая имеет непосредственное отношение к человеку и его жизнедеятельности в разнообразии ее областей и проявлений (интерес к политике, экономике, культуре, спорту, даже погоде на завтрашний день и еще многому другому). Именно поэтому газеты федерального уровня отличаются не только большими тиражами, но и высокой плотностью публикуемых материалов — информация практически обо всем. Масс-медийные издания, цели которых ограничены региональными масштабами или профильными тематическими рамками, осуществляют избирательную стратегию по отношению к публикуемым материалам. В корпоративных газетах картина мира теряет универсальный характер, главной целью здесь становится стремление создать образ корпоративного мира, каждый жанр отвечает за отдельный аспект обширной сферы коллективной жизнедеятельности.

Рассмотрим несколько наиболее актуальных для университетской прессы сценариев жанровой подачи материалов.

Исходным является такой сценарий, когда отдельный материал, опубликованный на газетной полосе многотиражки, обходится без имен, при этом в самом материале не указывается имя героя, а под или над материалом отсутствует имя автора публикации. Такая ситуация предусмотрена жанровыми параметрами **анонсов, новостей, объявлений, дайджестов**.

Второй случай предполагает наличие хотя бы одного имени, либо в тексте (герой), либо под текстом (автор). Например, в тексте может использоваться только знак авторизации: так, в последних номерах газеты «За кадры» традиционно публикуется серия новогодних поздравлений, с которыми VIP-персоны обращаются к сотрудникам и студентам университета [13. С. 3–5; 14. С. 3–5; 15. С. 2–3].

Ситуация, допускающая использование в газетной публикации одного имени героя информационного повода, является редкой в корпоративной печати, что объясняется общей дискурсивной нормой, предполагающей подавать достижения отдельного сотрудника как результат, в котором индивидуальное и коллективное неразрывно связаны и усиливают друг друга.

Следующий сценарий является регулярным для жанра **интервью**, в рамках которого обязательным становится наличие двух персон и соответственно — двух имен (интервьюируемого и журналиста) [16. С. 3; 17. С. 5; 18. С. 4–5, 8].

Последний случай соотношения «имени героя и имени автора» предусматривает две тенденции. С одной стороны, встречается стратегия коллек-

тивного авторства: сюда относятся **информационные сообщения-отчеты о завершенных проектах и обзоры мероприятий** — форумов, конгрессов, конференций [19. С. 13]. С другой стороны, в качестве героя дня может выступать «коллективный герой»: научный коллектив кафедры, проектная группа, спортивная команда, танцевальная студия, стройотряд [20. С. 23; 21. С. 32; 22. С. 28–29]. В таких материалах количество персональных имен резко увеличивается и составляет обычно пятую часть от всего объема антропонимов, представленных в номере. Эта же тенденция обнаруживается в жанровой форме **«портретного очерка коллективного героя»** [23. С. 16–17; 24. С. 10–11, 15–17].

В-шестых, культурогенные стратегии номинации, являясь общими для вузовских многотиражек, существенно разнообразятся в зависимости от того, в рамках какого типа университета издается газета. Несмотря на то, что российские вузы в последнее десятилетие претерпели существенные трансформации, не потеряла своей актуальности типология, в соответствии с которой можно выделять четыре основные разновидности современного университета: классические, технологические, профильные и педагогические.

В качестве принципов, которые позволяют упорядочить контекст беспрецедентного разнообразия университетских форм, выступают два. Первый из них помогает фиксировать позицию университета по отношению к временной оси, университетская корпорация актуализирует в своем самоопределении одно из двух направлений: прошлое — будущее. Вторым критерием фиксирует позицию университета по отношению к пространству деятельности, университетская корпорация самоопределяется в двух масштабах: локальном — глобальном. Перемножение выделенных критериев позволяет говорить о следующих четырех типах университетов:

- педагогические университеты (локальное прошлое — отрезок традиции);
- профильные, отраслевые университеты (локальное будущее — фаза инновации);
- классические университеты (глобальное прошлое — мир ценностей и идеалов);
- технологические университеты (глобальное будущее — мир целей и технологий).

Предложенная типология позволяет увидеть существенную разницу между средствами массовой информации, создающими информационную среду в университетских корпорациях, принадлежащих к различным типам.

Так, для многотиражек классических университетов магистральной будет являться **мемориальная стратегия номинации**, позволяющая репрезентировать персональное имя в контексте вечных духовно-культурных ценностей, то есть говорить о современниках на фоне существующего в традиции пантеона славных и достойных имен исторических деятелей, оставивших в культуре существенный след.

Корпоративные масс-медиа технологических университетов осуществляют **проектную номинативную стратегию**, которая позволяет репрезентировать персональное имя в горизонте прорыва в будущее, его эффективного освоения и говорить о человеке как об активном преобразователе мира и себя в мире. Именно эта стратегия определяет стиль корпоративной газеты Национального исследовательского Томского политехнического университета «За кадры».

Выводы

Анализ репрезентативного для университетской прессы материала позволил впервые осуществить лингво-культурологическую спецификацию персонального имени в составе масс-медийного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев А.Ф. *Философия имени* / А.Ф. Лосев. Самое само: Сочинения. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. — С. 29–204.
2. Флоренский П. *Имена* / П. Флоренский. Малое собр. соч. — Вып. 1. — М.: Купина, 1993. — 319 с.
3. Булгаков С. *Философия имени* / С. Булгаков. Сочинения в двух томах. — Т. 2. — М.: Искусство; СПб.: Инапресс, 1999. — С. 13–175.
4. Бурдые П. *Социология социального пространства* / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. — 288 с.
5. Пятигорский А.М., Алексеев О.Б. *Размышляя о политике*. — М.: Новое издательство, 2008. — 190 с.
6. Бахтин М.М. *Работы 1920-х гг.* — Киев: Next, 1994. — 325 с.
7. Анцыферова И.С., Генисаретский О.И. *Об иконической мета-модели для гештальт-терапии* // Труды лаборатории виртуалистики. — Вып. 1. Виртуальные реальности в психологии и психопрактике / под ред. Н.А. Носова и О.И. Генисаретского. — М.: Институт человека РАН, 1995. — С. 53–62.
8. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. *Миф — имя — культура* / Ю.М. Лотман. Избранные статьи в трех томах. — Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. — Таллинн: Александрия, 1992. — С. 59–76.

Антропономинация:

- является не периферийным, а базовым элементом корпоративных масс-медиа;
- выполняет всегда фактографическую функцию, т. е. указывает на конкретного реального человека, члена университетской корпорации;
- обладает потенциалом символической репрезентации за счет фиксации позиции и роли носителя имени в сфере университетской жизнедеятельности;
- максимально полно реализуется в жанре коллективного портрета, предполагающего интеграцию персонального и корпоративного;
- осуществляется благодаря двум основным стратегиям — мемориальной (ценностный контекст имени) и проектной (целевой горизонт имени).

9. Топоров В.Н. *Святость и святые в русской духовной культуре*. — Т. 1: Первый век христианства на Руси. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 875 с.
10. Элиаде М. *Тайные общества. Обряды инициации и посвящения* / пер. с фр. Г.А. Гельфанд; Науч. ред. А.Б. Никитин. — М.-СПб.: Университетская книга, 1999. — 356 с.
11. Силантьев В.И. *Газета и роман. Риторика дискурсивных смещений*. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 224 с.
12. Тертычный А.А. *Жанры периодической печати*. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 312 с.
13. *За кадры*. — 2005. — № 34 (3200). — 32 с.
14. *За кадры*. — 2008. — № 29 (3290). — 32 с.
15. *За кадры*. — 2011. — № 22 (3362). — 32 с.
16. *За кадры*. — 2007. — № 11 (3241). — 32 с.
17. *За кадры*. — 2010. — № 7 (3325). — 32 с.
18. *За кадры*. — 2011. — № 8 (3348). — 32 с.
19. *За кадры*. — 2006. — № 28 (3228). — 32 с.
20. *За кадры*. — 2007. — № 28 (3258). — 32 с.
21. *За кадры*. — 2008. — № 8 (3269). — 32 с.
22. *За кадры*. — 2009. — № 25 (3315). — 32 с.
23. *За кадры*. — 2010. — № 9 (3327). — 32 с.
24. *За кадры*. — 2012. — № 6 (3368). — 32 с.

Поступила 18.01.2012 г.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНАЛИТИКИ ПРИ СОЗДАНИИ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ

Ю.В. Шапкина

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

E-mail: Lucy253@yandex.ru

Рассматриваются компоненты брендинга и бренда территории, раскрываются возможности использования аналитики при его создании и продвижении. Под аналитикой понимается обширное использование данных, статистического и количественного анализа, описательных и прогнозных моделей для принятия решений и действий, на основе реальных фактов. Делается вывод о том, что аналитика является наиболее эффективным механизмом при создании и продвижении бренда территории.

Ключевые слова:

Бренд территории, законы брендинга, аналитика, отличительная компетенция.

Key words:

Territory brand, laws branding, analytics, the distinctive competence.

Заказчиком разработки бренда территории, как правило, выступают органы государственной власти и местного самоуправления. Кроме того, в Российской Федерации есть города и поселения, где одно предприятие является градообразующим. В этом случае бренд такого предприятия ассоциируется с конкретной территорией, поэтому и предприятие может выступать заказчиком бренда территории. По мнению различных консалтинговых компаний (например, консалтинговая компания «Конкретика» [1]), бренд территории (региона) понимается заказчиком как разработка бренда-слогана и проверяемых стандартов бренда, которые выступают как отличительный признак, выделяющий данную территорию и продвигающий ее ресурсы, разработка визуальных и графических стандартов (например, логотип, фирменный стиль, символика и т. д.). Те территории, которые участвуют в различных выставках и конференциях, в том числе и зарубежных, заказывают разработку различной рекламной продукции в одном фирменном стиле, стандартов презентаций и презентационной продукции.

В качестве услуги консалтинговые компании предлагают и разработку концепции участия в различных форумах, выставках на длительный период для выделения территории среди остальных участников. В связи с виртуализацией жизни и деятельности, развития электронной коммерции, усиления роли виртуального представительства территории в едином информационном пространстве особое значение имеет разработка системы взаимосвязанных сайтов и порталов, среди которых выделяются сайты органов государственной власти и местного самоуправления (в настоящее время активно развивающиеся в связи с реализацией концепции электронного правительства), различных организаций и предприятий, которые выступают участниками программы брендинга территории.

Создание бренда территории – это достаточно востребованная услуга. Разработчики на этапе заказа пытаются выяснить те конечные результаты, которые ожидает заказчик. В качестве конечного результата и критериев оценки успешности брен-

динга заказчики выделяют следующее: продвижение территории в число ключевых регионов страны, разработка программ по созданию имиджа территории для внутреннего и внешнего рынков, привлечение новых жителей, представителей креативных индустрий, высокотехнологичных технологий, инвесторов, увеличение бюджетных поступлений, разработка программ инновационного развития и прогноза экономического развития территории или отдельных отраслей на данной территории, увеличение туристических потоков и т. д.

Анализируя брендинг как процесс, опыт различных компаний, архитектуру бренда [2–5], можно выделить ряд законов, которые целесообразно применить и при разработке бренда территории. Мы опираемся на разработки Л. и Э. Райс: это законы расширения, сужения, неповторимости, качества, протяженности и т. д. [5]. Данные законы вполне применимы и при разработке бренда территории. Например, принцип хронотопа (время-место), т. е. бренд территории можно построить за определенное, сравнительно длительное время, требующее последовательных действий и подведения промежуточных результатов. Настоящая сила бренда заключается в отождествлении территории с каким-либо аспектом, отражающим ее отличительные черты и уникальность. Маркетологи выделяют и «закон границ»: распространение бренда территории во внешней среде должно иметь глобальный характер. Именно бренд территории ориентирован и микро- и макросреды. Закон оригинальности или неповторимости реализуется следующим образом: необходимо наличие оригинальной идеи, обеспечивающей брендирование, создание того уникального образа, который и выступит в перспективе отличительной компетенцией. «Только оригинальность и неповторимость позволяет бренду осуществлять его важнейшую социальную функцию» [3. С. 149]. Достаточно сложно использовать закон слова. Название территории должно порождать прямые ассоциации с территорией и её содержанием. Удачно данный закон применен в Хакасии, где брендом территории стало слово «Югра».

Д.А. Зеркаль, Л.Н. Мифтахова выделяют этапы создания бренда территории [4]: подготовка, аналитика, проектирование, реализация, оценка.

Анализ этих этапов, процессов, операций и соотношение их с принципами и законами брендинга позволяет сделать следующий вывод: необходим универсальный инструмент, позволяющий реализовать данные предложения наиболее эффективно, рационально и оптимально. Таким инструментом, на наш взгляд, является аналитика. В качестве инструментов брендирования территории выделяют стратегические, символические, рекламные и PR-инструменты. Но их применение будет более эффективным, если в основе лежит аналитика.

Использование аналитики позволяет превратить информацию, данные в знания, заставить идеи работать, получить конкурентное преимущество. Т. Дэвенпорт и Дж. Харрис считают, что аналитика — это конкурентное преимущество, это новая наука побеждать в острой конкурентной борьбе [3].

Рассмотрим аналитику, как эффективный механизм, при создании и продвижении бренда территории. В нашем случае бренд территории будет выступать как отличительная компетенция (термин взят у Т. Дэвенпорта и Дж. Харриса). Мы используем следующее определение аналитики применительно к бизнес-процессам. «Под аналитикой мы подразумеваем обширное использование данных, статистического и количественного анализа, описательных и прогнозных моделей для принятия решений и действий, на основе реальных фактов... Аналитика — это подмножество того, что принято называть бизнес-аналитикой или *Business Intelligence* — совокупности технологий и процессов, использующих данные для понимания и анализа бизнеса. В бизнес-аналитику входят как доступ к данным и отчеты, так и углубленная аналитика» [3. С. 28].

Многие территории, имеющие уникальное географическое положение, предлагают схожие продукты, схожие услуги, схожие технологии и т. п. Кроме того, в условиях глобализации в конкурентной борьбе географическое преимущество уже перестает играть такую роль. Сегодня надо обладать какими-то ресурсами, каким-то потенциалом, какой-то характеристикой, в которой территория сильнее всех остальных и т. п., то есть обладать «отличительной компетенцией». На наш взгляд, именно отличительная компетенция должна отражаться в бренде территории. «Мы определяем отличительные компетенции как интегрированные бизнес-процессы и способности, которые все вместе представляют клиенту обслуживание, отличное от предложений конкурентов, и образуют формулу коммерческого успеха организации» [3. С. 34].

Чтобы это реализовать необходимо использование аналитики, а предприятия, фирмы, в нашем случае и территория, использующие данный механизм, превращаются в аналитических конкурентов. Значит, использование аналитики при создании и продвижении бренда территории, превраща-

ет ее в аналитически конкурентную. «Аналитические конкуренты — это организации, которые выбрали одно или несколько отдельных направлений, сделали на них упор в своей стратегии как на конкурентные преимущества, а затем активно применили в этих направлениях методы анализа данных, статистический и количественный анализ и процедуры принятия решения на основе данных» [3. С. 31]. Тогда аналитически конкурентная территория — это территория, которая использует аналитику как механизм достижения конкурентных преимуществ.

Аналитика сама по себе стратегией в разработке и продвижении бренда территории не является, но ее использование для оптимизации определенных направлений представляет собой стратегию. Любую стратегию аналитика способна поднять на более высокий уровень. Подход к конкуренции на основе аналитики называют «стратегией на основе информации». Чтобы превратить территорию в конкурентоспособную, создать ее бренд, необходимо учитывать достаточно большое число факторов, порой трудно измеряемых, аналитика в этом случае выступает наиболее эффективным инструментом, требующим применение совокупности разнообразных приемов. В результате создается бренд территории, который позволяет ей конкурировать на основе аналитики. Такие территории (т. е. создатели и пользователи бренда) активно и систематически используют аналитику в стремлении обойти конкурентов — другие территории.

Территории, имеющие свой бренд, будут обладать следующими характеристиками:

- аналитика поддерживает стратегическую отличительную компетенцию данной территории;
- подход к аналитике и управлению ее в органах государственной власти, местного самоуправления, градообразующих предприятий и т. п. повсеместны;
- руководители всех уровней являются сторонниками использования аналитики;
- территория делает серьезную стратегическую ставку на аналитику как основу конкуренции.

Территория может характеризоваться по какому-то из этих аспектов, но «продвинутые» территории, к которым относим и территории инновационного развития, должны обладать всеми характеристиками. Чтобы бренд «работал», необходимо поддерживать стратегическую отличительную компетенцию, так как именно она является базовой характеристикой в брендинге.

Безусловно, аналитика подкрепляет собой конкурентную стратегию, но одновременно она должна подкреплять и конкретные важные направления деятельности держателей бренда. Обладание отличительной компетенцией означает, что участники смотрят на этот аспект своей территории (а значит и каждого компонента, присутствующего на данной территории) как на нечто выделяющее ее на фоне конкурентов и обеспечивающее ее успех на внешнем и внутреннем рынках. В против-

ном случае мы будем иметь дело с совокупностью программ, которые участники применяют в решении самых разных задач развития экономики, образования, культуры, социальной сферы и т. п. территории.

Отличительная компетенция есть не у всех территорий. В условиях активно развивающегося виртуального пространства, выборочный анализ сайтов органов государственной власти и местного самоуправления показывает, что без применения аналитики они довольно однотипны, и если убрать название, то нельзя определить территорию. Безусловно, часть информации (согласно федеральному законодательству) идентична, но способы ее представления должны различаться. Кроме того, такая унификация позволяет определить принадлежность ресурса к сайтам органов государственной власти и местного самоуправления, но оставшая часть должна работать на «территорию». Если стратегические решения базируются на интуиции или на предшествующем опыте, то использовать в качестве конкурентного преимущества статистику и решения на основе данных нельзя. В каждой территории присутствует потенциал для конкуренции на основе аналитики, и субъекты брендинга, как правило, используют этот шанс.

Использование аналитики базируется на численном измерении отличительных компетенций. Отличительная компетенция, лежащая в основе бренда территории, должна быть ее главной аналитической целью. Для осуществления аналитической деятельности в брендинге необходимо определить основной фокус. Управление на уровне территории означает обеспечение широкой доступности данных и анализа для всех уровней и должную заботу об эффективном управлении данными и анализом. Если решения, влияющие на успех территории, принимаются на основе узкого спектра данных, неверных данных или ошибочного анализа, последствия могут быть катастрофическими. Аналитически конкурентная территория превращает управление аналитикой и данными, на которых она основана, в организационный вид деятельности: все активнее происходит использование интеллектуальных ресурсов. Управление ключевыми данными и аналитикой имеет значительные преимущества, поскольку принимаемые решения опираются на единый вариант критической информации и результатов анализа.

Управление аналитикой на уровне территории может принимать самые разные формы: оно может означать то, что центральный отдел информационных технологий управляет данными и обеспечивает наличие и установку необходимых компьютерных программ или отдел аналитического обслуживания помогает руководителям анализировать и принимать решения. Один из подходов к управлению аналитикой на уровне территории состоит в создании центра развития бизнес-аналитики. Такой центр должен быть в структуре заказчика разработки бренда территории, который в дальней-

шем будем осуществлять процесс брендинга. Результаты данной деятельности и лежат в основе создания и выработке политики по продвижению бренда территории.

Переход к широкому применению аналитики при разработке бренда территории требует изменений в культуре, процедурах и навыках многих сотрудников. Опираясь на вышеизложенное, можно выделить 4 базовые характеристики конкурентного бренда территории на основе аналитики:

- упор на отличительную компетенцию;
- подход на уровне целой территории;
- приверженность субъектов брендингу;
- масштабные амбиции.

Такой бренд будет отражать стратегическую ориентацию территории. Если эти четыре характеристики принять за критерии использования аналитики как конкурентного преимущества при разработке бренда, то можно оценивать территории по тому, в какой степени им присущи эти факторы.

Для этого выделяем пять стадий развития аналитики как конкурентного преимущества: стадия 1 — территории, где аналитики недостаточно; стадия 2 — локализованная аналитика в компонентах территории; стадия 3 — аналитические устремления территории; стадия 4 — аналитические территории; стадия 5 — аналитически конкурентная территория. На первой стадии, когда отличительная компетенция и степень проникновения аналитики неразличима, а субъекты движутся интуитивно, цель — получить точные данные, чтобы усовершенствовать конкретную операцию. В этом случае ценность бренда территории, отдельного компонента, операции, процесса брендинга не определяется. На второй стадии, которую определяют как локальную и оппортунистическую, отличительные компетенции территории могут не поддерживаться, а аналитику используют для усовершенствования одной или нескольких функций бренда территории, когда его создают или продвигают.

В качестве определения ценности чаще всего используют возврат инвестиций (коэффициент окупаемости инвестиций) в отдельные виды деятельности на территории. На третьей стадии предпринимается попытка интеграции данных и аналитики, которая применяется для совершенствования отличительной компетенции территории. В качестве способов измерения, определения ценности используют будущие показатели и рыночную стоимость всего, что находится на территории, и ее саму. На четвертой стадии степень проникновения аналитики возрастает: взгляд с точки зрения всей территории, способность использовать аналитику с целью получить преимущество. Субъекты знают, что нужно делать, чтобы перейти на следующий уровень, но пока не достигли этого. В основе такой деятельности — поиск ответа на вопрос, как можно использовать аналитику, чтобы обновляться и отличаться от других, как получить такой результат, который можно использовать для разработки конкурентоспособного бренда территории. Цель —

создать аналитическую отличительную компетенцию всей территории — аналитика для дифференциации. Аналитика в этом случае — важный движущий фактор улучшения показателей и повышения рыночной стоимости. На пятой стадии получают значительные результаты по всей территории и прочное конкурентное преимущество. Цель — полное владение аналитикой и конкуренция на ее основе, аналитика — главный движущий фактор улучшения показателей и повышения ценности территории.

Территории, успешно конкурирующие на основе аналитики, обладают аналитическими способностями, которые трудно скопировать, они — уникальны (то, как применяют аналитику, уникально для ее стратегии и позиции на рынке). Аналитическая территория способна пересекать внутренние границы и применять аналитические способности по-новому, лучше, чем у конкурентов. Такие территории постоянно обновляются, они превращаются в территории инновационного развития.

Аналитическая поддержка бизнес-процессов по разработке бренда территории делится на две составляющие (на внутренние и внешние категории). Внешние процессы связаны с внешней средой, в том числе с клиентами и поставщиками, а внутренние будут проявляться во внутрикорпоративных функциях как общее управление территорией. Во внешних процессах используют следующие методы: прогнозное моделирование, интеграция данных, анализ истории, проводят сложные эксперименты для измерения общей эффективности рекламы и других маркетинговых ходов, а затем анализируют полученную информацию.

Во внутренних процессах используют совокупность аналитических методов. Это отдельный учет затрат, байесовский анализ, моделирование, анализ ограничений, анализ будущей стоимости, имитационное моделирование Монте-Карло (метод решения математических задач с помощью моделирования случайных величин, например, для оценки проектов развития территории), экспериментальное проектирование (например, для анализа веб-сайта), множественный регрессионный анализ (например, чтобы выяснить, как нефинансовые факторы влияют на финансовые показатели) и др. Мы выделяем и такой метод, как комбинаторная оптимизация. «Эффективное распределение ограниченных ресурсов с целью найти лучшее решение конкретных задач, когда значения некоторых или всех переменных (скажем определенного количества людей) должны быть целыми числами (так как люди не делятся на доли) и существует множество различных комбинаций. Это метод также называется целочисленным программированием» [3. С. 95].

Бренд территории относится к нефинансовым или неосознаваемым ресурсам, которые обретают все большее значение как для рентабельности территории, так и для восприятия ценности территории сторонними лицами. Некоторые организации рабо-

тают над формированием целостного понимания финансовых и нефинансовых факторов ценности. Такой подход особенно ценен применительно к территории, обладающей совокупностью самых разнообразных ресурсов. В последние годы особое значение приобретает интеллектуальный капитал, на территориях инновационного развития возрастают инвестиции в человеческий капитал, появилась ЧР-аналитика (человеческие ресурсы).

Т. Дэвенпорт и Дж. Харрис выделяют типичные случаи применения аналитики в маркетинге: «CHAID — автоматическое выявление взаимодействия по методу «хи-квадрат», этот статистический прием используется для сегментации клиентов на основе множественных альтернативных переменных. В ходе такого анализа создается «дерево» сегментации и постоянно добавляются новые переменные или «ветви», если они имеют статистическое значение. Совместный анализ (*Conjoint*-анализ). Используется в оценке силы и направления потребительских предпочтений для комбинации свойств товара или услуги. Анализ стоимости жизненного цикла потребителя. Рыночные эксперименты (на что потребитель реагирует лучше всего). Множественный регрессионный анализ, оптимизация цены — управление прибылью, прогнозирование временных рядов...» [3. С. 129–130]. При управлении брендом территории используют и эконометрическое моделирование, и сценарный анализ.

Для внедрения аналитики в процесс брендинга необходимо множество составляющих. Это, например, программное обеспечение, технологии, данные, процессы, системы показателей, стимулы, навыки, культура и поддержка руководства. На первой стадии может не хватать определенных начальных действий, необходимых для перехода к конкуренции на основе аналитики. Нужно упорядочить свои транзакционные данные, чтобы располагать целостной и качественной базой для принятия решений. Если данные плохого качества, придется временно отложить переход к стратегии использования аналитики в качестве конкурентного преимущества и заняться систематизацией данных. На данной стадии важным условием выступает наличие руководителей, склонных принимать решения на основе данных. Необходимо также оценить состояние информационных технологий, наличие стратегии, ориентированной на использование аналитики, наличие собственных данных.

При разработке бренда территории на основе аналитики необходимо выделить и сформулировать стратегический фокус. Изначально целесообразно сосредотачиваться на одной или двух функциональных областях, на которых строится стратегия использования аналитики в качестве конкурентного преимущества: например, анализ собственного капитала и анализ сокращения ресурсов, ценообразование и новые предложения аналитических услуг и т. д. Для этого можно использовать следующий прием. «Чтобы определить, на чем

сосредоточить ресурсы ради максимального стратегического эффекта, руководители должны ответить на следующие вопросы: Как нам выделиться на фоне других на рынке? В чем заключается наша отличительная компетенция? Какие ключевые решения в этих и прочих процессах нуждаются в подкреплении аналитикой? Какая информация действительно важна для бизнеса? Где можно использовать информацию и знания фирмы для повышения ее эффективности?» [3. С. 159–160]. По мере внедрения аналитики территория в своем развитии проходит несколько стадий. Если на первых двух идет разработка ее бренда, то на последующих — его внедрение. Исходя из результатов, на наш взгляд, можно выделить следующие типы территорий инновационного развития, имеющие свои бренды: территория с аналитическими устремлениями, аналитическая территория, аналитически конкурентная территория.

При оценке успешности инициативы важны три вида показателей: поведение, процессы и программы, финансовые результаты. Последнее невозможно без первых. Применительно к бренду территории это, *во-первых*, экономическая успеш-

ность, *во-вторых*, социальная успешность, *в-третьих* — культурная успешность и т. д. Фактором успеха бренда территории выступает формирование стабильного входящего потока проектов (территории инновационного развития полностью базируются на внедрении различных инновационных проектов). Как отмечают специалисты, успех образует в умах людей определенный настрой и придает людям, принимающим решения, уверенности.

Таким образом, аналитика в брендинге позволяет соединить сильную технологическую среду с бизнес-стратегией, сокращать риски противоречивой информации. Приложения должны быть интегрированы, так как аналитика все чаще использует данные самых различных компонентов территории. Использование аналитики на каждом этапе брендинга позволяет оптимизировать процессы, а реализация законов создания бренда проходит более успешно. Наконец, аналитика должна обеспечиваться как часть организационной стратегии и отличительной компетенции. Безусловно, аналитика — наиболее эффективный механизм при создании и продвижении бренда территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сайт консалтинговой компании «Конкретика». — М., 2011. URL: <http://www.concretica.ru> (дата обращения: 20.09.2011).
2. Герман Д. Рождение бренда: практическое руководство. — М.: Гелиос, 2004. — 344 с.
3. Дэвенпорт Т., Харрис Дж. Аналитика как конкурентное преимущество. Новая наука побеждать / пер. с англ. И. Матвеевой. — СПб.: Бест Бизнес Букс, 2010. — 256 с.
4. Зеркаль Д.А., Мифтахова Л.Н. Формирование бренда территории как ресурс развития муниципального образования // Без темы. — 2009. — № 2 (12). — С. 27–33.
5. Райс Л. 22 закона создания бренда / пер. с англ. Ю.Г. Кирьяка. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 149 с.

Поступила 10.11.2011 г.

УДК 130.2:391(470.345)

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАКОВОЙ ПРИРОДЫ КОСТЮМА МОРДВЫ

Т.А. Шигурова

Институт национальной культуры при Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева, г. Саранск

E-mail shigurova_tatyana@mail.ru

Обосновывается необходимость комплексного, интегрированного подхода к национальному костюму мордвы как системе знаков, тесно связанных и взаимодействующих друг с другом. Доказывается, что адекватная интерпретация знаковой системы одежды является важнейшим условием узнавания, сближения и взаимного уважения разных этносов.

Ключевые слова:

Этнокультура, мордовский костюм, знаковая система.

Key words:

Culture, transformation, Mordvin suit, a sign system. На латинице

Межнациональные отношения представляют собой, как известно, весьма тонкую и деликатную материю, адекватное восприятие которой во многом зависит от знания культуры разных народов. Особую значимость приобретает взаимопонимание самих этносов, сбалансированность их общих понятий, целей и идей. Как отмечает А.С. Мыльников, «именно с культуры начинаются отношения, духовное общение людей и народов, взаимное узнавание, сближение, понимание и сотрудничество между людьми. Лишь после этого развиваются и торговые, экономические и другие отношения» [1. С. 4]. При этом архиважно учитывать своеобразие культуры этноса, проявляющееся, по выражению Н.И. Ворониной, «в особенностях пищи, одежды, фольклора, народного творчества. В ней выражается вековой народный опыт жизни и рационального хозяйства» [2. С. 73]. Каждое неверное толкование понятий, смыслов, ценностей, ошибочная репрезентация явлений или артефактов могут оказаться оскорбительными для этноса или его конкретного представителя. В истории межнациональных отношений известно немало фактов искажений такого рода. Так, неправильное изображение «китайской жизни в балете Р.М. Глиера «Красный мак» вызвало негативную эмоциональную реакцию у китайской делегации [1. С. 4].

С возмущением воспринял известный мордовский ученый-просветитель М.Е. Евсеев то, что в этнографическом отделе Румянцевского музея «плохо одетые манекены имели вид огородных пугал» [3. С. 487]. Исследователь сообщал о наблюдаемых им негативных эмоциях, которые выражали «многие приволжские инородцы... по поводу того, что их национальные костюмы представлены в безобразном виде и тем давали невыгодное представление об их племени» [3. С. 487]. Если досадные искажения в подаче материальных артефактов культуры наблюдались в конце XIX в., то есть в период реального функционирования элементов и атрибутов этнокультуры, то степень смещения акцентов в трансляции конкретных форм исторического поля прошлого в настоящее время может быть значительно больше. Реальность такова, что,

например, традиционная одежда середины XIX — начала XX вв. мордвы мокши и эрзи остается загадкой для современного молодого поколения, которому отнюдь не близка народная эстетика, не привлекательна декоративность и оригинальность мордовского костюма. Редкие знатоки могут правильно сформировать комплекс традиционного костюма, объяснить назначение и расположение на стане отдельных элементов, интерпретировать текст этнической культуры.

Традиционный мордовский костюм как важная составная часть национальной культуры был объектом изучения разных наук — археологии, этнографии, искусствоведения. Между тем системное, концептуальное осмысление феномена костюма мордвы в аспектах его генезиса, эволюции, структуры и функционирования до сих пор отсутствует. Очевидно, что именно визуальный образ национального мордовского костюма является наиболее привлекательным объектом внимания на рубеже XX–XXI вв. со стороны как творческой интеллигенции, так и государственных организаций Республики Мордовии. К нему регулярно обращаются многие художники-модельеры Мордовии, рассматривающие народный опыт создания одежды и украшений в качестве ценного источника индивидуального творчества.

Необходимо отметить и использование элементов мордовского традиционного костюма в качестве этнокультурных маркеров в государственной символике. Примечательны в этом плане изображения нагрудного украшения гривна в гербе Республики Мордовия и орнаментальной звезды на республиканском государственном флаге. Мордовский женский костюм поражает сложностью изготовления, обилием разнообразных деталей, наконец, уровнем мастерства неграмотной крестьянки. Он очаровывает нас силой, «мощностью» образа, жизнерадостностью колорита, мелодичностью звучания.

Каждый предмет одежды мордовского этноса, будучи создан в результате целенаправленной деятельности человека, имеет жизненный цикл, включающий ряд ступеней: планирование — проектиро-

вание — производство — обслуживание — потребление. Комплексный, системный подход к мордовскому костюму позволяет интерпретировать его как сложную систему, допускающую рассмотрение в трех плоскостях — структурной, исторической и функциональной. При этом особый акцент должен делаться на проблему человека. Ю.М. Лотман, как известно, считал, что культура любого народа является собой сложно устроенный текст [4. С. 72]. Костюм мордовского народа в этом смысле не исключение: перед нами тоже текст, который имеет знаковую природу. Составляющие костюма мордвы — это система знаков, тесно связанных и взаимодействующих друг с другом. Сюда входят: композиция, материал, крой, структура, колорит, орнамент, вышивка, украшение, звуки. Упоминания о знаковой природе мордовской одежды встречаются в исследованиях Н.И. Гаген-Торн, Г.А. Корнишиной, А.С. Лузгина, В.И. Рогачева [5–7]. Вместе с тем комплексное, многоаспектное исследование системы знаков костюма мордвы до сих пор отсутствует, составляя одну из насущных задач современной культурологии.

Научную объективность и достоверность в изучении национального костюма способен обеспечить системный, интегративный подход к данному культурному артефакту. Методологической базой для исследования следует признать структурно-деятельностную концепцию культуры (М.С. Каган, Э.С. Маркарян) и информационно-семиотический подход, представленный в работах таких ученых, как Ю.М. Лотман, Х. Гадамер, Э. Кассирер, А. Моль, Л. Уайт.

Знаки традиционного костюма связаны между собой отношениями одновременности, фиксируемыми в сознании носителя костюма или интерпретатора костюмного текста. Время постепенно отдаляет современную культуру от традиций прошлого, происходит «расслоение» культуры этноса и возрастание степени непонимания «архивной» культуры, неактуальной для современности. Сложный путь постижения истинного содержания знака требует специальных знаний о традиционно-бытовой культуре народа. Только предварительная серьезная подготовка позволяет исследователю услышать монолог вещи: «тысячами голосов, она рассказывает нам о своем месте в мире, о своем отношении к нам и к другим вещам, о своем возникновении, о своей истории, о своем культурном прошлом, настоящем и будущем» [8. С. 37]. Ответственность за сохранение материальных и духовных ценностей с целью передачи их последующим поколениям в современной культуре возложена на этническую элиту. «Именно ей принадлежит главная роль в интерпретации «текста традиционной этнической культуры». Во многом от ее подхода к интерпретации текста зависит современное и будущее состояние культуры этноса» [9. С. 111].

Визуальная и смысловая стороны знака определены природой национального костюма, в то время как его свойства не зависят от реальных качеств

предмета. Так, например, уже на стадии производства конопляный холст становился знаком реальной производственной деятельности человека. По его качеству оценивались умение девушки ткать, а также степень ее готовности к замужеству. Бытовало объяснение сновидения: «Девушка плотно ткёт — в текущем году замуж выйдет». Холст выполнял роль знака, стимулирующего деятельность мордовского общества. Социальная значимость материального обеспечения семьи одеждой, а следовательно, и защита здоровья требовали поддержания механизмов передачи ценного опыта. Во время календарных праздников ряженные приходили в дом. Они требовали показать сотканное и в соответствии с его качеством и количеством могли хвалить или ругать, осмеивать девушку, и даже валять ее в снегу. Таким образом, холст выступал в качестве знака, который брал на себя роль ориентира для действий ряженных, отражающих общественное мнение, а также — стимула, регулятора поведения самой девушки. Знак традиционного мордовского костюма обладал признаком устойчивости, что было обусловлено бытованием традиций крестьянского общества.

Историко-культурологическое осмысление костюма мордвы в аспекте его знаковой природы возможно лишь при комплексном, интегративном подходе к изучению особенностей народа, его национального своеобразия, включая историю, фольклор, бытовую культуру в нерасторжимой цельности «как особую систему взаимоотношений элементов» [10. С. 12]. Знаковая система традиционного мордовского костюма тесно связана с мировоззрением этноса, со всей системой социальных отношений общества.

Визуально-звуковые образы костюма мокши и эрзи не раз служили косвенным подтверждением достоверности ряда теоретических установок и гипотез ученых, занимающихся исследованием этнической истории и культуры мордовского народа. Как метко подмечено Ю.М. Лотманом, «память человека, вступающего в контакт с текстом, можно рассматривать как сложный текст, контакт с которым приводит к творческим изменениям в информационной цепи» [11. С. 146]. Прекрасным образом научной интерпретации эрзянского костюма, меняющей наши былые представления об артефактах, истоках национальной культуры, служит, в частности, работа П.Д. Степанова «Древняя история мордвы-эрзи», в которой обстоятельно и наглядно проводятся параллели между формами вещей, относимых к рязанским могильникам, памятникам муромского течения Оки (междуречья Оки и Клязьмы) V–VI вв., эрзянским древностям IX–XI вв. и этнографическим материалам женского костюма мордвы XIX в.

Большой практический опыт археолога и этнографа, серьезная научная база позволили автору сделать решительный и смелый шаг в прошлое мордовской культуры. Исследователь по-новому взглянул на разрозненные факты, систематизиро-

вал их, выстроив в единую схему «непрерывного хода исторического процесса у мордвы-мокши и мордвы-эрзи». В итоге определилась хронология «расположения древнемордовских памятников, сохраняющих известную преемственность вещевого материала и похоронной обрядности» [12. С. 56]. В настоящее время считается общепризнанным, что муром принимала участие в этногенезе мордовского народа. Память традиционного женского костюма говорит нам о сходстве эрзянской поясной одежды «пулай» с муромскими поясными украшениями, «конструктивная близость наблюдается и между эрзянскими, и муромскими головными уборами [13. С. 19]. В.Н. Мартянов и Д.Т. Надькин, сравнивая парные кистевые ленты, обнаруженные в области груди погребенных, с аналогичными мокшанскими украшениями «ярмак-пилькс» и «горожань-крганя», считали «их устройство и способ ношения» идентичными [14. С. 103].

Сложная знаковая система мордовского костюма, благодаря своей устойчивости, несет отпечаток историко-культурной среды, особенностей развития культуры и через столетия сохраняет отношение к переживаемым событиям и окружающему миру. Культурный смысл визуального знака запечатлен повторением формы женских головных уборов, манеры ношения рубахи, места расположения и декора украшений, которые связующей нитью скрепляют прошлое и настоящее этнокультуры мордвы. Материалы костюма активно использовались В.Н. Белицер при исследовании вопросов этнокультурных взаимоотношений мордвы с соседними народами [15], а Н.Ф. Мокшиным – при разработке проблемы этногенеза мордвы [16]. Т.А. Крюкова в работе о мордовском декоративном искусстве основное внимание уделяет орнаментации народного костюма [17].

Особо следует отметить исследования Н.Ф. Беляевой и Т.П. Федянович, в которых анализ разных аспектов обрядовой культуры народа проводится с опорой на этнический костюм как на достовер-

ный исторический источник [18; 19]. Древние шумящие мордовские украшения рассматриваются Н.И. Бояркиным и Л.Б. Бояркиной в качестве источников звука класса идиофонов народных музыкальных инструментов [20]. Отражение в национальном костюме имущественно-правового положения мордовской женщины показано в исследовании О.Ю. Булычевой [21]. Необходимо упомянуть и работу А.Г. Бурнаева, который выявил функции элементов национального костюма в мордовском танце [22]. Богатство информационного потенциала традиционного мордовского костюма обнаруживается в контексте, манифестирующем три смысловые константы. *Во-первых*, это знания о культуре, актуализирующие информацию о ценностях, нормах; представления о мире. *Во-вторых*, костюм содержит сведения об этносе, отдельных его социальных группах, их функционировании и внутреннем взаимодействии. *В-третьих*, в традиционном мордовском костюме ярко представлена разнотипная характеристика самого его носителя.

При использовании знаковой системы костюма важно адекватно «прочитывать» текст, точно определять главную мысль, идею, доминанту содержания в том или ином источнике информации. Ю.М. Лотман квалифицировал как «ошибку» те интерпретации текста, в которых между сообщением отправителя и информацией, полученной адресатом, существуют различия [4. С. 157]. Осмысление знаковой природы текста со временем может претерпеть трансформацию, что и обуславливает иное, новое, прочтение текста. Что касается текста традиционного мордовского костюма, то залогом верного понимания его семантики являются глубокие знания о традиционно-бытовой культуре народа. Только при наличии хорошей предварительной подготовки этот текст из пассивного носителя смысла превращается в динамическое, внутренне противоречивое явление. Главная роль в интерпретации «текста традиционной культуры народа» принадлежит этнической элите.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мыльников А.С. От редактора // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Сб. статей / отв. ред. А.С. Мыльников. – Л.: Наука, 1989. – С. 4–6.
2. Воронина Н.И. Теоретическая культурология. – Саранск, 2006. – 228 с.
3. Евсеев М.Е. Избранные труды: В 5 т. Т. 5. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. – 553 с.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2001. – 704 с.
5. Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья: Материалы к этногенезу. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. – 228 с.
6. Корнишина Г.А. Знаковые функции народной одежды мордвы. – Саранск, 2002. – 70 с.
7. Лузгин А.С., Рогачев В.И. Осмысление традиций орнаментальных мотивов мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. – 88 с.
8. Габричевский А.Г. Язык вещей // Морфология искусства. – М.: Аграф, 2002. – С. 31–39.
9. Инкижекова М.С. Культурфилософский анализ этнокультурной динамики // Обсерватория культуры. – 2010. – № 3. – С. 107–111.
10. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. – М.: Академический Проект, 2007. – 511 с.
11. Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах: Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.
12. Степанов П.Д. Древняя история мордвы-эрзи // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Тр. Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории, экономики. Вып. 39. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1970. – С. 26–66.
13. Мордва: Историко-этнографические очерки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. – 334 с.
14. Мартянов В.Н., Надькин Д.Т. Об этнической принадлежности населения рязанского и муромского Поочья I тыс. н. э. // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Тр. Мордовского научно-исследовательского инсти-

- тута языка, литературы, истории, экономики. Вып. 63. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. — С. 103–133.
15. Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. — М.: Наука, 1973. — 215 с.
 16. Мокшин Н.Ф. Мордовский этнос. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. — 160 с.
 17. Крюкова Т.А. Мордовское народное изобразительное искусство. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. — 119 с.
 18. Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. — Саранск: Б. и., 2000. — 262 с.
 19. Федянович Т.П. Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка (конец XIX — 70-е г. XX в.) // Советская этнография. — 1979. — № 2. — С. 79–89.
 20. Бояркин Н.И., Бояркина Л.Б. Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка // Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / под ред. Б.А. Рыбакова. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. — С. 736–738.
 21. Булычева О.Ю. Положение мордовской женщины в семье и обществе в конце XIX — 30-х гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Саранск, 2008. — 23 с.
 22. Бурнаев А. Г. Мордовский танец (история, методика, практика). — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. — 230 с.

Поступила 04.04.2011 г.

УДК 930.22

ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО КАК ФОРМА ДОКУМЕНТОВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.А. Стефановская, Е.В. Кривошапова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
E-mail: stefan1966@mail.ru

Представлена законотворческая деятельность как форма документоведческой деятельности. Выделены этапы документирования процесса подготовки и принятия законодательных актов в Российской Федерации. Предложен авторский вариант комплекса и параметров документации, применяемых в процессе осуществления законотворческой деятельности на каждом этапе.

Ключевые слова:

Законотворчество, органы власти, документы.

Key words:

Creation of law, organ of power, document.

Законотворчество как одно из важнейших направлений государственной деятельности может быть представлено, с одной стороны, как юридическая деятельность, суть которой в закреплении воли определенной достаточно многочисленной группы людей в форме норм права, законов [1]. С другой стороны, создание законодательных актов — это создание определенного вида документов, т. е. одна из форм осуществления документоведческой деятельности. И с этой стороны ее изучение носит недостаточный характер. Данная статья и предназначена отчасти для решения обозначенной проблемы.

В понимании законотворчества специалистами выделяется два аспекта. Более широкий подход предполагает, что этот процесс начинается с момента законотворческого замысла и завершается практической реализацией юридической нормы (подготовка, принятие, опубликование и т. д.). Более узкая трактовка ограничивает законотворческую деятельность только непосредственным процессом создания правового акта как документа уполномоченными органами [2]. В рамках документоведческого подхода мы будем опираться на более широкую трактовку и рассмотрим процесс создания закона от его замысла до официального опубликования в печати.

Создание тех или иных официальных документов является функцией определенных органов управления. Так, в России, согласно Конституции, законотворческая деятельность может осуществляться высшими органами государственной власти; субъектами федерации — республиками, краями и областями, городами федерального значения — Москвой и Санкт-Петербургом, а также через проведение референдума как непосредственного выражения власти народа.

Законотворческий процесс как особый вид документоведческой деятельности сложный, многоэтапный процесс, который жестко регламентируется различными инструкциями, правилами, определяющими последовательность действий по документированию процедур подготовки проекта, обсуждения и принятия новой юридической нормы, поскольку качество законодательных актов зависит, в том числе, и от единообразия их оформления. Например, выделяется ряд требований к наименованию законодательного акта: точность, четкость, информационная насыщенность, правильность формулировки предмета правового регулирования [3]. Эти требования направлены на то, чтобы в дальнейшем облегчить работу исполнителей с правовыми документами — их поиск, определение основного содержания.

В деятельности органов власти РФ законотворческий процесс состоит из следующих этапов:

- I. Подготовка проекта закона.
- II. Обсуждение, доработка и согласование проекта.
- III. Принятие законопроекта к рассмотрению в законотворческом органе.
- IV. Утверждение законопроекта.
- V. Опубликование закона.

Порядок подготовки, оформления, рассмотрения, обсуждения, согласования, внесения изменений, утверждения, подписания законодательных актов регламентирован федеральными законами; указами Президента РФ; постановлениями Правительства РФ; регламентами органов государственной власти; инструкциями и правилами по делопроизводству соответствующих органов власти. В настоящее время на федеральном уровне имеется около 20 нормативных актов, отражающих вопросы законотворческой деятельности. Рассмотрим практический ракурс применения этих норм в законотворческой деятельности.

Рассмотрим подробнее основные этапы документирования законотворческого процесса на основе положений этих документов.

Подготовка проекта закона — начальный этап создания правового акта как документа. На этом этапе определяется общая концепция будущего акта, его тема. В Российской Федерации право законодательной инициативы согласно законодательству предоставлено Президенту РФ, Совету Федерации, фракциям, комитетам, комиссиям и депутатам Государственной Думы, Правительству РФ, законодательным органам субъектов Российской Федерации, Конституционному, Верховному и Высшему Арбитражному Судам Российской Федерации.

Проекты законодательных актов РФ как официальные документы должны оформляться с соблюдением ряда требований. На первой странице законопроекта справа сверху проставляется пометка «Вносится». Ниже обязательно указывается слово «Проект». Формуляр самого законопроекта предусматривает наличие таких реквизитов как:

- наименование вида акта;
- заголовок проекта акта;
- текст;
- подпись;
- визы согласования.

Основными видами законодательных актов являются законы. Поэтому в Методических рекомендациях по юридико-техническому оформлению законопроектов указывается, что наименование вида акта состоит из слов «ФЕДЕРАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЗАКОН» или слов «ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН» и печатается полужирным шрифтом прописными буквами [3].

В текстовой части проекта закона обычно выделяются преамбула и основная часть. Преамбула является самостоятельной структурной единицей, которая служит важным дополнением к основной

части. Текст основной части законопроекта излагается с делением на разделы, главы, параграфы и статьи. Реквизит «подпись» состоит из слов «Президент Российской Федерации». Отметим, что указание инициала имени и фамилии Президента Российской Федерации происходит только во время оформления уже принятого закона в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Визы согласования проставляются на лицевой стороне последнего листа законопроекта в нижней его части.

Обсуждение, доработка и согласование проекта. На этом этапе для документоведа важно обобщить и зафиксировать все замечания и предложения, высказанные в процессе обсуждения проекта рабочей группой и экспертами. После чего проект закона должен быть отредактирован и передан на рассмотрение комиссии, которой была поручена его подготовка. Этот этап завершается принятием решения органом, готовившим законопроект, о направлении отредактированного законопроекта на рассмотрение в законотворческий орган.

С этого момента завершается предварительный этап работы над проектом и начинается рассмотрение проекта закона в официальном порядке.

Согласно статье 104 Конституции РФ все законопроекты вносятся в Государственную Думу. Особое значение здесь приобретает документальное сопровождение вносимого в порядке законодательной инициативы проекта. Одним из главных условий является предоставление ряда документов, в том числе:

- пояснительной записки к законопроекту. В ней должны содержаться концепция вносимого проекта и формулировка предмета правового регулирования. Формуляр такой пояснительной записки может иметь следующие реквизиты: наименование вида документа; заголовок к тексту документа, в котором указывают полное название проекта закона (пишется с прописной буквы без точки в конце заголовка); текст документа (в тексте обосновывается необходимость принятия законопроекта, дается развернутая характеристика проекта, отмечаются его цели, основные положения, указывается место в системе существующего законодательства, могут даваться прогнозы относительно последствий принятия данного закона; подпись (она включает указание должности, личную роспись, инициалы и фамилию); визы согласования документа;
- текста законопроекта, на титульном листе которого указывают орган, наделенный законодательной инициативой и предлагающий данный проект;
- перечня законов и иных нормативных правовых актов РСФСР и Российской Федерации, которые должны быть признаны утратившими силу, приостановлены, изменены или приняты в связи с принятием данного законопроекта;

- финансово-экономического обоснования, если реализация проекта требует материальных затрат.

В настоящее время максимально полный перечень документов, сопровождающих законопроект, отражен в Регламенте Государственной Думы [4].

Подготовленный законопроект и материалы к нему направляются Председателю Государственной Думы. Факт поступления пакета документов по законопроекту фиксируется Управлением документационного и информационного обеспечения Аппарата Государственной Думы. В соответствии с существующими технологиями делопроизводства это происходит путем регистрации законопроекта и присвоения ему регистрационного номера, который указывается на документе на всех этапах его прохождения в Государственной Думе. Так как в Государственной Думе действует система электронного документооборота, регистрация осуществляется в автоматизированной системе делопроизводства Государственной Думы. Отличительной особенностью здесь является то, что документ параллельно регистрируется и в автоматизированной системе обеспечения законодательной деятельности, где на него заполняется электронная регистрационная карта проекта закона. В эту карту включают такие сведения как: дата и время поступления проекта в Государственную Думу, сведения о проекте, этапы прохождения проекта в Государственной Думе, даты одобрения или принятия закона в Государственной Думе, его рассмотрения Советом Федерации и Президентом РФ [4].

Главным этапом законотворчества можно считать *утверждение законопроекта*. Здесь текст законопроекта обретает юридическую силу. Документально эта стадия сопровождается внесением вопроса о рассмотрении и утверждении законопроекта в повестку дня заседания законодательного органа. Повестка дня утверждается самим законодательным органом. В процессе обсуждения на заседании, его участники знакомятся с проектом, высказывают мнения по нему, могут также вносить поправки и изменения для создания наиболее оптимального варианта проекта закона.

В соответствии с Регламентом Государственной Думы законопроект может рассматриваться для внесения поправок в трех чтениях. Поправки к проектам законов могут быть представлены как исключение отдельных статей, пунктов или слов в проекте, изменение или редакция текста статьи, дополнение новыми статьями. При доработке проекта закона ответственный комитет и Правительство РФ также должны оформить ряд сопроводительных документов. В частности, для повторного рассмотрения в Государственной Думе комитет направляет в Совет Государственной Думы следующие документы:

- проект постановления Государственной Думы по законопроекту;
- таблицу поправок, которые рекомендуются к принятию комитетом, готовившим проект;

- таблицу поправок, которые комитет рекомендует отклонить;
- таблицу поправок, по которым комитет не принял решений;
- текст законопроекта с учетом рекомендуемых к принятию поправок;
- заключение на законопроект, данное Правовым управлением Аппарата Государственной Думы;
- заключение Общественной палаты по результатам экспертизы законопроекта (если оно принималось);
- решение Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений или мнения ее сторон (заключения соответствующих профсоюзов и объединений работодателей), если закон принимается в сфере труда.

Правительство РФ для повторного рассмотрения проекта готовит такие документы как:

- заключение, которое направляется в Государственную Думу и инициатору проекта в течение одного месяца с даты поступления законопроекта в Правительство;
- поправки к проекту закона, которые направляются в период между рассмотрением проекта в первом и втором чтениях;
- официальный отзыв на законопроект или принятый закон, который может быть направлен на любой стадии его рассмотрения в палатах Федерального Собрания [5, 6].

Официальные отзывы, заключения и поправки подписывает Председатель Правительства или Заместитель Председателя Правительства.

Окончательным считается третье чтение законопроекта, на этом этапе уже не возвращаются к обсуждению проекта, а принимают решение о его принятии, одобрении или отклонении. Это итоговое решение документально должно быть оформлено как постановление Государственной Думы. После принятия такого постановления ответственный за подготовку закона комитет вместе с Аппаратом Государственной Думы формирует пакет документов, включающий сам закон, стенограммы заседаний Государственной Думы, на которых рассматривался проект, заключения Правительства РФ, при необходимости другие материалы, и в течение пяти дней передает его на рассмотрение Совету Федерации.

Совет Федерации на своем заседании рассматривает закон, принятый Государственной Думой, и принимает решение о его одобрении или отклонении. Для одобрения федерального закона в его поддержку должно проголосовать более половины от общего числа членов Совета Федерации. После того как закон принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации, в течение пяти дней он вместе с постановлением Совета Федерации должен быть передан Президенту РФ. Срок рассмотрения закона Президентом РФ — не более 14 дней. Завершающая процедура этого этапа законотворчества — подписание закона Президентом РФ или его отклонение. Если принятый закон бу-

дет отклонен Президентом РФ, Дума возвращается к его обсуждению.

Заключительный этап законотворчества — *опубликование закона*. На этой стадии закон обретает юридическую силу и вступает в действие. С позиции документоведа суть этого этапа в том, что закон переводится из разряда служебного документа, существующего в единичных экземплярах в общедоступный тиражированный документ, доведенный до всеобщего сведения. При опубликовании полный и точный текст закона размещают в общедоступном официальном печатном органе.

Сроки опубликования законодательных актов установлены Федеральным законом РФ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания». Для законов — это семь дней после дня их подписания Президентом РФ, для актов палат Федерального Собрания — десять дней после дня их принятия [7].

Официальной публикацией является первая публикация полного текста законодательного акта в изданиях, определенных упомянутым выше законом. К этим изданиям относятся «Собрание законодательства Российской Федерации», «Российская газета», «Парламентская газета». Кроме этого законодательный акт может быть опубликован как

отдельное издание или в других печатных изданиях, а также обнародован по радио и телевидению, разослан государственным органам, должностным лицам, организациям [7].

Таким образом, процесс законотворчества может быть проанализирован не только как юридическая, но и как документоведческая деятельность, отличительными чертами которой являются поэтапный характер, оформление не только самого законопроекта, но и ряда документов, сопровождающих его на всех стадиях подготовки и принятия, регламентированность форм и порядка оформления всей документации по законопроекту.

В сложившейся практике процесс законотворчества представлен следующими этапами документирования: подготовка проекта закона; обсуждение, доработка и согласование проекта; принятие законопроекта к рассмотрению в законотворческом органе; утверждение законопроекта; опубликование закона. Задача каждого из этих этапов — зафиксировать содержательные особенности процесса подготовки закона и результаты каждой стадии разработки и принятия законодательного акта.

Для каждого этапа законотворчества автор выделяет наиболее характерный перечень сопровождающих его обязательных документов, параметры их документирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукашева А.В. Законотворческие ошибки // Гражданин и право. — 2000. — № 3. — С. 10–17.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права. — М.: Юриспруденция, 1999. — 120 с.
3. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов от 18.11.2003 № вн2–18/490 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Москва. 2011. URL: <http://www.consultant.ru/online> (дата обращения: 20.02.2011).
4. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ: от 22.01.1998: № 2134-II (ред. от 20.01.2010) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Москва. 2011. URL: <http://www.consultant.ru/online> (дата обращения: 21.02.2011).
5. О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 01.04.2006 № 260 (ред. 20.02.2010) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Москва. 2011. URL: <http://www.consultant.ru/online> (дата обращения: 21.02.2011).
6. О порядке подготовки Правительством Российской Федерации заключений по проектам законов, направляемым Государственной Думой: постановление Правительства Российской Федерации от 11.04.1994 № 310 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Москва. 2011. URL: <http://www.consultant.ru/online> (дата обращения: 21.02.2011).
7. О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания: Федеральный закон от 14.06.1994 № 5 (ред. от 22.10.1999) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Москва. 2011. URL: <http://www.consultant.ru/online> (дата обращения: 21.02.2011).

Поступила 18.04.2011 г.

УДК 008:002

ЭЛЕКТРОННАЯ ЦИФРОВАЯ ПОДПИСЬ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ И АУТЕНТИЧНОСТИ ДОКУМЕНТА

Т.С. Астахова, Е.П. Чадаева

ГОУ ВПО «Дальневосточная академия государственной службы», г. Хабаровск

E-mail: chadaeva@rambler.ru

Исследуется возможность использования электронной цифровой подписи для придания документу целостности и аутентичности. Показаны результаты внедрения электронных цифровых подписей и электронного документооборота в деятельность органов регионального и муниципального управления в Дальневосточном федеральном округе.

Ключевые слова:

Электронная цифровая подпись, электронный документооборот, целостность и аутентичность документа.

Key words:

Electronic digital signature, Electronic document circulation.

Для придания электронным документам официального статуса требуется обеспечить сохранение их целостности и аутентичности. Целостность означает неизменность содержания документа с течением времени. Аутентичность — это свойство электронного документа, которое позволяет доказать авторство документа, время создания и подлинность его содержания. Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи» [1] определяет, что электронная цифровая подпись (ЭЦП) — реквизит электронного документа, предназначенный для защиты данного документа от подделки, полученный в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа электронной цифровой подписи и позволяющий идентифицировать владельца сертификата ключа подписи, а также установить отсутствие искажения информации в электронном документе. Документ в электронном виде, подписанный электронной цифровой подписью, приобретает юридический статус, т. е. имеет такую же юридическую силу, как и бумажный документ с собственноручной подписью и печатью.

В настоящее время в соответствии с положениями Федеральной целевой программы «Электронная Россия» и Концепцией формирования в Российской Федерации электронного правительства перед органами государственной власти и местного самоуправления стоят задачи создания условий для повышения качества оказания государственных и муниципальных услуг с использованием современных информационных технологий, наиболее распространенными из которых являются электронный документооборот, электронная цифровая подпись и т. д.

Вышеуказанный федеральный закон стал основой для партнерских отношений между государством и организациями различных форм собственности с использованием электронного документооборота. По мнению авторов, принятие вышеуказанного закона преследовало следующие цели:

- необходимость создания законодательной и методической базы для внедрения ЭЦП в системы

электронного документооборота органов государственной и муниципальной власти;

- создание правовой основы для обеспечения возможности проведения внутренних и международных электронных торгов;
- упрощение процедур ведения «электронного» бизнеса (внедрение системы банк-клиент).

Электронная цифровая подпись помогает убедиться в том, что после подписи документа конкретным человеком никто этот документ не изменит, проверяет надежность отправителя электронного письма и сохранность его содержания, однозначно определяет автора документа и указывает дату создания.

Использование цифровой подписи позволяет также обеспечить:

- контроль целостности документа: при любом случайном или преднамеренном изменении документа подпись станет недействительной, потому что поставлена она на основании исходного документа и соответствует только ему;
- аутентичность, которая проявляется в невозможности отказа от авторства: чтобы создать корректную подпись, необходимо знать закрытый ключ, а он должен быть известен только владельцу, поэтому владелец документа не может отказаться от своей подписи;
- защиту от подделки документа: гарантия выявления подделки при осуществлении контроля целостности делает подделывание нецелесообразным в большинстве случаев.

Одними из первых организаций в России, использовавших ЭЦП в своей деятельности стали отечественные банки, в том числе Банк России, и кредитные организации, которые использовали ее, в первую очередь, как инструмент информационной безопасности в своих корпоративных информационных системах, а чуть позже и для безопасной работы в системах «банк-клиент». В хозяйствующих субъектах также применялась ЭЦП, но там она получила значительно меньшее распространение. Так или иначе, до принятия 1-ФЗ основной задачей ЭЦП была защита информации.

Именно этим целям служили принимаемые в России национальные стандарты. Так, в 1994 г. Главным управлением безопасности связи Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации был разработан первый российский стандарт электронной цифровой подписи – ГОСТ Р 34.10-94 [2].

В 2002 г. для обеспечения большей криптостойкости алгоритма взамен ГОСТ Р 34.10-94 был введен стандарт ГОСТ Р 34.10-2001, основанный на вычислениях в группе точек эллиптической кривой [3]. В соответствии с этим стандартом термины «электронная цифровая подпись» и «цифровая подпись» являются синонимами.

Для обеспечения большей надежности электронного документа в состав обязательных атрибутов ЭЦП входит криптографическая часть, которая гарантирует надежность источника информации о лице, подписавшем документ. Кроме криптографической части, электронная цифровая подпись обязательно содержит минимальную информацию о подписавшем и некоторую техническую информацию: дату и время подписания, сведения для дополнительных механизмов проверки подписи, расширенную информацию о подписавшем, его полномочия и отношение к подписываемым данным, комментарии, файлы, графическое изображение собственноручной подписи и другие функционально востребованные данные. Таким образом, при помощи криптографической защиты реализуются конфиденциальность (невозможность прочтения посторонними) и аутентичность (целостность, подлинность, авторство и невозможность отказа от него) информации. Особенностью современной криптографической защиты информации является тот факт, что общедоступность алгоритмов, по которым преобразовывается информация, не влияет на степень защищенности данных.

В настоящее время идет расширение и модернизация федерального законодательства в сфере использования ЭЦП. 25 февраля 2011 г. Государственная Дума РФ во втором чтении приняла законопроект, призванный заменить действующий закон об электронной цифровой подписи и обеспечить её использование во всех видах гражданско-правовых отношений.

Новый федеральный закон вступит в силу со дня его официального опубликования, а действующий закон № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» утрачивает силу с 01 июля 2012 г. Как отмечалось, Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи» 2002 г. содержит концептуальные и юридико-технические недостатки, которые не позволили обеспечить правовые условия, необходимые для широкого применения электронной цифровой подписи в Российской Федерации. Проект Федерального закона «Об электронной подписи» направлен, в первую очередь, на устранение недостатков действующего нормативного документа, а также на увеличение количества возможных электронных подписей.

Исходя из анализа, данный законопроект расширяет сферу использования и допустимые виды электронных подписей. Он содержит понятие электронной цифровой подписи и устанавливает, что она может использоваться во всех видах гражданско-правовых отношений. Также закреплён основной признак, присущий всем видам электронной подписи, – возможность использования подписи для идентификации физического или юридического лица, подписавшего документ в электронно-цифровой форме. Устанавливается, что сертификаты ключей подписи, выданные в соответствии с ныне действующим законом, продолжают действовать и после принятия нового закона до истечения срока, установленного в сертификатах, или срока соглашения участников отношений.

Законопроект сохраняет активно используемое положение действующего 1-ФЗ о том, что правила использования электронной подписи в корпоративной информационной системе устанавливаются решением владельца такой системы или соглашением участников отношений. В законопроекте выделяются три вида электронной подписи, в зависимости от установленных законопроектом критериев: простая, усиленная и квалифицированная электронная подпись. Использованию каждого вида подписи посвящена отдельная глава законопроекта.

Так, простая электронная подпись – электронная подпись (ЭП), созданная с помощью технических средств лицом, подписавшим электронное сообщение, и содержащая однозначное указание на это лицо; усиленная электронная подпись – ЭП, отвечающая требованиям простой электронной подписи, позволяющая подтвердить целостность и неизменность электронного сообщения после его подписания; квалифицированная электронная подпись – ЭП, отвечающая требованиям усиленной электронной подписи, подтверждаемая сертификатом, который выдан удостоверяющим центром, аккредитованным в соответствии с требованиями будущего федерального закона [4].

Простая электронная подпись может использоваться для подписания электронных сообщений, направляемых в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу. Кроме того, актами государственных и муниципальных органов могут устанавливаться случаи, в которых направляемые им электронные сообщения не могут быть подписаны простой электронной подписью и требуется их подписание другим видом электронной подписи либо составление документа на бумажном носителе. Такие акты должны приниматься с учетом принципов регулирования отношений в области использования электронных подписей и иных требований законопроекта об использовании отдельных видов подписей. Квалифицированная электронная подпись может использоваться при обращении в форме электронного сообщения физических и юридических лиц в государственные органы и органы местного сам-

оуправления в связи с осуществлением последними государственных или муниципальных функций, влекущих возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей физических и юридических лиц, при направлении государственными органами и органами местного самоуправления иным лицам электронных документов. Наконец, законопроект закрепляет, что сертификаты ключей подписи, выданные в соответствии с ФЗ-1, продолжают действовать после принятия законопроекта (до истечения срока, установленного в сертификатах, или срока соглашения участников отношений) [4]. Применение условий, установленных новым законопроектом, безусловно, позволит расширить сферу применения ЭЦП как регулятора юридической силы документа.

Более подробно опыт внедрения электронной цифровой подписи и электронного документооборота рассмотрен нами на примере органов исполнительной власти Хабаровского края и Дальневосточного федерального округа, также использовались сведения, полученные при прохождении практики в органах местного самоуправления.

Примером использования ЭЦП может служить администрация города Хабаровска. В ней в целях урегулирования порядка применения ЭЦП был разработан регламент [5], в соответствии с которым ЭЦП равнозначна собственноручной подписи в документе на бумажном носителе при наличии действующего сертификата ключа подписи, подтверждения подлинности электронной подписи, а также в случае её использования в соответствии со сведениями, указанными в сертификате ключа подписи.

Субъектами регламента являются участники системы электронного документооборота, выступающие в лице своих полномочных представителей – пользователей этой системы: владельцев сертификатов ключей подписей и пользователей сертификатов ключей подписей, которые выдает удостоверяющий центр. Сертификат ключа подписи признается изданным Удостоверяющим центром, если подтверждена подлинность электронной цифровой подписи уполномоченного лица Удостоверяющего центра. Регламентом установлен перечень электронных документов, которые могут быть подписаны электронной цифровой подписью и в которых электронная цифровая подпись признается равнозначной собственноручной в случае выполнения всех условий равнозначности.

Формируется электронная цифровая подпись с использованием современного программного обеспечения и системы электронного документооборота. Регламент уточняет и конкретизирует порядок использования ЭЦП, цели, способы обеспечения юридической силы. Как представляется, данный документ был разработан с целью дополнения и расширения уже действующего законодательства, он позволяет конкретизировать организационные вопросы внедрения ЭЦП в администрации города. Разработка регламента способ-

ствовала совершенствованию системы организационного и технического обеспечения электронного документооборота и дала возможность практического применения ЭЦП в учреждениях г. Хабаровска.

В Хабаровском крае с 01 февраля 2008 г. органы государственной власти и местного самоуправления приступили к использованию электронной цифровой подписи в системе электронного документооборота [6].

В настоящее время эффективно организован защищенный электронный документооборот с применением ЭЦП в Правительстве Хабаровского края с отделениями Федерального казначейства, с налоговыми органами, некоторыми администраторами платежей в бюджет, внебюджетными фондами и учреждениями Центрального банка России, с отделениями Пенсионного, Медицинского фондов РФ в Хабаровском крае, Фондом социального страхования.

Кроме того, эффективно применяется ЭЦП в Управлении Федерального Казначейства по Хабаровскому краю, чей опыт можно использовать также в органах местного самоуправления Хабаровского края с учётом специфических особенностей (например, недостаточный уровень качества связи через Интернет в некоторых районах Хабаровского края из-за их отдалённости).

Кроме того, в настоящее время Отделение Пенсионного Фонда России по Хабаровскому краю ведет активное сотрудничество с краевыми архивными органами. Обсуждаются вопросы организации электронного документооборота, а именно практические шаги по реализации бесконтактного способа передачи сведений по каналам телекоммуникационной связи с применением электронной цифровой подписи. Главная цель, которую ставят перед собой краевые органы власти, – минимизация затрат граждан при обращении за предоставлением государственных услуг в Пенсионный Фонд по реализации своих пенсионных прав. Известно, что быстрое оформление пенсии невозможно без качественного оформления документов, а работники краевых архивных органов – активные участники этого процесса. Если необходимые документы отсутствуют, гражданин обращается в архив, кроме того, необходимые документы запрашиваются и территориальными органами Пенсионного Фонда РФ по почте. Поэтому переход на электронный документооборот с применением ЭЦП позволит повысить эффективность организации пенсионного обеспечения в Хабаровском крае, а также значительно сократить временные, материальные и трудовые затраты как граждан, так и специалистов органов управления.

Электронный документооборот с использованием ЭЦП и электронного правительства начал активно внедряться и в Приморском крае. На первом этапе в формат электронного обмена была переведена часть документооборота органов исполнительной власти, структурных подразделений ап-

паратов администрации края и губернатора, так как предполагалось, что с 01 января 2011 г. ряд государственных и муниципальных услуг в Приморском крае также будет предоставляться жителям в электронном виде. В настоящее время в целях предоставления государственных и муниципальных услуг органами исполнительной власти разрабатываются и утверждаются административные регламенты в сфере электронного документооборота с использованием ЭЦП.

Еще одной формой использования электронного документооборота с применением ЭЦП становится организация государственного заказа.

В Дальневосточном федеральном округе насчитывается около 250 государственных заказчиков, большинство из которых уже получили ЭЦП. И в связи с тем, что с 01 января 2011 года электронные торги становятся обязательной формой размещения госзаказа на ряд товаров, работ и услуг для субъектов Федерации и муниципалитетов, планируется, что с 2011 г. торги будут переведены в электронный режим. В соответствии с этим должны быть созданы все условия для практического осуществления данного мероприятия [7].

Вместе с тем, в Хабаровском крае есть организации, которые «досрочно» опробовали электронные торги, они отмечают экономию времени и средств. К таким новаторам относится, например, ГУЗ «Детская краевая клиническая больница».

В органах местного самоуправления использование ЭЦП в настоящее время находится в стадии становления. Основным стимулом для внедрения ЭЦП является участие бюджетных учреждений в электронных торгах на электронных торговых площадках. Под электронными торговыми площадками (ЭТП) понимаются юридические лица, организовавшие доступ к веб-серверу торговой площадки и поддерживающие его функционирование. Они заключают договоры с клиентами на предоставление услуг по обеспечению информацией о проводимых закупках, а также предоставляют средства и возможность для публикации торгов и принятия в них участия. В качестве клиентов ЭТП могут выступать заказчики, поставщики, уполномоченные лица, администраторы торговых площадок, бюджетные и внебюджетные учреждения, а также простые посетители электронных торговых площадок. Обеспечение юридической значимости между торговыми площадками и органами местного самоуправления подразумевает использование электронной цифровой подписи на основании регламентных документов. Кроме того, для организации юридически значимого электронного документооборота в соответствии с законодательством (1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи») необходимо привлечение третьей доверенной стороны — Удостоверяющего Центра. Удостоверяющий центр является органом, призванным помочь во взаимодействии между собой владельцу сертификата ключа подписи и поль-

зователю сертификата ключа подписи, а также оказывает услуги по выдаче сертификатов ЭЦП, ведению реестров выданных сертификатов, их аннулированию и т. д.

Поэтому для обеспечения подобного участия органы местного самоуправления должны разрабатывать соответствующие регламенты, внедрять системы электронного документооборота, кроме того, на территории муниципальных образований необходимо развивать центры по предоставлению электронных услуг и программному обеспечению.

Как представляется автору, сложности внедрения электронного документооборота, электронной цифровой подписи в органах муниципального управления связаны с рядом причин. *Во-первых*, недостаточно конкретных, практически реализуемых мероприятий по организации функционального автоматизированного рабочего места, т. к. рабочее место должно соответствовать определенным техническим требованиям. *Во-вторых*, многие организации не используют ЭЦП вследствие их большой стоимости, поскольку необходимо приобрести ряд программно-аппаратных средств: программный комплекс, средство электронно-цифровой подписи (для установки на рабочем месте), средство защиты от несанкционированного доступа — электронный замок. Кроме того, необходима доработка и совершенствование программных продуктов, используемых в настоящее время органами управления. *В-третьих*, необходимы специальные защищенные каналы связи. *В-четвертых*, недостаточно четко организован весь порядок ведения делопроизводства электронных документов (регистрация и учет документов, архивное хранение).

Еще одной из проблем стал тот факт, что специалисты бюджетных учреждений не располагают требуемыми сведениями в данной области работы и не желают осваивать что-то новое. Поэтому в период прохождения практики у автора возникали вопросы о необходимости электронного обмена, о достоверности передаваемой информации, об экономической эффективности применения электронного документооборота (снижаются или увеличатся затраты рабочего времени, насколько сократятся транспортные расходы, увеличится или уменьшится заработная плата).

В настоящее время ЭЦП является одним из наиболее удобных современных инструментов для электронного обмена документацией и совершения сделок в удаленном режиме через Интернет. Благодаря внедрению механизма электронной подписи, границы регионов России не будут являться ограничением для деятельности, как государственных и муниципальных органов власти, так и для предприятий и организаций всех форм собственности. Для российских регионов открывается возможность выйти на федеральный уровень, вести закупку и сбыт товаров с минимальными издержками, избавиться от бюрократических проволочек и т. д.

Активное внедрение электронного документооборота с применением цифровой подписи позволит в сфере:

- деятельности государственных органов власти и органов местного самоуправления: выстраивать взаимоотношения с населением, организациями и властными структурами других субъектов Российской Федерации на современной основе, с большей эффективностью и с наименьшими издержками;
- электронных торгов: выбрать наиболее выгодное ценовое предложение товаров и услуг;

- деятельности предпринимателей: расширить географию своего бизнеса, совершая в удаленном режиме экономические операции с партнерами из любых регионов России.

Внедрение электронной цифровой подписи в электронный документооборот органов власти позволяет не только значительно снизить затраты на подготовку и обработку документов за счет проведения операций в интерактивном режиме, но и своевременно получать наиболее полную информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об электронной цифровой подписи: Федер. закон от 10.01.2002 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 2. — Ст. 127.
2. ГОСТ Р 34.10-94. Информационная технология. Криптографическая защита информации. Процедуры выработки и проверки электронной цифровой подписи на базе асимметричного криптографического алгоритма.
3. ГОСТ Р 34.10-2001. Информационная технология. Криптографическая защита информации. Процессы формирования и проверки электронной цифровой подписи.
4. Законопроект № 305592-5 «Об электронной подписи» // Справочно-правовая система «Право.Ru». — М., 2010. URL: <http://www.pravo.ru/news/view/29024> (дата обращения: 20.02.2011).
5. Об утверждении регламента применения электронной цифровой подписи в системе электронного документооборота в администрации г. Хабаровска: Постановление Главы администрации города Хабаровска от 02.02.2010 № 267 // Хабаровские вести. — 2010. — 05 февраля.
6. Об организации использования электронной цифровой подписи в электронном документообороте органов исполнительной власти Хабаровского края: Постановление Губернатора Хабаровского края от 12.12.2007 № 172 // Собрание законодательства Хабаровского края. — 2007. — 31 декабря. — № 12 (65).
7. Александрова Т. Без молотка // Российская газета: Экономика Дальнего Востока. — 2010. — 23 декабря.

Поступила 04.04.2011 г.

История

УДК 930.25

РАЗВИТИЕ АРХИВНОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ДО XX ВЕКА

О.В. Медведева, Е.С. Сенина

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
E-mail: movlad2009@yandex.ru

Рассматриваются основные этапы становления и развития архивного дела в российской провинции до 1917 г. Описывается процесс появления первых архивов, характеризуется основная нормативно-правовая база их деятельности. Прослеживается процесс формирования архивов разных типов. Характеризуется состояние провинциальных архивов.

Ключевые слова:

Архив, архивное дело, история архивного дела, губернские архивные комиссии.

Key words:

Archive, archival business, history of archival business, provincial archival commissions.

История архивного дела России насчитывает уже не одно столетие. С появлением письменности и источников на различных материальных носителях возникают и традиции хранения записей в специальных помещениях. Существовали такие хранилища и в Древнерусском государстве. Документы имелись в хранилищах при посадничьих дворах, в центрах хозяйственной деятельности княжеских дружинников. Предположительно, хранителями документов выступали тиуны и ключники князя, заведовавшие казной.

Вместе с зарождением феодальных поместий в процессе их деятельности возникают феодальные архивы. Так, хранение документов было упорядоченным уже в великом княжестве Суздальско-Нижегородском (XIV в.), причем великокняжеский архив являлся одним из важнейших символов суверенитета. Известно, что в последующий период значительные массивы древних актов и рукописных книг хранились в храмах Нижегородского кремля, Печерском и Благовещенском монастырях. Помимо княжеских, монастырских, церковных, появляются городские архивы. Тогда же возникают и первые частные архивы, ведь раннефеодальные частные собрания были в основном комплексами преимущественно хозяйственных и частноправовых документов, в них же хранились списки культовых книг и литературных произведений.

Однако от времени Древнерусского государства до нас дошло не так уж много остатков архивов

и архивных документов. Они гибли во времена восстаний, стихийных бедствий (особенно пожаров и наводнений), во время нашествий неприятеля.

В XVI в. местные учреждения уже имели собственные хранилища письменных источников. Судебник Ивана IV поручал старостам, сотским и десятским ведение «розметных» книг, в которых записывалась оценка имущества посадских жителей. Для письменного оформления у мирских органов были земские дьяки. При Иване Грозном мирские органы разрослись в целую систему мирского самоуправления — излюбленных голов, целовальников, губных старост, земских дьяков, сотских, пятидесятских, десятских. Руководящими нормами были помимо Судебника уставные грамоты, наказные списки и пр., и при излюбленных головах складывались канцелярии и «земские ларцы», в которых хранились руководящие материалы, записные книги и наиболее важные документы текущего делопроизводства. Охрана их возлагалась царскими грамотами на излюбленных голов и целовальников [1].

С появлением воеводского управления архивы наследовались новыми административными центрами — съезжими избами воевод. На Дальнем Востоке и в Сибири архивы приказных изб также формировались в XVII в. Так, архив Якутской приказной избы начал собираться в 1641 г. [2].

Архивы в приказных избах находились в личном ведении уездных воевод. В их переписке с Си-

бирским приказом и иных документах архивы упоминаются под названиями «государевы дела» или «дела прежних лет». Обычно новый воевода принимал от предшественника печать города, городские и острожные ключи, «огнестрельный снаряд», денежную и хлебную казну. При этом составлялись «расписные списки», по которым принималась и документация: прежние указы и грамоты, именные списки, приходные, расходные, ясачные, оброчные книги и т. п. Вступив в должность, воевода докладывал царю, когда прибыл и сколько принял в городе запасов, денег, «государственных дел» и т. д. В ежегодных отчетах воевод — «сметных списках» сообщалось и об архивных описях документов.

Известно также, что кроме приказных изб в уездных центрах Сибири были еще две категории учреждений, обладавших архивами, — таможи и кружечные дворы. В некоторых городах кружечные дворы были объединены с таможами, имели общее делопроизводство и текущий архив. Для них действовали те же требования хранения и описания архивов, что и для приказных изб, а при смене «начальных» лиц — аналогичный порядок приема-передачи документов: составлялась опись («рописной список») имущества, текущей документации и архива, которая предоставлялась воеводе, а иногда и в сибирский приказ [3].

Огромное количество документов на местах хранилось в архивах монастырей и церквей. Хотя в 1570 г. значительные комплексы документов у монастырей были отобраны, но немалая часть их продолжала храниться там, накапливались новые документы. Монастырские архивы отличал сравнительно высокий уровень учета и описания документов.

Для охраны документов практиковались ночные дежурства, возлагавшиеся на подьячих и сторожей. Снаружи съезжая изба охранялась военным караулом. Но отдельных помещений под документы не отводилось. Когда дела уже не могли поместиться в съезжей избе, их частично размещали в деревянных чуланах и кладовых. Многие документы погибали из-за плохих условий хранения. Так, воевода города Юрьев-Польского доносил в Москву: «Изба ветха и углы обвалились, и кровля вся сгнила и свалилась, и от дождевой мокроты всякие твои великого государя дела помокли, и во время дождевое в приказную избу войти нельзя; також и печь развалилась, и во время зимнее топить некоторыми делы невозможно» [Цит. по: 1].

Документы на местах, в провинции хранили в лукошках, ларях, сундуках, коробах. Конечно же, на местах часто не было сносных помещений: архивы размещали в житницах, амбарах, зелейных (пороховых) погребах. Огромный ущерб местным архивам наносили пожары. Документы гибли из-за нерадивости местных чиновников, а также и вследствие сознательного уничтожения. Так, в 1682 г. при отмене местничества было сожжено большое количество разрядных книг. Кроме того,

после учреждения в 1708 г. первых губерний дела Поместного приказа были распределены по губернаторам для ведения дел о поместьях и вотчинах на местах. Но в 1714 г. они вновь были затребованы в Москву. В ходе этих перемещений многие документы потерялись [4].

С первой четверти XVIII в. начинается новый этап в развитии архивного дела. Это явилось следствием коренных реформ, проведенных правительством Петра I. В изданном 28 февраля 1720 г. Генеральном регламенте отдельная 44-ая глава «О архивах» говорила, что хранилища документов должны быть стать особыми структурными частями учреждений для приема и хранения документов, отделенными от канцелярии и текущего делопроизводства. Они получили европейское наименование — «архива». Для заведования архивами учреждалась должность архивариуса. Впервые был установлен срок сдачи дел из канцелярии в архивы — три года. В каждой губернии предполагалось создать по два центральных архива — архив губернского правления и архив городского самоуправления.

Однако концентрацию материалов осуществить не удалось: при каждом учреждении создавался свой архив. В начале XVIII века на местах учреждаются архивы при новых местных учреждениях: при губернских канцеляриях (в губерниях), при провинциальных канцеляриях (в провинциях), при земских комиссарах (в уездах). Так, известно, что к 1733 г. из множества дел Архангелогородской губернской канцелярии за 1710–1728 гг. были выделены «вершенные» и помещены в «особливую палату по шкапам» или «губернскую архиву». К середине XVIII в. «губернская архива» состояла из двух палат: «большой архивы и малой», находившихся в русском гостинном дворе при Архангелогородской губернской канцелярии.

Кроме того, на местах создаются архивы провинциальных, городских и надворных судов. Архивы создаются и при ратушах — органах городского самоуправления. Созданная в начале века сеть местных архивов существовала до 1770-х гг.

Уже с середины XVII в. в российское делопроизводство входит практика ведения дел на листах книг и тетрадей. Только в 1726 г. вышел указ, подтвердивший отмену столбцового делопроизводства. Причем, вышел и целый ряд инструкций по хранению старых документов в столбцах: частично их оставляли в столбцах, но часть столбцов разрезали на отдельные листы и сшивали в книги и тетради. Ведение делопроизводства на отдельных листах в книгах и тетрадях позволяло перейти от хранения документов в сундуках, коробах, ящиках к хранению их в шкафах.

В начале XIX в. сеть высших и центральных учреждений подверглась преобразованиям. Эта реорганизация повлекла и изменения в архивном деле. В 1802 г. в России создаются министерства. В каждом министерстве существовало по несколько архивов, полностью зависевших от канцелярий министров и от директоров департаментов, что па-

губно отражалось на состоянии архивов. Такая же дробность и множественность, узкая ведомственность характеризовала и архивы в провинции.

Указами 1798 и 1800 гг. местным инстанциям было предписано сдавать все судебные дела в архив губернской Судебной палаты, все дела административного характера — в архив Губернского правления, все финансово-экономические дела — в Казенную палату. Таким образом, предполагалось создание в каждой губернии трех архивов. Однако эти указы так и не были проведены в жизнь.

«Общим губернским учреждением» 1820 г. требовалось создавать архив при каждом присутственном месте. Но недостаток финансов, приспособленных помещений и подготовленных для архивной работы чиновников на практике приводил к тому, что архивы на местах были в заброшенном состоянии, поэтому многие документы погибли. Например, архивные документы складывали в «триумфальные арки», построенные в 1812 г. в Сибири. Из этих беспризорных помещений документы растаскивали, продавали на базарах, местные жители использовали документы для оклеивания окон. Архивные документы гнили, горели, ветшали. В 1815 г. в г. Казани сгорел архив губернского правления с ценнейшими документами, в том числе грамотами царей, начиная с Ивана Грозного.

Впрочем, конечно, были и исключения. Так, в г. Чебоксары архив появился в 1737 г. и располагался в отдельно стоящем здании, недалеко от главного городского храма — Введенского собора. В описи воеводской канцелярии, составленной в 1780 г., указывалось, что архив располагался в каменном здании с железными дверями, что, несомненно полностью отвечало нормам пожарной безопасности той поры.

Отсутствие условий для хранения документов было не единственной проблемой. Крайне не хватало специалистов. Служащих, знавших порядок ведения делопроизводства и архива, было очень мало. Функции архивариуса возлагались, как правило, на журналиста — человека, составлявшего протоколы заседаний. Обычно на эту должность принимали вольнонаемных лиц, грамотных, но зачастую не имевших опыта работы в архивном деле. Общее руководство и контроль за деятельностью архива канцелярии или областного правления возлагались на вице-губернатора.

После получения местными органами власти разрешения уничтожать дела без санкции центральных органов стало прогрессировать массовое уничтожение архивных документов.

Утвержденное в 1845 г. «Положение об учреждении губернских правлений» предусматривало создание специальных комиссий по разбору старых дел в составе советника губернского правления, одного из губернских стряпчих и чиновника, назначаемого по усмотрению губернатора. Подготавливаемые ими описи предназначенных к уничтожению дел поступали на утверждение начальни-

ку губернии, а в затруднительных случаях — министру внутренних дел. Этот порядок был в значительной степени ужесточен с принятием в 1848 г. положения Комитета министров об обязательном утверждении министром всех описей списываемых документов. В 1855 г. это право было передано сотрудникам министерства. Однако в соответствии с представлением последнего Государственный совет в 1867 г. пришел к решению о нецелесообразности подобного порядка и «в видах сокращения переписки» вернул этот вопрос в компетенцию губернского начальства.

Таким образом, право уничтожения архивных материалов с конца 1860-х гг. всецело принадлежало представителям заинтересованных в разгрузке своих учреждений от бумаг присутственных мест, что открывало широкие возможности для произвола. В результате деятельности различных комиссий по разбору дел в 1847 г. в 18 губерниях к уничтожению было представлено 30 тыс. единиц хранения, в 1852 г. — 68 тыс. Так, в архиве Нижегородского губернского правления в 1868, 1869, 1871 гг. было уничтожено 100 тыс. единиц хранения, Оренбургского правления — 11558 дел. Клинский уездный суд уничтожил все столбцы, предназначавшиеся для передачи в Московский архив министерства юстиции; хранители архива древних актов в Воротынске топили древними свитками печи.

Именно массовая гибель документов послужила причиной для появления проекта о создании губернских ученых архивных комиссий. Чтобы поставить это уничтожение под контроль лиц, более компетентных, нежели чиновники местных учреждений, с 1884 г. стали создаваться такие комиссии. Сначала они появились в Тамбовской, Рязанской, Тверской, Орловской губерниях, а к 1917 г. действовали уже в 42 губерниях. Фонды архивных комиссий ныне хранятся почти в каждом областном или краевом архиве, составляя ценную часть материалов дореволюционного периода.

К примеру, Ярославская губернская ученая архивная комиссия была открыта 15 ноября 1889 г. Ценнейшие документальные материалы, которые отражали многообразную жизнь края, подвергались бесконтрольному уничтожению. Поэтому задачами создаваемой комиссии становились: а) разбор дел и документов, предназначенных в губернских и уездных архивах разных ведомств к уничтожению, для выделения из них тех столбцов и бумаг, которые по представляемому ими интересу в научном отношении подлежат передаче для хранения в исторический архив; б) составление таковых документов и делам надлежащих описей и указателей; в) расположение их в том порядке, чтобы они были доступны для ученых занятий.

Тамбовский край стал родиной одной из первых в России ученых архивных комиссий благодаря частым научным контактам И.И. Дубасова, избранного председателем Тамбовской ученой архивной комиссии (ТУАК), с Н.В. Калачовым — переловым представителем русского архивоведения.

Непосредственным поводом для учреждения ГУАК в г. Тамбове стала озабоченность Николая Васильевича Калачова судьбой архива Шацкой канцелярии (обширного комплекса документальных материалов XVII–XVIII вв.), а также других собраний местных архивов, находившихся под угрозой уничтожения.

ТУАК были сконцентрированы дела губернского правления, окружного суда, казенной палаты, полицейских управлений, уездных и земских судов и др. Благодаря работе ТУАК были собраны богатейшие музейные материалы для историко-этнографического музея, созданного при ТУАК, которые положили начало областному краеведческому музею. Из личных архивов в библиотеку ТУАК были приобретены многие ценные документы частного характера, например – графов Сухтелен-Ламберт. Осенью 1886 г. ТУАК получила в собственное распоряжение три комнаты на третьем этаже здания публичной библиотеки. В начале 1887 г. в новое помещение перевезли документы архива Шацкой канцелярии, а также музейные собрания.

Тамбовская комиссия принадлежала к числу ГУАК, которые с первого года своего существования начали издание научной продукции и документальных материалов в виде периодических сборников. Печатный орган ТУАК представлял собою периодическое издание, выходившее в свет с 1884 по 1918 гг. Первоначально оно носило название «Журнал заседаний Тамбовской губернской ученой архивной комиссии». С января 1887 г. название было заменено на «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», что более соответствовало расширившемуся за счет публикаций научных статей, рефератов и архивных документов содержанию [5]. Вообще из 42 ГУАК своих «Трудов» или «Известий» не имели только одиннадцать – Астраханская, Закаспийская, Самарская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Казанская и др. Остальные с различной периодичностью выпускали в свет сборники, в которых публиковалась научная продукция ГУАК и источники из губернских исторических архивов.

В конце XIX – начале XX вв. в стране назрела необходимость архивной реформы, однако ни один из предлагавшихся проектов не был поддержан. ГУАК изначально были призваны выполнить программу архивного строительства на местах. Но уже на подготовительных этапах разработки их проекта произошел синтез двух идей –

учреждение ГУАК как архивных органов и как исследовательских обществ. В результате ГУАК превратились в периферийные научные общества, комплексно решавшие задачи изучения отдельных регионов, организации здесь архивного и музейного дела. В то же время правовое положение комиссий, характеризовавшееся достаточной неопределенностью, не позволило провинциальным историкам в полной степени реализовать поставленные перед ними задачи. Как научно-просветительные общества ГУАК обладали достаточными полномочиями для ведения научно-исследовательской, просветительской и издательской деятельности. Однако работа по спасению документов и научной организации губернских архивов выходила за границы компетенции научно-просветительных обществ и была под силу только правительственным учреждениям.

Первая мировая война же нанесла очередной огромный ущерб архивам. Архивные материалы гибли под артобстрелами, в пожарах, в ходе эвакуаций. Например, значительные комплексы документов архивов Закавказья погибли в результате эвакуации их в 1915 г. в гг. Краснодар, Ставрополь, в окрестные станицы и хутора.

К 1917 г. в каждой губернии существовало до 1500 правительственных и общественных архивов: архивы губернского управления, жандармского управления, полицейского управления, воинских присутствий, окружного суда, камеры прокурора, уездных мировых судей, сиротского суда, нотариусов, губернской земской управы, уездных земских управ, городских управ, казенной палаты, контрольной палаты, фабричных инспекторов, акцизного управления, землеустроительных комиссий, лесничих, почтово-телеграфного округа и почтовых контор, духовной консистории, соборных и приходских церквей, губернских и уездных предводителей дворянства, учебных заведений, волостных правлений.

В XIX – начале XX вв. получают распространение личные и литературные частные архивы, причем не только писателей, ученых, издателей, но и купцов и помещиков. Многие из них позднее погибли или были национализированы.

Таким образом, история архивного дела тесно связана с историей нашей страны, а воссоздание картины его становления и развития в российской провинции может наиболее ярко показать особенности того или иного периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. – М.: МГИАИ, 1941. – 344 с.
2. Юганова И.И. Архивы Якутии: неизвестные страницы (XVIII в. – 1917 г.) // Отечественные архивы. – 2008. – № 1. – С. 3–14.
3. Костанов А.И., Эскин Ю.М. Архивы и архивное дело в Сибири и на Дальнем Востоке в допетровский период // Отечественные архивы. – 2006. – № 4. – С. 3–18.
4. Малышева С.Ю. Основы архивоведения. – Казань: Татар. Республ. изд-во «Хэтер», 2002. – 169 с.
5. Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. – Рязань: Трибунский, 2002. – 380 с.
6. Малинина В.С. Архивы губернии и области // Родословное древо: тамбовская генеалогия и демография. – Тамбов, 2006. URL: http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=60_tambov.malinina (дата обращения: 12.03.2011).

Поступила 18.04.2011 г.

УДК 94(47+57)

ДОКУМЕНТЫ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ СССР 1922–1991 гг.

Е.В. Булюлина, Л.С. Токарева

Волгоградский государственный университет

E-mail: docling@volsu.ru

Статья посвящена вопросам формирования местных органов политической цензуры СССР. Рассматриваются структура, направления и методы деятельности цензурных органов по политическому контролю над литературой, искусством, печатью и средствами массовой информации в 1922–1980-е гг. Анализ состава и содержания документов местных органов цензуры основывается на впервые вводимых в научный оборот архивных материалах Государственного архива Волгоградской области.

Ключевые слова:

Советское государство, идеология, политическая цензура, печать.

Key words:

Soviet State, ideology, politic censorship, press.

Несмотря на то, что документы органов политической цензуры СССР были рассекречены только в начале 1990-х гг., эта тема уже достаточно глубоко исследована отечественными историками, она была предметом обсуждения специальных конференций [1–4]. Целью настоящей статьи является освещение наименее изученного аспекта — формирования, деятельности и состава документов местных органов советской политической цензуры. Статья подготовлена на материалах Нижнего Поволжья.

Политическая цензура не была изобретена советской властью. В XVIII в. цензурой стали официально называть учреждения, создаваемые церковной и светской властью для контроля над соответствием печатных произведений догматам религии и установленному государственному порядку. В России первый цензурный устав был принят в 1804 г. Согласно уставу, ни одна книга не должна была печататься или продаваться без предварительного рассмотрения цензурой. Задачей цензуры провозглашалось изъятие книг и сочинений, «противных нравственности».

Придя к власти, большевики заявили о ликвидации цензуры. И действительно, в ноябре 1917 — июле 1918 гг. существовали, помимо большевистских, издания других политических партий, до начала 1920-х гг. на страницах газет и журналов публиковались материалы эмигрантских изданий. Однако вскоре ситуация изменилась. 6 июня 1922 г. декретом СНК РСФСР было образовано Главное управление по делам литературы и издательств Народного комиссариата просвещения РСФСР (Главлит) для контроля над всеми видами печатных произведений, радиовещания, зрелищных искусств [5]. В губернских городах были созданы органы по типу Главлита при губернских отделах народного образования. Главлит и его местные органы осуществляли все виды цензуры: военную, политическую, идеологическую. Во главе губернских управлений по делам литературы и издательств (гублитов) стоял заведующий, назначаемый губернским отделом народного образования по согласованию с отделом политического контро-

ля ОГПУ и агитационно-пропагандистским отделом губернского комитета РКП (б). При заведующем гублитом имелся штат: два помощника, один из которых являлся инспектором по зрелищам, секретарь и технический персонал. В уездах функции цензора выполняли уполномоченные гублита — работники уездных отделов народного образования.

Гублиты производили предварительный просмотр всего предназначенного для печати; выдавали разрешения на право издания отдельных произведений и органов печати, организации новых издательств; составляли списки запрещенных изданий; издавали правила, распоряжения и инструкции, обязательные для всех органов печати, издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов. В своей деятельности гублиты руководствовались циркулярами и распоряжениями Главлита и партийных комитетов, работали в тесном контакте с органами ОГПУ.

Цензура печатных произведений заключалась в недопущении к печати сведений, не подлежащих оглашению. Их состав и содержание определяли перечни сведений, составляющих государственную и военную тайну, постановления партии и правительства, приказы, циркуляры и инструкции Главлита. Запрещались любые сведения, «носящие враждебный к коммунистической партии и советской власти характер, содержащие враждебную идеологию в вопросах религии, общественной жизни, экономики, национального вопросе, области искусства и т. д.» [6]. Из печатных произведений и любых других произведений искусства должны были «изыматься наиболее острые места (факты, цифры, характеристики), компрометирующие советскую власть и компартию» [6]. Органы Главлита имели право приостанавливать отдельные издания, сокращать тираж, закрывать издательства, передавая материалы на должностных лиц органам ОГПУ. От цензуры освобождались только определенные виды печатной продукции — бланки, накладные, квитанции и т. п.

Осуществляя предварительную цензуру, цензор заполнял карточку, на которой был номер гублита, на обороте указывалось, что изымалось из текста,

а если изменений не было, то указывалось: «печатать без изменений». На гранках и рукописях представлялась виза в двух экземплярах, один оставался в типографии, другой поступал в местный отдел политического контроля ОГПУ. Только имея разрешительные визы на карточке и рукописи, издательства имели право печатать и выпускать свою продукцию. Ни одно издание не могло быть выпущено из типографии до представления в гублит своих экземпляров. Ежедекадно заведующий гублитом делал сводки важнейших «вычерков и задержаний предварительным контролем» (существовала такая терминология для обозначения цензурных купюр) и отправлял их в Главлит, где эти сведения обобщались и регулярно рассылались местным органам для руководства и информации.

В 1925 г. гублиты передали функции военной цензуры политотделам Красной Армии, в уездах и округах — помощникам военных комиссаров по политической части [7].

Органы Главлита осуществляли контроль за репертуаром театров, филармоний, творческих коллективов. Для этого в составе Главлита был создан Главный комитет по контролю за зрелищами и репертуаром (Главрепертком), а на местах создавались репертуарные комиссии под председательством помощника заведующего гублитом — инспектора по зрелищам. Губернский инспектор по зрелищам выдавал разрешения на постановку театральных спектаклей, устройство зрелищ и т. п., проводил регистрацию всех зрелищных предприятий губернии, имел право требовать от них представления сезонных программ. Один экземпляр всех разрешенных им к постановке произведений и заявлений об устройстве зрелищ он должен был представлять в отдел политконтроля ОГПУ.

Как и в других губернских городах, в Царицыне были созданы органы по типу Главлита. Деятельность царицынских, а затем сталинградских и волгоградских цензурных органов отразилась в документах трех фондов Государственного архива Волгоградской области (ГАВО).

Первый фонд включает документы Царицынского-Сталинградского губернского управления по делам литературы и издательств (гублита) за 1921–1928 гг. В фонде сохранилось 25 дел, содержащих переписку, циркуляры, распоряжения, инструкции, как Главлита, так и гублита, постановления Совета Народных Комиссаров, списки разрешенного кино-, музыкального, театрального репертуаров, выписки из протоколов заседаний и т. д.

В 1928 г., после проведения реформы административно-территориального деления, губернские органы цензуры были преобразованы в краевые и областные.

Документы Сталинградского краевого управления по делам литературы и издательств (крайлит), которое было создано после упразднения губернии и включения её территории сначала в Нижне-Волжский, а потом в Сталинградский край, содержатся в фонде Ф.Р-634 за 1933–1936 гг. Фонд со-

стоит из 27 дел, содержащих решения Крайкома по вопросам цензурной работы, приказы, циркуляры и распоряжения Главлита и крайлита своим уполномоченным и горлитам, сводки важнейших вычерков предварительной цензуры, дополнения к перечням, списки запрещенного к опубликованию и требования. Например, в письме райуполномоченному крайлита содержалось требование быть «партийцем грамотным, особенно политически, не имеющим никаких уклонов от линии партии». Выделенного товарища следовало оформить в соответствующем порядке (через районный исполком, а также НКВД, допустив к секретной работе) и выслать в г. Сталинград в крайлит для инструктажа и снабжения его необходимыми руководящими материалами [8].

Система цензуры бурно развивалась как самостоятельная отрасль идеологии советского государства и достигла своего пика в 1937–1953 гг., когда государство стало претендовать на полный контроль над поведением и мыслями граждан. Этот период отразился в самом большом фонде ГАВО, посвященном деятельности местных цензурных органов: Ф.Р-688 за 1937–1991 гг., содержащий документы образованного в 1937 г. Управления по делам литературы и издательств Сталинградской области, которое с 1 июля 1954 г. стало Управлением по охране военных и государственных тайн в печати при Сталинградском облисполкоме, с 10 ноября 1961 г. — при Волгоградском, а с 1964 г. — управлением по охране государственных тайн в печати при Волгоградском облисполкоме. Данный фонд состоит из 3 описей, первая (1942–1991 гг.) включает штатные расписания, сметы расходов обллита, приказы, инструкции и указания Главлита, протоколы производственных совещаний и приказы начальника обллита по производственным вопросам.

Во вторую опись вошли документы по личному составу (приказы начальника обллита по личному составу, лицевые счета по заработной плате, личные дела сотрудников обллита), а третья (1937–1985 гг.) также содержит приказы и указания Главлита, переписку с Главлитом РСФСР, годовые отчеты, акты проверки работы обллита и сводки важнейших вычерков.

Последний вид документов, а именно сводки важнейших вычерков, являлись характерными специфическими видами документов органов политической цензуры СССР.

В современном понимании сводка — это документ, содержащий обобщенные сведения по какому-либо вопросу. Как правило, в сводке концентрируются данные из разных источников по определенным параметрам, связанным одной темой.

В сводке допускается приводить сведения об источниках информации, перечислять и давать характеристику фактическому материалу по одному или нескольким показателям.

Текст сводки, как правило, представляется в табличной форме [9. С. 98].

Сводки важнейших вычерков сталинградских цензурных органов полностью соответствовали приведенному выше описанию. В начале 30-х гг. прошлого века, когда они только начали использоваться в качестве формы отчета, данный вид документов составлялся цензорами по каждой отдельной типографии за определенный период, в дальнейшем, когда сводки нашли широкое применение, составлялись различные виды сводок, в том числе такие, где представлялись уже обобщенные данные по всему Сталинградскому облиту.

Цензурные сводки содержали в основном следующие реквизиты:

- гриф секретности («Секретно»);
- наименование вида документа («СВОДКА», иногда встречается указание отчетного периода, например, «ДЕКАДНАЯ СВОДКА»);
- заголовок к тексту;
- текст документа;
- подпись.

Заголовки к тексту в разные годы изменялись в зависимости от вида сводки: «важнейших вычерков предварительной цензуры по типографии Поволжской Правды за июнь, июль, август месяца 1934 г.», «важнейших вычерков предварительной цензуры и обнаруженных последующим контролем нарушений политико-идеологического характера Сталинградского облита по состоянию на 1/X – 37 года», «вычерков последующего контроля по Сталинградскому облиту на 25/XII – 1938 года», «важнейших вычерков предварительной цензуры Сталинградского областного правления по Делах Литературы и Издательств с 15/XII по 1 января 1940 года» и т. д.

Что касается текста документа, то он чаще всего представлял собой таблицу, в столбцах которой было представлено наименование печатного издания, материала, фамилия автора, краткое содержание нарушения или вычерка, меры, принятые цензором, основание, по которым был сделан вычерк и фамилия цензора.

В 30-е гг. в г. Сталинграде издавалось три областные газеты: «Сталинградская Правда», «Молодой Ленин» и «Дети Октября». При этих газетах решением бюро областного комитета ВКП (б) были утверждены два цензора. В Сталинградской области было 66 сельских районов, при районных (сельских) газетах должны были состоять 66 цензоров, утвержденных райкомами ВКП (б). Кроме того, по г. Сталинграду при районных городских и фабрично-заводских газетах работало еще 4 цензора. Именно эти уполномоченные сначала крайлита, а потом облита, руководствуясь статьями перечней, циркулярами ОВЦ (Отдела военной цензуры) или другими специальными указаниями, делали цензурные вычерки, сокращения, недопущения в печати, которые потом обобщались в сводки и направлялись в Главлит. На цензуру возлагалась функция изъятия из статей наиболее острых мест, фактов, цифр, характеристик, компрометирующих советскую власть и РКП (б),

а также недопущение произведений, через которые проводилась «враждебная идеология» в основных вопросах (политики, религии, экономике, в национальном вопросе, области искусства и т. д.).

В период деятельности Нижне-Волжского краевого управления по делам литературы и издательств (крайлит) (1933–1936 гг.) сводки важнейших вычерков использовались наравне с отчетами уполномоченных крайлита.

Отчетность Сталинградского областного управления по делам литературы и издательств (обллит) (1937–1954 гг.) была представлена до конца 30-х гг. исключительно сводками важнейших вычерков. В это время выделяются следующие виды сводок:

- важнейших вычерков предварительной цензуры местных органов цензуры (республиканских, краевых, областных) по перечням литеры А и Б, а также политико-идеологические сводки;
- уполномоченных Главлита при издательствах, газетных кустах;
- вычерков секторов Главлита РСФСР, составляемые для оперативного сектора;
- предотвращенных и пропущенных предварительной цензурой нарушений Перечня по центральным газетам (сводки газетного сектора Главлита РСФСР);
- вычерков и исправлений предварительной цензуры по микрофонным материалам центрального радиовещания;
- важнейших изъятий, задержаний и конфискации, произведенных органами Главлита (итоговая);
- ОВЦ (Отдела военной цензуры) нарушений Перечня лит. А, устраненных в печати предварительной цензурой [10].

Данные виды сводок представлялись как в табличной, так и в обычной текстовой форме. Что касается табличных сводок, то в отличие от сводок крайлита они уже содержали не 4, а 5–6 столбцов, выделялись как отдельные столбцы «Фамилия цензора, допустившего нарушение или сделавшего вычерки» и «Принятые меры», также вычерки теперь разграничивались на «предварительную цензуру» и «последующий контроль» либо в пределах одной сводки, либо составлением двух отдельных сводок.

Сводки местных органов цензуры и уполномоченных Главлита при издательствах и типографиях подписывались начальниками литов, печатались в трех экземплярах, один из которых направлялся в Главлит, другой в обком ВКП (б) и третий подшивался в дело.

Анализ сводок «важнейших изъятий и задержаний», произведенных органами Главлита в 1936–1938 гг. показывает, что к нарушениям политико-идеологического характера в это время цензоры зачастую относили механические искажения текста и опечатки, небрежную верстку. Но основанием вычерков могли быть как просто опечатки, пропуск букв, искажения слов, не литературность

выражения и т. д., так и определение содержания, как «политически не правильно сформулированного», «идеологически неверного», «демобилизующего», «вредного», «оглушно неправильного обвинения». Например, опечатки, касающиеся фамилий членов ЦК (вместо Сталин в газете «Политотделец» напечатали «тов. Счалин») или касающихся должностей руководителей (вместо нарком «чарком»), уже характеризовались как грубые политические опечатки, и их следствием было проведение уполномоченными производственных совещаний с работниками типографий. Все эти опечатки объявлялись действиями «вражеской руки» [8].

Что касается указанных в сводках принятых цензурными органами мер, то они были различными: «заменено», «вычеркнуто», «не допущено к печати», «внесено исправление», «задержано и изъято», «снято», «объявлен выговор» и т. д. Вот несколько примеров из сводок: «В многотиражке «Мясной гигант» (Ленинград) № 76 от 14–15 сентября 1936 г. были помещены клише Ленина, Сталина и Кирова, а под ними статья «Не оправдали доверия партии». Клише сняты»; «В радиопередаче «Октябрятская звездочка имела такая фраза: «Самым большим желанием было у меня побывать в мавзолее и увидеть Вас, товарищ Сталин». Предложено переработать»; «В газете «Ленинская правда» (Курск) помещен снимок «Григорий Константинович Орджоникидзе в гробу», а над этим снимком дано сообщение Наркомфина под заголовком «Добились большого успеха». На цензора наложено взыскание» [8].

Подчас опечатка стоила человеку карьеры, а то и жизни. В либретто «Маскарад» Воронежского театра вместо «великосветской черни» было напечатано «великосветской». Корректор был снят с работы. В газете «Челябинский рабочий» вместо «под руководством партии Ленина — Сталина» напечатали «под куроводством». Цензор и редактор сняты с работы, облит передал дело в НКВД [8].

В 1938 г. появилось даже особое информационное письмо Главлита «О вражеской работе в печати по линии пропусков так называемых опечаток» [11]. В нем появление опечаток на страницах журналов и газетных полосах объявлялось сознательным и преднамеренным действием работников типографий и редакций.

Можно привести и достаточно неожиданные объяснения вычерков, например, цензор в заметке «Как попы готовятся к выборам в советы» отрывок «попы — это пауки, высасывающие путем обмана последние соки, отбирающие последнюю корку хлеба у верующего труженика» оценил как «неправильное отражение материального положения трудящегося в данное время» [12].

Многочисленные циркуляры Главлита призывали работников цензуры проявлять бдительность, не допускать «политической беспечности и ротозейства» при контроле художественного оформления книг, журналов, буклетов и различной «изобразительной продукции». Так, в информацион-

ном письме Главлита от 29 ноября 1938 г. № 15 указывалось: «Прямой и довольно распространенной формой вражеской деятельности в художественном оформлении является врисовка в макет основного рисунка или фото физиономий враждебных нам людей. Отмечены и такие случаи, когда контуры физиономии врага народа Троцкого и других представлены в виде очертания знамени, географического рельефа острова и вообще местности на карте...» [13].

Учебно-педагогическое издательство выпустило учебник по географии с приложением географических карт. В части тиража физической карты СССР красная черта, обозначающая границу СССР с капиталистическими странами, оказалась смещенной. Если бы она сместилась влево, это было бы признано, наверно, простым типографским браком. Но, к несчастью для работников типографии и издательства, она оказалась сдвинутой вправо, в результате ряд городов СССР — Ленинград, Минск и др., очутились по ту сторону границы. Надо ли говорить, что за этим последовало!

В другом циркуляре обращалось внимание цензоров на расстановку рисунков и фотографий в газетах: «Бывает так, что если рассматривать фото или рисунок отдельно на каждой полосе, то он не встречает каких-либо сомнений. Но стоит взять уже отпечатанный номер этой газеты и посмотреть его на свет, порой можно обнаружить самые дикие сочетания рисунков первой полосы с рисунками второй полосы, или третьей с четвертой...» [14].

Стремление как можно лучше выполнить руководящие указания, подобные приведенным выше, в массовых масштабах порождало явление, которое ранее и по другому поводу получило название «перегибы на местах». Например, цензоры Сталинградской области пытались задержать тираж брошюры с докладом Сталина на VIII Всероссийском съезде советов 25 ноября 1936 г. «О проекте конституции Союза СССР» на том основании, что на портрете Сталина якобы имеются какие-то особые знаки. Из Москвы попеняли на «необоснованное вмешательство цензуры». Такие случаи были не единичными. В условиях того времени для цензора проявление излишней строгости влекло за собой менее серьезные последствия, чем снисходительность.

В 1938 г. по приказу уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита были образованы особые фонды в библиотеках и книжных палатах. Особый фонд состоял из книг, журналов и брошюр (в двух экземплярах), выпущенных в свет, но впоследствии изъятых органами Главлита, а также изданий с грифами «секретно», «совершенно секретно», «только для членов ВКП (б)» и т. п. Доступ к особому фонду разрешался ограниченному кругу лиц на основании письменных ходатайств партийных и советских органов. Книги изымались и из торговой сети. Иногда вместо изъятия допускались исправления тех или иных изданий. Каким образом это на-

до было делать, подробно указывалось в приказах Главлита. Например, приказ от 16 февраля 1948 г.: «Начальникам Главкрайобллитов дать указания библиотекам общественного пользования в производстве следующих исправлений в нижеперечисленных книгах: 1. Белогорский Б., Зенин С. Полус наш! — М.-Л., Детиздат ВЛКСМ, 1937, 263 с. Тир. 50300 экз. Затушевать имена Чубаря, Ежова и Кассиора на с.50, 168, 170. 2. Фрунзе М.В. Собрание сочинений под общей редакцией А.С. Бубнова. — М.-Л., Госиздат, 1927, 399 с. Тир. 3000 экз. Удалить предисловие А.Бубнова, склеить стр. V с титульным листом; удалить фото между с. 24—25, 200—201, 248—249, 364—365, на которых среди других лиц фигурируют враги народа Рыков, Бубнов, Егоров...» Далее следует еще 17 наименований книг [15]. Все исправления должны были делать сотрудники библиотек под наблюдением цензоров.

Если перечисленные в приказе книги были обнаружены в книжной торговле, в них также вносились исправления под контролем цензора с составлением акта. При изъятии книг не обходилось без излишнего усердия региональных органов. Так, в ряде автономных республик изъяли не только сборники задач по алгебре и геометрии, произведения русских классиков, но и Устав ВКП (б), резолюции съездов партии, работы классиков марксизма, на том основании, что в конце книги были указаны фамилии переводчиков, оказавшихся к тому времени «врагами народа» [15].

В 1954 г. Главное управление по делам литературы и издательств было переименовано в Главное

управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР, а его местные органы — в краевые (областные) управления при соответствующих исполкомах советов. С 1964 г. они стали называться управлениями по охране государственных тайн в печати. Органы цензуры сохранили в своих названиях прежние аббревиатуры: Главлит, край (обл) литы.

Несмотря на то, что с 1960-х гг. наблюдалось определенное смягчение цензуры, и в 1970-е, и в 1980-е гг. политико-идеологическая цензура продолжала существовать. Например, в волгоградских областных газетах были вычеркнуты сведения о психических заболеваниях, большой преступности среди несовершеннолетних, фактах национализма среди прибалтийских и узбекских студентов, содержании скота в церкви одного из поселков области, нежелании изучать марксистско-ленинскую философию студентами из Замбии, учебе иностранных студентов в советских вузах за счет средств Союза советских обществ дружбы, об участии советских летчиков в войне в Корее и массовой гибели советских солдат на Кубе.

Лишь в 1990 г. был принят Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации». Он провозгласил свободу печати и отмену цензуры массовой информации. Приказом Министерства печати и массовой информации от 22 ноября 1991 г. были упразднены Главное управление по охране государственных тайн в печати и других средствах массовой информации при Совете Министров СССР и его региональные органы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. — СПб.: Академический проект, 2000. — 311 с.
2. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. — М.: РОССПЭН, 2002. — 397 с.
3. Цензура в России: история и современность: тезисы конференции 20–22 сентября 1995 г. Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во РНБ, 1995. — 288 с.
4. Цензура в царской России и Советском Союзе: материалы конференции 24–27 мая 1993 г. — М.: Наука, 1995. — 175 с.
5. Положение о Главном Управлении по делам литературы и издательства // Собрание узаконений РСФСР. — 1922. — № 40. — Ст. 461.
6. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-2462. Оп. 1. Д. 4. Л. 84.
7. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-2462. Оп. 1. Д. 4. Л. 137.
8. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-2462. Оп. 1. Д. 4. Л. 40–41.
9. Секретарское дело. (Образцы документов, организация и технология работы). — М.: Проспект, 2008. — 608 с.
10. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р. — 688, Оп. 3, Д. 1, Л. 93.
11. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-2462. Оп. 1. Д. 4. Л. 61–62.
12. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-2462. Оп. 1. Д. 4. Л. 33, 111.
13. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-2462. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.
14. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-2462. Оп. 1. Д. 4. Л. 203.
15. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-2462. Оп. 1. Д. 3. Л. 59, 60.

Поступила 18.04.2011 г.

УДК 9.929

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИМАНДРИТА ТИХОНА НА ПОСТУ РЕКТОРА ХОЛМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО ВЕСТНИКА 1892–1897 гг.

Т.В. Шабанова

Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД РФ
E-mail: lev.shabanov@mail.ru

Статья освещает период с 1892–1897 гг., когда архимандрит Тихон (Беллавин), находясь на посту ректора Холмской духовной семинарии, получает важнейший опыт духовно-административного служения и начинает лично формироваться как будущий Патриарх Московский и всей России.

Ключевые слова:

Архимандрит Тихон, Холмская духовная семинария, Холмско-Варшавский епархиальный вестник.

Key words:

Archimandrite Tikhon, Chelm Theological Seminary, Kholmko-Warsaw Diocesan Gazette.

Тема деятельности архимандрита Тихона (будущего Патриарха Московского и всей России) на посту ректора Холмской духовной семинарии, его первой руководящей должности на пути служения Русской Православной Церкви, на наш взгляд является недостаточно изученной. Между тем, она имеет основополагающее значение в его жизни и деятельности. И не только потому, что в этот период (1892–1897 гг.) состоялось его знакомство с видными православными деятелями — архиепископом Холмско-Варшавским Флавианом и отцом Иоанном Сергиевым (Кронштадским), оказавшими в последствии значительное влияние на будущего Первоиерарха. Но и потому, что за пять лет своего ректорства Тихон Беллавин сформировался как целеустремленный и очень эффективный руководитель, приобретая навыки работы в разнообразной церковно-общественной и административно-хозяйственной деятельности, что во многом явилось определяющими факторами его духовного сподвижничества, как Патриарха, и его дальнейшей человеческой судьбы.

По окончании в 1888 г. Санкт-Петербургской духовной академии он был направлен преподавателем в духовную семинарию г. Пскова, где в декабре 1891 г. принял постриг. В марте 1892 г. последовал его перевод в г. Холм Холмско-Варшавской епархии инспектором духовной семинарии. Уже в июле того же года определением Св. Синода он был назначен ректором Холмской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. Так начался первый этап пути становления Тихона Беллавина архипастырем Русской Церкви.

Одним из главных источников по данной теме является Холмско-Варшавский Епархиальный Вестник (далее, ХВЕР), издаваемый в Варшаве при Холмско-Варшавской архиерейской кафедре с 1877 по 1917 гг. (в данной работе использованы тома с 1892 по 1897 гг.).

ХВЕР представляет собой разносторонний, насыщенный самым разнообразным фактическим

материалом источник. Его содержание начинается указами императора и Св. Синода, а заканчивается разделом о хозяйственно-бытовых нуждах населения. Значительное количество материалов как официального, так и частного характера объемно и разносторонне отражает религиозно-социальные реалии епархии того времени.

Материалы, имеющие отношение к архимандриту Тихону, можно разделить на две группы. Первая — речи и поучения, сказанные им во время праздников и торжественных мероприятий в семинарии. Анализ этих источников позволяет понять взгляды будущего Патриарха на многие вопросы религиозно-нравственного и учебного характера. Вторая — официальные отчеты о состоянии духовной семинарии, описания её годичных актов, отчеты о деятельности Леонтиевского попечительства и Св. Богородицкого Братства, почетным и деятельным членом которых он был. Эти материалы раскрывают разноплановую преподавательскую и административно-хозяйственную деятельность молодого ректора.

Представляет интерес и само место первого назначения Тихона [1. С. 90]. Холмская духовная семинария была открыта в 1759 г. как униатская, в 1875 г. была присоединена к Православной Церкви, в 1890 г. заботами Московского митрополита Леонтия и архиепископа Холмско-Варшавского Флавиана было построено новое здание семинарии. Эти даты: количество лет со дня основания, воссоединения с Православием и открытия нового корпуса указывались каждый год во всех отчетах ректора.

В отчетах перечислялись все преподаваемые дисциплины, и фиксировались перемены преподавательского состава. Так семинаристам читали Св. Писание и еврейский язык; основное, догматическое и нравственное богословие; французский язык; гомилетику, литургику и практическое руководство для пастырей; общую и русскую церковную и библейскую историю; обличительное бого-

словие, историю и обличение русского раскола; всеобщую и русскую гражданскую историю; словесность и историю русской литературы; логику, психологию начальных оснований и краткую историю философии и дидактики; алгебру, геометрию, пасхалию и физику; греческий язык; латинский и немецкий язык. Велось также иконописание и гимнастика (учитель — офицер поручик). В семинарии был свой духовник, врач, эконом, письмоводитель, законоучитель образцовой школы. Все преподаватели были с высшим (академическим или университетским образованием) — кандидаты и магистры.

Из отчёта 1882 г. следует, что на начало ректорства архимандрита Тихона учеников было 115 (на начало учебного года) [2. С. 364]. По предметам процент успевающих составлял 95 %, за отличное поведение и успехи в науках награждены книгами и похвальными листами тринадцать воспитанников.

4 сентября 1892 г., как и все предыдущие семинарские ректоры, произнес традиционную речь ко всем ученикам перед началом учебного года и речь, обращенную к выпускникам семинарии. В ней, как и во многих других обращениях к воспитанникам, он много внимания уделяет раскрытию смысла и сути пастырской деятельности [3. С. 15–16]. Обрисовывает образ пастыря, священника, объясняет своим юным ученикам трудность и высокую значимость их служения: «У них менее, чем у кого бы то ни было, должно быть забот о мирском, о земной славе, могуществе, о том, как бы поскорее выдвинуться; оставляя всё сие, они должны ревновать о едином на потребу, о спасении своих пасомых, в этом полагать свою пищу; им приходится, подобно апостолу Павлу (Деяния апостолов, гл. 20), работать Господу со многими слезами, среди искушений, возвещать долгие годы волю Божию всенародно и по домам, благовременно и безвременно, не пропуская ничего полезного, ни на что не взирая, не дорожа своею жизнью и здоровьем, только бы совершить своё служение, хотя бы при этом пришлось мученически положить душу свою за овцы своя (Евангелие от Иоанна, гл. 10, стих 11)» [2. С. 343].

В речи «К оканчивающим курс учения в Холмской Духовной Семинарии в 1893 году» Тихон предостерегает своих учеников от соблазнов будущей самостоятельной жизни. Он говорит о том, что свобода должна, прежде всего, опираться на внутреннюю духовную основу, иначе она перерождается в произвол и разрушает душу: «Быть свободным это не значит, не подчиняться никому и ничему, жить и действовать так, как вздумается и как захочется, делать все без разбора: это не свобода, а своеволие и произвол, всех стесняющие и подавляющие и свою и чужую истинную свободу; это рабство греху, ибо, по слову Спасителя, *всякий, делающий грех, есть раб греха* (Евангелие от Иоанна, гл. 8, стих 34). Быть свободным это значит определять себя к деятельности из самого же себя,

из своего существа, а не из чего-нибудь стороннего, чуждого... Для вас поставлять свою свободу не в угождении плоти, а в служении ближним тем необходимее, что вы призываетесь к пастырству, а оно более, чем какое-нибудь другое служение, требует любви к ближним и отрешения от самоугождения». [4. С. 285]

Далее Тихон опять обращается к образу и смыслу жизни пастыря, говоря о том, что в своем служении ради людей пастырь отказывается от личных интересов и жертвует своей жизнью ради паствы подобно матери по отношению к ребенку: «Поэтому и у пастыря должна как бы исчезать личная жизнь, и он должен сливаться со своею паствою, радоваться ее радостями, болеть ее печалью. Как истинная мать теряет ощущение личной жизни и переносит ее в семью, как птица насыщается сытостью своих детенышей, так подобное же перенесение своей личной жизни в жизнь других должно быть и у пастыря» [4. С. 285].

Такое понимание церковной жизни, перенос понятия семьи, особенно взаимоотношений матери и ребенка, на отношение Церкви к человеку, на отношения пастыря и народа было свойственно будущему Первоиерарху, т. к. выражало его собственное понимание смысла пастырского служения. Восприятие Церкви как любящей и всегда заботливой матери для всех христиан встречается не только в речах, но и во многих статьях холмского периода, которые архимандрит Тихон печатал в журналах «Странник» и «Беседа». Например, в 1894 г. он напечатал в «Беседе» статью «За что Церковь называют матерью нашей?», где он, в частности, пишет: «Словом, материнская любовь так сильна, так неусыпна, так бескорыстно предана и способна на всякие жертвы, что никакая другая человеческая любовь не может сравниться с ней. Не меньшую материнскую любовь питает к своим членам и Церковь Христова. И она, как мать, рождает нас в духовную жизнь, хранит и заботится о нас, воспитывает и руководит нас по пути к спасению» [5. С. 277].

Прямое отношение к деятельности архимандрита Тихона имеет «Отчет о приходе, расходе и остатке денег по Леонтиевскому попечительству о бедных воспитанниках Холмской духовной семинарии», печатавшийся каждый год в епархиальном вестнике. Попечительство существовало с 1889 г. и было организовано стараниями митрополита Леонтия, бывшего тогда архиепископом Холмско-Варшавским. Все поступавшие пожертвования тщательно фиксировались и затем в течение года беднейшие ученики получали пособие, а также подъемные деньги получали и наименее обеспеченные выпускники. Весь преподавательский состав во главе с ректором вносил посильный вклад каждый год. Кроме них постоянно крупные суммы жертвовали архиепископ и епископ епархии, ректоры других духовных семинарий (например, Московской и Казанской), чиновные лица губернии и протоиереи Иоанн Сергиев (Кронштадский) —

самый крупный жертвователь. На момент прихода Тихона попечительство обладало 4700 руб. основного капитала и 23 руб. 03 коп. в наличных. За 1892 учебный год пособие получили 34 воспитанника. Архимандрит Тихон очень активно занимался делами данной организации и, как будет показано далее, сумел приумножить ее капитал.

«Краткий отчет ректора Холмской Духовной Семинарии Архимандрита Тихона о состоянии Семинарии за 1882/93 учебный год» напечатан в 21-м номере от 1(13) ноября 1893 г. В отчетах ректора фиксировались важные в жизни семинарии события, произошедшие в течение года. К ним, например, относились все визиты архиепископа, который, обычно, приезжал 2–3 раза в год. Высокопреосвященный Флавиан всегда уделял много внимания семинарии, лично вникал в дела и проблемы и оказывал возможную помощь. Он обязательно присутствовал на торжественном годичном акте и на годовых экзаменах — лично экзаменовал воспитанников обычно двух разных классов, включая выпускной. Во время визитов архиепископ служил литургии в домовой церкви, осматривал все семинарские помещения, обедал в столовой вместе с воспитанниками. Посещения семинарии архиепископом и другими высокопоставленными лицами подробно описывались в отчетах.

Далее отмечалась литературная деятельность ректора и преподавателей. «Добросовестно относясь к прямым своим обязанностям, начальствующие и преподаватели досужное время по большей части посвящали литературной деятельности, в подтверждении чего можно указать на нижеследующие труды их: ректор, архимандрит Тихон (в ХВЕВ) — «Речь перед началом ученья в ХДС в 1892 г.», «Новогоднее пожелание учащимся» и «Речь к оканчивающим курс ученья в 1893 г.», в «Беседе» некролог «Митрополит Исидор» и статьи «Милость Божия к русскому народу», «Размышление на празднике Введения во Храм Богоматери», «Крестолопоклонная неделя», «Преподобная Мария Египетская» и «Весна — образ нашего обновления»; в Холмском народном календаре на 1894 г. печатаются его же статьи «Некролог Митрополита Исидора», «Биография Митрополита Палладия». Преподаватели также очень активно печатали статьи историко-статистического, литературоведческого и богословского содержания.

В начале 1893 учебного года воспитанников было 128, за год выбыло 7. Из оставшихся 43 было духовного звания и 78 человек других сословий. На повторительный курс, то есть, оставшихся на второй год, было всего 3 человека, следовательно, процент успеваемости был высокий.

За 1892–1893 учебный год Леонитиевское попечительство выдало пособий на 555 руб. 55 коп. Размер пособия варьировался от 10 до 45 руб. в зависимости от материального положения воспитанника. Самые крупные пожертвования за этот год поступили от митрополита Московского Леонтия и о. Иоанна Сергиева — по 200 руб., от архиепи-

скопа Флавиана — 154 руб., от епископа Люблинского — 100 р., от архимандрита Тихона — 25 руб.

Помимо попечительства ректор Тихон был деятельным членом Холмского православного Свято-Богородицкого Братства. Братство занималось широкой благотворительной деятельностью. Через благочинных приходов составлялись списки наиболее материально нуждающихся лиц, которые затем получали единовременное пособие (величина варьировалась). Кроме того, денежное пособие оказывалось стипендиатам семинарии, училища и других учебных заведений епархии, а так же церквям и церковно-приходским школам. Отчет обо всех поступлениях (денежных и вещественных) и расходах ежегодно печатался в ХВЕВ. Материальный фонд и масштабы деятельности Братства были значительно больше попечительства, представляя собой общегубернский уровень.

Финансовые поступления шли от многих видных первосвященников, от попечителей учебных округов, от губернаторов, настоятелей монастырей, ректоров, от дворян и купцов, мещан и состоятельных крестьян. Размер пожертвований варьировался от 250 до нескольких рублей. В 1893 г. от архимандрита Тихона поступило 15 руб. Члены Братства издавали также «Холмский народный календарь» — местное периодическое издание, пользующееся большой популярностью.

Из краткого отчета за 1893–1894 учебный год мы узнаем, что в семинарии было уже 138 воспитанников, 13 из них были выпускниками, 12 было оставлено на повторительный курс, остальные успешно переведены в соответствующие классы. Награждены книгами 9 и похвальными листами 4 семинариста.

В Холмско-Варшавской епархии, находящейся на территории разделенной Польшы, значительное число населения, помимо православных, составляли католики и униаты. Внутренние проблемы трех ветвей христианства между собой усугублялись конфликтом католиков и, особенно, униатов с имперской властью. Православие в этом регионе боролось с последствиями проводившегося несколько столетий окатоличивания населения и стремилось перевести всех униатов в православие. Проводимые в семинарии с 30 января 1894 г. специальные воскресные чтения «по обличению западных исповеданий» являлись отражением этого процесса. Как говорится в ХВЕВ, «Чтения эти имеют своею задачей ближе и полнее ознакомить с учением инославных исповеданий, со способом опровержения возражений тех или иных лжеучений для более успешной борьбы с иновением воспитанников Х.Д.с., готовящихся к пастырскому служению, проходить которое они будут в таком крае, где наряду с православием существует и латинство (а отчасти и протестантство), где оно даже превосходит православие численностью своих последователей и где, кроме сего, не довольствуется «своим двором», а стремится залучить в него ещё «и иные овцы, яже не суть от двора сего» [6. С. 313]. Введение

такого «спецкурса» было насущной необходимостью в Холмском регионе и ректор, таким образом, повышал образованность и профессиональную подготовку будущих пастырей.

Эти чтения с самого начала стали популярны и на них приходили не только семинаристы, но и горожане. Помимо них архимандрит Тихон, с разрешения архиепископа, ввёл ещё и духовные чтения, ориентированные преимущественно на мирян и разъясняющие отдельные аспекты православия и христианства в целом. Так, в первом чтении он изложил и прояснил смысл «обрядов Православия», совершавшегося в первое воскресенье Великого поста в кафедральных соборах Православной Церкви, а в последнем чтении кратко рассказал житие Св. Марии Египетской с назидательными выводами. Указывается, что актовый зал, где велись чтения, всегда был «переполнен усердными посетителями» [6. С. 314].

Заботясь о получении воспитанниками практических навыков церковного богослужения, архимандрит Тихон выезжал со старшими классами на проведение праздников в различные храмы епархии. Так, в отчете за 1894 г. имеется запись, что «8–9 мая воспитанники 5 и 6 классов с начальством и воспитателями совершили паломничество в посад Саввин и там совместно с притчем Успенской церкви принимали деятельное участие в отправлении праздника в честь Святителя Николая» [6. С. 314].

Литературная деятельность Тихона оставалась активной на протяжении всего периода ректорства. За 1893–1894 учебный год он опубликовал в журнале «Странник» статью «Взгляд Св. Церкви на брак» (по поводу ложных воззваний графа Льва Толстого); в ХВЕВ — «Речь перед началом учебных занятий в Х.Д.с. в 1893 г.» и «О первых чтениях в Х.Д.с.»; в журнале «Беседа» — «Чему поучает нас осень?» и «Что такое храм для христианина?».

Так же за этот год в отчете отмечаются успехи семинарского хора под руководством преподавателя Г. Ольховского и пополнение фонда библиотеки. Леонтиевское попечительство в этот год выдало пособия 57 беднейшим воспитанникам (что составляет более трети всех учеников) и двое выпускников получили путевые пособия для поступления в духовную академию.

Успехи сотрудников семинарии в следующем году были отмечены правительственными наградами. В 10-м номере от 15 мая 1895 г. в разделе «Высочайшие рескрипты» записано, что «указом от 6 мая согласно определению Св. Синода удостоены знаками отличия... за службу по епархиальному ведомству: Орденом Св. Анны 2-й степени — ректор Х.Д.с, Архимандрит Тихон. За отличную усердную службу по ведомству православного исповедания — учитель Х.Д.с. М. Савваитский орденом Св. Анны 3-й степени, учитель Х.Д.с. Г. Хрущев — орденом Св. Станислава 2-й степени».

В своей «Речи к оканчивающим курс в Холмской духовной семинарии в 1895 г.», ректор Тихон проявляет озабоченность будущим выпускников.

Он говорит о том, что из под привычной опеки семинарии они выйдут в самостоятельную жизнь, и будут сами распоряжаться своим временем и занятием. Многие предаются праздному образу жизни, что приводит к умственной лености и деградации: «в жизни вам представится немало искушений проводить время в праздности, которая, по истине, есть «мать всех пороков». Чаще всего праздность проявляется в области умственной...» [7. С. 245]. По выходу из семинарии воспитанники забрасывают книги и чтение, мотивируя это отсутствием средств на них. Но есть примеры, когда бывшие ученики весь досуг свой посвящают работе мысли и на небольшие средства собирают обширные библиотеки. Тихон указывает на конкретное занятие, которое поможет избежать умственной праздности: ежедневное чтение Библии.

В 1895 г. на начало года в семинарии числилось уже 160 воспитанников. В течение года двое выбыло. Из оставшихся 158, 16 окончили полный курс, оставлены на повторительный курс; 12 (двое по болезни и десять по неуспеваемости), награждены за успехи книгами 7 и похвальными листами 5 человек. Успеваемость, таким образом, продолжала составлять более 90 %.

Во время ректорства Тихона расширялась и образцовая начальная школа, находящаяся при семинарии. В 1895 г. в ней обучалось 66 человек: 35 мальчиков и 31 девочка.

Годичный акт 1896 г. напечатан в Вестнике в двух частях, автором его является старший преподаватель семинарии Г.К. Хрущев. Отдельного отчета ректора нет, он включен в годичный акт. В этот год в связи с коронаванием Николая II годичный акт проходил особенно торжественно. После литургии, молебнов и торжественных речей были выступления семинарского хора и оркестра, а вечером в семинарском саду сами ученики устроили фейерверк и зажгли разноцветные фонарики, сделанные ими же.

В начале этого учебного года воспитанников было 166, 8 выбыло. Из оставшихся окончили полный курс — 22, на повторительный курс всего оставлено 9 учеников. За отличное поведение и успехи в науках награждено книгами 7 учеников и похвальными листами 8 семинаристов. Отдельное внимание в отчете уделяется классу иконописания. Оно включало пять групп различных занятий от геометрического рисования до иконописных этюдов. Наиболее удачные работы учеников подносились в дар от семинарии именитым гостям — архиепископу Флавиану, Иоанну Кронштадтскому, обер-прокурору К.П. Победоносцеву и др.

Ректор и преподаватели продолжали литературную деятельность: архимандрит Тихон напечатал в ХВЕВ «Слово о духовном образовании» (проповедь в семинарской церкви 9 сентября) и «Речь к окончившим курс в семинарии 30 мая 1896 г.»; в журнале «Беседа» — статью «О посте».

Образцовая начальная школа увеличилась на 11 человек. По вероисповеданию в ней училось

67 православных и 10 католиков, что было очень важно в связи с постоянной напряженной конфессиональной ситуацией в крае. Из «Отчета о приходе, расходе и остатке сумм Леонтиевского Попечительства о бедных воспитанниках Холмской духовной семинарии за 1895 год» следует, что за год было выданы пособия 67-ми воспитанникам.

В семинарии с успехом продолжались воскресные чтения, дополненные духовно-нравственными и историческими темами. Ректор Тихон прочёл «О храме, посещении его и украшении». По его же почину для простого народа открылись в Свято-Духовской церкви в неделю православия с 11 февраля внебогослужебные собеседования. Отмечено, что «они проводились воспитанниками 6 класса Холмской духовной семинарии, под руководством и всякий раз в присутствии Ректора Тихона» [8. С. 380]. Перед началом бесед он служил молебен или читал акафист, а по окончании раздавал народу крестики и религиозно-нравственные брошюры. Такие собеседования способствовали просвещению и укреплению в православной вере населения, а так же являлись практикой живого общения будущих священнослужителей с народом.

В 1897 г., будучи одним из самых молодых архиереев РПЦ, архимандрит Тихон был рукоположен в епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии. По ректорскому отчету и годовому акту за этот год можно подвести итог пятилетней ректорской деятельности Тихона.

В этом году семинарии исполнилось 138 лет со дня основания, 22 года со времени воссоединения с Православной Церковью, 15 лет с момента преобразования её по общеимперскому уставу и 7 лет со времени нахождения в новом здании. Начальствующе-преподавательский состав семинарии включал 23 человека. Все преподаватели помимо основных должностных обязанностей занимались активной краеведческой и литературной деятельностью, их заслуги регулярно отмечались различными правительственными наградами.

Одной из явных заслуг архимандрита Тихона было значительное увеличение числа воспитанников семинарии, что свидетельствует о росте популярности и качестве преподавания этого образовательного учреждения. Так, в 1892 г., на момент его прихода, в семинарии числилось 115 воспитанников, а в 1897 — 164. Увеличение составило 42,6 %, т. е. более трети. При ректоре Тихоне успеваемость всегда превышала 90 %, в 1897 г. она составила 92,63 %.

Возросла при нём и численность находящейся при семинарии образцовой школы. Первоначально в отчетах она просто упоминается без подробного описания. Начиная с 1895 г., приводятся подробные данные о количественном, конфессиональном и сословном её составе. В 1897 г. Тихон планировал преобразовать ее в двухклассную, так как, как сказано в годичном акте, «Благодаря надлежащей постановке учебно-воспитательного дела, образцовая

начальная при семинарии школа завоевала себе прочные симпатии в местном населении, и помещения в неё детей добиваются родители без различия сословий и вероисповеданий» [9. С. 396].

Кроме нее, после закрытия в сентябре 1897 г. приходской школы в архиерейском доме, на попечение семинарии осталось 30 детей. Для них 1 октября ректором семинарии была открыта школа грамоты в одной из комнат главного здания. К концу отчетного года в ней училось 50 человек, из них 37 православных, 12 католиков и 1 лютеранин.

В итоге в этих двух школах училось более 120 детей, 21 из которых были католического исповедания. Значительный рост числа школьников и семинаристов именно в семинарии Тихона свидетельствует о качестве преподавания в этом учреждении, а также об административно-организационных талантах молодого ректора.

Увеличение количества воспитанников потребовало устройства нового храма, т. к. в семинарской церкви стало совсем тесно. Ректор Тихон решил устроить храм в обширном гимнастическом зале. К началу февраля 1897 г. стараниями самих детей и всех сотрудников семинарии новый храм был устроен. Он получил название в честь св. Феодосия Черниговского, мощи которого были обреты не задолго до этого.

За указанный учебный год архимандрит Тихон написал «Речь перед началом ученья в 1896 г.» и «Речь к оканчивающим курс в 1897 г.» в ХВЕВ и статью «О подвижничестве» в «Страннике». За все годы ректорства он написал 27 речей и статей, изданных в ХВЕВ и в двух духовных журналах того времени — «Страннике» и «Беседе». Эти статьи, посвященные различным фактам общественно-религиозной жизни конца XIX в., представляют интерес не только для биографического исследования, но позволяют также выявить мировоззренческие взгляды будущего патриарха и его отношение к некоторым внутрицерковным вопросам. Из его речей, обращенных к семинаристам, можно понять, насколько высоким, важным и трудным представлялось ему пастырское служение и насколько оно соответствовало духовности будущего патриарха.

За годы ректорства архимандрит Тихон также проявил себя умелым хозяйственником, что особенно хорошо видно по деятельности Леонтиевского попечительства о бедных воспитанниках семинарии. В 1892 г. при вступлении его в должность попечительство обладало 4723 руб. 03 коп. основного капитала в наличных. В 1897 г. основной капитал составлял 7239 руб. 36 коп. в наличных. Прирост капитала за пять лет составил 2570 руб. или 54,4 %. За годы правления Тихона в 404-х случаях оказана была денежная помощь наиболее нуждающимся воспитанникам семинарии, на что израсходовано было 5 820 руб. 65 коп. и 232 руб. 43 коп. — на разные потребности по нуждам попечительства.

Г. Хрущевич, один из сотрудников семинарии, характеризовал деятельность Тихона следующими словами: «... «соединяй и мудро управляй» — вот тот девиз, которым, не погрешая против истины, я осмеливаюсь отметить Вашу деятельность... энергичный и предприимчивый характер, способность к разносторонней деятельности, осторожность, бережливость и хозяйственная расчетливость — вот те выдающиеся свойства, которыми отмечена Ваша административно-управительная деятельность» [9. С. 394].

Подводя итог, можно сказать, что за годы своего ректорства архимандрит Тихон сформировался как энергичный и талантливый администратор, крепкий хозяйственник, мудрый и отзывчивый пастырь. Эти черты в дальнейшем развивались во время его служения в других регионах империи и позволили ему стать одним из видных общественно-религиозных деятелей России начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. — М.: Московский рабочий, 1994. — 622 с.
2. Холмско-Варшавский епархиальный вестник. — Варшава: Типография варшавского учебного округа, 1892. — 458 с.
3. Вострышев М.И. Патриарх Тихон. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 383 с.
4. Холмско-Варшавский епархиальный вестник. — Варшава: Типография варшавского учебного округа, 1893. — 462 с.
5. Беседа [Духовное периодическое издание]. — Варшава: Типография окружного штаба, 1894. — 356 с.
6. Холмско-Варшавский епархиальный вестник. — Варшава: Типография варшавского учебного округа, 1894. — 452 с.
7. Холмско-Варшавский епархиальный вестник. — Варшава: Типография варшавского учебного округа, 1895. — 489 с.
8. Холмско-Варшавский епархиальный вестник. — Варшава: Типография варшавского учебного округа, 1896. — 471 с.
9. Холмско-Варшавский епархиальный вестник. — Варшава: Типография варшавского учебного округа, 1897. — 456 с.

Поступила 26.11.2010 г.

Summaries

UDC 336.761

Kochnev A.I., Kochneva O.P.
**STOCK MARKET SHOCKS AND THEIR INFLUENCE
ON ECONOMIC SYSTEM**

The article analyses the occurrence of stock market shocks and their influence on the economic system dynamics. The authors substantiate the necessity to control stock markets.

UDC 339.37:338.5

Kalashnikova T.V., Izvekov N.Yu.
**INTEGRATION OF THE DEMAND ORIENTATION METHOD
INTO RETAIL NETWORK PRICING**

Using the demand price elasticity the authors have developed the models for maximization of turnover and gross profit margin for retail location price lines. The optimal prices and price ranges when the sales financial ratios exceed the current levels are determined. The demand orientation method is completed by pricing parametric method. Using the latter it is possible to set the price for each retail location individually. The article introduces the calculated coefficients of price elasticity and optimal prices for product group. The price experiment is carried out to confirm the hypothesis and the conclusion is made.

UDC 378.6.014.54:338.2(571.16)

Spitsyn V.V.
**THE ANALYSIS OF TOMSK UNIVERSITIES INTEGRATION
INTO INNOVATION ECONOMY UNDER THE CRISIS**

The article has described the levels of universities integration into the innovation economy: state level, Russian business, regional business and world economy, and determines their negative and positive sides. It was ascertained that the state financing of scientific work became the main source for the growth of Tomsk universities financing in 2008–2010. The financing part of Tomsk enterprises decreased considerably. The comparison with the other Russian regions and the regions of Siberian Federal District showed that Tomsk universities have provided the high results in research activity development. However the ratio of financing amount of research activity at Tomsk universities to regional industrial output is still low. Tomsk economy may obtain the main effect only solving the problem of effective coordination between the universities and regional industrial enterprises.

UDC 336.71:316.628

Mikhailchenko E.V., Shevelev G.E.
**IMPROVEMENT OF CORPORATE CULTURE IN COMMERCIAL
BANK BY MEANS OF STAFF MOTIVATION**

The authors analyzed the necessity of developing corporate culture in the commercial bank, proposed the methods for increasing basic staff motivation, developed the mechanisms for individual assessment of the basic staff and criteria for staff estimation based on the corporate culture components.

UDC 330.832

Matsievsky N.S.
**THE INFLUENCE OF LOMBARD INDUSTRY ON CONSUMER
CREDITING MARKET UNDER FINANCIAL CRISIS**

The author has studied in details the state of lombard industry in Russia. The article introduces the comparative characteristic of the pawn and bank consumer credit under financial crisis and determines the advantages and disadvantages of the pawn crediting. It is shown that lombards influence considerably on consumer crediting market and compete significantly with the commercial banks. The increased role of lombards as social stabilizers is substantiated.

UDC 332.72:338.242.4

Pluchevskaya E.V., Kondratyeva A.A.
**SWOT-ANALYSIS APPLICATION FOR CONTROL SYSTEM
OPTIMIZATION AT ENTERPRISES BY THE EXAMPLE
OF REAL ESTATE MARKET**

It is supposed that it is more efficient to develop the structure of enterprise management in the branch if the aggregate diagnostics of the sectoral market itself has been carried out. The proofs of this supposition are approved by the example of the real estate market using SWOT-analysis. The authors have made the prediction of enterprise development in this branch and introduction of optimal efficient management system at these enterprises determining strengths and weaknesses of the real estate market and possibilities and threats for further development of the market itself.

UDC 338.001.36

Fedin D.V., Barkhatov A.F., Vazim A.A.
**COMPARATIVE ANALYSIS OF ECONOMIC EFFICIENCY
OF THE TECHNIQUES FOR INCREASING
FIELD PIPELINE SERVICE RELIABILITY**

The authors have carried out the comparative analysis of the efficiency of the techniques for increasing service reliability of the existing field pipelines and the ones putting into operation. The most efficient methods at various life cycles of pipelines are singled out. The article introduces the economic assessment of applying the improved technique of in-line treatment and inhibition by the example of field pipelines of OJSC «Tomsneft».

UDC 331

Shabolotov T.T.
**LABOR INVOLVEMENT INTO THE SYSTEM
OF INTERNATIONAL EMPLOYMENT RELATIONSHIP**

The article considers the issue of Kyrgyzstan involvement into the system of international economic relations based on the study of migratory movements of Kyrgyzstan population, negative and positive influence on the country development.

UDC 338.3:316.722

**Dulzon A.A., Ushakov V.Ya., Chubik P.S.
RESOURCE EFFICIENCY IS THE BASE
OF CIVILIZATION SUSTAINABLE DEVELOPMENT**

The authors consider the role of resource efficiency in solving the global problem, supporting the conditions for civilization sustainable development. The issue is considered within the context of harmonization of man moral and spiritual perfection increasing his technical and technological capabilities, environment and energy safety. The article introduces the extensive definitions and characteristics to the notions «resources» and «resource efficiency». The authors pay much attention to effectiveness and safety of using resources, possibilities and methods for its increasing, international efforts to decrease negative man-caused environmental impact.

UDC 378.662.016(571.16):378.5

**Dulzon A.A., Petrovskaya T.S., Ushakov V.Ya.
«THE BASES OF RESOURCE EFFICIENCY»
IS THE NEW DISCIPLINE IN CURRICULUMS OF TPU**

The article introduces the module «Resource efficiency» for curriculums of engineering, humanitarian and economic specialties. The discipline and manual «The bases of resource efficiency» for all specialties and branches of Bachelor's programme are introduced in more detail. The authors substantiate the importance of teaching in engineering universities the disciplines considering the resource efficiency in a global aspect such as the support of civilization sustainable development and in the aspect of increasing efficiency of using resources in different industrial sectors and everyday life. The structure and main content of the units in the program of the course and the manual are given.

UDC 165.7

**Chernikova D.V., Chernikova I.V.
COGNITIVE ANALYSIS OF SCIENCE FUNDAMENTAL BASES**

The authors analyzed the researches of science fundamental bases made in various directions of positivism. The restriction of science standard concept developed in positivism and modern tendencies of solving the problem of substantiation are characterized. The authors pay attention to the ideas developed in non-fundamentalist comprehension of knowledge substantiation, in particular in the context of epistemology convergence with cognitive sciences.

UDC 165.3

**Ardashkin I.B.
THE ONTOLOGIC BASES OF PROBLEM-ORIENTED
RESEARCHES**

The ontologic bases of problem-oriented researches are considered. It is ascertained that the problem-oriented process of scientific knowledge is accompanied by two interdependent processes: «object subjectification» and «subject objectification». These processes are virtual. The sphere of virtuality acts the basic ontologic background of problem-oriented researches. It allows considering science as a system of objective knowledge. At the same time the society keeps essential levers of influence on science development.

UDC 316.422.44+316.7:001.89

**Moiseeva A.P.
GENESIS OF SOCIAL ENGINEERING
IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARITY**

Transformation of scientific knowledge in the context of interdisciplinarity, change of engineering thinking paradigm state the problem of social engineering in a new light. To solve the problem it is necessary to address to the sources of social engineering. The author analyzes the genesis and development of social engineering. The relation of science with the discipline is determined. The article demonstrates the role of social engineering in the system of interdisciplinarity.

UDC 316.61

**Moiseeva A.P.
SOCIAL ENGINEERING
AS DISCIPLINARY-ORGANIZED KNOWLEDGE**

The author substantiates the sense of social engineering as the disciplinary-organized knowledge. It is shown that paradigmatic transplantations promote the optimization of interdisciplinary interaction and occurrence of new knowledge. The article reveals the relation of the applied knowledge and techniques within social engineering. The author analyzes such techniques as designing, constructing, interdisciplinary research programs.

UDC 165.42

**Chmykhalo A.Yu.
ON THE ISSUE OF TRUTH UNDERSTANDING
IN MODERN EPISTEMOLOGY**

The issue of truth in scientific knowledge is considered. The authors ascertain the presence of crisis phenomena both in modern world development caused by the mankind extensive growth and in science. The necessity of corrective amendments for mankind development strategy causes the formation of a new scientific knowledge paradigm, the change of target reference points of science development, i.e. transformation of truth understanding. The modern understanding of truth assumes the removal of rigid division between the truth as the objective knowledge and the subject of knowledge, attention to phenomena in which the valuable reference points of scientific community representatives are expressed. The article analyses the approaches to consideration of gnoseological substance and social-cultural context of discovery repetition phenomenon. The conclusion is made that its results allow revealing the ways of value occurrence in substance and structure of scientific knowledge, in scientific truth filling with value substance.

UDC 17

**Moskovchenko A.D.
AUTOTROPHIC MANKIND IS A GLOBAL
PHENOMENON IN MODERN CULTURE**

As a result of methodological enlarging of meaning of the concepts autotrophy-heterotrophy there is an opportunity to consider the picture of the mankind from the cosmological point of view.

UDC 316.772.2:141.155/.141.2

**Velganyuk V.V.
M. McLuhan AND J. BAUDRILLARD: COMPARISON
OF VIEWS OF HUMAN EVOLUTION STAGES AND COPIES**

The article introduces the comparison of historical views of two thinkers for determining possible regularities in developing communicative practices. The author considers the views of M. McLuhan and J. Baudrillard on comprehension of processes of reproduction, copying and replication of information from ancient time and until now.

UDC 130.2

**Sycheva S.G.
PLOTINUS AND VYACHESLAV IVANOV: IDEA OF UNITY**

The article demonstrates the coordination of ideas through the millennia: Greek philosopher Plotinus was close to Christian world outlook in some views, Russian poet-symbolist V.I. Ivanov was close to state of mind of ancient Hellenes.

UDC 165.19

**Tychkin P.B.
COGNITIVE POTENTIAL OF MYTH IN THE CONTEXT
OF MODERN SCIENTIFIC WORLD VIEW (ON THE CRITICISM
OF MYTH STRUCTURALISTIC CONCEPT OF R. BARTH)**

The author analyses myth criteria within R. Barth concept in the context of the problem of mythological and scientific tradition relation. Anthropocentric and ontological bases for integrating myth logic into the model of non-classical scientific rationality are revealed.

UDC 130.2

Sheludchenko D.A.
MYTH CREATION OF V.S. SOLOVYEV WITHIN THE BOUNDARIES OF RELIGIOUS-ANTHROPOLOGIC PROBLEMS

The authors determine mythopoetic dominant of the age in the works of V.S. Solovyev. The article shows his view of historical process and human role in it.

UDC 001.18

Reznik Yu.M.
IN SEARCH OF NEW CIVIL PUBLIC SPHERE

Relying on the analysis of the existing approaches the author proposes his own comprehension of public spirit based on transpersonal states principles. Therefore the author introduces and discloses such notions as post-civil public sphere, transpersonal states, discursiveness, trans-existence and some others to characterize the subject matter. The main idea of the author consists in considering civil society not as the expanded public sphere grown from the life world depth but as the symbolic reality formed by means of public discourse based on person transpersonal activity which is characterized in terms of «inter-existence», «co-occurrence», «co-involvement».

UDC 174.4

Stepanova S.N.
EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF SUCCESS

The article introduces for discussion the issue of interpreting the notion «success» as well as the positions for philosophic analysis of person success problem. The author brings into focus the occurrence of person inner potential, human resource capabilities, his abilities to self-realization and adaptation to social and professional environment.

UDC 159.922.27

Zhukova V.F.
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICAL ANALYSIS OF THE NOTION «PSYCHOLOGICAL READINESS»

The article brings into focus the issue of forming the notion «psychological readiness» and introduces the detailed analytical review of the notion interpretation by different scientists. The works in which the authors determine the levels of person psychic readiness for action formed by multiple psychological training are of considerable interest for scientific discussion. In the course of scientific analysis the author proposes her own version of the notion «psychological readiness».

UDC 7.011.4

Duminskaya M.V.
CONCEPTUALIZING THE AESTHETIC ISSUES IN CLASSICAL AND POST-CLASSICAL CULTURAL SITUATION

The author has studied the main principles in conceptualizing the aesthetic issues in classical and post-classical philosopho-aesthetic tradition. The article demonstrates the efficiency and openness of the analysis of art aesthetic phenomena in post-classical ontological aesthetics. The latter predetermines deeper understanding of aesthetic experience specific character and reproduction of its phenomenological definite description.

UDC 101.9

Rodermel T.A.
THE RATIO OF NOTIONS «PROFESSIONALISM» AND «COMPETENCE» IN MODERN CULTURAL CONTEXT

The comparative analysis of the notions «professionalism» and «competence» has been carried out. The author determines the boundaries in applicability of notions «professionalism» and «competence» in a general context of competence-oriented education

emphasizing the degree of person availability for the activity in constantly changing conditions of postnonclassical uncertainty. Competence is interpreted as integrating potential linking resource, effective and innovative components and as a human capability to extend proper opportunities and changes corresponding to cultural media transformation.

UDC 004.45

Manzhueva O.M.
FORMING THE INFORMATION CULTURE IN THE SOCIETY AS THE FACTOR OF ELIMINATION OF INFORMATIZATION NEGATIVE EFFECTS

The article considers the problems of forming planetary information space. The author brings up an issue of informatization influence on culture, traditions and spiritual values of the society. Therefore the necessity of controlling this process is emphasized. The author determines the role of forming the information culture in the society as the main factor of preventing negative effects when using information technologies.

UDC 81

Maksimov V.V., Nayden E.V., Serebrennikova A.N.
THE DISCURSIVE FEATURE OF MODERN UNIVERSITY NEWSLETTER

The university newsletter is studied within the discourse-analysis. The main features of corporate newsletter as the discourse unity are singled out. The corporate mass-media are compared with the other kinds of printed issues. The conclusion is made that university newsletter uses three main communicative strategies: the direct reader informing, agonal impact on recipient consciousness and narrative factors transformation into events.

UDC 008.009:39;81'373.231

Maksimov V.V.
CULTUROGENIC FUNCTIONS OF A PERSONAL NAME IN UNIVERSITY NEWSLETTER DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF TPU NEWSLETTER «ZA KADRY»)

The author determines the features of a personal name important for the context of the current mass-media. The article considers the dependence of the nominative strategies on genre conventions in media-text and typological varieties of modern universities. The analysis is carried out based on the issue extraction material at National Research Tomsk Polytechnic University «Za kadry» over the period of 2005–2012.

UDC 303

Shapkina Yu.V.
ANALYTICS USE AT CREATION OF THE TERRITORY BRAND

The article considers the components of branding and territory brand and reveals the possibilities of using analytics at its creation and advancement. The analytics is understood as extensive use of data, statistical and quantitative analysis, descriptive and look-ahead models for decision-making and actions, on the basis of the real facts. The author makes a conclusion that the analytics is the most effective mechanism at creation and advancement of the territory brand.

UDC 130.2:391(470.345)

Shigurova T.A.
ON THE INTERPRETATION OF SIGN NATURE IN MORDVINIAN SUIT

The article explains the need for a holistic, integrated approach to Mordvinian national dress as a system of signs that are closely related to each other. The author proves that the adequate interpretation of the sign system in clothes is the essential condition of recognition, convergence and mutual respect for different ethnic groups.

UDC 930.22

Stefanovskaya N.A., Krivoschapova E.V.
STAGES OF DOCUMENTING IN LEGISLATIVE ACTIVITY

Legislative activity as the form documenting is presented. The authors single out the documenting stages in the process of preparation and acceptance of acts in the Russian Federation. The article introduces the documentation complex applied at legislative activity at each stage.

UDC 008:002

Astakhova T.S., Chadaeva E.P.
THE ELECTRONIC DIGITAL SIGNATURE AS THE FACTOR OF PRESERVING THE DOCUMENT INTEGRITY AND AUTHENTICITY

In article studies the possibility of using the electronic digital signature for assigning the integrity and authenticity to the document. The results of introduction of EDS and electronic document circulation in the activity of regional and municipal management bodies in the Far East federal district are shown.

UDC 930.25

Medvedeva O.V., Senina E.S.
THE DEVELOPMENT OF ARCHIVAL BUSINESS IN RUSSIAN PROVINCE TILL THE XXth CENTURY

The basic stages of formation and development of archival business in Russian province till 1917 are considered. The article describes

the process of first archives occurrence and characterizes the basic standard-legal base of their activity. The authors trace the process of forming the archives of different types and describe the condition of provincial archives.

UDC 94 (47+57)

Bulyulina E.V., Tokareva L.S.
DOCUMENTS OF LOCAL POLITICAL CENSORSHIP BODIES IN THE USSR IN 1922–1991

The article is devoted to the issues of forming the local political censorship bodies in the USSR. The authors consider the structure, directions and methods of activity of acceptable bodies for political control over the literature, art, press and mass media in 1922–1980. The analysis of documents structure and content of local censorship bodies is based on archival materials of the State archive in Volgograd region introduced for the first time into scientific use.

UDC 9.929

Shabanova T.V.
ARCHIMANDRITE TIKHON ACTIVITIES AS THE RECTOR OF THE CHELM THEOLOGICAL SEMINARY ON THE MATERIALS OF KHOLMSK-WARSZAW DIOCESAN GAZETTE (1892–1897)

The article covers the period from 1892 to 1897 when Archimandrite Tikhon (Bellavin) being the rector of the Chelm Theological Seminary gained the most important experience of the spiritual and administrative service and began to form as the future Patriarch of Moscow and all Russia.

Сведения об авторах

Ардашкин Игорь Борисович, 1972 г.р., канд. филос. наук, доцент кафедры философии гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: ibardashkin@mail.ru. Область научных интересов: философия и методология научного познания.

Астахова Татьяна Сергеевна, 1989 г.р., студент факультета государственного и муниципального управления ГОУ ВПО «Дальневосточная академия государственной службы», г. Хабаровск. Р.т. 8-(421-2)-32-45-28. E-mail: Angina63@mail.ru. Область научных интересов: внедрение и использование современных технологий в деятельности органов государственного и муниципального управления, современная практика управления организацией.

Бархатов Александр Федорович, 1989 г.р., аспирант кафедры транспорта и хранения нефти и газа Института природных ресурсов ТПУ. Р.т. 41-90-17. E-mail: barhatov@sibmail.com. Область научных интересов: повышение эксплуатационной надежности трубопроводов путем защиты от наружной и внутренней коррозии.

Булуюлина Елена Владимировна, 1960 г.р., канд. ист. наук, доцент кафедры документной лингвистики и документоведения Волгоградского государственного университета. Р.т. 8-(844-2)-73-05-06. E-mail: bulyulina@mail.ru. Область научных интересов: история государственных учреждений, история России первой половины XX в., архивоведение.

Вазим Андрей Александрович, 1971 г.р., канд. экон. наук, доцент кафедры экономики природных ресурсов Института природных ресурсов ТПУ. Р.т. 41-75-98. E-mail: vazim@tpu.ru. Область научных интересов: экономическая теория, налоги налогообложение, региональная экономика, макроэкономика, природные ресурсы.

Вельганий Виталий Васильевич, 1987 г.р., аспирант кафедры культурологии и социальных коммуникаций гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-34-99. E-mail: velgvit@gmail.com. Область научных интересов: философия коммуникации, реклама, культурология, масс-медиа.

Дульзон Альфред Андреевич, 1937 г.р., д-р техн. наук, профессор кафедры международного менеджмента и кафедры организации и технологии высшего профессионального образования Института инженерного предпринимательства ТПУ. Р.т. 30-40-62. E-mail: vizepres@tpu.ru. Область научных интересов: системный анализ, экология, электротехнологии.

Думинская Марина Викторовна, 1975 г.р., канд. философ. наук, доцент кафедры философии и социологии Сургутского государственного педагогического университета. Р.т. 8-(346-2)-35-75-27. E-mail: marina-duminskaya@yandex.ru. Область научных интересов: философская антропология, философия искусства и культуры, социальная философия.

Жукова Валентина Федоровна, 1954 г.р., канд. психол. наук, доцент кафедры социальной работы Российского государственного социального университета в г. Сургуте. Р.т. 8-(346-2)-44-21-70. E-mail: rgsu-surgut@yandex.ru. Область научных интересов: социальная психология, социальная психология; инновационные процессы в высшем профессиональном образовании.

Извеков Николай Юрьевич, 1989 г.р., магистрант Института инженерного предпринимательства ТПУ, специалист по ценообразованию группы компаний «Лама», г. Томск. Р.т. 56-35-29. E-mail: nick_sibmail.com. Область научных интересов: математическое моделирование экономических процессов, методы прогнозирования.

Калашникова Татьяна Владимировна, 1970 г.р., канд. техн. наук, доцент кафедры международного менеджмента Института инженерного предпринимательства ТПУ. Р.т. 56-35-29. E-mail: tvkalash@tpu.ru. Область научных интересов: математическое моделирование экономики и менеджмента, финансовый менеджмент, страхование, интеллектуальная собственность.

Кондратьева Анастасия Александровна, ст. преподаватель кафедры экономики инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: kondrateva@tpu.ru. Область научных интересов: инвестиционная привлекательность, рынок недвижимости.

Кочнев Антон Иванович, 1980 г.р., канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления факультета экономики и менеджмента Юргинского технологического института при ТПУ. Р.т. 8-(384-51)-6-44-32. E-mail: aikochnev@ngs.ru. Область научных интересов: целеполагание в условиях рынка, корпоративный сектор, фондовый рынок.

Кочнева Оксана Петровна, 1979 г.р., зав. социологической лабораторией Кемеровского государственного университета, ассистент кафедры менеджмента экономического факультета Кемеровского государственного университета. Р.т. 8-(384-2)-58-42-41. E-mail: smiop@ngs.ru. Область научных интересов: социальное управление, социальная защита, социология молодежи, макроэкономика.

Кривошапова Екатерина Владимировна, 1990 г.р., студент специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления» Тамбовского государственного университета им. Г.П. Державина. Р.т. 8-(475-2)-71-25-31. E-mail: stefan1966@mail.ru. Область научных интересов: документоведение.

Максимов Владимир Владимирович, 1960 г.р., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института международного образования и языковой коммуникации ТПУ. Р.т. 56-32-97. E-mail: vmaksimov@tpu.ru. Область научных интересов: философия и методология образования, история культуры, теория литературы, анализ дискурсных практик.

Манжуева Оксана Михайловна, 1977 г.р., канд. филос. наук, доцент кафедры информационно-коммуникационных технологий Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, г. Улан-Удэ. Р.т. 8-(301-2)-23-22-00. E-mail: ocydenova@yandex.ru. Область научных интересов: информационная безопасность, информационная этика.

Мацевский Николай Станиславович, 1950 г.р., канд. техн. наук, доцент кафедры маркетинга и антикризисного управления инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-37-28. E-mail: nsm@tpu.ru. Область научных интересов: экономическая теория, влияние теневых

- экономических процессов на экономическое и социальное состояние общества.
- Медведева Ольга Владимировна**, 1980 г.р., канд. ист. наук, доцент кафедры библиотековедения и документоведения Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Р.т. 8-(475-2)-71-25-41. E-mail: mo-vlad2009@yandex.ru. Область научных интересов: история библиотечного и архивного дела, документационное обеспечение управления.
- Михальченко Екатерина Валентиновна**, канд. филос. наук, доцент кафедры менеджмента Инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-37-89. E-mail: emikhhalchenko@tpu.ru. Область научных интересов: управление персоналом, психология управления, мотивация персоналом, социальная философия.
- Моисеева Агнесса Петровна**, д-р философ. наук, профессор кафедры культурологии и социальной коммуникации гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-34-99. E-mail: arm_tpu@mail.ru. Область научных интересов: социальная философия, эпистемология.
- Московченко Александр Дмитриевич**, 1944 г.р., д-р филос. наук, профессор кафедры философии и социологии гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. Р.т. 70-15-13. E-mail: maled@sibmail.com. Область научных интересов: философия науки, технологии, образования, системная методология русского космизма.
- Найдён Евгения Владимировна**, канд. филол. наук, директор Издательства ТПУ, доцент кафедры русского языка и литературы Института международного образования и языковой коммуникации ТПУ. Р.т. 56-45-57. E-mail: naiden@tpu.ru. Область научных интересов: жанроведение, дискурс-анализ, стилистика русского языка.
- Петровская Татьяна Семеновна**, 1954 г.р., канд. техн. наук, доцент кафедры технологии силикатов и наноматериалов Института физики высоких технологий ТПУ. Р.т. 56-35-63. E-mail: pts@tpu.ru. Область научных интересов: материаловедение и разработка функциональных материалов, проблемы инженерного образования.
- Плучевская Эмилия Валерьевна**, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: emilyval@rambler.ru. Область научных интересов: эффективные системы управления предприятиями в различных отраслях, прогнозирование деятельности предприятий и организаций, стратегическое планирование, методики анализа.
- Резник Юрий Михайлович**, 1959 г.р., д-р филос. наук, профессор, гл. науч. сотр. Института философии РАН, г. Москва, профессор кафедры социологии, психологии и права ТПУ. Р.т. 8-(495)-792-93-60. E-mail: rez-nik-um@mail.ru. Область научных интересов: социальная инженерия как сфера профессиональной деятельности.
- Родермель Татьяна Алексеевна**, 1960 г.р., канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры социальной работы филиала Российского государственного социального университета в г. Сургуте. Р.т. 8-(346-2)-34-03-65. E-mail: tra960@mail.ru. Область научных интересов: социальная философия, социальная психология, философия культуры, проблемы современного образования.
- Сенина Екатерина Сергеевна**, 1991 г.р., студент специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления» Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Р.т. 8-(475-2)-71-25-41. E-mail: el.senina2010@yandex.ru. Область научных интересов: история архивного дела.
- Серебrenникова Анна Николаевна**, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института международного образования и языковой коммуникации ТПУ. Р.т. 56-32-97. E-mail: anna_s0376@mail.ru. Область научных интересов: лингвокультурология, лексическая семантика, лексикография.
- Спицын Владислав Владимирович**, 1976 г.р., канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента Инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-37-89. E-mail: spit-sin_vv@mail.ru. Область научных интересов: инновационное развитие, региональная экономика, научно-образовательный комплекс.
- Степанова Светлана Николаевна**, 1966 г.р., канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга филиала Российского государственного социального университета в г. Сургуте. Р.т. 8-(346-2)-44-21-70. E-mail: svetlanamargo@mail.ru. Область научных интересов: социальная философия, социальная психология, проблемы высшего профессионального образования, философия образования, социально-профессиональная адаптация личности, экзистенциальный модус успеха.
- Стефановская Наталия Александровна**, 1966 г.р., д-р социол. наук, профессор кафедры библиотековедения и документоведения Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Р.т. 8-(475-2)-71-25-31. E-mail: stefan1966@mail.ru. Область научных интересов: документоведение.
- Сычева Светлана Георгиевна**, д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии и социальной коммуникации гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-34-99. E-mail: svet-such@mail.ru. Область научных интересов: культурология, история философии, онтология и теория познания.
- Токарева Любовь Сергеевна**, 1989 г.р., студент кафедры документной лингвистики и документоведения Волгоградского государственного университета. Р.т. 8-(844-2)-73-05-06. E-mail: ljubovtokareva@yandex.ru. Область научных интересов: цензурная политика СССР и современной России, история местных органов политической цензуры 1917-1991 гг., документоведение.
- Тычкин Павел Борисович**, 1977 г.р., ст. преподаватель кафедры философии гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: medved2912@mail.ru. Область научных интересов: философия науки, проблема взаимодействия научных и вненаучных форм мышления, философия мифа.
- Ушаков Василий Яковлевич**, 1939 г.р., д-р техн. наук, профессор кафедры электрических сетей и электротехники Энергетического института, директор Регионального центра ресурсосбережения ТПУ. Р.т. 56-44-10. E-mail: vyush@tpu.ru. Область научных интересов: проблемы энергетики, энергосбережение, высоковольтная техника и технологии.
- Федин Дмитрий Владимирович**, 1987 г.р., аспирант кафедры теоретической и прикладной механики Института физики высоких технологий ТПУ. Р.т. 41-88-26. E-mail: dvf_87@mail.ru. Область научных интересов: разрушение горных пород, добыча и транспортировка углеводородного сырья, повышение эксплуатационной надежности промысловых трубопроводов.
- Чадаева Елена Петровна**, 1953 г.р., доцент кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления ГОУ ВПО «Дальневосточная академия государ-

- ственной службы», г. Хабаровск. Р.т. 8-(421-2)-32-45-28. E-mail: chadaeva@rambler.ru. Область научных интересов: анализ качества документов, документационного обеспечения в органах государственного и муниципального управления, управление персоналом.
- Черникова Дарья Васильевна**, канд. филос. наук, доцент кафедры философии гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 70-16-06. E-mail: chdv@tpu.ru. Область научных интересов: природа человека, психология управления, синергетика, социосинергетика.
- Черникова Ирина Васильевна**, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и методологии науки философского факультета Томского государственного университета. Р.т. 53-32-73. E-mail: chernic@mail.tsu.ru. Область научных интересов: философия и эпистемология науки, глобальный эволюционизм и цивилизационное развитие, междисциплинарное знание, технотехника.
- Чмыхало Александр Юрьевич**, 1973 г.р., канд. филос. наук, доцент кафедры философии гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: sanichtom@inbox.ru. Область научных интересов: философия науки, история философии науки, философия образования.
- Чубик Петр Савельевич**, 1954 г.р., д-р техн. наук, профессор, ректор ТПУ. Р.т. 70-17-79. E-mail: chubik@tpu.ru. Область научных интересов: повышение качества образовательной и результативности научной деятельности вузов, экологизация и оптимизация качества буровых промышленных жидкостей.
- Шабанова Татьяна Владимировна**, лейтенант, старший помощник начальника редакционно-издательской группы Научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России. Р.т. 8-(812)-744-70-51; 744-70-96. E-mail: lev.shabanov@mail.ru. Область научных интересов: отечественная история; история взаимоотношений церкви и государства.
- Шаболотов Тажимамат Тайгараевич**, 1959 г.р., канд. техн. наук, доцент, зам. руководителя Аппарата Жогорку Кенеша (Парламента) Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика. Р.т. 996-(312)-63-88-51. E-mail: shatt05@mail.ru. Область научных интересов: политология, внутренняя и международная миграция населения, международно-правовое регулирование внешней миграции населения.
- Шапкина Юлия Валерьевна**, 1988 г.р., аспирант ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», г. Тамбов. Р.т. 8-(475-2)-47-92-25; E-mail: Lucy253@yandex.ru. Область научных интересов: брендинг, бренд территории.
- Шевелев Геннадий Ефимович**, 1946 г.р., канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры прикладной математики Института кибернетики ТПУ. Р.т. 42-61-00. E-mail: gshevelyov@gmail.com. Область научных интересов: компьютерные технологии, прикладной анализ данных.
- Шелудченко Дарья Андреевна**, 1989 г.р., аспирант кафедры культурологии и социальной коммуникации гуманитарного факультета ТПУ. Р.т. 56-35-40. E-mail: darina_fomina@mail.ru. Область научных интересов: философия Серебряного века.
- Шигурова Татьяна Алексеевна**, 1957 г.р., канд. ист. наук, доцент, ст. науч. сотр. кафедры культурологии, этнокультуры и театрального искусства Института национальной культуры при Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева, г. Саранск. Р.т.: 8-(834-2)-29-05-66. E-mail: shigurova_tatyana@mail.ru. Область научных интересов: этнокультура, культурология, проблемы знаковой природы мордовского национального костюма.

Редактирование и корректура *М.А. Шустов*
Компьютерная верстка *О.Ю. Аршинова*
Перевод на англ. язык *С.В. Жаркова*

Подписано к печати 01.06.2012. Формат 60х84/8. Бумага «Снегурочка».
Печать XEROX. Усл. печ. л. 20,9. Уч.-изд. л. 18,9.
Заказ 725-12. Тираж 500 экз.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Система менеджмента качества
Издательства Томского политехнического университета сертифицирована
NATIONAL QUALITY ASSURANCE по стандарту BS EN ISO 9001:2008

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТПУ. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30. Тел./факс: 8(3822) 563-291, www.tpu.ru, shustov@tpu.ru